

Санкт-Петербургский центр по исследованию
истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии
Кафедра истории Нового и Новейшего времени Исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
Русская христианская гуманитарная академия

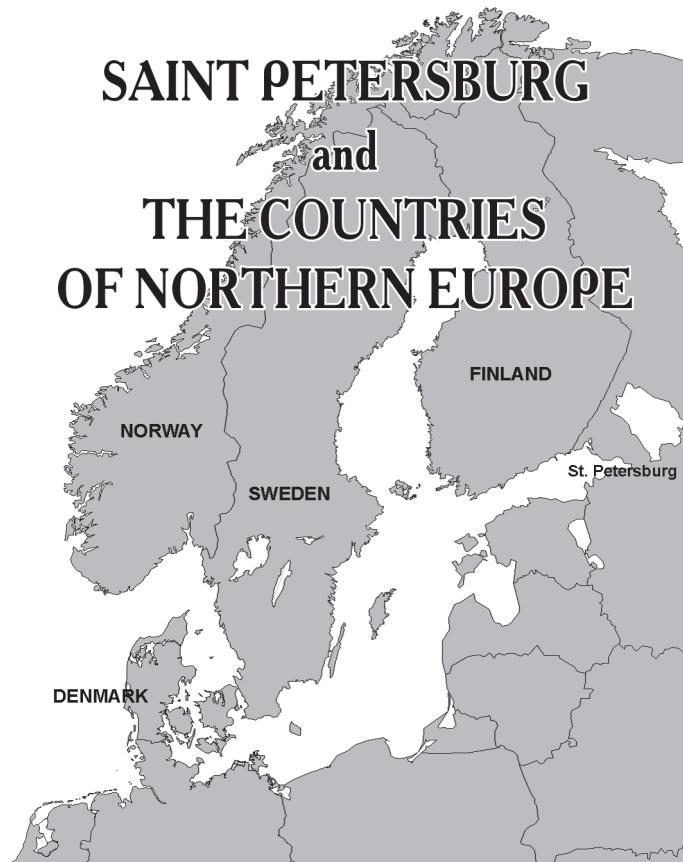

*Материалы Пятнадцатой ежегодной
международной научной конференции*

Санкт-Петербург
2014

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

Proceedings of the 15th Annual International Conference

Saint-Petersburg
2014

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, профессор *В. Н. Барышников*
(ответственный редактор),
д-р ист. наук, профессор *В. Е. Возгрин*,
Т. Н. Гордецкая,
д-р ист. наук, профессор *П. А. Кротов*
(зам. ответственного редактора),
д-р филог. наук, профессор *К. Е. Нетужилов*,
канд. пед. наук, доцент *Н. В. Белкина*,
д-р филос. наук, профессор *Д. В. Шмонин*

Рецензенты:
канд. ист. наук, доцент *А. В. Лихоманов*
(Российская Национальная библиотека);
канд. ист. наук *А. И. Терюков*
(Музей антропологии и этнографии РАН)

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Пятнадцатой ежегодной международной научной конференции (16–17 апреля 2013 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, 2014.— 328 с.

ISBN 978-5-88812-628-8

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Пятнадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Книга рассчитана на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы, и является приложением к журналу «Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени» (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

ISBN 978-5-88812-628-8

9 785888 126288

© В. Н. Барышников, П. А. Кротов,
сост., 2014
© Издательство Русской христианской
гуманитарной академии, 2014

The Editorial Board:

PhD in History, professor *V.N. Baryshnikov* (managing editor),

PhD in History, professor *V.E. Vozgrin, T.N. Gordezkaya*,

PhD in History, professor *P.A. Krotov* (assistant editor),

PhD in Philology, professor *K.E. Netuzhilov*,

Assistant professor *N.V. Belkina*,

PhDoctor in Philosophy, professor *D.V. Shmonin*

Reviewers:

Candidate of Historical science *A.V. Likhomanov*

(The Russian National library);

Candidate of Historical science *A.I. Teryukov*

(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries: Materials of the fifteenth annual scientific conference (16–17 of April 2013). Edited by V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov. SPb. RCHGA, 2014.

The collection consists of scientific articles based on the materials of the reports of the fifteenth annual international scientific conference “Saint-Petersburg and North European countries”.

The book is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries and is a supplement to the journal “The works of Modern and Contemporary history department” (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

© V.N. Baryshnikov, P. A. Krotov, edited 2014

© Russian Christian academy for humanities
publishing house, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Пятнадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре Скандинавских стран и Финляндии, кафедрой истории Нового и Новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала».

Конференция проходила 16–17 апреля 2013 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона *. Традиционно в конференции принимали активное участие ученые исторического факультета, факультета международных отноше-

* См.: Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С. 242–244.

ний СПбГУ, РХГА, а также исследователи Российской академии наук, ряда музеев и архивов. Зарубежными участниками конференции были историки из Финляндии и Дании.

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими в 2013 г. отношения Санкт-Петербурга и России со Скандинавскими странами и Финляндией. Также часть выступлений, включенных в сборник, была выполнена в рамках II международной научной конференции «Россия и страны Северной Европы: проблемы идентичности в истории», которая прошла 8–10 апреля 2013 г. в Российском центре науки и культуры в Хельсинки **, и международной научной конференции «Россия и Финляндия. История взаимоотношений и противостояний: проблемы идентичности в истории», которая прошла 29 сентября 2012 г. в Государственном историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала» ***.

Одновременно особое внимание при составлении материалов сборника было обращено на научные статьи, выполненные на основе докладов, касающихся раскрытия научно-исследовательского проекта «*От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв.*». Материалы более

** См.: Там же. С. 239–241.

*** См.: http://novist.history.spbu.ru/event_61.html.

**** Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Седьмой ежегодной научной

ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» ****. Все материалы конференций размещены на сайте – <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Восьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой ежегодной научной конференции. СПб., 2008; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной научной конференции. СПб., 2009; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Одиннадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2010; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Двенадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2011; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Тринадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2012; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четырнадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2013.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the fifteenth annual International conference "Saint Petersburg and Northern European countries".

The conference was organized by St. Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the Historical faculty of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical — ethnographic museum-reserve "Yalkala" took part in organizing the conference too.

The conference was held 16–17 of April 2013. Historians, philologists, ethnographists, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it *. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, international relations faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference. Foreign participants of the conference were historians from Finland and Denmark.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland in 2013. Some of the reports were also made on the second international scientific conference: "Russia and North European countries in system of international intercourse: through centuries of history",

* Materials of Modern and Contemporary history department. № 9. SpB., 2012. P. 199–204; The thirteenth international conference Petersburg and North European countries – http://novist.history.spbu.ru/event_26.html.

that was held on 8–10 of April 2013 in Russian center of science and culture in Helsinki ** and international scientific conference “Russian and Finland. History of relations and contradictions: problems of identity in history”, which was held on September, 29 2012 in the Historical – ethnographic museum-reserve “Yalkala”****.

While drawing up the materials for this volume much attention was paid to scientific articles based on the reports of the conference, devoted to revelation of scientific-research project “From national states to united Europe: problems of European integration in XIX–XXI centuries”.

The materials of previous conferences were published in volume “Petersburg readings 98–99” and further editions called “Saint Petersburg and Northern European countries”*****. All the materials can be found on site: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

** Materials of Modern and Contemporary history department. № 9. SpB., 2012. P. 204–210; The international scientific conference: “Russia and North European countries in system of international intercourse: through centuries of history”, http://novist.history.spbu.ru/event_46.html; <http://fin.rs.gov.ru/node/2337>.

*** Materials of Modern and Contemporary history department. № 9. SpB., 2012. P. 214–218; The international scientific conference “Russian and Finland. History of relations and contradictions: problems of identity in history”, – http://novist.history.spbu.ru/event_47.html; Saint-Petersburg Vedomosti. 2012. 03.10; Mikhalkova T. Scientific meeting in Yalkala // Saint-Petersburg university. 2012. № 15. P. 19–22.

**** Petersburg and North European countries// Petersburg readings 98–99. The materials of Encyclopedia’s library “Saint Petersburg 2003”. SPb., 1999. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2005. P. 431–490; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb. 2001; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2002; Saint Petersburg and North European countries. The materials on the fourth annual Scientific Conference. SPb, 2003; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb, 2004; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the sixth annual Scientific Conference. SPb., 2005. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the seventh annual Scientific Conference. SPb, 2006.. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eighth annual Scientific Conference. SPb, 2007. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the ninth annual Scientific Conference. SPb, 2008. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the tenth annual Scientific Conference. SPb, 2009. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eleventh annual Scientific Conference. SPb, 2010. The materials of the twelfth annual Scientific Conference. SPb, 2011. The materials of the thirteenth annual Scientific Conference. SPb, 2012. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb, 2013.

**ЛЮДИ И СОБЫТИЯ
СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ИСТОРИИ**

Г. М. Коваленко

А. В. СУВОРОВ В ФИНЛЯНДИИ В 1791–1792 гг.

Если говорить о географических ассоциациях, которые вызывает имя Суворова, то на память приходят Пруссия, Польша, Турция, Италия, Швейцария. О Финляндии же в этой связи, как правило, вспоминают довольно редко. Между тем многие финны считают, что Суворов не только говорил по-фински, но и родился в Финляндии¹, а цепь крепостей Старой Финляндии², создание которой было связано с его именем, по аналогии со знаменитой «Линией Маннергейма» называют «Суворовской линией»³. Авторы специального исследования, посвященного Суворовской линии, Марти Корхонен и Галина Вангонен отметили, что Суворовская линия возникла из-за угрозы со стороны Швеции. После Фридрихсгамского мира 1809 г. интерес к ней был утрачен. Позднее ее вспоминали в связи с линией Маннергейма, которая, подобно Суворовской линии, была колоссальным строительным проектом, судьбу которого изменили крутые повороты большой политики⁴.

Тем не менее, действительно, пребывание А. В. Суворова в Финляндии оставило глубокий след в его жизни. Вплоть до того, что в автобиографии Суворов даже пишет о том, что он знал финский язык: «Что до моих наук, то они состоят в... языках: немецком, французском, итальянском, польском, турецком... и финском»⁵. Финский язык стоит в этом перечне несколько особняком, поскольку он не относится к числу «рабочих» языков, которые нужны были Суворову в его практической деятельности. К тому же язык этот довольно сложный, чтобы его можно было

выучить между делом без особой нужды. Финский историк Кауко Рекола считает, что финский язык Суворов знал уже с детства⁶.

Вполне вероятно, что знание финского языка было одной из причин его первой краткосрочной командировки в Старую Финляндию⁷. Суворов выехал из Петербурга в феврале 1773 г. В автобиографии он сообщает о своей миссии очень лаконично: «По перемене правления в Швеции... осматривал Российский со Швецией рубеж с применением политических обстоятельств»⁸. Маршрут поездки проходил через Выборг, Кексгольм (Приозерск) и Нейшлот (Савонлинна). В ходе поездки он знакомился с состоянием обороны русско-шведской границы и, переодевшись в партикулярное платье, беседовал с представителями различных слоев местного населения: священниками, дворянами, горожанами и крестьянами. Вернувшись в Петербург, он успокоил императрицу, рассказав ей о том, что финны недовольны шведским королем. Он высказал также свои предложения по укреплению границы. По его мнению, опасность Петербургу исходила из точки пересечения дорог Фридрихсгам (Хамина) — Вильманстранд (Лаппенранта) — Выборг. По его совету Екатерина приказала построить форт Давыдово (Тааветти), который можно считать первенцем Суворовской линии.

С следующий раз он поехал в Финляндию уже после падения Измаила весной 1791 г. По замечанию секретаря императрицы А. В. Храповицкого, это было предпринято для того, чтобы «отдалить Суворова от праздника»⁹ в честь взятия Измаила и победы над Турцией, творцом которой официально считался Потемкин. Его отношения с Суворовым в то время складывались не лучшим образом, и большинство биографов полководца расценивают это назначение как происки светлейшего князя, которого считают виновником конфликта.

Исключение составляет В. С. Лопатин, по мнению которого «в конфликте повинен был Суворов, позволивший вовлечь себя в борьбу придворных группировок. ...Потемкин решил вырвать “друга сердечного” из сети интриг, заняв его делом»¹⁰. С этим мнением Лопатина можно согласиться, равно как и с его утверждением о том, что «совсем не лишне было поручить Суворову осмотреть границу и представить соображения на случай новой войны. Да и само пребывание в Финляндии победоносного полководца должно было охладить горячие головы (шведов.— Г.К.)».

Однако эта командировка была слишком поспешной. Отправить Суворова в инспекторскую поездку в Финляндию можно было бы и после окончания торжеств, к которым он имел самое непосредственное отношение.

Тем не менее это поручение было продиктовано прежде всего государственными интересами. Несмотря на то что уже на следующий день после заключения Верельского мира в марте 1790 г. Густав III приказал воздвигнуть Алтарь дружбы, украшенный инициалами короля и императрицы, отношения между двумя монархами не были дружественными. Императрица не была уверена в прочности договора и считала возможным возобновление военных действий. В связи с этим она поручила Суворову проверить состояние пограничных фортификаций и составить проект укрепления границы на случай наступательной войны со стороны шведов: «Я желаю, чтобы вы съездили в Финляндию до самой шведской границы для познания мест, служащих для обороны оной»¹¹.

Суворов без особых сожалений покинул Петербург, где он попал в обстановку дворцовых интриг, зависти и происков врагов: «Здесь (в Петербурге.— Г.К.) по утру мне тошно, в вечеру голова болит! ...Здесь языки и обращения мне незнакомы — могу в них ошибаться»¹². Почти целый месяц, претерпевая тяготы финляндской весны: холод, грязь и бездорожье, он инспектировал расположенные вблизи русско-шведской границы Выборг, Фридрихсгам, Давыдово, Вильманстранд, Нейшлот и Кексгольм, осматривал укрепления, казармы, артиллерию, склады, госпитали, беседовал с офицерами и солдатами.

18 мая он представил императрице отчет о поездке, из которого явствовало, что состояние большинства крепостей нельзя считать удовлетворительным. Особую тревогу вызывало состояние Давыдовской крепости, прикрывавшей ближние подступы к столице. Суворов предложил ей план оборонительных мероприятий на случай войны со Швецией. 25 июня Екатерина предписала ему: «Полагаемые вами укрепления построить под ведением ваших, употребя в пособие тому войска в Выборгской губернии»¹³. При этом ему были выделены значительные денежные средства и предоставлены большие полномочия: вверено командование Финляндской дивизией, Роченсальмским портом и Сайменской гребной флотилией.

Вряд ли Суворов обрадовался этому назначению: его посыпали на строительные работы на север в то время, когда на юге близилась к концу война с Турцией. Но, тем не менее, для него это было занятие: «Играть хоть в бабки, коли в кегли нельзя». В конце июня Суворов выехал в Финляндию, где «принялся за дело, хотя и не любезное его сердцу, но полезное для России и спасающее его от праздности»¹⁴.

Прибыв на место, Суворов принял в Роченсальме дела у командующего гребной флотилией адмирала К. Г. Нассау-Зигена и без промедления взялся за работу по ремонту и строительству оборонительных сооружений. Уже осенью 1791 г. Роченсальм был превращен в удобную и хорошо укрепленную стоянку

гребного флота и стал главным укрепленным пунктом южной части финской границы. Отличившиеся при строительстве укреплений были представлены Суворовым к наградам и производству в чине.

По его инициативе на узких перешейках Сайменского озера было начато строительство каналов (Кутвеле, Кяюхкяя, Куонхарью и Телетайпале), которые имели не только военное, но и экономическое значение¹⁵. Вообще следует отметить, что военное строительство в Юго-Восточной Финляндии, потребовавшее большого количества людей, продуктов, строительных материалов, оживило экономическую и культурную жизнь региона.

Все строительные работы велись под непосредственным наблюдением Суворова. Он не сидел на месте, ездил по всей Старой Финляндии, искал известковый камень, строил кирпичные заводы и провиантские магазины, выписывал строительные материалы из Петербурга и Ямбурга, покупал транспортные суда, вникал в финансовые дела. В документах и письмах 1791–1792 гг. упоминаются около двух десятков населенных мест: Роченсальм, Савитайпале, Выборг, Кексгольм, Лехмасаари, Нейшлот, Кюменегород, Кварнбю, Вильманстранд, Крок Сильд, Куолемаярви, Партакоски, Ярвитайпале и др. «Дело в движении, сердце на месте», — писал он П. И. Турчанинову в июне 1792 г.¹⁶

Читая европейскую прессу («держал газеты немецкие — гамбургские, венские, берлинские, французские, варшавские, русские»)¹⁷, Суворов внимательно следил за развитием европейской и восточной политики. Он активно переписывался с Екатериной II, которая была в курсе финляндских дел, знала даже названия крепостей и их особенности. Несколько раз он выезжал в Петербург для посещения должностных лиц и докладов императрице.

Суворов считал, что «труд здоровее покоя», а потому следил за тем, чтобы солдаты не были праздны. При этом он не забывал о боевой подготовке вверенных ему войск, не хотел, чтобы они превратились в «рабочих мужиков», стремился поднять в войсках дисциплину путем усиленных строевых занятий и полевых маневров: «Непрестанное движение на досуге, марш, скорый заряд, повороты, атака. ...Крайняя чистота ружья, мундира, муниции, стрелять в мишень»¹⁸.

Строительные работы велись довольно быстро и интенсивно. Оборотной стороной интенсивности были высокая заболеваемость

мость, смертность и дезертирство солдат Финляндской дивизии. В связи с этим недоброжелатели полководца в Петербурге стали распространять слухи о том, что Суворов, желая выслужиться перед императрицей, торопится со строительством, безжалостно эксплуатирует занятых на строительных работах солдат, которые раздеты и не имеют специальной рабочей одежды, а также в том, что он без особой нужды вырубает леса. Его обвиняли также в том, что, пренебрегая медициной, он закрыл все госпитали, что привело к увеличению солдатской смертности.

Что касается его отношения к медицине, то он действительно относился к ней с недоверием, а в госпиталях по их тогдашнему состоянию видел очаги заразы: «Госпитали давно в злоупотреблении, я их не терпел»¹⁹. «Бойся богадельни, — говорил он солдатам. — В ней первый день — мягкая постель; второй день — французская похлебка, третий день — домовище»²⁰. Он также считал, что «начальники отсылали нижних чинов в Фридрихсгамский госпиталь небережливо, приводя оных в слабость... через один неблизкий перевоз такой слабый приходит в горшее состояние»²¹.

Главным средством сохранения здоровья здоровых солдат Суворов считал постоянный труд, доброкачественную пищу и гигиенические мероприятия, а больных чахоткой, водяной болезнью, цингой старался вылечить «полковыми средствами», в том числе кислой капустой, хреном и табаком, принимает меры по снабжению солдат теплой одеждой.

Следует отметить, что Финляндская дивизия еще до Суворова отличалась большим числом беглых и умерших, что было следствием сурового климата и обилия болот, отсутствия оборудованных жилищ, а также тем, что она комплектовалась за счет осужденных по суду и переведенных сюда из гвардии за проступки.

Суворов болезненно реагировал на злонамеренные козни, которые в столице строят против него «семь бесов с бесенятами» и «ярыги с стоглавою скотиной»²², и просил своего родственника Д. И. Хвостова выяснить, кто распространяет о нем порочащие слухи с тем, чтобы призвать клеветников к ответу.

Суворов действительно спешил закончить строительные работы в кратчайшие сроки, чтобы быть свободным для другой службы в другом месте. Рутинная работа в Финляндии тяготила его, и об этом он писал в своих письмах: «Я полевой солдат!.. Баталия мне покойнее... нежели лопата извести и пирамида кирпичей. ...Мне

лучше 2000 человек в поле, чем 20 000 в гарнизоне». Тем не менее он добросовестно выполнял возложенное на него поручение и «по-путно» занимался организацией военной и агентурной разведки для получения сведений о состоянии шведских фортификаций и вооруженных сил, настроениях пограничного населения²³.

Несмотря на занятость, круг его общения с местным населением был довольно широк. Во время поездок по Финляндии Суворов одевался скромно, ездил без свиты, так что местные жители часто принимали его за простого офицера, делились с ним своими радостями и горестями, а он потом оказывал им помощь. В одном из писем он пишет: «Пасторша в Мендугаре (Мянтюхарью) очень ласкова, у нее 8 детей. С Штейнгелем меня потчивала за офицеров»²⁴. В Кюменгороде (Кюминлинна), где он жил некоторое время, он опекал православную церковь, сформировал церковный хор и накупил много церковной утвари. Там у него было много друзей и собеседников, в кругу которых он довольно весело проводил свободное время: «сряду 3 часа контратанц прыгал»²⁵. В Фридрихсгаме он снимал верхний этаж лучшего в городе дома вдовы лекаря Псковского полка Анны Элизабет Грин, которую он называл «маменькой». Он проводил с ней приятные вечера за чашкой чая в беседах на русском и на финском языках и даже был посаженным отцом на свадьбе ее дочери и племянницы²⁶.

Осенью 1792 г. строительство укреплений на русско-шведской границе было завершено. К этому времени были усилены укрепления Фридрихсгама, Вильманстранда, Выборга и Давыдовской фортеции, Нейшлота; сооружены новые форты Лийккала, Утти и Озерный (Ярвентайпале). На островах при Роченсальме (Свенскзунде) на месте нынешнего города Котка были воздвигнуты сильные укрепления. 8 сентября над фортом Екатерины был поднят штандарт, полагавшийся главным крепостям империи²⁷.

Со свойственной ему самоиронией Суворов подводит итоги своей деятельности в Финляндии в письме Хвостову: «Я не отыхал и в праздники имел мои работные часы. Каналы кончены... Нейшлот сообразно сему году. Давыдов — старое на новый лад. Вильманстранд — приделка. Роченсальм — коза в сравнении буйвола. Протче — и ленивый одолеет. ...Пред выездом я гулял по Рочисальму. Массивнее, прочнее и красивее строенье трудно обрести. Так закончены пограничные крепости»²⁸. Скрывая

за шуткой свое удовольствие Нейшлотлом, он говорил: «Знатная крепость, помилуй Бог, хороша: рвы глубоки, валы высоки, лягушке не перепрыгнуть, с одним взводом штурмом не взять». Любимым детищем Суворова стала заложенная им крепость Кюменгорд: «Всего мне милее Камнегород, красавица, могущая пленять с гульбою по цветам чрез Гельсинфорс и — Абов; всякий имеет свою страсть»²⁹.

Он считает свою миссию в Финляндии законченной и пишет в Петербург: «Я полевой солдат! ... В Херсоне я полезен и имею на то права больше всех ... Пора мне в поле, здесь я захребетник»³⁰.

В ноябре Екатерина II назначила Суворова главнокомандующим войсками в Екатеринославской губернии и Крыму, поручив ему укрепить юго-западную границу на случай возобновления войны с Турцией. Перед отъездом он представил императрице план действий на случай оборонительной и наступательной войны со Швецией, приложив к нему планы построенных укреплений, предложения по их гарнизонам, а также смету на завершение строительных работ.

В начале декабря 1792 г. он уезжает из Финляндии уверенный в том, что безопасность русско-шведской границы «обеспечена на 100 лет... и там не осталось ни одного уголка, куда бы шведы имели проникнуть, не встретив сильного сопротивления».

¹ Tietosanakirja. Osa 9. Helsinki, 1906. S. 674.

² Старая Финляндия (*Vanha Suomi*) — финская территория, полученная Россией по Ништадтскому договору 1721 г. (Кексгольмский и часть Выборгского уезда), а также по Абоскому миру 1743 г. (часть южной Финляндии, в том числе города Савонлинна, Лаппеэнранта и Хамина).

³ Suvorovin linja. Суворовская линия. Suvorovs linje. Kotka, 2009. С. 123.

⁴ Ibidem.

⁵ Суворов А. В. Автобиография // Исторический вестник. 1900. Апрель. С. 506.

⁶ Rekola K. Suvorov. Generalissimus — Genius. Helsinki, 1989. S. 24–25.

⁷ Суворов хорошо разбирался в фортификационной науке, с основами которой познакомился еще в детские годы, когда вместе с отцом читал его перевод сочинения французского инженера Вобана «Истинный способ укрепления городов» (*Бантыш-Каменский. Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. II. СПб., 1840. С. 90.*).

⁸ Суворов А. В. Автобиография. С. 501.

⁹ Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. М., 1862. С. 241.

- ¹⁰ Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 217.
- ¹¹ Там же. С. 230.
- ¹² А.В. Суворов. Документы. Т. III: 1791–1798. М., 1952. С. 3; Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 394.
- ¹³ Бородкин М. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912. С. 379.
- ¹⁴ Михайлов О. Суворов. М., 1973. С. 273.
- ¹⁵ «Между Нейшлота и Вильманстранда, водою все суда проходящие, должны при Пумалазунде шведской таможне платить пошлину, в военное же время между обоих сих крепостей водяная коммуникация должна пресечься или с большею опасностью пробиваться под пушками, во избежание чего на весьма удобных местах проектированы три канала, посредством которых имеет быть всегда свободная коммуникация» (А. В. Суворов. Документы. Т. III. С. 25).
- ¹⁶ Суворов А. В. Письма. С. 230.
- ¹⁷ А. В. Суворов. Документы. Т. III. С. 64; Суворов А. В. Письма. С. 226.
- ¹⁸ А. В. Суворов. Документы. Т. III. С. 74–75.
- ¹⁹ Суворов А. В. Письма. С. 242.
- ²⁰ Суворов А. В. Наука побеждать. М., 1980. С. 27–28.
- ²¹ А. В. Суворов. Документы. Т. III. С. 126.
- ²² Там же. С. 97, 101.
- ²³ Там же. С. 37, 68–69.
- ²⁴ Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 227.
- ²⁵ Rekola K. Suvorov. S. 131.
- ²⁶ Бородкин М. История Финляндии. С. 382; Rekola K. Suvorov. S. 382.
- ²⁷ А. В. Суворов. Документы. Т. III. С. 112.
- ²⁸ Суворов А. В. Письма. С. 237.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ А. В. Суворов. Документы. Т. III. С. 109, 115.

С. Е. Ивлева

**ЗАБЫТЫЙ ГРАВЕР-ИЛЛЮСТРАТОР
ГЕОРГИЙ ДЕРИКЕР (1821/?—1847)**

Имя Георгия Дерикера известно мало даже специалистам и почти ничего не говорит любителям искусств. Между тем без его работ невозможно сложить целостную картину развития книжного искусства в России. Он посвятил большую часть творческой жизни книжной гравюре, но в специальных изданиях его имя появлялось редко, и даже такой признанный авторитет, как А. А. Сидоров, в своем труде «История оформления русской книги» (М., 1964) упоминал Дерикера только несколько раз. Судьба отпустила Георгию Дерикеру слишком мало времени, он умер, не дожив до тридцати, а творчески работал только около десяти лет. Но на это активное десятилетие — 1840-е гг. пришелся расцвет русской книжной ксилографии. За неполные десять лет творческой жизни Дерикер сумел стать заметной фигурой среди граверов. Он принимал участие во всех «знаковых» книжных работах 1840-х гг., определивших дальнейшие направления развития русской иллюстрации. Виртуозность исполненных им ксилографий не только демонстрировала собратьям-художникам и читающей публике возможности самой органичной для книжного производства новой печатной техники, но и задавала ориентиры следующему поколению граверов-ксилографов. Кроме того, Дерикер был превосходным рисовальщиком, и многие рисунки для своих гравюр исполнял сам, являя тот редкий тип иллюстратора, который одинаково успешно совмещал в одном лице две художественные специальности. Ранняя смерть не дала

развиться многим граням его таланта. Но даже то, что он успел сделать, дает возможность оценить незаурядный творческий потенциал Георгия Дерикера и более внимательно взглянуть на работы этого «забытого гравера».

Георгий Васильевич Дерикер родился в Петербурге предположительно в 1821 г. в семье шведского подданного Василия (Вильгельма) Дерикера¹, служащего Экспедиции заготовления государственных бумаг. До конца дней жизнь гравера будет связана с этим всех отношениях необычным учреждением, оставлявшим заметный след в жизни каждого, кто с ним соприкасался. Основанная по Высочайшему повелению в 1818 г. для изготовления бумажных ассигнаций и прочих бумаг с государственным гербом Экспедиция заготовления государственных бумаг выполняла важные правительственные заказы, связанные с печатью документов и высококачественных бумажных денежных знаков, чтобы быть на уровне, соответствующем «высоким государственным задачам».

Экспедиция стала не просто самым передовым полиграфическим предприятием России, где применялись новейшие способы печати, но и своеобразным «учебным центром», в котором учили всем полиграфическим специальностям. Кроме того, Экспедиция была особым миром, «городом в городе», где служащие (среди них было много выходцев из стран Северной Европы) и рабочие, в целях обеспечения государственной тайны, жили на территории предприятия. Большой земельный участок в нижнем течении Фонтанки, принадлежащий Экспедиции, включал помимо производственных и жилых зданий начальную школу, больницу, библиотеку, помещения для культурного досуга. Дети, как правило, шли по стопам родителей и, пройдя обучение, начинали работать в отделениях Экспедиции. Многие служащие Экспедиции были связаны семейными и дружескими узами, среди них сильна была взаимопомощь, и после ранней смерти отца, Василия Дерикера, матери, которая тоже была дочерью служащего Экспедиции, помогли определить сыновей в воспитательные учреждения предприятия. С раннего детства будущий гравер вращался среди людей технически и культурно просвещенных, следящих за достижениями науки.

В середине 1830-х гг. Дерикер начал работать гравером во 2-м (типографском) отделении Экспедиции, которым с 1818 г.

руководил Яков Яковлевич Рейхель, незаурядный организатор типографского производства, знаменитый нумизмат и, кроме того, родственник Дерикеров. В обязанности 2-го отделения входило гравирование печатных клише для производства бумажных банкнотов. Эта сложная работа (клише выполняли на стали, трудном для гравера материале) требовала хорошей технической подготовки, которая у Дерикера была. Переход от одной граверной технике к другой не представлял для него труда, тем более что вспомогательной технической ксилографии в Экспедиции наряду с прочими техниками тоже обучали.

В 1840 г. старший брат Дерикера Василий, сотрудник журнала «Библиотека для чтения» и уже известный переводчик², познакомил Георгия с «деревянным бароном» Константином Карловичем Клодтом — первым русским ксилографом, братом известного скульптора. Клодт в конце 1839 г. вернулся из Европы, где на средства Общества поощрения художников прошел обучение у лучших французских мастеров гравюры на дереве. В своей академической мастерской Клодт «занялся образованием в своем искусстве молодых людей, и мастерская его сделалась рассадником гравирования на дереве в нашем Отечестве»³. В мастерской Клодта Дерикер попал в творческую среду единомышленников, жаждущих преуспеть в освоении новой печатной техники и найти ее применение в книге.

1840-е гг. — особый период для русской книги, время поисков и экспериментов. Именно тогда в России формируется понятие иллюстрации как изобразительного компонента книги, призванного не только украшать книжный текст, но и быть наглядным толкованием идеиного содержания и дополнительным средством эмоционального воздействия. Русская ксилография 1840-х гг., заимствовав технические приемы западной (прежде всего французской) книги предшествующего десятилетия, очень скоро обрела чисто национальные черты. «Бытописательство», столь характерное для русской литературы и живописи, проникало и в оформление книги, делая ее понятной читателю. В книгу пришли отечественные рисовальщики П. А. Федотов, А. А. Агин, Е. И. Ковригин, Р. К. Жуковский, В. Ф. Тимм. В tandemе с ними и начали работать граверы-ксилографы, ученики Клодта, в том числе и Георгий Дерикер. Большое число иллюстраций, инициалы, рамки, виньетки, заставки и концовки давали иллюстратору-граверу большое

поле деятельности, а саму книгу, по определению А. А. Сидорова, делали «пестрой и праздничной»⁴, что принципиально отличало ее от благородной простоты книг предшествующих десятилетий.

Первой работой, к которой Клодт привлек нового ученика, стало гравирование мелких деталей в иллюстрациях для книги И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей» (1840) — яркого образца сатирической «книги путешествий», рисунки для которой сделал В. Ф. Тимм.

Книга нашла отклик у читателей, и талант Дерикера был замечен Обществом поощрения художников. Общество (ОПХ) всемерно поддерживало развитие ксилографии в России как новой и передовой печатной техники, «полезной для ученых и литературных предприятий»⁵. ОПХ поддержало Клодта в начале его карьеры и с завидным упорством находило и поощряло молодых художников, выказывающих способности к ксилографии. В 1840 г. Дерикер «поступил под покровительство Общества» и получил от него материальную поддержку. В отчете за 1840–1841 гг. Правление ОПХ назвало Дерикера «необыкновенным дарованием... работы которого по своим достоинствам и превосходному исполнению послужили бы украшением любого из иностранных великолепных изданий»⁶. В отчете за следующий, 1842 г. Правление вновь отметило успехи Дерикера и с достойной проницательностью указало на особенности его дарования: «молодой человек с... воображением и вкусом, хороший рисовальщик и отличный гравер. Произведения его исполнены с удивительной тщательностью, ловкостью и чистотой»⁷. До самой смерти Дерикер пользовался поддержкой (в том числе и материальной) ОПХ, неизменно получая в их официальных документах самые лестные оценки своего таланта.

Константин Клодт привлекал Дерикера, как и прочих учеников, ко всем книжным работам, где участвовал и сам. Он предлагал Дерикеру гравирование рисунков, в которых нужно было выполнить детали с особой тщательностью. В оформлении элементов книжной страницы: буквниц, заставок, виньеток — Дерикеру не было равных: ему помогал опыт работы в Экспедиции, где филигранная гравировка мелких деталей для бумажных банкнот была его специализацией. Виртуозность работ молодого гравера вызывала восхищение у товарищей. Читатели же не всегда могли узнать автора гравюр-иллюстраций. Дерикер их подписывал

не всегда, сказывалась привычка, выработанная в Экспедиции, где граверы вынужденно соблюдали анонимность.

Назовем основные издания, все они стали этапными в русском книжном искусстве, иллюстрации и украшения к которым гравировал Георгий Дерикер. Это — «Наши, списанные с натуры русскими» (СПб., 1841) — сборник «бытописательных» повестей, выходящих выпусками, с рисунками Тимма, Шевченко, Шедровского и «Картинки русских нравов» (СПб., 1842) с рисунками В. Тимма. «Были и Небылицы» (СПб., 1843), рисунки Александра Коцебу. Однако самая «классическая» русская иллюстрированная книга 1840-х гг. было сочинение графа Владимира Сологуба «Трантас. Путевые впечатления» (1845) с рисунками Александра Агина и Григория Гагарина, а также второе издание двухтомника «Новоселья» (СПб., 1845–46), посвященное переходу книжного магазина Александра Смирдина. Причем многие гравюры к этому сборнику Дерикер выполнил по собственным рисункам «...со свойственной ему тщательностью и отчетливостью»⁸.

Кроме того, Клодт привлек ученика к работе в журнале «Иллюстрация», издаваемом Нестором Кукольником. В его оформлении гравюра на дереве имела первостепенное значение, и Дерикер награвировал для номеров за 1845 г. несколько работ: «Книжный магазин», «Табачная фабрика Жукова», «Императорская Академия художеств». Качество исполнения этих гравюр — политипажей, характер их расположения в пространстве журнальных страниц стали «образцовыми примерами», характеризующими особенности русской журнальной графики 1840-х гг.

Необходимо остановиться на книге, ставшей последней в творческой биографии Георгия Дерикера и навсегда связанной с его именем. Это издание 1847 г. «Самоеды в домашнем и общественном быту»⁹. Сочинение чиновника Министерства государственных имуществ Владимира Иславина было посвящено описанию мест обитания, быту и религиозным верованиям архангельских самоедов. Чрезвычайно интересная по фактическим данным и доброжелательная по отношению к жителям Мезенской тундры книга была с одобрением встречена современниками. Представляя книгу, журнал «Иллюстрация» особо подчеркивал в рецензии, что «рисунки этой книги... делают честь прекрасному искусству гравирования на дереве г-на Дерикера»¹⁰. Критик Валериан Майков отмечал, что «любители живых и умных описаний

должны поспешить обзавестись его книгой, кроме всего и прекрасно оформленной»¹¹.

В предисловии к изданию Иславин сообщал, что, помимо знакомства с результатами его полугодового пребывания в тундре, читатель может полюбоваться «изображением некоторых сцен из жизни самоедов, произведение искусного резца г-на Дерикера»¹². Дерикер гравировал для книги две иллюстрации-вклейки, сцены из жизни самоедов, по рисункам Александра Васильева. По собственным рисункам он награвировал заставки перед главами. Заставки, живые маленькие картинки-зарисовки, представляли жителей тундры за их привычными занятиями и давали эмоциональный настрой каждой главе.

Умер Георгий Дерикер от скоротечной чахотки в начале 1847 г., не дожив и до тридцати лет. Журнал «Иллюстрация» откликнулся на его смерть, написав, что Дерикер «столь же талантливый, сколь и скромный молодой человек... был похищен смертью от искусства, которое любил»¹³.

¹ Выходец из Швеции, механический мастер Василий Дерикер состоял в штате Экспедиции с момента ее образования, был принят по рекомендации генерала Бетанкура. См.: Вознесенский С. В. Первые сто лет истории Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг 1818–1918. СПб., 2009. С. 264.

² В «Библиотеке для чтения» публиковались переводы В. В. Дерикера, в том числе и со шведского языка.

³ Отчет Комитета Общества поощрения художеств с 28 апреля 1841 по 28 апреля 1842 г. СПб., 1842. С. 12.

⁴ Сидоров А. А. Искусство русской книги XIX–XX века // Книга в России. Часть вторая: Девятнадцатый век. М., 1925. С. 200.

⁵ Отчет Комитета Общества поощрения художеств с 28 апреля 1841 по 28 апреля 1842. С. 1.

⁶ Отчет ОПХ за 1840–1841 гг. СПб., 1841. С. 16.

⁷ Отчет ОПХ за 1841–1842 гг. СПб., 1842. С. 13.

⁸ О 2-м издании «Новоселья» А. Смирдина // Иллюстрация. 1841. Т. 1. № 36. С. 569.

⁹ Иславин В. А. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб.: В типографии министерства Гос. имуществ, 1847.

¹⁰ Иллюстрация. 1847. № 12. С. 185.

¹¹ Цит. по: Майков В. Н. Сочинения. Том второй. Киев, 1901. С. 245.

¹² Иславин В. А. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. С. III.

¹³ Иллюстрация. 1847. № 12. С. 185.

Ю. Д. Балаценко

**БАРОН ЭМИЛЬ СЁДЕРКРОЙТЦ —
«ИСТИННЫЙ ЕВРОПЕЦ»
ИЗ ФИНСКОЙ ГЛУБИНКИ**

На рубеже XIX–XX веков имя барона Эмиля Германа Роберта Сёдеркрайтца (1879–1949) было широко известно в Финляндии, России и других европейских странах. Незаурядный скульптор и художник, обладавший недюжинным талантом, прекрасно и всесторонне образованный аристократ из финской глубинки, он оставил после себя огромное художественное наследство. Современники называли его «истинным европейцем из провинции Сатакунта». Его скульптурные шедевры украшают как финскую столицу город Хельсинки, так и другие города Финляндии. Усадьба барона, находящаяся в окрестностях города Харьявалта и расположенная в чрезвычайно живописном месте между городами Турку и Пори, была превращена в один из лучших финских музеев. Огромную коллекцию его экспонатов составили как скульптура и живопись самого Э. Сёдеркрайтца, так и то, что было собрано бароном за долгую жизнь. Обширному собранию европейской живописи и прикладного искусства, находящемуся в усадьбе, может позавидовать любой государственный музей, а коллекция предметов труда и быта финских крестьян, охватывающих примерно двухсотлетний период истории страны, вообще совершенно уникальна и по своей полноте не имеет аналогов в других музеях Финляндии.

Несмотря на то что Э. Сёдеркрайтц жил в достаточно глухой провинции Финляндии, он был своим в любом европейском государстве. Друзья и знакомые отзывались о нем как о полиглоте,

который свободно владел практически всеми основными языками Европы. Подтверждением тому служит огромная библиотека имения барона «Харьюла», где собраны книги на разных языках по многим отраслям знаний. Входя по своему рождению в высшие слои общества, Сёдеркройтц, тем не менее, прославился как великий труженик и попечитель животных.

Эмиль Сёдеркройтц родился в 1879 г. в усадьбе своего отца «Койлио» в самом сердце исторической провинции Сatakунта на западе Финляндии. Старинная дворянская семья баронов Сёдеркройтц имела шведские корни. Их предок губернатор провинции Вестманланд в центральной Швеции Ионас Сёдеркройтц-Фалькерн (1661–1727) был в 1719 г. возведен в баронское достоинство королевой Швеции Ульрикой-Элеонорой (1688–1741). Поместье «Койлио» ко времени рождения Эмиля уже более ста лет принадлежало семейству Сёдеркройтцев.

В семье Сёдеркройтцев было четыре сына, и все они достигли немалых успехов в выбранных ими профессиях. Но только Эмиль стал скульптором и художником, хотя с детства он был увлечен сельским хозяйством. Его тяга к земле была настолько сильна, что молодой барон даже сам научился пахать землю. Однако родительское имение досталось по праву наследования старшему брату Акселю, у которого интерес к сельским работам был минимальным. Аксель выбрал профессию врача-гинеколога. Брат Эдвард стал инженером, а Густав – юристом.

Счастливое детство в родительской усадьбе отложило отпечаток на всю дальнейшую жизнь Сёдеркройтца. Поездки за границу в сопровождении бабушки Марии Софии Сёдеркройтц привили юному Эмилю любовь к искусству и красоте окружающего мира. Посещая с бабушкой музеи, художественные галереи, театры, слушая оперы и концерты, он, благодаря ее стараниям, стал прекрасно разбираться в культурной жизни тогдашней Европы. Странствия молодого барона с бабушкой можно сравнить с поездкой И. Е. Репина с сыном Юрием по Европе и Италии, предпринятым им в 1893–1894 гг. Путешествия заложили основы любви и понимания культурного наследия Европы как у Юрия Репина, так и Эмиля Сёдеркройтца, тем более что они проходили в одну историческую эпоху и примерно по тем же местам.

По настоянию родителей Эмиль после окончания школы начал изучать юриспруденцию в Университете Гельсингфорса.

Прослушав там ряд курсов и успешно сдав по ним экзамены, он продолжал изучать право, но душа его тянулась к занятиям искусствами.

Один из самых известных финских художников друг И. Е. Репина Альберт Эдельфельд (1854–1905) сумел убедить родителей Сёдеркрайтца изменить их твердое убеждение, что молодой Эмиль должен стать юристом. Родители вняли совету знаменитого художника. Видя, что занятие правом тяготит молодого человека, они позволили Эмилю оставить изучение юриспруденции. Несостоявшийся юрист, поступив в 1900 г. на недавно открытые скульптурные курсы при Финской академии художеств, стал первым финским ваятелем, начавшим свое специальное образование на родине.

Проучившись на курсах некоторое время, молодой скульптор отправился в путешествие по культурным центрам Европы в поисках новейших художественных тенденций. Первые годы обучения он провел в столице Бельгии Брюсселе, постигая мастерство скульптора. Продолжив учебу в Риме, он познакомился с искусством античных скульпторов. Завершающим штрихом его образования стал Париж — «артистическая Мекка тех лет», где он работал в своей собственной студии. Начинающий скульптор принимал активное участие в проходивших в Париже художественных выставках¹.

Учась за рубежом, Сёдеркрайтц впитывал в себя все то новое, что появлялось в художественной жизни Европы. Исследователи наследия Эмиля Сёдеркрайтца полагают, что на формирование его творческой манеры существенное влияние оказали бельгийские скульпторы реалисты конца XIX — начала XX в. Считается, что Сёдеркрайтц стал первым финским импрессионистом в скульптуре, включавшим в скульптурные образы предметы из повседневной жизни².

В те же годы в Париже училось много других финских художников и скульпторов. Среди них можно отметить Акселя Галлен-Каллела (1865–1931), впоследствии самого знаменитого художника Финляндии и скульптора Вилли Валлгрена (1855–1940), добившегося всемирного признания. С ними Сёдеркрайтц проводил немало времени вечерами в уличных кафе французской столицы. Как тут не вспомнить пенсионерскую поездку в Париж И. Е. Репина в 1873 г., когда начинающий русский художник вел

себя примерно так же. И одним из результатов поездки явилось полотно Ильи Ефимовича «Парижское кафе», и хотя пенсионерство Репина состоялось раньше, но обстановка в художественной среде вряд ли сильно изменилась за прошедшие годы.

Но не только Западная Европа привлекала молодого скульптора. Для расширения своего кругозора он побывал и в столице Российской империи Санкт Петербурге, и на юге Европы.

Обучение Сёдеркрайтца за рубежом продолжалось вплоть до 1912 г., когда по возвращении на родину перед молодым скульптором встал вопрос, где поселиться. Он не мог претендовать на родовое имение, несмотря на любовь к сельскому хозяйству и к жизни на природе, так как не был старшим сыном в семье. Поэтому у барона не оставалось иного выбора, кроме как подыскать подходящую усадьбу, которая бы полностью соответствовала его образу жизни и художественному восприятию мира. Такое место Сёдеркрайтц довольно быстро нашел на своей «малой родине» в провинции Сатакунта, сравнительно недалеко от тех мест, где он появился на свет.

В современном туристическом справочнике, изданном в Финляндии, говорится, что «Сатакунта совсем как Финляндия в уменьшенном размере. На севере местность суровая и холмистая, на юге — пышная и плодородная»³.

О том, как он обнаружил подходящее место, Сёдеркрайтц писал: «В 1913 или, точнее, в 1912 году, путешествуя верхом на лошади по дороге в Пори, я услышал гром водопада среди сосен. Я остановился, спешился и отправился через густые заросли к реке. Воды не было видно, но направляемый шумом низвергающегося потока, я решил, что река не может быть далеко. Я оказался прав, пройдя несколько сот метров, я вышел на высокий берег реки, где ниже водопада она превращалась в большое озеро подобное заливу, по берегам которого открывались очаровательные виды»⁴.

Позже, приехав туда специально, Сёдеркрайтц приобрел понравившийся участок земли на берегу реки Кокемаениоки. Купленное имение в окрестностях города Харьявалта барон назвал «Харьюла». Начиная с 1913 г. Сёдеркрайтц стал покупать старые крестьянские дома. Их разбирали и перевозили на облюбованное бароном место у реки. Необычная усадьба, построенная из старых бревен, в течение короткого времени

выросла на берегу Кокемаенйоки. Основные работы в усадьбе велись по проекту и чертежам самого барона. Все свое время Сёдеркрайтц посвящал строительству и обустройству дома, изготовлению обстановки и мебели. В начале декабря 1914 г. барон писал своему другу писателю Майле Талвио: «Здесь находится все — и моя жизнь, и моя работа. Я только то и делаю, что с 7 утра и до позднего вечера тружусь, конструирую мебель, провожу электричество»⁵.

Редактор местной газеты в Сатакунте Ф. О. Витанен в статье, посвященной Сёдеркрайтцу, в 1915 г. отмечал, что «сердце и душа барона принадлежат Сатакунте, поэтому нет ничего удивительного, что для покупки имения и постройки там дома он выбрал свою малую родину, переехав туда из Кьеулио»⁶.

Строительство и обустройство усадьбы «Харьюла» шло параллельно с творческими успехами и возрастающим мастерством Сёдеркрайтца в выбранных жанрах искусства — скульптуре, живописи и создании силуэтов. Интенсивный созидательный труд не мешал барону принимать деятельное участие в общественной жизни своей родины.

Поэтому вполне закономерно, что блестящий представитель творческой элиты Финляндии барон Эмиль Сёдеркрайтц стал по праву одним из персонажей картины великого русского художника Ильи Ефимовича Репина (1844–1930) «Финские знаменитости». На полотне, написанном мастером уже на склоне лет, изображены практически все люди, составлявшие цвет культурной и общественной жизни страны первой трети XX в. Все они были участниками банкета, посвященного чествованию И. Е. Репина, который состоялся в сентябре 1920 г. Торжество было приурочено к открытию в Хельсинки выставки картин знаменитого живописца и награждению его высшим знаком отличия молодого независимого государства — «Орденом Белой Розы». Среди приглашенных гостей, прославивших Финляндию, был и барон Э. Сёдеркрайтц.

Надо отметить, что Эмиль Сёдеркрайтц был человеком чрезвычайно разносторонним — художник-скульптор, создатель силуэтов из бумаги, писатель, коллекционер и основатель музея. Он был патриотом своей малой родины и человеком, который прославился благотворительностью и защитой животных. Его ценили как публичного оратора и общественного деятеля. Но все

эти разнообразные аспекты его жизнедеятельности не сказывались на работе в имении и творческих достижениях. В своей мастерской он создавал скульптуры и скульптурные композиции, которые позже украсили города Финляндии.

Известный каждому жителю и гостю финской столицы памятник «Материнская любовь» был установлен в 1928 г. напротив Ботанического сада неподалеку от Центрального железнодорожного вокзала Хельсинки. Бронзовая композиция кобылы с жеребенком была приобретена городскими властями у автора за 95 тысяч финских марок. Считается, что эта покупка была совершена по предложению маршала Маннергейма. Менее известна другая скульптура барона — «Сторожевой пес Пекка», установленная во дворе столичной больницы Салус. Стоящий на высоком постаменте бронзовый пес был приобретен у скульптора в 1934 г. Э. Сёдеркройтц «в бронзе увековечил своего верного друга Пекку»⁷.

Отдавая дань нелегкому сельскому труду, скульптор создал бронзовую композицию «Боронильщик», которая украсила портовый город Пори. А в городе Харьявалта находится знаменитая скульптура землепашца, известная под именем «Пахарь». Скульптуру пахаря вполне можно сопоставить с картиной Репина «Л. Н. Толстой на пашне» (1887), где великий русский писатель изображен идущим за плугом. Можно сказать, что памятники Сёдеркройтца буквально преобразили города Финляндии.

Лошадь была одним из главных символов искусства Сёдеркройтца как в скульптуре, так и в силуэтах и живописи на протяжении всей жизни. Его признанную всеми репутацию главного портретиста лошадей отражают даже анекдотические случаи. Людская мольва приписывает Маннергейму фразу, которую он якобы произнес, когда обсуждался проект памятника маршалу: «Кто угодно может изваять меня, но только Сёдеркройтц сможет изобразить подо мной лошадь».

Барон Сёдеркройтц одним из первых в стране выступил за права животных, войдя в число основателей «Финского общества защиты животных». Барон считал, что, когда будут соблюдаться «права животных», в мире наступит расцвет цивилизации⁸.

В отличие от большинства скульпторов и художников Сёдеркройтц предпочитал изображать прежде всего животных — ло-

шадей, собак, свиней и другую живность. Людей же он показывал только в тех ситуациях, когда они работают вместе с лошадьми или отдохивают с собаками. Считается, что реалистическое отображение трудового процесса сформировалось у барона под влиянием бельгийского скульптора и художника реалиста К. Э. Менье (1831–1905). Собаки, другие домашние животные и даже птицы занимают значительное место в творческом наследии художника, но все же изображение лошадей было для Сёдеркройтца главным. Он говорил: «Я всегда любил лошадей, отмеривающих время жизни своими четырьмя копытами. Если верить теософам, то я вполне мог быть лошадью в предыдущей жизни»⁹.

Любовь барона к домашним животным была родом из детства. В родительском имении он постоянно общался с лошадьми и собаками, ухаживая за ними. В зрелом возрасте Сёдеркройтц ездил по всей Европе, покупая на рынках старых и больных лошадей, которые отработали свой срок. Он привозил их в свое имение, кормил, выхаживал и лечил, а потом использовал в качестве моделей для своих работ.

Кроме скульптуры и живописи барон прославился еще и как один из лучших в Европе вырезальщиков силуэтов из черной бумаги, искусства чрезвычайно модного на рубеже XIX–XX вв. Считается, что первые силуэты Эмиль начал вырезать в возрасте 5–6 лет, тогда, когда обычные дети еще играют в песочнице. Сёдеркройтц пронес любовь к этому необычному искусству через всю жизнь. С набором миниатюрных ножниц для вырезания силуэтов из бумаги он не расставался до конца своих дней. За эту свою любовь барон получил от друзей шутливое прозвище «Сёдеркройтц – ножницы». Обращаясь к нему, они писали: «Дорогой брат Ножницы». Дело доходило до того, что он часто сам подписывал свои работы и корреспонденцию — «Ножницы». Помимо традиционной черной бумаги, он иногда использовал цветную. Для него изготавливали особую бумагу с надписью: «Сделана специально для барона Сёдеркройтца»¹⁰.

В искусстве силуэта Сёдеркройтц был настолько оригинален, что его работы трудно сравнивать с творчеством кого-либо другого. Считается, что некоторое соответствие его силуэтам можно найти в японской гравюре. Как силуэтист, барон был чрезвычайно плодовит. Его работы украшали финские газеты

и журналы того времени. Иногда они служили иллюстрациями в книгах для детей и взрослых, а иногда как самостоятельные работы. В различных музеях сохранилось более 2000 вырезанных им силуэтов.

Его творческая индивидуальность прослеживается не только в работах, но и в самой архитектуре имения «Харьюла», где в сельских финских постройках было использовано сочетание народных традиций с элементами стиля «северного модерна». Все усадебные строения, хотя и были собраны из старых бревен и свезенных в «Харьюла» крестьянских домов, представляются удобным и практичным жильем. Несмотря на свою оригинальность, оно удивительно гармонично вписывается в окружающий пейзаж.

При оформлении интерьеров дома Сёдеркрайтц использовал как финские народные традиции, так и западноевропейские или античные образцы. Вся обстановка и мебель в доме были или антикварными, или созданы местными краснодеревщиками по старинным образцам. Ковры, покрывавшие стены и полы дома, соответствовали по цвету остальным предметам убранства. Диваны были обтянуты парчой, выписанной из Рима. Главный зал дома имел 20 метров в длину.

Все усадебные постройки «Харьюла» были соединены друг с другом, что создавало необычный силуэт строения. Посетивший Э. Сёдеркрайтца в 1915 г. Феликс Борг восторженно отзывался о том, что увидел в имении друга: «Деревянный дом, артистически-художественного стиля, свободный от какого-либо проекта. Простой и изысканный, идеально подходящий к окружавшему его хвойному лесу, напоминает старинные дворянские усадьбы западной Финляндии. ...Анфилада комнат, обставленных скульптурами, картинами коврами и древними артефактами, создавала впечатление некоего музея, хотя атмосфера дома была не музейной, а прекрасно соответствовала характеру и стилю жизни хозяина»¹¹.

Одно из помещений усадьбы было специально отведено под мастерскую скульптора, где Сёдеркрайтц творил и хранил свои скульптурные произведения и их уменьшенные авторские копии.

На протяжении ряда лет идиллический пейзаж вокруг усадьбы не менялся. Размеренная и спокойная сельская жизнь барона впервые подверглась серьезным испытаниям в начале 1917 г.

Местная электрическая компания, выкупив у крестьян земли в окрестностях водопада, решила построить электростанцию на реке Кокемаениоки. К месту будущего строительства была подведена железнодорожная ветка. Но, к счастью для Сёдеркрайтца, этим планам не дано было осуществиться, во всяком случае, в то время. В 1920 г. компания разорилась, а окружающая природа на некоторое время получила отсрочку.

Прошло 20 лет, пока вновь идея строительства на реке не привела к возведению уже двух электростанций, полностью изменивших пейзаж вокруг имения Сёдеркрайтца. Одна была построена в Харьявалте, а вторая в Кокемяки. Река превратилась в озеро, а водопад исчез. Однако само имение Сёдеркрайтца не пострадало.

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война также коснулись имения «Харьюла». В феврале 1918 г. поместье Сёдеркрайтца попало в зону боевых действий финской гражданской войны. Отряды красных финнов прошли через усадьбу, разграбив ее и уничтожив скульптурные работы барона, которые там находились. Позднее барон восстановил и отреставрировал обстановку и живопись, но скульптуры погибли безвозвратно.

«Харьюла» оставалась постоянным местом жизни ваятеля вплоть до его кончины в январе 1949 г. Сёдеркрайтц неоднократно говорил друзьям, что мог бы жить где угодно, но выбрал своим единственным домом окрестности Харьявалты. Надо отметить, что начиная с 1921 г. барон проводил зиму в Хельсинки, но с ранней весны и до поздней осени имение «Харьюла» становилось местом, где он жил и творил.

В начале 30-х гг. XX в. Э. Сёдеркрайтц почти полностью посвятил себя систематизации, описанию и приведению в порядок всего того, что было им собрано, постепенно превращая свою усадьбу в музей. По мере увеличения количества экспонатов рос и музей. К 1942 г. личный музей барона состоял из нескольких частей, которые включали в себя следующие подразделения:

— Жилые помещения самого барона, обставленные старинной мебелью и включающие в себя коллекцию западноевропейской живописи, которая развешана по стенам гостиных и библиотеки.

— «Храм духа земли», в котором располагается уникальная коллекция предметов труда и быта финских крестьян, охватывающая примерно двухсотлетний период истории страны.

— Мастерская, где барон работал как скульптор и где хранились его работы и уменьшенные авторские копии скульптур.

— Помещение, где находилась коллекция ковров и домотканых тканей, лодки и предметы конской упряжи и сбруи, предметы сельского обихода.

— Отдельное помещение для коллекции плетеных корзин.

В конечном итоге музей барона превратился в обширный комплекс строений, протянувшийся на 140 метров вдоль берега реки Кокемаениоки.

В настоящее время Музей-усадьба «Харьюла» находится в ведении «Фонда имени барона Эмиля Сёдеркрайтца» и муниципалитета города Харьявалта, на окраине которого он и расположен. Этот удивительный музей, обладающий огромным количеством экспонатов, круглый год принимает многочисленных почитателей творчества знаменитого скульптора. Музейная коллекция скульптуры, живописи и силуэтов самого Э. Сёдеркрайтца и то, что было собрано бароном за долгую жизнь, неизменно привлекают многочисленных посетителей. По своей полноте эта удивительная коллекция не имеет аналогов в других музеях Финляндии.

Завершая рассказ о талантливом современнике Репина, Сибелиуса Галлен-Каллела, Маннергейма и других выдающихся людей, чьи изображения можно увидеть на картине И. Е. Репина «Финские знаменитости», необходимо с сожалением отметить тот факт, что в современной России имя барона Эмиля Сёдеркрайтца практически неизвестно. И это несмотря на то, что этот блестательный скульптор был знаком с И. Е. Репиным, являясь коллегой, а зачастую и другом многих представителей культурной элиты Финляндии первой половины XX в. И тем более странно, что в нынешней Финляндии редко можно встретить человека, знакомого с этим прославленным именем, составляющим гордость финской культуры периода ее наивысшего расцвета. Хотя справедливости ради нужно заметить, что скульптуры барона, находящиеся на улицах и площадях разных городов страны, широко известны как жителям Финляндии, так и многочисленным гостям их страны.

¹ Lindqvist L., Ojanen N. Bringing art to life. Hels., 1997. S. 86.

² Ibid.

³ Satakunta, доброта и красота. Путеводитель. Satumaa, 2005. С. 2.

⁴ *Lindqvist L., Ojanen N.* Bringing art to life. S. 86.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. S. 82.

⁷ Балаценко Ю.Д. «Материнская любовь» в столице Финляндии» // Кот и пес. С. 26.

⁸ Kava R. Emil Cedercreutz's horses // Catalogue No. 6. Emil Cedercreutz Museum. Harjavalta. 1988.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ *Lindqvist L., Ojanen N.* Bringing art to life. S. 86, 90.

Б. С. Жаров

**ЛЮДМИЛА ЮЛЬЕВНА БРАУДЕ —
ФИЛОЛОГ-СКАНДИНАВИСТ.
К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Мало можно найти людей, жизнь и деятельность которых в большей степени соответствовала бы названию конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», чем Людмила Юльевна Брауде. Она была переводчиком, исследователем литературы, педагогом, замечательным организатором и во всех видах деятельности вносила большой вклад в развитие культурных контактов нашего города и Скандинавии. Все знавшие ее люди признают, что она отличалась неистощимой энергией и потрясающей работоспособностью, которые позволили ей добиться поразительных успехов.

85 лет со дня рождения Л. Ю. Брауде исполнилось 9 декабря 2012 г. Скончалась она 26 октября 2011 г. В последние годы жизни она очень серьезно болела, многократно была оперирована, но продолжала преподавать, выступать с докладами, переводить, ездить на конференции, работала, как всю жизнь.

Л. Ю. Брауде родилась в Ленинграде. Школьницей встретила войну, пережила здесь первую, самую тяжелую, зиму блокады. В феврале 1942 г. вместе с матерью она была эвакуирована по Дороге жизни на Большую землю, попала сначала в село в Кировской области, затем в Омск, где в течение двух лет не столько училась в школе, сколько работала, в частности учительницей на лесоперевалочной базе. В 1944 г. вернулась в Ленинград и после окончания средней школы поступила на шведское отделение филологического факультета Ленинградского государ-

ственного университета. Позже она с благодарностью вспоминала годы обучения, своих замечательных преподавателей, тогда преподавали В. М. Жирмунский, А. А. Смирнов, М. Л. Тронская, С. Д. Кацнельсон, М. И. Стеблин-Каменский, С. С. Маслова-Лашанская¹. Кроме шведского языка, она занималась датским языком под руководством М. П. Ганзен-Кожевниковой, внучки знаменитых переводчиков А. В. и П. Г. Ганзенов. Однокурсниками ее были будущие крупные ученые Ю. М. Лотман, П. А. Дмитриев. В 1950 г. она окончила университет по двум специальностям: скандинавская и немецкая филология.

Л. Ю. Брауде уже в университете проявила явно выраженные способности к научной деятельности и мечтала поступить в аспирантуру, но тогда это оказалось для нее невозможным, к науке она пришла позже. Она стала преподавать немецкий язык сначала в школе рабочей молодежи, затем в Первом Ленинградском медицинском институте имени академика И. П. Павлова и, наконец, в Ленинградском институте культуры имени Н. К. Крупской. Именно здесь в вузе, который сменил несколько названий и теперь называется Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, она стала доцентом и профессором и до последних дней жизни была преподавателем кафедры детской литературы.

Параллельно с преподаванием протекала объемная исследовательская и переводческая деятельность. Кандидатскую диссертацию Л. Ю. Брауде писала, будучи заочным аспирантом кафедры зарубежных литератур ЛГУ. Научного руководителя заочным аспирантам не полагалось, но ее всячески поддерживали, ей постоянно оказывали помощь М. П. Алексеев, В. Е. Балахонов. В 1961 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сказки Ханса Кристиана Андерсена и его творчество 1820–1840-х годов», а позже, в 1978 г., докторскую диссертацию «Скандинавская литературная сказка. Этапы развития жанра». Литературная общественность оценила докторскую диссертацию как фундаментальный, широко задуманный и прекрасно выполненный труд.

Список печатных работ Л. Ю. Брауде публиковался несколько раз и с каждым разом производил на читателя все более ошеломляющее впечатление многими сотнями номеров переводов произведений авторов многих стран на русский язык и научных трудов,

в том числе опубликованных в других странах. Невозможно рассказать обо всем, но и то, что касается литературы Скандинавии, впечатляет.

Прежде всего, следует сказать о работах Л. Ю. Брауде о Хансе Кристиане Андерсене. Не будет большим преувеличением сказать, что она писала о великом сказочнике почти всю жизнь. Ее самые первые публикации об Андерсене вышли в свет 2 апреля 1955 г., в день, когда весь мир, и наша страна в том числе, широко отмечал 150-летний юбилей писателя. Это были три статьи во всех трех существовавших тогда ленинградских газетах. Начало было положено, и с тех пор практически каждый год выходили ее печатные труды о датском писателе, а еще были доклады на многочисленных научных конференциях нашей страны, а также за рубежом, где она достойно представляла отечественную науку. И были сделанные ею переводы мало известных или недавно обнаруженных произведений Андерсена. Она была составителем и организатором выхода более 40 сборников сказок. Особо следует сказать о двух собраниях сказок в серии «Литературные памятники», где впервые на русском языке сказки Андерсена были опубликованы в том виде и в том порядке, как они выходили в Дании при жизни самого писателя. Издание сопровождал подробнейший историко-литературный комментарий.

Кроме статей, Л. Ю. Брауде опубликовала несколько книг о писателе². Особо хочется выделить последнюю книгу «По волшебным тропам Андерсена»³, которая подводит итог научному изучению творчества, это серьезный труд, и в то же время книга является по-настоящему увлекательным чтением для взрослых и подростков. Помимо рассказа о жизни и произведениях Андерсена, книга содержит много других интересных сведений: об изучении творчества Андерсена в странах мира, об иллюстраторах его сказок, живших в Дании и России, о популярности писателя в нашей стране, о жизни и деятельности знаменитых переводчиков Ганзенов, которые перевели на русский язык сказки Андерсена и другие произведения скандинавской литературы.

Л. Ю. Брауде исследовала и переводила также другие произведения датской литературы, в частности датские народные сказки, книги Лины Кобербель, Оле Киркегора, Хильмара Вульфа, Ханса Кирка, Мартина Андерсена Нексе, Адама Эленшлегера, Иоханнеса В. Йенсена и других авторов.

Целый пласт шведской литературы был также объектом исследован Л. Ю. Брауде. Она была горячим пропагандистом творчества замечательной шведской писательницы Астрид Линдгрен, опубликовала переводы многих ее произведений, была составителем и автором комментариев к одному 6-томному и двум 8-томным собраниям сочинений Линдгрен, куда были включены не только широко известные в нашей стране, но и ранние произведения писательницы. Л. Ю. Брауде опубликовала многочисленные статьи, а также прекрасную книгу о писательнице⁴. Л. Ю. Брауде состояла с Линдгрен в переписке и не раз с ней встречалась.

Другие публикации Л. Ю. Брауде посвящены замечательной шведской писательнице Сельме Лагерлёф. Она сделала перевод знаменитой книги «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями по Швеции» (1987) и еще нескольких произведений. Л. Ю. Брауде была составителем и автором примечаний 4-томного собрания сочинений Лагерлёф (1991–1993). Переводила также шведские народные сказки и многие другие произведения шведских авторов.

Из норвежской литературы она более всего занималась творчеством лауреата Нобелевской премии Сигрид Унсет, перевела (в соавторстве) романы «Кристин, дочь Лавранса», «Улав, сын Аудуна из Хествика», «Улав, сын Аудуна и его дети» и написала о них статьи.

Большое внимание Л. Ю. Брауде уделяла шведскоязычной литературе Финляндии. Настоящую любовь она испытывала к Туве Янсон, с которой была хорошо знакома. Почти все произведения писательницы она перевела и опубликовала сначала по отдельности, а потом была инициатором издания их в одном 8-томном и двух четырехтомных собраниях. Она публиковала также переводы известного финляндского писателя Сакариаса Топелиуса, писавшего на шведском языке.

За свою плодотворную деятельность по изучению литератур стран Скандинавии Л. Ю. Брауде заслужила всеобщее признание общественности и получила немало высоких наград. В 1990 г. она была награждена международной премией Астрид Линдгрен за переводы книг для детей.

В год 200-летнего юбилея Андерсена Л. Ю. Брауде как самый крупный российский специалист по творчеству великого сказочника стала одним из «посланников Андерсена» и 1–3 апреля 2005 г.

провела три дня на его родине. Воспользовавшись предоставленным ей особым правом иметь сопровождающего, она предложила выполнять эту роль мне, человеку, почти всю жизнь связанному с Данией, датским языком и культурой, и я с радостью согласился.

Вечером 1 апреля 2005 г. Королевский театр в Копенгагене встречал празднично одетых очень знаменитых и просто знаменитых датчан. Но были здесь также две сотни гостей из-за рубежа, каждый из которых носил титул «посланник Андерсена». Среди россиян это были Елена Гагарина, Рената Литвинова, Эльдар Рязанов, Светлана Сорокина, Татьяна Толстая. Спектакль был посвящен Андерсену. На основе собственных строк писателя, взятых из его многочисленных прозаических и поэтических произведений, а также дневников и воспоминаний, составлена пьеса-фантазия, отразившая его биографию, театральный опыт, многочисленные путешествия и знакомства с выдающимися людьми Европы. Когда Ханс Кристиан 14-летним мальчиком приехал в Копенгаген, он жаждал славы певца, актера, танцовщика на сцене именно Королевского театра. С артистической славой у него ничего не вышло. А та ошеломляющая всемирная слава писателя-сказочника, которую он почувствовал уже при жизни, превзошла впоследствии все его самые радужные надежды. После окончания спектакля все «посланники Андерсена» и небольшое количество датских гостей были приглашены на королевский прием в залы дворца Кристиансборг. Л. Ю. Брауде была удостоена высокой чести и беседовала с членами датской королевской семьи.

Утром 2 апреля королевская семья и все официальные гости на специальном поезде всего за полтора часа, включая переезд по подводному тоннелю, примчались на остров Фюн, который всегда именуется «сад Дании». Восемь лет тому назад единственной связью между островами были паромы через пролив Большой Бельт. А когда почти двести лет назад мальчик Ханс Кристиан ехал — в противоположном направлении — в почтовом дилижансе, путешествие продолжалось не один день. В ратуше города Оденсе состоялась торжественная церемония открытия Года Андерсена, во время которой слушатели услышали самые свежие данные: его произведения переведены на 145 языков. Это означает, что Андерсен — самый читаемый автор в истории человечества.

От ратуши совсем недалеко до дома-музея Андерсена. К юбилею музей заметно расширили. Музей гордится богатейшим собранием экспонатов, в том числе переводами его произведений на многочисленные языки мира и книгами о нем. Затем в огромном новом Концертном зале Оденсе прошла церемония вручения «премий Андерсена». Три человека из разных стран мира были удостоены этой чести.

Чрезвычайно символично, что в этом же Концертном зале города Оденсе ровно четыре года спустя, в апреле 2009 г., Л. Ю. Брауде сама принимала поздравления собравшихся. Теперь уже ей вручили «премию Андерсена» за большие заслуги в изучении творческого наследия писателя. Зал стоя аплодировал этой замечательной женщине.

¹ Людмила Юльевна Брауде // Мир петербургской детской книги. Авторы. Переводчики. Художники: Творческие биографии. СПб., 2000. С. 160.

² Брауде Л. Ю. Ханс Кристиан Андерсен. Л., 1971; Л., 1978; М., 1987.

³ Брауде Л. Ю. По волшебным тропам Андерсена. СПб., 2007.

⁴ Брауде Л. Ю. Не хочу писать для взрослых: Документальный очерк о жизни и творчестве Астрид Линдгрен. М., 1978.

В. И. Мусаев

**ПЕРВЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ФИНЛЯНДСКИЙ
АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ (ВАДКОВСКИЙ):
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ**

В октябре 1892 г. православные приходы на территории автономного Великого княжества Финляндского были выведены из состава Петербургской митрополии и выделены в особую епархию. Епархиальным архиереем, с возведением в сан архиепископа, по ходатайству Святейшего Синода, был назначен викарный выборгский епископ и ректор Петербургской духовной академии Антоний. Будущий глава Финляндской епархии, в миру Александр Васильевич Вадковский, родился в 1846 г. в селении Ширингуши Спасского уезда Тамбовской губернии в семье священника. В 1866 г. он поступил в Казанскую духовную академию, которую закончил в 1870 г., и в том же году, в октябре, определением Синода был утвержден в звании доцента Казанской академии по кафедре церковного проповедничества и его истории. В марте 1883 г. А. В. Вадковский принял монашеский постриг под именем Антония. Решение «уйти от мира» было принято им, несомненно, под влиянием семейной трагедии, когда он за короткое время лишился жены и двух детей¹. Антоний был посвящен в сан иеродиакона, затем иеромонаха. Казанский архиепископ Палладий (Раев) дал ему в управление заштатный Иоанно-Предтеченский монастырь. В ноябре 1883 г. Антоний был возведен в сан архимандрита, через год назначен инспектором Казанской духовной академии, а еще спустя год, по инициативе обер-прокурора К. П. Победоносцева, перемещен на ту же должность в Петербургскую духовную академию. 15 апреля 1887 г.

архимандрит Антоний был назначен ректором академии. 1 мая того же года Святейший Синод назначил Антония на должность епископа Выборгского, второго викария Петербургской митрополии, а 3 мая в соборе Александро-Невской лавры состоялась его хиротония². Позднее, будучи переведенным со второго викариата на первый, Антоний, вопреки традиции, не стал принимать титул епископа Ладожского, оставаясь епископом Выборгским и сохранив таким образом, связь с Финляндией³.

В бытность викарным епископом Антоний имел возможность детально ознакомиться с положением финляндских православных приходов. Как отмечалось в издании «Православная Финляндская епархия», он первым, по воле петербургского митрополита Исидора, обозрел до половины православных приходов и церквей в Финляндии, «побывав в таких местах, в которых ранее его никогда не ступала нога православного епископа»⁴. Его первая поездка в Выборг состоялась в июле 1887 г., в ходе которой произошло его первое знакомство с православной финляндской паствой. В сентябре того же года епископ Антоний был отправлен митрополитом Исидором в Йоэнсуу для освящения вновь построенной церкви. В поездке его сопровождали председатель Финляндского духовного правления протоиерей В. Ф. Глебов и архимандрит Исаия, будущий наместник Александро-Невской лавры. По пути были сделаны остановки в Вильманстранде и Нюслотте. В Йоэнсуу 13 сентября Антонием была освящена новая церковь, причем на церемонии, помимо православных, присутствовало немало лютеран. Функции переводчика при его общении с народом выполнял упоминавшийся выше священник А. Боротинский. Летом 1888 г. викарный епископ обозрел ряд православных приходов Восточной и Западной Финляндии, посетив в общей сложности 11 приходов, а также Валаамский и Коневский монастыри. По возвращении он представил митрополиту подробный отчет о своей командировке. Затем следовали отдельные командировки: в 1889 г. — для освящения собора в Выборге, в 1892 г. — в июне для освящения церквей на Валааме и в Сердоболе и в июле в Выборг, по желанию жителей, для совершения священноположения⁵. Антоний, таким образом, был хорошо знаком с нуждами православия в Финляндии и имел свое представление о способах решения православного вопроса на этой окраине. Благодаря своей деятельности на посту ректора

Петербургской духовной академии, научно-литературному творчеству⁶ епископ Антоний пользовался широкой известностью и большим авторитетом в духовных и светских кругах, и его назначение на должность главы новообразованной епархии выглядело вполне логичным и обоснованным. Не вызывает сомнений и то, что его кандидатуру должен был поддержать новый петербургский митрополит Палладий, преемник митрополита Исидора, скончавшегося в сентябре 1892 г., который хорошо знал Антония еще по Казанской епархии⁷.

Газета «Свет» называла Антония человеком выдающегося ума и высоких нравственных качеств и, комментируя его назначение, писала: «Волею Пророков русский Самодержец избрал на трудный пост человека, которому по силам многое. Мы совершенно уверены, что в непродолжительном времени финляндская кафедра будет выдающейся и воззовет к себе симпатии русского народа. Валаам будет оплотом православия, которое разовьется и окрепнет в Финляндии, ибо это укрепление составляет истинные интересы финского народа»⁸. Высоко отзывались об архиереев новой епархии и «Московские ведомости»: «Нельзя равным образом не отметить с особым сочувствием и самый выбор личности первого Финляндского архиепископа... Будучи викарным епископом Выборгским, преосвященный Антоний вполне ознакомился с местными нуждами православия. Он является в край ему уже лично известный. Широко развитой и просвещенный ум архиепископа Антония, равно как и редкая энергия его характера, давно заслужили общую известность. Нельзя также не выразить надежды, что бывший ректор Духовной Академии неизбежно привлечет к деятельности в новой епархии свежие силы своих воспитанников, тесно и нравственно с ним связанных и хорошо ему известных»⁹.

Сразу после назначения на архиепископскую кафедру, 27 октября 1892 г., Антоний был назначен присутствующим в Святейшем Синоде¹⁰. 1 ноября Антоний отслужил последнюю литургию в храме Петербургской духовной академии¹¹. 28 ноября 1892 г. он прибыл в Выборг. На вокзале архиепископ был встречен православным духовенством, выборгским губернатором, комендантом города и другими начальственными лицами. В тот же день в Выборг прибыл финляндский генерал-губернатор граф Ф. Л. Гейден. Вечером Антонием была совершена всенощ-

ная в Спасо-Преображенском соборе в присутствии инспектора Петербургской духовной академии и всего городского духовенства. В дар выборгской пастве была принесена икона Богоматери. После литургии 29 ноября Антоний посетил воскресную школу, находящуюся в здании выборгской русской народной школы. Воскресная школа была открыта в Выборге в сентябре 1891 г., и в ней обучались более 120 финнов русскому языку и около 50 человек русскому Закону Божию, грамматике и арифметике¹². Вечером в честь нового архиерея православными жителями Выборга был дан обед в зале ратуши, на котором присутствовали также генерал-губернатор с супругой¹³. 30 ноября архиепископ возвратился в Петербург¹⁴.

Новый архиепископ в одном из писем своим близким писал о своих пастырских задачах: «Множество самых разнообразных вопросов возникает по устроению новой вверенной мне епархии. Положение ея особенное. Финляндия имеет свой Сенат, как бы свое особенное правительство, и потому порядки жизни здесь иные, чем в епархиях чисто русских... Я полагаю начало жизни епархии, вопросы назревают весьма важные, требующие особой осмотрительности и осторожности. Нужно охранить достоинство православной Церкви, права православных, которые всегда готовы умалить финляндцы... Лютеранское вероисповедание считается как бы господствующим. Лютеранские приходы все благоустроенные и просвещенные, мы же от них отстали. Требуется дружное общее усилие, чтобы довести порядки жизни в православных приходах до желаемого благоустройства»¹⁵. В этом же письме Антоний писал о намерении освоить финский язык, чтобы иметь возможность непосредственно общаться с паствой и лучше понимать ее нужды и настроения. Своей резиденцией Антоний избрал Сердоболь, в окрестностях которого он в 1893 г. приобрел имение Хюмпеля размером в 50 десятин, которое затем предполагал передать финляндскому архиерейскому дому¹⁶.

Планируя свою деятельность, архиепископ Антоний, предусматривал мобилизацию внутренних сил и средств епархии на трех основных направлениях. Прежде всего, предполагалось активизировать деятельность духовенства. Во-вторых, архиепископ был намерен «дать твердую постановку дела народного образования Финляндии в духе православия и обеспечить ему постоянный,

хотя и не особенно быстрый рост». Третьим пунктом программы Антония была реорганизация приходской структуры, в том числе объединение групп приходов в новые благочинные округа и деление крупных приходов на более мелкие с одновременным строительством новых церквей и назначением новых причтов¹⁷.

В число основных мероприятий, которые осуществлялись в Финляндской епархии в течение шести лет, пока ей руководил архиепископ Антоний, входили строительство и ремонт церквей и основание новых приходов. Это было важно для того, чтобы как можно большее число православных жителей Финляндии было охвачено духовным попечением. В частности, в 1892 г., еще до официального учреждения Финляндской епархии, Антонием были освящены новый собор на Валааме, строившийся с 1887 г., и кладбищенская церковь в Сердоболе. Новое здание церкви было возведено в Суоярви взамен сгоревшего в 1885 г. В Красном Селе новая церковь строилась на средства прихожан с субсидией в 500 рублей от Синода¹⁸. В 1893 г. самые бедные храмы, по ходатайству архиепископа, были снабжены ризницей и иконами на средства Синода. Некоторые храмы были заново отремонтированы на суммы Синода и на пожертвования частных лиц. Всего в 1892–1895 гг. на эти цели поступило более 40 000 рублей¹⁹. В 1893 г. был построен и освящен храм при императорском санатории в селе Халила на Карельском перешейке. В следующем году новое здание церкви было окончено постройкой и освящено в Кексгольме²⁰. В 1893 г., после того как архиепископ Антоний посетил Таммерфорс (Тампere) — третий по величине город Финляндии, было принято решение построить в городе каменный храм на 500 человек. Городское управление бесплатно отвело место и ассигновало 3000 марок для выкупа у частного владельца построек, подлежащих сносу²¹. Был объявлен сбор пожертвований на строительство здесь православной церкви. Храм, спроектированный в византийском стиле, был заложен в мае 1896 г. К средствам, собранным пожертвованиями, Синодом была выдана субсидия. Сооружение церкви в Таммерфорсе — во имя святого благоверного князя Александра Невского — было завершено в 1899 г., и церковь была освящена преемником Антония в должности епархиального архиерея архиепископом Николаем в октябре того же года. В Корписелькя церковь строилась на частные средства одного из прихожан. Также была

построена церковь в дачной местности Куоккала на Карельском перешейке. В порту Гангё (Ханко) церковь во имя равноапостольного князя Владимира и равноапостольной Марии Магдалины строилась в 1894–1895 гг. по проекту петербургского архитектора В. И. Баранцева; архиепископ Антоний освятил новый храм 2 июля 1895 г. Возводились храмы в г. Тавастгус (Хямеенлинна) и в селении Тюсьбю недалеко от Гельсингфорса. Был поднят вопрос о строительстве православной церкви в г. Бёренборг (Пори) в Западной Финляндии²². К началу XX в. общая численность церквей в Финляндской епархии увеличилась до 69 (из них три соборных, 19 при монастырях, одна при женской обители, 26 приходских, одна при казенном заведении, три домовых, три кладбищенских, девять приписных, три походных, одна бесприходная в Таммерфорсе). Из 66 церквей (без трех походных) 31 была каменная и 35 деревянных. Часовен в епархии насчитывалось 89–75 деревянных и 14 каменных²³.

Ввиду того что на территории ряда приходов православное население проживало слишком разбросанно и не могло в должной мере быть охвачено паstryрской заботой, архиепископ Антоний придавал большое значение разукрупнению приходов. В период его руководства Финляндской епархией было образовано несколько новых приходов. В 1893 г. был открыт приход в Йоэнсуу, где еще раньше была построена и освящена церковь. В 1898 г., последнем году архиепископства Антония, последовали указы Святейшего Синода об учреждении православных приходов в Питкяранта в Ладожской Карелии и в поселке Терийоки на Карельском перешейке, который тогда быстро развивался как основной дачный и курортный центр «Северной Ривьеры». Антоний добивался также открытия отдельных приходов в Котке и Гангё²⁴. Иногда открытие новых приходов, впрочем, тормозилось из-за нежелания самих прихожан отделяться от старого прихода, так как при уменьшении их численности возрастали налоги на содержание церкви и духовенства. Именно по этой причине не удалось претворить в жизнь принятное в 1898 г. решение епархиального руководства о выделении из прихода Суйстамо нового прихода при строившейся в деревне Соанлахти школе-церкви²⁵. Та же судьба постигла решение Финляндской духовной консистории от 15 декабря 1898 г. об образовании отдельного прихода при церкви при железном руднике в Аннантехдас в приходе Суоярви.

Из-за обструкционистской позиции прихожан реализация этого решения затянулась не на один год²⁶. Всего в 1898 г. в Финляндской православной епархии насчитывалось 27 приходов²⁷.

По инициативе архиепископа Антония был учрежден «Временный комитет для вспомоществования нуждающемуся духовенству Финляндской епархии», затем преобразованный в епархиальное попечительство²⁸. Архиепископ Антоний придавал большое значение знанию духовенством, особенно карельских приходов, финского языка, без которого общение с паствой было крайне затруднительно. Он сам, как и планировал, занялся изучением финского языка, как только приступил к исполнению обязанностей епархиального архиерея²⁹. По инициативе архиепископа православных финнов и карелов отправляли в Петербург для обучения в духовной семинарии³⁰. Всемерным поощрением со стороны архиепископа Антония пользовалось все более активное использование финского языка в богослужебной и проповеднической практике в Финляндской епархии. В частности, в 1895 г. владыка отдал распоряжение, чтобы в Валаамском монастыре в праздники преподобных Сергия и Германа, 28 июня, и апостолов Петра и Павла, 29 июня, для приезжавших в обитель в эти дни паломников из Ладожской Карелии совершались богослужения на финском языке, с произнесением на том же языке поучения.

Архиепископ Антоний поддерживал деятельность Карельского братства преподобных Сергия и Германа. Он придавал братству большое значение в реализации своей программы. Глава епархии поощрял и поддерживал деятельность братства по переводу на финский язык, изданию и распространению православной религиозной литературы. Священники-активисты Карельского братства входили в ближайшее окружение архиепископа, он назначал их на консistorские должности, благочинными округов, преподавателями Сердобольской учительской семинарии³¹. После образования Финляндской епархии переводческая деятельность братства определенно активизировалась.

Первый финляндский архиепископ прилагал немало усилий для расширения сети приходских школ. После учреждения Финляндской епархии число школ в финляндских православных приходах активно росло. Так, в 1894 г. были открыты три школы, в 1896–1897 гг. – восемь, в 1897 г. – 12³². Архиепископ Антоний 4 января 1896 г. докладывал в Училищный совет при Святейшем

Синоде о том, что на отпущенную епархии Училищным советом на дело религиозного просвещения сумму в 5000 рублей «открыты четыре постоянные школы, именно в Суоярви, Салми, Суомуссалми и в Ганге, устроены 12 передвижных школ и оказано пособие некоторым из школ, раньше существовавшим». Со следующего года предполагалось открыть еще до 14 школ, на что архиепископом была составлена смета в 10 000 рублей. Этую сумму он запрашивал у Синода³³. 26 января обер-прокурор Святейшего Синода сообщил финляндскому архиепископу об удовлетворении его ходатайства³⁴.

Для подготовки преподавательских кадров еще до основания Финляндской епархии планировалось основать учительскую семинарию в Сердоболь (Сортавала) в Ладожской Карелии. Однако в силу ряда обстоятельств в Сердоболе в 1880 г. была открыта не русская, финская семинария. Директором семинарии был финн-лютеранин, так же как и большинство преподавателей. Преподавание велось на финском языке. В русской патриотической прессе и среди соответственно настроенных русских деятелей Сердобольская семинария получила репутацию антирусского учреждения, органа финских националистов, орудия финнизации (или, как они писали, «офинения» или «офиннивания») право-славных карелов. Архиепископ Антоний не разделял, однако, отрицательного отношения к семинарии: в юбилейном издании, посвященном Сердобольской (Сортавальской) семинарии, он был назван ее единственным другом и защитником во влиятельных русских кругах³⁵. Известный историк М. М. Бородкин, автор официальных трудов по истории Финляндии, позднее писал: «Школы, содержащиеся на средства церкви, т. е. училищного совета при синоде, пользуются услугами питомцев Сердобольской семинарии или лиц, прошедших через ее практические курсы... Это происходит от того, что епархиальное начальство, во времена Антония, не признавало возможным вносить в дело христианского обучения вопросы политической жизни. С точки зрения церкви это, конечно, правильно; но на пользу государственного закрепления Карелии за Россией такая практика не послужила, ибо в школы допущены были именно лица, наиболее склонные к политике»³⁶.

Еще одним важным событием в истории Финляндской епархии в период руководства ею архиепископом Антонием было открытие

первой на территории Финляндии женской монашеской обители. Община, названная во имя Святой Троицы, была основана в селении Линтула в волости Кивеннапа на землях, которые пожертвовал для нее тайный советник Ф. П. Неронов. Архиепископ Антоний стал задумываться над вопросом об основании женского монастыря вскоре после учреждения Финляндской епархии, встретив в этом деле горячую поддержку со стороны Е. Н. Гейден, супруги финляндского генерал-губернатора графа Ф. Л. Гейдена. Открытие общины состоялось 11 августа 1896 г. Накануне вечером на торжество прибыли архиепископ Антоний и кронштадтский протоиерей отец Иоанн Сергиев (Кронштадтский). На следующий день в новой церкви архиепископ Антоний и отец Иоанн Кронштадтский отслужили Божественную литургию. На торжество собралось много народа, в том числе немало местных жителей-лютеран³⁷. Статус монастыря община смогла получить в 1905 г.

Архиепископ Антоний, помимо руководства Финляндской епархией, в 1890-е гг. был занят выполнением и ряда других важных обязанностей. Как присутствующий в Святейшем Синоде, он много времени проводил в Петербурге. В 1893 г. он был поставлен во главе ученой комиссии, которой было поручено обсудить старокатолический вопрос в видах выяснения возможности соединения Восточной и Западной церквей³⁸. В это время также активизировались связи Русской православной церкви с Англиканской церковью. В середине 1895 г. состоялся визит англиканских епископов в Россию. В 1897 г. Антоний был назначен представителем Русской церкви в Англии на праздновании юбилея королевы Виктории. Его поездка в Лондон состоялась в июне того же года. Из Англии архиепископ в конце июня направился в Париж и затем в Германию: в Бонн, где состоялась его встреча с представителями старокатолического движения, и в Берлин, где он совершил в посольской церкви литургию 29 июня, в день апостолов Петра и Павла³⁹. По возвращении Антония в Финляндию представитель терийокской православной общины профессор А. И. Лопухин в приветственной речи выражал радость финляндской паствы в связи с тем, что в лице ее архиепископа «православно-русская Церковь нашла достойнейшего представителя, который сумел еще более возвысить в глазах английского, да и всего западно-христианского общества славу нашей Святой Церкви»⁴⁰.

После кончины митрополита Петербургского Палладия на архиепископа Антония пал выбор как на его преемника. Высочайшим указом от 25 декабря 1898 г. Антонию было вверено управление Петербургской епархией, с возведением его в сан митрополита Петербургского и Ладожского. 17 января 1899 г. в Выборге состоялось его прощание с финляндской паствой⁴¹. Едва ли справедливым выглядит мнение о том, что Антонию пришлось покинуть Финляндию из-за испорченных отношений с новым финляндским генерал-губернатором Н. И. Бобриковым⁴². Перевод финляндского архиепископа на митрополичью кафедру в Петербурге был делом, решенным в центре, притом это было явное повышение (перевод из окраинной в столичную епархию, с возведением в сан митрополита), и с назначением Н. И. Бобрикова на пост финляндского генерал-губернатора это никак не было связано. Лично митрополит Антоний, при его прощании с финляндской паствой, и новый генерал-губернатор, у которого тогда не было возможности прибыть в Выборг, не общались, лишь обменивались приветственными телеграммами, содержание которых было вполне благопристойно⁴³. В то же время трудно сомневаться в том, что, в условиях осуществления нового политического курса на финляндской окраине, Антоний как духовный пастырь выглядел бы слишком либеральным. Если бы он остался в Финляндии на своей прежней должности, ему, по всей видимости, куда сложнее было бы сработать с Н. И. Бобриковым и В. К. Плеве, чем его преемнику, архиепископу Николаю (Налимову), имевшему репутацию консерватора.

Петербургскую митрополию Антоний возглавлял вплоть до своей кончины в 1912 г. Именно он в феврале 1901 г. возглавлял обряд хиротонии во епископа Ямбургского, викария Петербургской епархии, над ректором Петербургской духовной академии Сергием (Страгородским), будущим архиепископом Финляндским (в 1905–1917 гг.), который позднее стоял во главе всей Русской православной церкви. Митрополит Антоний одним из первых среди церковных иерархов поднял вопрос о необходимости преобразований внутри Русской церкви. В марте 1905 г. императору был передан доклад Святейшего Синода с предложениями о созыве поместного собора РПЦ, на котором должен был решаться вопрос о восстановлении патриаршества в России. Среди семи архиереев, подписавших этот доклад, фигурировали митрополит Петербургский и Ладожский Антоний

и архиепископ Финляндский и Выборгский Николай⁴⁴. Именно Антоний в 1905–1907 гг. считался одним из наиболее вероятных кандидатов на патриарший престол. До созыва собора, который, в силу ряда причин, состоялся лишь в 1917 г., митрополит Антоний не дожил.

¹ Его супруга скончалась в конце 1879 г. от туберкулеза, а дети — в конце 1882 г. от дифтерита.

² Свет. 1892. 27 октября; Высокопреосвященный Антоний, митрополит с.-петербургский и ладожский // Нива. 1899. № 2. С. 37; Горев М. В. Митрополит Антоний. СПб., 1913. С. 5–13.

³ М. Б. Антоний Митрополит С.-Петербургский и Ладожский. С. 108.

⁴ Православная Финляндская епархия. СПб., 1895. С. 6.

⁵ Там же. С. 9–11. М. Б. Антоний Митрополит С.-Петербургский и Ладожский. С. 111–113; Свет. 1895. 25 марта.

⁶ Научные и публицистические статьи Антония печатались в таких изданиях, как «Православный собеседник», «Православное обозрение», «Странник», «Христианское чтение», «Церковный вестник». Эти статьи были изданы в 1892 и переизданы в 1895 гг. отдельной книгой под заглавием «Очерки из истории христианской проповеди». За эту работу ему в 1893 г. Казанской духовной академией была присуждена степень доктора богословия, что было утверждено Синодом в 1895 г. Кроме того, тремя изданиями (в 1890, 1901 и 1912 гг.) были изданы его проповеди и речи, произнесенные в разных местах в разное время (М. Б. Антоний Митрополит С.-Петербургский и Ладожский. С. 67).

⁷ Митрополит Исидор скончался 7 сентября. Епископу Антонию как первому викарию было поручено Синодом временное управление С.-Петербургской епархией. Палладий, который с 1887 г. занимал должность экзарха Грузии, архиепископа Картийского и Кахетинского, был назначен на С.-Петербургскую кафедру, с возведением в сан митрополита, 18 октября (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 84. Д. 26. Л. 350 об.).

⁸ Свет. 1892. 27 октября.

⁹ Московские ведомости. 1892. 31 октября.

¹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 62. 3 отд. 4 ст. Д. 153. Л. 10–11.

¹¹ М. Б. Антоний Митрополит С.-Петербургский и Ладожский. С. 93

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1426. Л. 3

¹³ Газета «Viborgsbladet», описывая этот обед, передавала произнесенные на ней речи архиепископа: «В обеих речах он высказал горячие симпатии к Финляндии, с которой он уже познакомился раньше, во время своих инспекционных поездок. Он уверял, что всегдающим его стремлением будет — побуждать русское духовенство Финляндии к терпимости и предупредительности по отношению к последователям лютеранской веры, так как все ведь христиане и должны, поэтому, соблюдать христианскую любовь друг к другу» (цит. по: Московские ведомости. 1892. 15 декабря).

- ¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1426. Л. 3 об.
- ¹⁵ М. Б. Антоний Митрополит С.-Петербургский и Ладожский. С. 118.
- ¹⁶ Там же. С. 116.
- ¹⁷ Яровой О.А., Смирнова И.А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1997. С. 60–61.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1426. Л. 5.
- ¹⁹ Православная Финляндская епархия. С. 25–27.
- ²⁰ Свет. 1895. 27 марта.
- ²¹ Московские ведомости. 1894. 21 июня.
- ²² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1702. Л. 13; Д. 1813. Л. 14 об.; Московские ведомости. 1895. 2 марта; Новое время. 1899. 22 октября.
- ²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 422. Д. 1874. Л. 10 об.– 11.
- ²⁴ Там же. Д. 1813. Л. 8; Православная Финляндская епархия. С. 12.
- ²⁵ Финляндская газета. 1901. 19 июня (2 июля).
- ²⁶ Hämynen T. Suomalaistajat, venäläistäjät ja rajakarjalaiset. Kirkko- ja koulukysymys Raja-Karjalassa 1900–1923. Joensuu, 1995. S. 43–44.
- ²⁷ Панков А. Православные приходы в Финляндии. СПб., 1901. С. 17.
- ²⁸ М. Б. Антоний Митрополит С.-Петербургский и Ладожский. С. 120.
- ²⁹ Koukkunen H. Suomen valtiovalta ja kreikkalaiskatoliset 1881–1897. Joensuu, 1977. S. 223.
- ³⁰ Hämynen T. Suomalaistajat, venäläistäjät ja rajakarjalaiset. S. 47.
- ³¹ Яровой О.А., Смирнова И.А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии. С. 69–70.
- ³² Там же. С. 70, 74.
- ³³ РГИА. Ф. 803. Оп. 1. Д. 1524. Л. 1–2.
- ³⁴ Там же. Л. 14.
- ³⁵ Sortavalan seminaari 1880–1930. Helsinki, 1930. S. 103.
- ³⁶ Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб., 1905. С. 214.
- ³⁷ Церковный вестник. 1896. № 34; Sisar Kristiina. Pyhä Johannes Kronstadtilainen. Naishuostareiden perustaja ja tukija // Lintulan luostarin historia. Karjalan kannakselta Etelä-Suomeen. Heinävesi, 1998. S. 22.
- ³⁸ Старокатолики – течение внутри римско-католической церкви, не признающее догмат о непогрешимости папы, провозглашенный Первым Ватиканским собором в 1869 г.
- ³⁹ М. Б. Антоний Митрополит С.-Петербургский и Ладожский. С. 123–135.
- ⁴⁰ Там же. С. 137–138.
- ⁴¹ Там же. С. 139–140, 149.
- ⁴² Нетужилов К. Е. Русская православная церковь в Финляндии в XIX – начале XX в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Третьей ежегодной научной конференции. СПб., 2002. С. 217.
- ⁴³ Свет. 1899. 23 января.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 36. Л. 105.

Й. Бекман

**ПРОНАЦИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ВДОВЫ РЕНХАРДХА ГЕЙДРИХА
В ХЕЛЬСИНКИ В 1960-х гг.**

Мало кто знает, что Лина Гейдрих (1911–1985), вдова известного нацистского преступника, обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха (1904–1942)¹, переехала в середине 1960-х гг. в Хельсинки и вышла здесь замуж за весьма знаменитого финского театрального деятеля Мауно Маннинена (1915–1969), который являлся к тому же сыном крупного поэта Финляндии Отто Маннинена. В результате Лина после этого стала носить фамилию Маннинен. Именно эта фамилия затем была указана на надгробной пилите на ее могиле в Германии².

По версии самого М. Маннинена, он заинтересовался Линой Гейдрих после того, как ее интервью было опубликовано в финском журнале «Суомен Кувалехти», и практически сразу же после этого написал ей письмо, а затем лично отправился в Германию, где встретился с Линой. После этого неожиданно Л. Гейдрих переехала в Хельсинки, где у них с М. Манниненом был заключен брачный союз и состоялась свадьба³. Свидетелем же на свадьбе выступал близкий друг М. Маннинена Урпо Лево, который тогда являлся первым адъютантом президента Финляндии У. К. Кекконена. Таким образом, Лина Гейдрих попала в известную семью заметного деятеля культуры Финляндии и приняла фамилию Маннинен.

Следует подчеркнуть, что никаких политических разногласий в молодой семье, разумеется, не было. М. Маннинен считал, что первый муж Лины был в целом «хорошим человеком». Более того,

известно, что М. Маннинен во время войны сам служил у нацистов, которые оккупировали северную Финляндию, и относился к их деятельности достаточной степени положительно. Накануне своего нового брака в 1964 г. он даже написал пронацистское стихотворение о том, как «Нюрнбергский процесс позволил нам высоко оценить войска СС»⁴. Кроме того, известно также, что Лина Гейдрих привезла в Хельсинки личные вещи первого мужа⁵, в том числе те, которые были изъяты у состоятельных евреев. Именно так пишет в биографии о М. Маннинене исследователь П. Лоунела⁶. Причем среди привезенных в столицу Финляндии предметов, например, был большой шкаф, украшенный звездой Давида, а также достаточно много серебряных изделий, имеющих явно еврейское происхождение. В целом было известно, что хельсинкий истеблишмент оценивал приезд Лины как хороший анекдот и явно посмеивался над «нашей столичной Евой Браун»⁷, а Л. Гейдрих сразу же по приезде в Финляндию принялась активно участвовать в культурной и общественно-политической жизни этой страны.

В этом отношении, очевидно, важно понять, какие взгляды привезла с собой новая жена М. Маннинена. Исследователи их оценивали по-разному. Официальный биограф Маунто Маннинена, публицист Пекка Лоунела, отмечает, что Лина Маннинен (Гейдрих) была якобы «аполитичным человеком» и не являлась нацисткой⁸. Однако другой биограф, уже самой Лины Гейдрих-Маннинен, Марио Р. Дедерих, напротив, пишет, что «Лина Гейдрих никогда ничего против своего мужа (Рейнхарда Гейдриха. — Авт.) не делала» и, по ее мнению, действительно «национал-социализм решает все наши проблемы». Более того, по данным Р. Дедерих, в том же самом году, когда Лина вышла замуж за Маннинена, она публично заявила, что «Рейнхард ничего лично против евреев не имел, так же как не имел никакого отношения к уничтожению еврейского населения», поскольку все что происходило, было следствием только «партизанской войны»⁹. Очевидно, что именно эти высказывания наиболее ярко характеризуют взгляды Лины Гейдрих-Маннинен. Она до конца своих дней без сомнения была по своим убеждениям ярой нацисткой, и вызывает лишь удивление то, что ее приезд в Финляндию не вызывал тогда в финской столице публичных скандалов или каких-либо протестов.

Однако тем не менее возникает вопрос: что происходило на самом деле в мотивах переезда Лины Гейдрих в Финляндию? Почему вдова Р. Гейдриха все же захотела приехать в Хельсинки и чем она тут занималась?

Этот вопрос практически никто не изучал. О ее жизни в Хельсинки материалов осталось крайне мало, что выглядит достаточно странно, поскольку Мауно Маннинен, как публичная фигура, являясь директором авангардистского финского «Интимного театра», особо не скрывал своего нового «счастья» с его немецкой женой.

В целом проживание бывшей жены Р. Гейдриха в Хельсинки имеет крайне загадочный характер. Открытых архивных данных об этом нет. Лишь наибольшую часть информации можно найти в сохранившихся сейчас мемуарах финских театральных деятелей. Причем единственное, что тогда было заметно: Л. Гейдрих явно стремилась попасть в близкий к президенту Финляндии У. К. Кекконена круг лиц, и, в частности, эта «нацистская невеста» очень активно развивала тогда свои контакты с личным врачом президента Кекконена Пентти Халоненом.

Данные сведения можно сравнительно легко найти в мемуарах финских театральных деятелей. Однако то, что на самом деле происходило и какую реальную задачу преследовала Лина Гейдрих, когда она прибыла в Финляндию, или, наоборот, с какой истинной целью Мауно Маннинен ее пригласил в свою страну, является до сих пор загадкой. Ответ, возможно, находится в архивах полиции безопасности Финляндии, поскольку есть причины предполагать, что финские спецслужбы следили за деятельности Лины Гейдрих в Хельсинки. Но, к сожалению, документы 1960-х гг. пока нераскрыты. Также важно было бы узнать, что об этом думала советская разведка.

Из открытых же источников, в частности из мемуаров известной финской актрисы Майя Кархи, вышедших в Хельсинки в 2008 г., известно, что Лину Гейдрих-Маннинен оценивали тогда в определенных близких к семейству Маннинен кругах как состоятельную, хорошо воспитанную представительницу «нордической расы». По мнению М. Кархи, Лина много рассказывала финнам о том, что «в старые хорошие времена» у Гитлера и Евы Браун, а также в семействах Герингов, Геббельсов и Гейдрихов были всегда отличные общие «тусовки», где постоянно было очень «весело»¹⁰. Видимо, весело было и тем, кто приходил и к Манниненам.

По воспоминаниям М. Кархи, гостями этого семейства тогда нередко являлись высокопоставленные представители финского общества и они «всегда» оставались довольны. Вполне устраивала жизнь в Хельсинки и Лину Гейдрих-Маннинен, поскольку никакой информации о том, что ей было здесь каким-либо образом тяжело или она тяготилось новой жизнью в финской столице, пока неизвестно.

Общую атмосферу, которая складывалась вокруг семейства Маннинен, можно еще лучше понять, если учитывать, что меценатом и спонсором Мауно Маннинена был известный финский фашист Хейкки А. Реенпяя (Heikki A. Reenpää)¹¹. Более того, есть основания предполагать, что и брак Лины Гейдрих с Мауно Манниненом состоялся при определенной посреднической миссии или даже некотором финансировании со стороны Х. А. Реенпяя. В результате в данном случае, очевидно, важно понять, почему Лина Гейдрих в 1960-е гг. все же нашла себе единомышленников в Хельсинки, причем они появились в известной своими культурными традициями семье Маннинен.

Чтобы в этом разобраться, вероятно, следует учитывать, что у Мауно Маннинена был родной брат Охто Антеро Маннинен (1907–2000), который стал одним из крупных деятелей в истории финского фашизма. Сейчас финская общественность явно пытается замалчивать его фашистское прошлое. Тем не менее Охто Антеро Маннинен работал главным редактором фашистского журнала «Финское племя» («Suomen heimo»), который издавался небезызвестным «Академическим карельским обществом». Иными словами, он в Финляндии активно занимался антисоветской и русофобской пропагандой. В 1939 г. Охто Антеро Маннинен даже специально посетил Берлин с тем, чтобы там пройти соответствующую стажировку и повысить квалификацию, находясь на обучении в Немецкой школе политики (Deutsche Hochschule für Politik). В своих мемуарах, вышедших в 1984 г., О. А. Маннинен отмечал, что ему очень нравились национал-социалисты, поскольку «им удалось ликвидировать безработицу и большинство населения (Германии. — Авт.) поддерживала нацистов»¹².

После нападения летом 1941 г. Германии на СССР, в котором приняла участие также и Финляндия, в Хельсинки было создано управление военной пропагандой (Valtion Tiedotuslaitos), где

работали ведущие финские писатели, журналисты и публицисты, занимавшиеся активным распространением антисоветских настроений среди финского населения. Они также принялись насаждать общекультивируемую тогда в стране ненависть по отношению к русским и евреям. Там, конечно, находился и Охто Антеро Маннинен, который работал вместе с ведущим финским фашистским пропагандистом, начальником этого ведомства Эйно Ютиккала¹³.

Главная задача финских пропагандистов заключалась в стремлении идеологически оправдать необходимость образования по своей сути национал-социалистической «великой Финляндии» (*“Suur-Suomi”*). В этих целях Эйно Ютиккала опубликовал на немецком языке известную нацистскую пропагандистскую работу «Жизненное пространство Финляндии» (*“Finnlands Lebensraum”*)¹⁴. Одновременно с этим, осенью 1941 г., Охто Антеро Маннинен подготовил сборник «Лирика великой Финляндии», переполненный убийственной ненавистью в отношении России¹⁵. В этой работе прямо сообщать о необходимости уничтожить Москву. Характеризируя же саму «великофинскую идею» новой,расово «чистой» национал-социалистической «великой Финляндии», автор прямо сообщалось, что территория создаваемой страны должна включать еще Кольский полуостров, Карелию, Ленинград, Ингерманландию (часть Ленинградской области), Эстонию, а также северную часть Латвии и Швеции и Норвегии. Понятно, почему сейчас «Лирика великой Финляндии» практически исчезла из всех финских библиотек, хотя в закрытом фонде Национальной библиотеки Финляндии есть одна чудом сохранившаяся копия этой уже «опасной» книги, с информацией о том, что это подарок, поступивший в данное книгохранилище из частной коллекции Хейкки А. Ренпяя.

Возникает вопрос: почему в наши дни в Финляндии о сборнике «Лирика великой Финляндии» не хотят говорить? Очевидно, что это связано с тем, что в сборнике активно употребляется термин «война великой Финляндии» (*“Suur-Suomen sota”*). Данный термин сейчас не совпадает с понятиями, существующими в послевоенной официальной финской историографии, где используется другой пропагандистский термин периода войны — «война-продолжение» (*“jatkosota”*). Как ни удивительно, исключением здесь

является лишь работа российского исследователя А. Широкорада «Три войны “Великой Финляндии”». В ней он активно использует этот термин, который у него означает все агрессивные кампании, которые Финляндия вела в XX в., чтобы всё-таки создавать «великую Финляндию»¹⁶.

В феврале 1942 г. О. А. Маннинен посетил оккупированный финскими войсками Петрозаводск, который был уже переименован финскими в «Эенислинна» («Äänislinna») и где в то время против его жителей славянского происхождения был организован самый настоящий фашистский террор. Причина визита заключалась в том, что здесь отмечался двадцатилетний юбилей «Академического карельского общества». После участия в этих торжествах Охто Антеро Маннинен сразу же переехал в Берлин, где в той же самой Немецкой школе политики стал опять получать дополнительное образование в области гитлеровской пропаганды. В упоминавшихся уже его мемуарах Охто Антеро Маннинен похвалаился еще и тем, что тогда же перевел на финский язык нацистскую пропагандистскую брошюру о «трудовой повинности» в Германии¹⁷.

Тем временем, уже в 1943 г., у Охто Антеро Маннинена родился ребенок, названный, как и отец, — Охто. Теперь Охто Маннинен-младший в Финляндии стал одним из наиболее известных фальсификаторов истории Второй мировой войны. Он никогда не извинялся за великофинляндский фашизм своего отца. Наоборот, он активно продолжил развивать версию о том, что Финляндия никаких союзнических отношений с Германией в годы Второй мировой войны не имела. Причем работы Охто Маннинена явно влияют на историческое создание миллионов финнов. Всегда, когда Финляндии нужен профессиональный фальсификатор, чтобы укрепить профашистские мифы, Охто Маннинен готов к работе. Таким образом, еще в 2009 г., когда в Финляндии опубликовали биографию министра иностранных дел Финляндии накануне «зимней войны» Эляса Еркко, «избранным» его биографом, конечно эксклюзивно, стал тот же самый Охто Маннинен, который получил разрешение «изучать» до сих пор закрытые архивы Эляса Еркко¹⁸.

Сразу же после войны в 1946 г. Охто Антеро Маннинен был вызван для дачи показаний на допрос в полицию безопасности Финляндии. Его подозревали в участии в деятельности фашистских

организаций. Но своего любимого национал-социализма Охто Антеро Маннинен никогда не оставил. Еще в 1974 г. он перевел на финский язык книгу Вернера Масера «Адольф Гитлер — жизнь и деятельность». Хотя в каталоге Национальной библиотеки Финляндии фамилия переводчика мистически пропала¹⁹.

Надо, конечно, сказать, что, когда Лина Гейдрих вышла замуж за одного из представителей известной в культурном мире Финляндии семьи Маннинен, она действительно нашла здесь «своих людей» и единомышленников. Ничего хорошего в этой истории, конечно, нет. Лина Гейдрих была яркой нацисткой. Не в меньшей мере была нацисткой и Лина Маннинен. В результате Лина Гейдрих-Маннинен в Финляндии оставила в 1960-е гг. через семью Маннинен определенные следы нацизма.

На основе материалов разнообразных биографий мы пока не сможем, однако, сказать, почему все-таки Лина Гейдрих поехала в Финляндию. Была ли у нее реальная секретная задача, которая была ей поставлена, от западных, особенно от западно-германских, спецслужб? Почему она так хотела попасть в круг, близкий к президенту Финляндии У. К. Кекконену?

Очевидно, в то время советско-финские отношения развивались весьма позитивно. И эти тенденции поступательного развития во многом были связаны с деятельностью именно президента Кекконена. Причем в условиях продолжающейся «холодной войны» западные страны, конечно, не были особенно довольны подобными процессами, поскольку именно тогда, в 1960-е гг., развитие добрососедских отношений Финляндии и СССР резко начали критиковать. Эта критика раздавалась и от консервативных элементов Западной Германии. Здесь квалифицировали советско-финляндские отношения как проявление так называемой «финляндизации» (Finnlandisierung). Данный термин был предложен крупным политическим и государственным деятелем ФРГ Францом-Йозефом Штраусом. К тому же между СССР и Финляндией в 1961 г. возник явный политический кризис, связанный с созданием так называемой «берлинской стены», затем в 1962 г. начался Карийский кризис, далее в 1968 г. советские танки уже были в Праге.

Можно предположить, что в это время, в середине 1960-х гг., в Финляндии возникли определенные интересы западных, особенно западногерманских, спецслужб. Конечно, существовало

и явное стремление повлиять на позицию У. К. Кекконена. Не исключено, что задача Лины Гейдрих заключалась именно в том, чтобы изменить позитивное влияние У. К. Кекконена на финляндско-советские отношения. Но до тех пор, пока еще закрыты архивы полиции безопасности Финляндии, доказательства этого, кажется, найти крайне сложно.

¹ Рейнхард Гейдрих был одним из самых известных и влиятельнейших руководителей Третьего рейха, являясь начальником нацистских спецслужб. Он также являлся председателем на так называемой Ванзиесской конференции, которая прошла в феврале 1942 г. в Берлине и где нацистское руководство приняло решение по «еврейскому вопросу», предполагавшему начало массового уничтожения евреев. Далее, однако, когда Р. Гейдрих переехал в Прагу, став там гаулайтером, чешские партизаны в июне 1942 г. его убили. Гейдрих тогда было всего 38 лет, и в моменте его смерти Лина была младше его на 8 лет.

² На ее надгробной плите написано: «Лина Мяннинен, вдова Гейдриха, в девичестве фамилия фон Остен, 1911–1985».

³ Свадьба также неожиданно была отпразднована в годовщину создания в свое время в нацистской Германии фашистской тайной полиции (гестапо), причем невесте было уже 54 года, а жениху еще только 50.

⁴ Прямая цитата из стихотворения — перевод авт.

⁵ Более того, известно, что Лина всегда рядом с собой держала урну с прахом Р. Гейдриха. Эту урну в 1985 г. захоронили на кладбище вместе с телом умершей Л. Гейдрих (Мяннинен). См.: *Dederichs M. R. Heydrich. The Face of Evil*. London. 2006. P. 174–177.

⁶ *Lounela P., Ilona T. Mauno Manninen ja hänen intiimi teatterinsa. Ilona Tainion kokoaman aineiston pohjalta kirjoittanut Pekka Lounela*. Hels., 1988.

⁷ Ibid. S. 16, 22, 226, 230.

⁸ Эта точка зрения легко объясняется, если учитывать, что по официальной финской историографической версии в Финляндии не было и нет ни одного «своего собственного» или «чужого» нациста и даже А. Гитлер и Г. Гиммлер приезжали в Финляндию в 1942 г. в качестве лишь частных лиц.

⁹ *Dederichs M. R. Heydrich. The Face of Evil*. P. 174–177.

¹⁰ *Maija K. Samppanjanluonne, minäkö? Toimittanut Kaija Valkonen*. Hels. 2008. S. 196–198.

¹¹ Реенпяя состоял в запрещенной в Финляндии профашисткой организации «Академическое карельское общество» (*Akateeminen Karjala-Seura*). Более того, во время блокады Ленинграда в 1942 г. Реенпяя принимал непосредственное участие в качестве военнослужащего финской армии вместе с подразделениями немецких и итальянских войск в операции по перекрытию Ладожской Дороги жизни. После войны Реенпяя создавал целую русофобскую империю как книгоиздатель. Также с 2000 г. он стал учредителем правопреемницы «Академического карельского общества», профашисткой и реваншистской организации «ПроКарелия».

- ¹² *Manninen A.* Hyväonnisen miehen muistikuvia. Hels., 1984. S. 142–163, 221.
- ¹³ *Kulha K., Jutikkala K.* Tinkimätön akateemikko. Edita. Helsinki. 2006. S. 174, 177.
- ¹⁴ *Auer V., Jutikkala E., Vilkuna K.* Finnlands Lebensraum. Das geographische und geschichtliche Finnland. Berlin. 1941.
- ¹⁵ *Suur-Suomen runoja*. Toim. Manninen A., Vuorjoki Y. Hels., 1941.
- ¹⁶ Конкретно автор в книге разбирает так называемую «карельскую авантюру» 1918–1922 гг. (первая война «великой Финляндии»), затем «зимнюю» кампанию 1939–1940 гг. (вторая война «великой Финляндии») и, наконец, союз с Гитлером с 1941 г. (третья война «великой Финляндии»). См.: Широкорад А. Б. Три войны «Великой Финляндии». М., 2007. Хотя, вероятно, А. Б. Широкорад вряд ли смог реально познакомиться со сборником «Лирика великой Финляндии».
- ¹⁷ На задней стороне обложки этой работы, кстати, была размещена реклама финского перевода работы А. Гитлера «Майн кампф», сопровождающаяся комментарием известного агента нацистской Германии, финского поэта В. А. Коскениemi (родоначальник профашистского направления в финской националистической поэзии), в котором говориться, что книга фюрера является «самым значительным произведением в истории человечества». См.: Müller-Brandenburg H. Ajatuksia työpalvelusta. Porvoo. 1942.
- ¹⁸ *Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko: vaikenematon valtiomahti*. Hels. 2009.
- ¹⁹ *Werner M.* Adolf Hitler – elämä ja teot. Hels. 1974.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Т. А. Базарова

**НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВИЗИТ
КАРЛА XII В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ:
ПРОЕКТ ВОЗВРАЩЕНИЯ КОРОЛЯ
ИЗ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ШВЕЦИЮ
ЧЕРЕЗ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО (1711)**

После победы под Полтавой и Переволочной остатки потерпевшей поражение армии шведского короля Карла XII вместе с союзным и отрядами казаков гетмана И. С. Мазепы нашли убежище в землях Османской империи¹.

Петр I намеревался захватить шведского короля в плен и отправил вслед за ним конные полки во главе с генерал-майором Г. С. Волконским. 3 июля генерал-майор перебрался через Днепр, однако к переправе отряда шведского короля и казаков через Южный Буг он опоздал. На берегу Южного Буга русские отряды застали лишь несколько сотен шведов и запорожцев, которых разбили во время скоротечной схватки². Из-за отсутствия продовольствия Г. С. Волконский отказался от дальнейшего преследования и повернулся назад. Он попытался оправдаться перед царем: «Да Очакова наши люди не ели хлеба 3 дни, а от Очакова 4 дни и потом варили траву и ели многие драгуны и казаки лошадей»³.

Шведский король разбил свой лагерь близ Очакова, а затем шведы перебрались в Бендера, хорошо укрепленную турецкую крепость на берегу Днестра и резиденцию сераскера Юсуфа-паши. Король поселился на окраине города в подаренном султаном Ахмедом III шатре и собирался дождаться подхода своей армии, чтобы отправиться в Польшу для соединения с генерал-майором Э. Д. фон Крассау и Станиславом Лещинским⁴. С сообщением о своем прибытии на территорию Османской империи Карл XII направил к турецкому двору М. Нейгебауэра. 8 августа

1709 г. русский посол в Стамбуле П. А. Толстой сообщил канцлеру Г. И. Головкину, что Карл XII «неизреченные соблазны туркам доносит и премногие дела им обещает, чтобы они встали войну против царского величества, в чем ему зело способствует хан крымской»⁵. Однако вскоре генерал-майор Ю. А. Мейерфельт принес весть о гибели армии под Переволочной⁶. В августе – сентябре Польша почти бескровно была очищена от шведских войск, а большинство сторонников Станислава Лещинского перешло на русскую сторону⁷. Данные события внесли серьезные корректизы в планы Карла XII. С. Ф. Орешкова заметила, что с того времени много места «в дальнейших планах шведского короля начинает занимать Турция»⁸. В Стамбул на помощь М. Нейгебауэру был отправлен Ст. Понятовский. Шведская дипломатия добивалась от османского правительства заключения направленного против России военного договора⁹.

Безусловно, русское правительство понимало, что пребывание на территории Османской империи шведского короля неизбежно осложнит непростые отношения с турками и приведет к нарушению мирного договора. Поэтому после неудачи с преследованием и захватом был предпринят ряд попыток добиться выдачи шведского короля и мазепинцев дипломатическим путем.

10 июля 1709 г. Петр I послал турецкому султану Ахмеду III грамоту с сообщением о победах под Полтавой и Переволочной. В ней царь также просил не пропускать перебравшегося через Днепр Карла XII через турецкие земли и выдать гетмана И. С. Мазепу «сь единомышленники ево, яко наших подданных»¹⁰. В течение июля 1709 г. Петр I отправил султану четыре послания, что, по мнению С. Ф. Орешковой, свидетельствовало о том, что «русское правительство придавало серьезное значение пребыванию Карла XII в Османской империи» и намеревалось сохранить мирные отношения с соседним государством¹¹. 14 июля канцлер Г. И. Головкин от своего имени написал письмо Юсуф-паше Силистрийскому с аналогичной просьбой¹². Послу в Стамбуле П. А. Толстому канцлер указал требовать от турок не выпускать Карла XII за пределы Османской империи и выдать И. С. Мазепу с казаками. В дальнейшем послу следовало добиваться передачи шведского короля русским властям¹³. Русское командование серьезно опасалось, что шведы будут с боям пробиваться в Венгрию¹⁴, и опасалось уводить армию далеко от границы.

Между тем Порта «досадовала», что преследовавшие шведов русские драгуны пересели границу и вторглись вглубь турецких земель¹⁵, рассматривая подобные инциденты как нарушение мирного договора. Однако при османском дворе появление шведского короля в пределах империи восприняли неоднозначно. Возникли споры о дальнейших действиях: сохранять ли мир с Россией или начать с ней войну в союзе со шведским королем. На противоречиях различных группировок в турецком правительстве и попытался сыграть П. А. Толстой. 8 августа 1709 г. русский посол написал ко двору, что если бы великий везир пожелал заключить вечный мир, то ему можно его и пообещать с условием передачи шведского короля России. Он также рекомендовал «по всем дорогам короля швецкого стеречь, где будет возможно»¹⁶. Однако сам П. А. Толстой сомневался, что турки выдадут шведского короля: «ибо по закону их и ради стыда от других отдать ево невозможno, и не хотят»¹⁷.

Хитроумный дипломат предложил не медлить и выкрасть Карла XII. Свой план он изложил Г. И. Головкину: «Я здесь слышу, что король швецкой стоит близ Бендеря на поле, и буде возможно от страны поляков послать несколько лехкой кавалерии тайно, дабы внезапно напав на него и поймав, увели, понеже сказывают, что при нем людей немного, а турки, чаю, еще туда не собрались». П. А. Толстой полагал, что османы вину возложат на поляков, а если догадаются, что идея исходила от русского правительства, то ничего «иного не будет, кроме того что я здесь постражду и претерплю то с охотою, только бы во интересах царского величества была полза... но если уверенности не будет, то лучше то и не начинать. Можно еще то сделать через волохов или ногайцов, пообещав денег»¹⁸.

Опасения П. А. Толстого оправдались. Турки не выдали шведского короля России. Пять лет Карл XII с остатками своей армии находился под покровительством турецкого султана, что значительно осложняло отношения России с Османской империей. В лагерь шведского короля у села Варница близ Бендер устремились казаки-мазепинцы, сторонники короля Станислава Лещинского, нередко туда наведывались представители крымского хана. Уже в конце 1709 г. появились слухи о турецких военных приготовлениях и скором заключении шведско-турецкого союза против России. Грамота султана Ахмеда III о подтверждении мирного договора с Россией, отправленная в феврале 1710 г., стала по-

следней дипломатической победой П. А. Толстого в Стамбуле. Тревоги посла и русского правительства не были беспочвенными: 9 ноября 1710 г. во многом под давлением шведской дипломатии султан Ахмед III объявил войну России.

Судьбу Русско-турецкой войны 1710–1713 гг. определил Прутский поход (1711). В результате несогласованности действий, недостатка провианта и фураж армия Петра I оказалась окруженней обладавшим тройным численным превосходством неприятельскими войсками. Вести мирные переговоры с противником в крайне невыгодной для русской стороны ситуации царь поручил вице-канцлеру барону П. П. Шафирову. 10 июля 1711 г. вице-канцлер отправился в турецкий лагерь. Ради подписания мира царь был готов пожертвовать завоеванными в Азовских походах (1695–1696) землями и крепостями, отдать шведам Лифляндию, Псков и другие провинции, а также признать польским королем Станислава Лещинского¹⁹.

12 июля 1711 г. после напряженных переговоров П. П. Шафирову удалось заключить мирный договор на приемлемых для царя условиях. Османская империя добилась главной цели — возвращения Азова с прилегающими землями, разорения Таганрога, Каменного Затона, крепости в устье реки Самара, а Россия сохранила основные завоевания Северной войны. Однако согласно условиям договора П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев (сын генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева, который формально командовал русской армией и от имени которого туркам предложили начать мирные переговоры) должны были отправиться в Стамбул. Им предстояло оставаться в турецкой столице до полного выполнения Россией взятых на себя обязательств²⁰.

Одним из условий подписания мирного договора османы поставили возвращение Карла XII в Швецию. По-видимому, это полностью совпадало с русскими интересами. Участник турецких событий Ст. Понятовский в своих записках передал разговор великого везиря Балтаджи Мехмед-паша с П. П. Шафировым. Везир сообщил вице-канцлеру, что «у турок гостит шведский король и что он просит для него свободного проезда». На это полномочные министры ответили, что «они не только предоставляют ему проезд, но что они готовы нести его на руках»²¹.

По замечанию С. Ф. Орешковой, русское правительство рассматривало военный конфликт с Османской империей как один

из эпизодов Северной войны. Поэтому в мирном договоре оно особое внимание уделило проблеме высылке Карла XII²². Осознавая опасность восстановления влияния шведов на политику Порты по отношению к России, царь дал указание вице-канцлеру «трудитца, дабы получить ратификацию, а паче ее скорой отпуск короля швецкого, дабы замедлением своим там еще чего не зажег»²³. В тексте Прутского договора это условие оговорено в пункте 4. «Понеже король своей под защищение его салтанова величества пришел, того ради его царское величество для любви его салтанова величества оного свободно и безопасно до его земель пропустить соизволяет. И ежели между ими соглашенося и соизволено быть может, то с ним и мир учинит»²⁴.

В Шведскую Померанию Карл XII мог вернуться разными путями: через «Польшу, Венгры и Немецкую землю». В инструкциях П. П. Шафирову рекомендовалось не допустить прибытия короля в Стамбул (откуда он мог отправиться в Швецию морем), «ибо тот путь нам подозителен»²⁵.

Проезд через территорию России, находящейся в состоянии войны со Швецией, представлялся и русской стороне маловероятным (а шведской, надо полагать, совсем невероятным). В своих записках французский путешественник Обри де ла Мотре, посетивший Бендеры в сентябре 1711 г., сообщил, что великий везир пытался склонить шведского посла при османском дворе полковника Т. Функа обсудить с П. П. Шафировым маршрут короля через «Московию». На что швед ответил, что «он не может ничего сказать без распоряжения его величества; и потому был отправлен в Бендер, чтобы получить его»²⁶.

Отметим, что в ходе переговоров в военном лагере у реки Прут турецкая сторона предлагала способствовать примирению царя и шведского короля, который «з десеть лет от своего государства своим безумием отлучен»²⁷. Возможность заключения перемирия между Россией и Швецией оговаривалась и в Прутском договоре. Однако после неудачного Прутского похода царь не мог пойти на переговоры со шведами. П. П. Шафиров получил инструкцию сообщить туркам о невозможности мирного трактования без участия союзников²⁸. Вице-канцлеру удалось уклониться от обсуждения данного вопроса. Уже 13 июля он сообщил царю: «О швецком короле сего дня не поминали ничего, и я чаю, что на него плонули»²⁹.

12 июля 1711 г. после ратификации Петром I мирного договора царская армия двинулась на север. Несмотря на турецкий конвой, крымские татары и запорожцы преследовали отступавших, нападали и грабили отставших от колонн русских солдат вплоть до Немирова. Только в ночь на 14 июля Петру I удалось впервые после 7 июля спокойно заснуть³⁰. Однако оказавшись вдали от места неприятных событий, государь поспешил уточнить свою позицию относительно выполнения основных условий мирного договора с турками.

15 июля царь указал Ф. М. Апраксину не спешить с вывозом военного имущества из Азова и разорением Таганрога, стараться протянуть время до начала ноября³¹. 17 июля Петр I указами из лагеря «От Прута против Яс» напрямую связал выполнение русской стороной условий вывода войск из Польши, передачу Азова и разорение Таганрога с высылкой Карла XII из Османской империи³². Тем самым царь уже через пять дней после заключения Прутского мира дал неприятелям повод обвинить себя в изначальном намерении не придерживаться статей трактата и, по сути, предрешил его недолгое существование. Под угрозу были поставлены свобода и жизни заключивших договор П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева. С октября 1710 г. в стамбульской тюрьме Едикуле томился русский посол П. А. Толстой, освобождение которого турки также связывали с исполнением мирного трактата.

Между тем П. П. Шафиров получил указ стараться, «дабы короля швецкого турки из области своей выслали немедленно. И притом можете везирю и иным, кому надлежит, объявить, что буде они похотят его, короля, и чрез нашу землю отпустить, то конечно пропуск ему будет позволен без всякого препятствия»³³. Отметим, что в тексте мирного договора маршрут следования шведского короля не оговаривался. По-видимому, эта идея принадлежала турецкой стороне и появилась вскоре после конфликта, возникшего между прибывшим вскоре после подписания русско-турецкого мирного договора Карлом XII и великим визирем Балтаджи Мехмед-пашой.

Содержание этой напряженной беседы вице-канцлер узнал от самого Балтаджи Мехмед-паши 20 июля. По словам последнего, Карл XII «говорил с великим сердцем и угрозами, чтоб он не делал с царским величеством миру без того, чтоб и с ним обще помирился и все он него взятые города отдал». После отказа

везира учитьывать шведские интересы король «с великой досадою и грубостью говорил, что на него салтану будет жаловаться. И он де ему отвещал, что ево в том не боитца, потому что он сам взрос при салтане, а салтан ему болши поверит, и может ему сам наискоряя беду навесть. И с тем де и розъехались. И ныне де он ево мыслит велеть как-нибудь отправить из Бендера, буде не похочет чрез нашу землю ехать, хотя чрез Полшу, чтоб только ево от себя зжить»³⁴. П. П. Шафиров передал и слова секретаря везиря, который «сего 19-го говорил Барке с клятвою, призывая в том Магомета своего, что они желают, дабы он, король, пропал, и чтоб тайно мы писали, чтоб Август ево трудился поймать»³⁵.

Очевидно, П. П. Шафиров и великий везирь достигли устной договоренности о возможном проезде Карла XII через Российское государство уже 12 июля 1711 г. Надо полагать, что в тот же день вице-канцлер уведомил об этом русское правительство, поскольку 13 июля он получил ответное письмо Г. И. Головкина. Канцлер сообщил решение государя: «о волном проезде короля швецкого чрез его царского величества земли его величество соизволяет против того, как вы о том везирю объявили. И сверх того изволяет для проезду его персоны и сущих при нем шведов по желанию везирскому дать по 500 подвод»³⁶.

От скорого выполнения Петром взятых у р. Прут на себя обязательств зависела не только судьба его послов, но и великого везира Балтаджи Мехмед-паша. 24 июля он сообщил П. П. Шафирову, что для высылки шведского короля «без всякого задору и ссоры чрез Полшу до безопасных мест» назначил пашу, «а с ним румелских конных полков с 5 тысячью, которые ни шпаги, ни янычане, но болши для чину, а не для войны способные люди, и притом мурза с толиким же или и меньшим числом татар»³⁷. Балтаджи Мехмед-паша уверял вице-канцлера в том, что конвой не будет подчиняться Шведу и не вступит на его стороне в военные действия с поляками³⁸.

6 сентября по просьбе П. П. Шафирова ему разрешили послать в Бендера подьячего Ивана Небогатова, «чтоб ту высылку видеть, действительно ли оная учинится... которому велено ехать при турском конвое за королем швецким, определенном до границ, до которых оной король будет провожден. А как оной из турской области выедет и турской конвой паки пойдет назад, то и ему возвратится к министрам царского величества с под-

линным известием, что уже конечно оной король ис турской области выехал»³⁹.

24 сентября уже на пути в Стамбул в турецком обозе состоялся Диван, на котором снова обсуждалась проблема высылки шведского короля. На совет были приглашены и русские послы. Они еще раз уверили турок в твердом намерении царя «свободно препроводить» Шведа через российские земли, «ежели он иным путем не поедет». Как по секрету сообщил вице-канцлеру великий везирь, султан «тот их приговор за блага признаает и короля швецкого чрез наши земли отпустить позволяет». Однако в качестве гарантий султан указал взять «обязательные письма» от послов, Б. П. Шереметева и Д. М. Голицына⁴⁰. П. П. Шафиров «наскоро» сочинил образец и отправил его Б. П. Шереметеву с просьбой немедленно прислать письмо везирю.

П. П. Шафиров просил Б. П. Шереметева: «буде дойдет до того, что короля швецкого пошлют вправду чрез нашу землю, извольте государь для Бога тогда в сие дело вступить и приближась сам в ближние места от Немирова послать его принять и велеть до Киева препроводить». Вице-канцлер добавил, что «ежели б короля швецкого и не принудили тем путем итить, то б он, от того испужася, конечно принужден был вытить чрез Венгры или иным путем есть. И знатно к сему турское намерение есть истинное»⁴¹.

Обращаясь к государю, вице-канцлер попросил: «...изволите, ваше величество, о том указы послать во все губернии, куда надлежит, что ежели впрямь то состоится, чтоб его, короля шведцкого, и того пашу с людми их, приняв, провожали до Выборка и до его земель и отдали б тамо его подданным по обязательству, в том туркам данном, ибо мы то обнадеживание учили туркам, имея о том вашего величества указ»⁴².

Впервые детали маршрута и условия проезда шведов через Россию в русской дипломатической переписки начали обсуждаться в октябре 1711 г. Одобрав «обязательные письма», 27 ноября царь из Риги указал Б. П. Шереметеву: «ежели по обещанию своему турки Шведа чрез нашу землю пошлют, то изволь его принять з добрым поряткам»⁴³. В приложенной к письму зашифрованной инструкции был подробно расписан маршрут шведов по территории России. Сопровождать шведов назначался Киевский гарнизонный полк. Путь пролегал от Киева до Стародуба, затем

через Калугу к Москве, Великие Луки, Копорье, Санкт-Петербург, затем в завоеванный в 1710 г. Выборг, «а оттоль в Финляндию. И надобно сей тракт тайно содержать, дабы никто не ведал до тех мест, как он станет отправлятьца»⁴⁴.

После поражения на Пруте царь и русское командование не были заинтересованы в скорейшем возвращении короля в расположение шведской армии, поэтому указывалось «вестя как возможно медленно, дабы в конце сея зимы мог к Выборгу стать». Предлогом длинной и неспешной поездки могли послужить затруднение в сборе подвод и моровое поветрие. О проезде шведского короля через русские земли государь также указал сообщать чаще «о всем з дороги в Питербурх»⁴⁵.

С берегов Прута государь отправился в Каменец-Подольский, затем в Варшаву, Дрезден и для лечения на водах в Карлсбад. 14 октября 1711 г. государь веселился на свадьбе своего сына царевича Алексея Петровича с Шарлоттой Христиной Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской в Торгau (в Саксонии)⁴⁶. Согласно Походному журналу, Петр прибыл в Санкт-Петербург 29 декабря 1711 г.⁴⁷ и провел на берегах Невы всю зиму и весну следующего года. 19 февраля 1712 г. в Северной столице состоялось торжественное бракосочетание царя с Екатериной Алексеевной⁴⁸. 28 марта там получили послание П. П. Шафирова от 9 февраля, в котором содержались первые обнадеживания о новом русско-турецком договоре. По словам посла Англии в России Ч. Уитвортса, «двор повеселел»⁴⁹.

Если бы шведский король рискнул и все-таки принял турецкое предложение вернуться на родину через Россию, то можно предположить, что могла состояться и личная встреча двух монархов. Устроил царь бы пир как в 1714 г. после Гангутской баталии с участием контр-адмирала Н. Эреншельда или лично провел короля по основанному на отвоеванных у Швеции землях «Парадизу»? 26 июня 1720 г. поляк-очевидец записал в своем дневнике: «Из Петергофа отправили шведского посланника. <...> Царь везде возил с собой шведа и по морю и по суше, показывая ему свои крепости, построенные у моря и на море, а также стоящий у Кронштадта флот. Показав все это, царь сказал ему: “Твой государь – бедолага и зря тратится на шпионов. Теперь ты сам видишь, что у меня есть. Моим послам, приезжающим к вам, вы в своих крепостях завязываете глаза; я же открыто показываю,

что у меня есть, и не стыжусь ни своих крепостей, ни флота”⁵⁰. А может быть, монархам в личной беседе удалось бы прийти к согласию и тогда бы Северная война закончилась почти на десять лет раньше?

Однако П. П. Шафиров оказался прав: Карл XII наотрез отказался ехать через Россию. В Стамбуле шведской дипломатией при поддержке французского посла П. П. Дезальера началось активное противодействие планам великого визира немедленно удалить короля из Османской империи. Под давление шведов сначала был распущен в собранный для высылки короля конвой (октябрь 1711 г.), затем смешен с должности великого визира Балтаджи Мехмед-паша (ноябрь 1711 г.), а 9 декабря 1711 г. турецкое правительство обвинило Россию в невыполнении условий договора и снова объявило войну.

Шведский король покинул османские пределы только в 1714 г. через земли Священной Римской империи. Но русский путь не сразу потерял актуальность. В заключенном при посредничестве английского посла Р. Саттона и голландского посла Я. Кольера Константинопольском мирном договоре (5 апреля 1712 г.) предусматривалась возможность проезда Карла XII с турецким через российские земли⁵¹. В июле 1712 г. П. П. Шафиров уверял уже другого великого визиря, Юсуф-пашу: «И ежели Блистательная Порта похочет его послать через земли государя их, то готовы до тех мест здесь пребывать, пока оной до своих земель дойдет и конвой турской назад возвратитца»⁵².

¹ По данным Б. Н. Григорьева, короля от Переволочны сопровождали 1300 шведов и 1500 запорожцев (*Григорьев Б. Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006. С. 371*).

² Там же. С. 374.

³ Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы / Отв. ред. Е. Е. Рычаловский. М., 2011. № 347. С. 487.

⁴ *Григорьев Б. Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. С. 378–379.*

⁵ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. 1709 г. № 1. Л. 494.

⁶ *Григорьев Б. Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. С. 378–379.*

⁷ Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 34–35.

⁸ Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 64.

⁹ Там же. С. 64–65.

- ¹⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого (*далее — ПиБ*). М., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3304. С. 280–282.
- ¹¹ Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 60.
- ¹² Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы № 344. С. 482–484.
- ¹³ Там же. № 345. С. 484–486.
- ¹⁴ Там же. С. 486.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709 г. № 1. Л. 170.
- ¹⁶ Там же. Л. 495 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 493 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 495 об.—496.
- ¹⁹ ПиБ. М., 1963. Т. XI. Вып. 1. № 4567. С. 316.
- ²⁰ Там же. С. 332–334.
- ²¹ Цит. по: Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С. 125.
- ²² Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 140.
- ²³ ПиБ. Там же. Т. XI. Вып. 2. № 4602. С. 22.
- ²⁴ Там же. Вып. 1. № 4576. С. 323.
- ²⁵ Там же. Вып. 2. № 4622. С. 39.
- ²⁶ Motrave A. de la. Travels through Europe, Asia, and into part of Africa... London, 1723. Vol. 2. P. 19–20.
- ²⁷ ПиБ. Т. XI. Вып. 2. Примеч. к № 4586. С. 351.
- ²⁸ Там же. № 4586. С. 9.
- ²⁹ Там же. Примеч. к № 4586. С. 354. По мнению Артамонова В. А., Порта была заинтересована в продолжении «связывавшей руки России» Северной войны, поэтому не настаивала на русско-шведских мирных переговорах (Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). С. 93).
- ³⁰ Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). С. 90–91.
- ³¹ ПиБ. Т. XI. Вып. 2. № 4592. С. 12.
- ³² Там же. № 4602, 4603 С. 22–23. В Прутском договоре не были оговорены условия и сроки вывода войск из Польши, а также разорения и передачи Азова и других южных крепостей. 19 августа 1711 г. П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев дали туркам «обязательное письмо», согласно которому следовало через два месяца сдать Азов, разрушить Каменный Затон и Самару через два, а Таганрог через четыре месяца (ПиБ. Т. XI. Вып. 2. Примеч. к № 4655. С. 395).
- ³³ ПиБ. Т. XI. Вып. 2. № 4613. С. 28.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. № 7а. Л. 45–45 об.
- ³⁵ Там же. Л. 47. Речь идет о секретаре русского посольства Николае Барке.
- ³⁶ Там же. Л. 23.
- ³⁷ Там же. № 7а. Л. 56–56 об.
- ³⁸ Там же. Л. 57 об.—58.
- ³⁹ Там же. Л. 135–135 об.
- ⁴⁰ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 4671. Л. 1 об.—2.

⁴¹ Там же. Л. 2 об.

⁴² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. № 7а. Л. 156 об. + опубл.

⁴³ ПиБ. Т. XII. Вып. 2. № 4907. С. 260.

⁴⁴ Там же. № 4908. С. 260–262.

⁴⁵ Там же. С. 262.

⁴⁶ Походный журнал 1711 г. СПб., 1854. С. 34.

⁴⁷ Там же. С. 41.

⁴⁸ Походный журнал 1712 г. СПб., 1854. С. 1–7.

⁴⁹ Донесения и другие бумаги английский послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. // Сборник РИО. СПб., 1888. Т. LXI. № 46. С. 172. 8 мая курьер доставил из Стамбула в Санкт-Петербург письма П. П. Шафирова и текст нового мирного договора, подписанного в Константинополе 5 апреля 1712 г. Утро следующего дня, как писал Ч. Уитворт, «прошло в большой радости, с крепости и судов беспрестанно палили пушки» (Там же. № 52. С. 196–198).

⁵⁰ Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем Польского посольства в 1720 году // Бесплатных Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1991. С. 152.

⁵¹ ПиБ. Т. XII. Вып. 1. М., 1975. № 5256. С. 204.

⁵² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. № 7а. Л. 544.

Б. П. Белозеров

ВОЙСКА ОХРАНЫ ТЫЛА ФРОНТА В ПЕРВЫЕ ПОЛГОДА ВОЙНЫ В КАРЕЛИИ: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война заставила государственное и политическое руководство СССР провести комплекс неотложных первоочередных мер прежде всего по формированию органов безопасности фронта и тыла. 25 июня 1941 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление об охране тыла фронтов и армий, возложив эти функции на пограничные и внутренние войска НКВД. 26 июня 1941 г. НКВД СССР на основании постановления «О назначении начальников войск по охране фронтов» создал первые войсковые специальные формирования. На Севере и Северо-Западе в их распоряжение передавались все пограничные, оперативные и конвойные подразделения, а также войска по охране железнодорожных сооружений и промышленных объектов, находящихся на территории Карело-Финской ССР, Эстонской ССР, Мурманской, Ленинградской областей.

Однако этот документ не учел ряд серьезных вопросов. Не была, в частности, решена проблема реальной безопасности и охраны железнодорожных сооружений, а также военных объектов. Кроме того, не определялось, какие части собственно передавались для охраны воинского тыла (далее: ОВТ). К тому же пограничные и так называемые оперативные подразделения, которые, по мысли разработчиков данного постановления, должны были заниматься решением задач ОВТ, уже с самого начала боевых действий воевали. В результате допущенную неточность руководство страны

постаралось исправить. 28 июня 1941 г. приказом НКВД была создана Особая группа охраняемых объектов, которая должна была заниматься защитой железнодорожных сооружений и промышленных объектов. Эту группу войск возглавил генерал-майор И. С. Любый – уже являвшийся начальником войск НКВД по охране этой группы объектов. Теперь задача состояла в том, чтобы вывести эти войска из зоны боевых действий и перевести их на охрану тылов действующей армии.

Но здесь были большие трудности. Дело в том, что части Красной Армии в начале войны отступали, нередко не оказывая серьезного сопротивления противнику, тогда как части НКВД явно проявляли особую стойкость и умение вести боевые действия в сложных условиях напряженных оборонительных боев. Поэтому командиры стрелковых частей и соединений действующей армии всеми способами стремились оставить боевые подразделения НКВД под своим руководством, направляя их на особо ответственные участки фронта. Так, в Карелии в состав 44-й стрелковой дивизии был влит 35-й мотострелковый полк войск НКВД, а в состав 37-й стрелковой дивизии вошли 15-й и 24-й полки войск НКВД. В сентябре 1941 г. против горно-егерских пехотных дивизий на Мурманском направлении вел боевые действия 18-й отдельный стрелковый пограничный батальон¹. Более того, командующий 14-й армией, прикрывающий это направление, неоднократно направлял группы пограничников 101-го полка в тыл наступающих войск, превращая их в диверсионные группы, но оставляя таким образом тыловые позиции своих войск без прикрытия. Это позволило противнику использовать данную ситуацию и уже в тылу советских войск проводить диверсионные операции. Так происходило фактически на всех участках фронта.

В этой ситуации 23 августа 1941 г. начальник охраны тыла 7-й армии, которая вела напряженные боевые действия в Карелии, полковник А. Я. Киселев направил командующему армии рапорт, в котором указывал, что «в результате неправильного использования пограничников за первые два месяца войны они имеют до 50% потерь в личном составе». Далее он подчеркнул: «Вместо того чтобы поддерживать соответствующий порядок в прифронтовой полосе, эти наиболее подвижные, не нуждающиеся в дорогах, хорошо подготовленные бойцы сидят в окопах в общей системе обороны или бросаются в бой

без достаточной разведки». В результате А. Я. Киселев внес предложение вывести Ухтинский, Ребольский и Кипримякский пограничные отряды из оперативного подчинения командиров дивизий 7-й армии и передать их в подчинение начальнику ОВТ. При этом на Ухтинский пограничный отряд, по его мысли, следовало возложить задачу охраны транспортной коммуникации, соединяющей Кемь с Ухтой, а также организацию рейдов в прифронтовые территории, контролируемые противником. Здесь они должны были, действуя партизанскими методами ведения войны и привлекая к боевым операциям местное населения, стремится нарушать перевоз продовольствия и транспортировку боеприпасов в действующих частях войск противника. Что же касается Ребольского погранотряда, то ему также, по взглядам А. Я. Киселева, необходимо было организовать охрану дорог Кочкома – Рукозеро и Масельская – Рукозеро. Этому соединению, тоже действуя методами партизанской войны, следовало заняться попытками организации диверсионной деятельности с целью нарушать доставку боеприпасов и продовольствия в тылу войск противника. Кроме того, А. Я. Киселев аналогичным образом еще предлагал вывести из подчинения армии Сортовальский и Олонецкий погранотряды. Этим пограничным войскам, по мысли начальника охраны тыла 7-й армии, следовало поручить исключительно решение задач по охране дорог между Медвежьегорском – Поросозеро, а также Лодейное Поле – Олонец – станция Свири и Олонец².

Эти соображения тогда были весьма своевременны, поскольку в сентябре 1941 г. вопрос об использовании войск НКВД не по их прямому назначению рассматривался в Генштабе и Наркомате внутренних дел СССР. Тогда было принято решение об упразднении войск по охране тыла армий. Генштаб и НКВД подтвердили решение СНК СССР от 26 июня 1941 г. о подчиненности войск по охране тыла фронтам. В результате полковник А. Я. Киселев был назначен начальником войск по охране тыла Карельского фронта³.

Действительно, задачи охраны тыла действующей армии и оборона железнодорожных и водных коммуникаций на территории Карелии оставались исключительно ответственными и крайне сложными для их реализации. Так, 82-й полк НКВД, обеспечивавший охрану и оборону железнодорожных и вод-

ных коммуникаций в приграничной полосе в районе Хийтола, Сердоболь (Сортавала), Маткаселька, в августе 1941 г. в течение двух недель отражал атаки противника⁴. В целом с момента начала наступления финской армии и до сентября 1941 г. этот полк, по соответствующим подсчетам, провел 63 боя. В боевых столкновениях тогда участвовали до 30 подразделений 82-го полка с общей численностью 2041 чел. Тогда только этим полком было уничтожено более тысячи солдат и офицеров противника, сбито огнем три самолета, а также уничтожено 5 танков и 2 орудия⁵.

Кроме того, не менее мужественно сражался и личный состав 52-го полка 23-й дивизии НКВД. Особенно ярко бойцы полка проявили себя, когда 19 августа 1941 г. передовые части финских войск появились на подступах к железнодорожному мосту через реку Шуя на 114-м км. Одно подразделение полка в составе 55 человек при поддержке бронепоезда вступило в бой с разведкой, а затем и с основными силами. 20 августа бой длился 6 часов. Гарнизон отбил пять атак. В результате, по советским данным, противник оставил на поле боя до 200 своих солдат и офицеров. Подтянув еще дополнительные силы, финские подразделения, однако, обошли сражающийся гарнизон, перерезали шоссейную и железную дороги, вышли к станции Пески⁶. Таким образом, вторая рота полка оказалась в окружении и по приказу отошла. Первая же рота продолжала держать оборону железнодорожного моста через реки Свири и Погра. В целом 52-й полк с начала войны и по октябрь 1941 г. провел 76 боев, в которых участвовало 36 его подразделений⁷.

Особенностью боевых действий всех полков 23-й дивизии НКВД по охране железнодорожных сооружений в Карелии является то, что гарнизонам приходилось вести боевые действия с диверсионными группами противника, которые стремились сбить караулы с мостов и их захватить. Личному составу гарнизонов приходилось небольшими оперативными группами, поисковыми отрядами выявлять диверсионно-разведывательные группы противника, вступать с ними в бой и уничтожать. Командованием войск ОВТ Северо-Западного фронта был создан отряд автоматчиков (48 чел.), который действовал в тылу врага, громил его штабы и обозы.

Особо следует отметить, что уже в первые часы начавшейся войны воины войск НКВД проявляли мужество, стойкость

и преданность своей Родине. 3 июля 1941 г. развернулись ожесточенные бои на участке 80-го Кипримякского пограничного отряда. Сводная группа пограничников, которую возглавил начальник отделения боевой подготовки штаба отряда старший лейтенант Н. Ф. Кайманов, не допустила прорыва финнов через границу, заставляя их отступать и нести большие потери. С 4 по 12 июля и далее еще 19 суток под бомбежками и артиллерийскими обстрелами группа Кайманова отбивала атаки противника, но была окружена и по приказу выведена из боя. Пограничники через лесисто-болотистую местность, занятую финскими войсками, нередко вступая с ними в столкновения, в конечном итоге вышли, преодолев 160 километров занятой противником территории, из окружения. 26 августа 1941 г. Н. Ф. Кайманов был удостоен звания Героя Советского Союза⁸.

В это время 14-й Краснознаменный полк НКВД вел тяжелые бои по прикрытию отхода отдельных частей 198, 142, 123 и 115-й стрелковых дивизий. В этих боях полк понес значительные потери, но противник не смог прорвать занятые им позиции, что позволило подразделениям дивизий отойти на новые рубежи, избежав, таким образом, больших потерь⁹.

Показательно, что принявшие на границе первый удар противника войска затем сохраняли свой боевой дух, бойцы этих пограничных подразделений, неоднократно раненные в этих боях, не демобилизовались из действующей армии, а остались служить до конца войны.

¹ Пятнадцать суток этот батальон сдерживал наступление противника, истребив, по имеющимся сведениям, около 600 человек. Однако сам он потерял также почти весь личный состав (350 убитыми и ранеными).

² Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941: Сб. документов и материалов. М., 1976. С. 588.

³ Там же. С. 522.

⁴ Только одним батальоном полка здесь было уничтожено до 800 финских солдат. Оказавшись в окружении, этот батальон прорвал кольцо и с боями вышел на соединение с полком.

⁵ Внутренние войска в Великой Отечественной войне. М., 1970. С. 114.

⁶ Там же. С. 116.

⁷ По имеющимся сведениям, в результате в этих боях было уничтожено более четырех тысяч солдат и офицеров противника, а ружейно-пулеметным огнем

бойцов этого полка было сбито 4 самолета. Кроме этого артиллеристы подбили 8 танков, 2 бронемашины, 4 орудия, 3 цистерны с горючим (там же, с. 119).

⁸ На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. М., 2000. С. 245.

⁹ В этих боях бойцы и командиры проявляли стойкость и героизм. Старший политрук Н. М. Руденко лично уничтожил 19 финских снайперов, захватив пулемет противника, вел огонь, но трижды был ранен. На помощь ему бросился санинструктор А. Кокорин. Оказав первую помощь, он сам был ранен, но продолжал сражаться. Будучи окруженным, он со словами: «Чекисты в плен не сдаются», взорвал себя и 5 финнов гранатой. Руденко и Кокорин были удостоены звания Героя Советского Союза. (См.: Курьянов Т.Н. Старший политрук Руденко. Л., 1985). В этих же боях младший лейтенант 15-го Краснознаменного полка НКВД А. Дивочкин 25 июля 1941 г. в бою у озера Мярет принял командование батареей и с опасностью для жизни ликвидировал пожар на складе боеприпасов. Попеременно стреляя из двух орудий, он уничтожил до взвода вражеских солдат. Также был удостоен звания Героя Советского Союза (см.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне. М., 1970, С. 130).

Д. А. Журавлев

**СУДЬБЫ ГРАЖДАН ФИНЛЯНДИИ
В ДОКУМЕНТАХ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ
КРАСНОЙ АРМИИ 1941–1946 гг.**

Истории болезни, как специфический источник не только медицинской информации, содержат в том числе значительный объем данных, связанных с особенностями пребывания граждан иностранных государств в лечебных учреждениях Красной армии, развернутых на территории Советского Союза и за его пределами¹.

В ходе данного исследования были изучены 40 историй болезни граждан Финляндии. Всего же в фондах Архива военно-медицинских документов, являющегося ныне филиалом Центрального архива Министерства обороны, содержится информация на более чем 600 финнов. Большая часть историй болезни приходится на времена 1939–1940 гг. Период 1941–1946 гг. представлен названными документами несколько хуже, зато граждане Финляндии упомянуты в иных документах медицинской службы Красной армии — отчетах, сводках, перечнях и пр.

Выявленные истории болезни финских граждан хронологически распределяются в промежутке лето 1941 г. — зима 1946 г. Большее число из них приходится на период 1944 г. (15), затем следует 1941 г. (10) и 1942 г. (7). Фрагментарно представлены остальные годы, есть также несколько документов, определить хронологические рамки которых не удалось. В 1941 и 1944 гг. преобладают истории болезни, в которых фиксировались случаи ранений, что вполне логично отражает активность боевых действий на советско-финском фронте.

Географический разброс также весьма велик — от Гумбинена до Соль-Илецка. По принадлежности к лечебным учреждениям, где они заполнялись, преобладают в общем массиве следующие группы — эвакуационный госпиталь № 1035, станция Мартук (Казахстан), и в данном случае это истории болезни 1942 г.; сортировочно-эвакуационный госпиталь № 2222, Ленинград, основная часть которых приходится на 1944 г.

Практически в равной степени представлены в документах случаи ранений и болезни. По результатам лечения истории болезни распределяются следующим образом: согласно данным документам, 13 человек скончались, 26 были выписаны либо переведены в иные лечебные учреждения. Подобная неблагополучная картина по исходам пребывания в советских госпиталях объясняется в первую очередь тем, что значительная часть данных историй болезни была заполнена в Мартукском лагере, в госпиталь которого доставлялись военнопленные с крайне тяжелыми заболеваниями, запущенными формами.

Подавляющая часть историй болезни заполнена на военно-служащих финской армии, вместе с тем в нашем распоряжении есть и истории болезни, которые были заведены на территории Германии в 1945–1946 гг. на гражданских лиц. В них зафиксированы случаи болезни, при этом все больные были выписаны либо направлены в иные лечебные учреждения с улучшением состояния.

Одной из первых была заполнена история болезни Куста Кивеля, раненного в июле 1941 г. и поступившего 31 июля в эвакуационный госпиталь № 293. После выздоровления он прошел через госпитальную комиссию и был эвакуирован в лагерь для военнопленных. К тому же периоду относится и случай Паво Ойнане, который был ранен 6 августа 1941 г. и поступил в советский госпиталь на следующий день. Первая помощь ему была оказана на поле боя, вероятно, медсестрой, скорее всего, советской. Впоследствии он был переведен в другой госпиталь, а потом эвакуирован в Ленинград, что было связано, как представляется, с тяжелым состоянием больного и необходимостью оказать ему специализированную медицинскую помощь в лечебных учреждениях города на Неве.

Формы историй болезни, использованные для учета раненных и больных граждан Финляндии, были различными. Как установленного образца (форма № 5 УВВ, заполняемая, как правило,

в лечебных учреждениях НКО СССР, а также госпитальные карты той же формы; форма № 12, утвержденная Наркомздравом СССР 7.4.1938 г., использовавшиеся в гражданских лечебных учреждениях), так и заполненные от руки на подручных листах бумаги разного формата. Последний случай иллюстрирует история болезни из эвакуационного госпиталя № 2222, которая была заполнена на материале, слишком к кальке, разлинована от руки и переплетена. В том же госпитале была заведена история болезни неустановленного образца, отпечатанная на машинке на развороте формата А3.

Как и в период боевых действий 1939–1940 гг., на раненых финских военнослужащих заводили те же документы, что и на советских, в частности карточку передового района.

Полноценная и разнообразная информация относительно обстоятельств ранения или заболевания содержится в тех случаях, когда при заполнении истории болезни присутствовал переводчик либо пациент владел в той или иной степени русским языком. Влияло также на полноту сведений в данном источнике наличие иных документов, не только медицинской службы.

В заполнении паспортной части истории болезни основная сложность возникала у медицинских работников при установлении личных данных, в первую очередь фамилии и имени пациента. Если он поступал с предыдущих этапов оказания медицинской помощи, имея соответствующие документы, то эти сведения просто копировались. Вместе с тем и при этом возникали подчас различные толкования фамилии больного или раненого. Особенно отчетливо это проявляется при рассмотрении документов, входивших в состав истории болезни, в которых подчас встречается несколько транскрипций одной и той же фамилии и имени, которые, вероятно, записывались подчас на слух. В одной истории болезни встречается формулировка «со слов больного».

Истории болезни содержат в себе не только фиксированные записи о поступлении пациента в лечебное учреждение, обследовании и течении болезни или ранения, но и различные документы, в той или иной степени связанные с обстоятельствами жизни пациента. В это число входят результаты анализов и обследований, температурные графики, рентгенограммы.

В сравнении с историями болезни других иностранных граждан, в частности американских и английских моряков, проходив-

ших лечение в госпиталях Северного флота в 1941–1945 гг., лишь в одном документе была обнаружена опись личного имущества поступившего, что обусловлено, вероятно, статусом военнопленного либо репатриированного лица. В истории болезни температурный лист, ведомость на сдачу одежды и белья по эвакуационному госпиталю № 1437.

Изучение историй болезни финских граждан показывает, что им оказывалась медицинская помощь в надлежащем объеме, условия их содержания, ухода соответствовали норме. Раненые и больные проходили санобработку, в течение разных отрезков времени в их распорядок включалась ванна, смена белья. При поступлении в лечебное учреждение, если этого не было сделано ранее, раненым вводилась противостолбнячная сыворотка.

В историях болезни отмечались и назначения для больных – горчичники, грелка на живот и к ногам, банки. Нередко это минимальные действия, которые были возможны в тех условиях, и распространялись также и на советских военнослужащих.

В историях болезни можно встретить и специальные пометки лечащего врача «Следить за больным!», что следует объяснить особым отношением со стороны медицинских работников к состоянию больного.

Приведем следующий пример. В августе-сентябре 1941 г. финский военнослужащий проходил лечение в одном из госпиталей в Ленинграде. Находившемуся в тяжелом состоянии больному была назначена специальная диета, включавшая молоко, яйца, кисель. Для больных пеллагрой был определен специальный противопеллагрический стол. В необходимых случаях лечащим врачом назначались также консультации узких специалистов.

Даже в тяжелых условиях начального периода войны советские врачи стремились оказывать медицинскую помощь в полном объеме, проводя также реабилитацию раненых. Об этом свидетельствует история болезни Куста Кивеля, поступившего 31 июля 1941 г. в эвакуационный госпиталь № 293. В ней зафиксированы лечебная гимнастика и иные процедуры. Вскоре финн был выписан госпитальной врачебной комиссией «как здоровый» для отправки в лагерь.

Уровень оказываемой медицинской помощи, общих лечебных мероприятий не менялся в худшую сторону с течением времени, что доказывают истории болезни за более поздний период.

На историях болезни различных медицинских учреждений стоят особые отметки, сделанные ручкой или карандашом. Чаще всего это указание на то, что речь идет о военнопленном. Встречаются также указания на принадлежность пациента к армии того или иного государства. Курьезными в данной связи выглядят отметка на истории болезни Рейно Ахола, находившегося на лечении в эвакогоспитале 1035, располагавшемся на станции Мартук: «Военно-пленный (германской армии). Фин.». Подобное мы находим и в других документах. В одной из историй болезни есть и следующая отметка: «Переведен из белофинской армии».

Фамилии и имена финских граждан давались советским медикам с большим трудом. Ошибки были большими в том случае, когда медицинский персонал не использовал предыдущие документы и либо спрашивал самого больного, либо записывал с чьих-то слов. Так, в частности, произошло с Тойво-Юхони Вифрама, который был записан в иных документах (анализах, выписке, медико-санитарной карте) как Виртома, Вертама, Вистома, Виертома. Либо в случае с Пенти Арела, на истории болезни которого стоит отметка карандашом Aroba, в результатах анализов — Арони, Арола П. А.

Как и в случае с другими иностранными гражданами, советские медики пунктуально заполняли все графы и наравне с именами и фамилиями в отдельных случаях, фиксировали и отчество финнов, как это произошло с Аре Леуто, который был обозначен как «Эдуардович». Были и другие случаи: «Кинкари Алэкс Роханович». Кроме того, в истории болезни последнего указано и имя матери раненого. В ряде случаев указан четкий адрес проживания больного. Причем очевидно, что для подобного полного заполнения истории болезни необходима была широкая информации о пациенте, его личных данных.

В нескольких случаях фамилия и имя военнослужащего указывались на финском языке, вероятно, в данном случае заполнявший использовал документы раненого или больного.

Довольно полно заполнялись в историях болезни военнослужащих финской армии, находившихся в пленау, пункты, отражавшие принадлежность к воинской части, включая данные о конкретной роте, полке, дивизии и батальоне, а также обстоятельства получения ранения или заболевания. При возможности вносились также данные о профессии и деятельности больного в мирное время. Вероятно, в распоряжении медицинских работни-

ков, заполнявших истории болезни, были документы, составленные ранее, в том числе при участии переводчиков. В одной из историй болезни указано: «Объясняется через переводчика». В другой также указано: «Порусски не говорит» (так и в источнике. — Д.Ж.). В одной из историй болезни есть следующая отметка: «Осмотрен окулистом. Жалобы на плохое зрение. Имевшиеся очки отдал при пленении».

В истории болезни рядового Эрки (Франц — вероятно, указано отчество. — Д.Ж.) Варманена (18 пехотная дивизия 48 пехотного полка 2 батальона 8 роты), проходившего лечение в СЭГ 2222, входит интересный документ, не имеющий отношения к лечению раненого. Варманен поступил в госпиталь 4 июля 1944 г. из лагеря военнопленных № 1. В составе истории болезни есть пропуск для добровольно сдавшихся в плен — на русском и финском языке. На обратной стороне — фото некоего Вейко Липпонена, перешедшего на советскую сторону. Качество очень плохое. Но есть текст на финском, который, вероятно, содержит информацию об обстоятельствах перехода указанного финна на советскую сторону. После окончания курса лечения больной был выписан в пункт № 1.

В архиве находится целый блок документов, свидетельствующих о пребывании финских военнослужащих в эвакогоспитале 1035, располагавшемся на станции Мартук. Исходы разные, от смерти до полного выздоровления.

Причем в массиве историй болезни финских граждан есть и материалы относительно гражданского населения, находившихся на территории Европы в 1945 г. Так, в январе 1946 г. в эвакуационный госпиталь 2100, располагавшийся тогда в Германии, поступила Айно Геделя, проживавшая в Рованиеми. Особенность заключается в том, что она находилась в госпитале с ребенком, который, вероятно, также испытывал недомогание. Айно провела в советском госпитале без малого три месяца, вследствие тяжести заболевания, и была переведена, как указывалось в истории болезни, «для дальнейшего долечивания и отправки на родину в лазарет лагеря № 232 г. Франкфурт».

Есть и еще одна подобная история болезни, Берты Виат. Интерес представляет и сам ее формуляр. Она заполнена от руки на разлинованных листах в половину обычного формата. В качестве листов использовались немецкие документы 1932 г. по делопроизводству медицинской службы. Больная поступила из 169-го комендантского интернационального батальона 4 июля 1945 г.

из Бинструкта. При выписке были обозначены ограничения при последующей деятельности больной: «Нуждается в освобождении от физической работы на 15 дней. Следовать пешком на дальние расстояния не может». В истории болезни Вальтера Нутленда сделана следующая запись: «Выписывается в лагерь в удовлетворительном состоянии. Подлежит отправке на родину в первую очередь». Последней по хронологии стоит история болезни Эйно Руджрем, которая была доставлена для лечения в ЭГ 2100 из лагеря 232 в феврале 1946 г., а выписана обратно в лагерь в марте того же года.

Истории болезни репатриантов заполнены, как правило, на листах неустановленного образца. Сопоставление историй болезни финских граждан периода 1939–1940 гг. и более позднего периода не дает возможности говорить о принципиальных различиях в их ведении, как утверждает финский исследователь Дмитрий Фролов в своей монографии «Советско-финский плен 1939–1944»². Данные о поступлении из одних лечебных учреждениях и перемещении военнопленных в иные, фиксировались и в период Советско-финляндской войны.

Необходимо отметить, что изучение историй болезни финских граждан 1941–1946 гг. дает во многом локальные выводы, позволяющие судить об отдельных особенностях оказания медицинской помощи и пребывании военнослужащих и гражданского населения в лечебных учреждениях Красной армии. Более полный анализ возможен с привлечением комплекса документов военно-медицинской службы.

¹ Журавлев Д.А. История болезни финских военнопленных в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. как исторический источник // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы седьмой ежегодной научной конференции (13–14 апреля 2004 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2006. С. 281–282.

² Фролов Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. Хельс.-СПб., 2009. С. 270.

В. Н. Барышников

**О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ
СОЗДАНИЯ ФИНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СС
ДЛЯ ГЕРМАНО-ФИНЛЯНДСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ***

В истории Второй мировой войны существовало такое весьма неординарное историческое явление, как создание на территории вполне суверенного государства, имеющего свою собственную независимую исполнительную и законодательную власть, немецким военно-политическим командованием ярко выраженного идеологического военизированного формирования — эсэсовские части. Этой формально самостоятельной от нацистской Германии страной оказалась тогда Финляндия. Исследователи традиционно объясняют данный факт политическими соображениями, вызванными желанием руководства Финляндии иметь некий залог в лице финских граждан, завербованных в эсэсовские войска, который мог бы «окончательно укрепить уверенность Финляндии в получении от Германии помощи» в случае новой войны с СССР¹ и доказать нацистам надежность, а также готовность Финляндии находиться в общем строю с фюрером в борьбе с коммунистическим Советским Союзом.

Отчасти с данной весьма распространенной оценкой принятого весной 1941 г. финляндским руководством решения можно согласиться, поскольку начало рекрутования финнов в подразделения СС стало проводиться еще до нападения рейха

* Статья подготовлена в рамках Мероприятия 2 СПбГУ «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв.» (5.38.275.2014).

на Советский Союз, но после уже принятого в Берлине решения о создании неких интернациональных эсэсовских войск, объединенных в дивизию ваффен-СС «Викинг».

Официально о создании подобной дивизии А. Гитлер объявил после уже утверждения плана «Барбаросса» — 21 декабря 1940 г. Причем изначально идея включения иностранцев в новую дивизию была очевидно продиктована тем, что для формирования полнокровного и хорошо укомплектованного эсэсовского соединения в нем явно не хватало достаточного количества личного состава чисто немецкого происхождения². В таких условиях в рейхе решили подумать о гражданах других, прежде всего так называемых «арийских», государств, поддерживающих нацистскую идеологию и находящихся под контролем Германии. Но, как это представляется удивительным, среди потенциальных волонтеров также оказались и финны, т. е. представители финно-угорских, а не арийских народов. Окончательно политическое решение о создании из граждан Финляндии воинских формирований СС в рейхе было принято в начале 1940 г. Конкретно 30 января 1940 г. на это дал свое согласие Г. Гиммлер, а затем, спустя чуть меньше месяца, 20 февраля эту идею поддержал уже сам фюрер³.

Это достаточно неординарное по своей сути решение тем не менее вызвало достаточно позитивную реакцию в Хельсинки. Однако возникает вопрос: чем можно было объяснить такую покладистость финского руководства и весьма быстрое его согласие на возможность эсэсовцам организации начала вербовки среди граждан страны?

Как представляется, только одного стремления узкого круга лиц, которые в тот период управляли страной, укрепить гарантии «в получении от Германии помощи», очевидно, все же не достаточно. На самом деле, Финляндия эти гарантии уже имела. Она их обрела тогда, когда с осени 1940 г. финское руководство добровольно, что тоже является по своей сути не менее уникальным решением, позволило разместить немецкие войска на своей территории. Такого ни в одной стране мира тогда не было. В результате присутствие немецких войск на севере страны являлось более весомой и более реальной «страховкой» в случае начала с СССР войны, чем передача права нацистам на формирование на ее территории финских эсэсовских частей.

Очевидно, что в вопросе об «эсэсовском движении» большую роль играли уже не военно-политические вопросы германо-финляндского сотрудничества, а идеологический аспект данных действий. Именно его и следует рассматривать как важный и определяющий фактор, который имел ключевое значение в принятии в Финляндии решения о поддержке «эсэсовского движения».

В целом поддержка финским руководством идеи создания на территории страны эсэсовских частей проходила в общем контексте развития тогда активного германо-финляндского сотрудничества. В данном плане это решение можно лишь сравнить с присоединением Финляндии в ноябре 1941 г. к Антикоминтерновскому пакту, который, по мнению финских дипломатов того времени, «являлся в большей степени показательным, чем влияющим в действительности на ход самих дел»⁴.

С другой стороны, конечно, нельзя считать, что подобные действия финского руководства имели глубоко моральную составляющую в отношении к своему собственному народу, часть из которого, возможно, разделяла фашистскую идеологию. На самом деле, это являлось ярко выраженным свидетельством серьезной готовности верхов страны приносить в жертву нацистам не только своих граждан, но даже и где-то самим воспринимать эту идеологию. Очевидным доказательством тому стала легкостью, с которой была организована запись в эсэсовские части на финской территории весной 1941 г. Тогда фактически за два месяца в Финляндии удалось завербовать в СС такое количество людей, которое могло позволить Германии развернуть у себя полнокровную финскую воинскую эсэсовскую часть.

В результате, оценивая сложившуюся в тот момент в Финляндии ситуацию здесь далеко не достаточно указывать лишь на формальную заинтересованность Хельсинки в необходимости получения немецкой поддержки, которую рейх мог оказать их стране в ее подготовке к новой войне против СССР. Важно учитывать и другое. Очевидно, что нацистская идеология уже не просто существовала, но и нашла в Финляндии достаточно хорошую питательную почву. И это произошло даже при условии отсутствия у финнов арийского, расового соответствия с германскими народами, что являлось весьма важным атрибутом, который учитывался тогда при отборе в СС.

В этом плане здесь очевидно также четко просматривалась определенная явная идеологическая близость к нацистам, которая затем ярко обнаружилась у финской оккупационной администрации на захваченной Финляндией советской территории, где нередко «в глазах финского оккупационного правительства, “русские не были людьми”»⁵. Это как раз и соответствовало расовым критериям, которые активно внедрялись в сознание нацистами в условиях войны против народов СССР и очень хорошо подходили эсэсовцам.

Но, оценивая политическое значение создания финских подразделений СС, важно также коснуться позиции в данном отношении и Германии. Привлечение финнов к «эсэсовскому движению» в рамках боевой деятельности в составе дивизии ваффен-СС «Викинг» было очевидно вызвано не только стремлением за счет призванных на нацистскую службу иностранцев укрепить боевой потенциал этой дивизии. Цель данного мероприятия, как представляется, была более масштабной и явно предполагала решения также и ряда политических задач.

Первое, что здесь нужно учитывать, было то, что в результате активной поддержки со стороны государства в апреле-мае 1941 г. в Финляндии была организована широкая вербовка в войска СС. В результате в эсэсовские части записалось до 1566 кандидатов, из которых затем в Германию все же было отправлено, после соответствующей селекции, похожих на арийцев, лишь 1226 человек⁹. Сама по себе эта цифра лиц желающих в Финляндии стать в строй «солдат фюрера» впечатляла. Фактически в короткий срок — два месяца — на территории суверенного государства гитлеровцы сумели завербовать столько финнов, что из них можно было развернуть уже половину полка дивизии или весьма расширенный батальон, который мог состоять из четырех рот.

Но далее ситуация стала складываться также весьма своеобразно.

Дело в том, что эсэсовские новобранцы фактически были разделены на две части. 421 человек, прошедших до этого горнило «зимней войны», немедленно начали рассредоточивать по подразделениям дивизии «Викинг» среди «немцев, норвежцев, датчан, голландцев и фламандцев» и т. д.⁷ Они действительно пополнили личный состав эсэсовской дивизии

и в результате фактически полностью растворились в ее различных подразделениях.

Других же — более значительное число, руководство СС решило предварительно еще «хорошо» обучить военному ремеслу. Здесь из финнов, которых оказалось вместе с немецкими инструкторами порядка тысячи человек, начали сколачивать отдельное боевое подразделение, приступив к формированию собственного финского батальона⁸. Но при этом стало показательным то, что в этом батальоне все, начиная с офицеров и заканчивая младшими командирами, являлись исключительно немцами⁹. Это происходило даже при условии того, что из Финляндии в качестве добровольцев на службу в СС записалось 125 офицеров и младших командиров, ранее служивших в финской армии. Очевидно, эсэсовцы были не заинтересованы в финских командаирах и им явно не находили соответствующие командные посты в создаваемом финском батальоне¹⁰. Естественно, что все в формируемой воинской части было немецким, включая «язык команд, так же как и немецкие песни, под которые маршировали солдаты»¹⁰.

18 июня 1941 г. финский батальон, состоящий из четырех рот, был уже сформирован. В батальоне, естественно, появился и свой командр. Им стал гауптштурмфюрер СС (капитан) Ганс Коллани¹². Этот человек являлся достаточно известной в нацистских кругах фигурой, поскольку до этого, с 1935 г., проходил службу в качестве адъютанта у группенфюрера СС (генерал-лейтенанта) Йозефа Дитриха, командовавшего элитной дивизией «Лейбштандарт-СС Адольф Гитлер»¹³. Естественно, что навыки, которые он за это время получил у Й. Дитриха, считавшегося одним из наиболее жестких людей в эсэсовском руководстве, могли быть теперь активно применены в отношении финских новобранцев¹⁴. По воспоминаниям солдат берлинского учебного центра «Лейбштандарт-СС Адольф Гитлер», военная подготовка здесь осуществлялась крайне суровыми методами.

В целом линия нацистского руководства выражалась в том, чтобы «жестокая дисциплина и методы обучения добровольцев будущей дивизии в конечном итоге способствовали созданию воинской части с незаурядной боевой мощью, закрытого формата»¹⁵. Причем в эсэсовских частях система военной подготовки

основывалась на ярко выраженных формах идеологической обработки, где «у солдат разных национальностей должна была быть сформирована единая общая велико-германская задача, которая превращалась в главную цель всех национальных групп» входящих в войска СС¹⁶.

В целом из финских добровольцев стремились прежде всего сделать «солдат фюрера», где, как указал сам А. Гитлер, при их подготовке особо обращать внимание на их «идеологическое воспитание в духе приверженности Германскому рейху». Далее фюрер подчеркивал, что «никогда не следует забывать, что любой из этих легионеров, если только не проникнется сознанием своей кровной связи с Германским рейхом как основой нового европейского единства, будет чувствовать себя предателем своего народа»¹⁷. В результате идеологическая обработка новобранцев в духе нацизма являлась одной из центральных задач в деле провидения среди финских добровольцев соответствующей «воспитательной работы». Как им внушалось, «в войсках СС не признают никакого другого Бога, кроме как Гитлера»¹⁸.

Естественно, что финнов тогда активно принялись заставлять учить немецкий язык, поскольку вначале $\frac{2}{3}$ волонтеров вообще не могла понять те приказы и распоряжения, которые давало им немецкое командование¹⁹. Более того, наряду с организацией для финских новобранцев масштабных военных тренировок и специфических «политзанятий», их еще активно знакомили с современной германской массовой культурой²⁰. Частыми гостями в расположении создаваемого батальона были ведущие немецкие артисты. Кроме того, фактически ежедневно для солдат демонстрировали немецкие кинофильмы, что позволяло «ненавязчиво» прививать немецкие стереотипы массового фашистского сознания.

Тем не менее на четвертый месяц войны, 1 сентября 1941 г., финские эсэсовцы официально закончили «школу молодого бойца», и об этом командир батальона Ганс Коллани торжественно им объявил. Но это отнюдь не означали, что финский батальон немецкое командование немедленно готово уже было бросить на фронт. Они прибывали в Германию еще более трех месяцев до конца 1941 г., продолжая проходить по соответствующей технологии эсэсовскую подготовку. Однако то, что германское

командование финский батальон не стремилось отправить на фронт, выглядело уже достаточно удивительным. В батальоне тогда даже существовало шутливое утверждение, что «Гитлер забыл про финнов»²¹. Действительно, в практике подготовки новобранцев к боевым действиям в годы войны в рейхе существовал порядок, при котором обучение длилось не более одного месяца. Финнов же эсэсовцы готовили больше полугода, причем весьма тщательно, мотивируя это необходимостью «достижения серии мер воспитательного характера»²¹.

Столь трогательное отношение к финским новобранцам, однако, не может не вызвать определенных вопросов. При условии, когда в рейхе планировали закончить войну с СССР победой к зиме 1941 г., столь тщательно военно-политическая выучка финнов выглядела в чисто военном отношении, вероятно, излишней. Очевидно, что здесь могли уже присутствовать определенные другие мотивы, нежели чем щепетильное шлифование среди финнов солдатского мастерства. Вероятно, что молодые финские эсэсовцы могли быть более полезны для рейха в случае необходимости в дальнейшем, уже для решения пронацистских задач в самой Финляндии. Судьба этой страны в случае победы Гитлера в Европе, несомненно, была бы определена в более масштабном варианте и, вероятно, не так, как это предполагали в Хельсинки. В этом отношении обученные в СС молодые финны как раз и могли оказать рейху более эффективно помочь и таким образом более существенно пригодиться, чем воевать на Восточном фронте.

В этом отношении в германо-финляндском сотрудничестве уже существовал исторический примеры. Известно, что в годы Первой мировой войны в кайзеровской Германии также из жителей Великого княжества Финляндского тоже сформировали отдельный 27-й королевский прусский егерский батальон, который изначально готовился для диверсионно-подрывной деятельности. Затем этот батальон даже повоевал на немецком Восточном фронте в Прибалтике. С обретением же Финляндией независимости военнослужащие этого батальона быстро вернулись на родину и стали ревностными сторонниками германской внешнеполитической, а особенно военной ориентации. Более того, основной командного состава молодой финской армии оказались именно эти бывшие егера. Конкретно в финских вооруженных силах

в 1920–1930-е гг. находилось почти 90 процентов таких офицером и генералов²³, а в Совете обороны страны — три его члена из пяти. Данное обстоятельство не могли не знать и не замечать в Германии и, очевидно, теперь явно готовили нацистскую смену для уже «новой» Финляндии.

При этом возможность именно подобного характера развития дальнейшего «эсэсовского движения» в Финляндии тоже хорошо видели. Неслучайно в финском парламенте еще в мае 1941 г., когда стало известно о начавшемся формировании из финнов немецких, эсэсовских, подразделений, прямо указывали на возможность будущих последствий за этим для Финляндии. Там тогда прямо звучали обвинения в том, что так называемых финских добровольцев «Германия хочет подготовить... в чисто политическом плане» и «вербует их не для себя... а для того, чтобы с их помощью подготовить фашизацию Финляндии». Далее развивая эту мысль, некоторые либерально настроенные депутаты прямо отмечали, «...получив нацистскую подготовку, эти господа будут в Финляндии действовать в пользу германской системы»²⁴.

Не исключая именно эту задачу нацистского руководства в отношении Финляндии, однако отметим, что война не пошла по тому сценарию, на который рассчитывали в Берлине. Она, как известно, затянулась, и в результате тщательно обученный финский батальон пришлось бросить на фронт, где он начал воевать в азовских степях и на Северном Кавказе. Серьезно потрепанный, он затем весной 1943 г. был возвращен на отдых в Финляндию. Однако в новых условиях коренного перелома в ходе Второй мировой войны и поиска путей выхода из нее финское руководство решило эсэсовский батальон не возвращать в боевые порядки дивизии «Викинг» и расформировать. Его бывшие военнослужащие распределялись по различным частям финской армии, что полностью нарушило какую-либо консолидацию этих людей внутри Финляндии.

Тем не менее Берлин продолжали рассчитывать на финских эсэсовцев и даже планировали с их помощью организовать в Хельсинки нацистский переворот. В рейхе, как заметил по этому поводу немецкий профессор М. Менгер, «чем больше утрачивалась вера в собственные возможности, тем более масштабным становились безудержные расчеты на коллaborационные круги

Финляндии»²⁵. Причем моделью для будущего Финляндии мог стать режим, который был установлен нацистами в Норвегии, где страной управлял их ставленник, бывший военный министр этой страны В. Квислинг²⁶. Однако попытка такого переворота в Финляндии так и не была осуществлена, но сам факт его планирования с использованием эсэсовцев являлся очень показательным с точки зрения реального значения создания финских подразделений СС для Третьего рейха.

Таким образом оценивая истинное политическое значение создания финских эсэсовских формирований, можно сказать, что они должны были очевидно выполнить совершенно другую миссию, чем в реальности это произошло.

¹ *Jokipii M. Jatkosodan synty.* Hels., 1987. S. 206.

² *Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС Викинг, 1941–1945.* М., 2006. С. 42.

³ *Jokipii M. Jatkosodan synty.* S. 190; *Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941.* Porvoo-Hels., – Juva, 1984. S. 73.

⁴ *Brotherus H. Kuusesta kataajaan. Päiväkirjavälähdyksiä 1941–46.* Porvoo-Hels.– Juva, 1978. S. 7.

⁵ См.: Бэкман Й. Отображение оккупации советской Карелии в 1941–1944 гг. в научной, художественной и мемуарной литературе Финляндии // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 309.

⁶ *Jokipii M. Jatkosodan synty.* S. 200.

⁷ Ibid. S. 201; *Stein G. H., Crosby H. P. Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* 1966, 4.10. S. 443.

⁸ *Jokipii M. Jatkosodan synty.* S. 201; Семенов К. К. Иностранные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте// Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 468.

⁹ *Jokipii M. Jatkosodan synty.* S. 202; *Stein G. H., Crosby H. P. Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS.* S. 444.

¹⁰ *Jokipii M. Jatkosodan synty.* S. 201.

¹¹ Хофман Т. Дивизия СС «Викинг». М., 2009. С. 8.

¹² Ганс Коллани погиб в Прибалтике в 1944 г. (см.: Красная звезда. 1944.19.08).

¹³ См.: Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. М., 2004.

¹⁴ См.: *Jokipii M. Panttipataloona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* Porvoo, 1996. S. 360.

¹⁵ Хофман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 7.

¹⁶ *Mikola K.J. Politiikkaa pataljoonana voimin // Historiallinen Aikakauskirja.* 1969, № 4–1. S. 333.

¹⁷ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1998. С. 178–179.

- ¹⁸ *Jokipii M.* Panttipataloona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 337.
- ¹⁹ Ibid. S. 344.
- ²⁰ Ibid. S. 351–352.
- ²¹ CM.: Ibid. S. 385.
- ²² Ibid. S. 356.
- ²³ *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 31.
- ²⁴ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. Hels., 1971. S. 33–34.
- ²⁵ *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 220.
- ²⁶ *Rislakki J.* Erittäin salainen. Valkoilu Suomessa. Hels., 1982. S. 290.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Е. О. Шлямина

**РОЛЬ Ф. М. АПРАКСИНА В ОРГАНИЗАЦИИ
И ПРОВЕДЕНИИ ОБОРОНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ**

Санкт-Петербург появился в самом начале Северной войны на территории, только что отвоеванной у противника. Это город, которому меньше чем через десять лет после своего основания суждено будет стать столицей. Конечно, вопрос о защите новой крепости и города встал сразу.

Федор Матвеевич Апраксин, генерал-адмирал, известен в первую очередь своей военной деятельностью. Его административная работа и организаторские способности остаются в тени.

В данной статье автором ставится задача обобщить военную и административную деятельность Ф. М. Апраксина по организации и проведению обороны нового города от шведов.

Говоря об обороне Санкт-Петербурга, необходимо в первую очередь сказать о крепости Кроншлот, которая была заложена вскоре после закладки крепости на Заячьем острове. В первые годы ее существования Ф. М. Апраксин был занят обязанностями губернатора Азова, но 1707 год все изменил. Еще 2 августа 1706 г. Петр I сообщает в письме Федору Матвеевичу о смерти адмирала Ф. А. Головина и приказывает: «которые приказы (кроме Посольского) оной ведал присмотреть, а деньги и прочие вещи запечатать до указу»¹. А с 22 февраля 1707 г. он официально становится адмиралом и президентом адмиралтейства. С этого времени активно начинается его деятельность, связанная с организацией обороны Санкт-Петербурга.

Какие же административные функции были у нового президента адмиралтейства, связанные с Кроншлотом? Уже в июне 1707 г. Ф. М. Апраксин прибывает на Кронштадтский рейд², где его встречают весьма благосклонно. С этого момента он начинает заниматься вопросом Кроншлота. Главной обязанностью, которая была у Ф. М. Апраксина в этой сфере, являлся надзор за возведением оборонных сооружений и обеспечением крепости всем необходимым. Надо сразу сказать, что здесь все шло далеко не гладко. Хотя строительство крепости началось за несколько лет до назначения Ф. М. Апраксина на эту должность, но и к этому времени работы в Кроншлоте не были хорошо налажены. Так, например, в 1712 г. он отчитывается Петру I в том, что для строительных работ в Кроншлоте не хватает людей³. Впрочем, с этой проблемой Ф. М. Апраксин сталкивался на протяжении всей своей службы. Еще одной проблемой, с которой пришлось столкнуться новому президенту адмиралтейства, была нехватка строительных материалов, о чем к нему и писал вице-адмирал К. Крюйс в июле того же года⁴. В дальнейшем именно к Ф. М. Апраксину постоянно поступают письма с отчетами о том, какими темпами идет строительство укреплений на острове Котлин и какие проблемы в связи с этим возникают. Здесь надо сказать, что практически по всем вопросам глава адмиралтейства обращался непосредственно к Петру I. С одной стороны, этот факт можно рассматривать как неспособность Ф. М. Апраксина принимать собственные решения. Но, на наш взгляд, это говорит о том, что он являлся хорошим исполнителем и старался лишний раз не проявлять инициативу, чтобы не вызвать недовольство царя. Кроме всего вышеперечисленного в 1720 г. Федор Матвеевич занимался и укреплением береговой обороны Кроншлота⁵.

Надо сказать, что крепость Кроншлот играла не только оборонительную и защитную роль. Так она стала также и базой для продвижения русских войск вглубь шведской территории. Так, с 16 марта 1710 г. в течение шести дней был предпринят 130-километровый поход по льду Финского залива от Кроншлота до Выборга русского корпуса под командованием Ф. М. Апраксина⁶. Результатом этого предприятия стала осада, а позднее и взятие выборгской крепости.

Стоит также упомянуть, что и после окончания Северной войны значение крепости не уменьшилось и Ф. М. Апраксин продолжил заниматься ее проблемами. Он по этому поводу посыпал

постоянные рапорты Петру I, в которых сообщает о состоянии дел. Так, в письме от 25 января 1722 г. он сообщает, что строительные работы идут по плану, а также спрашивает разрешения брать камень из полуразрушенного бастиона для строительных нужд⁷.

После рассмотрения деятельности Ф. М. Апраксина по укреплению подступов к Петербургу надо сказать и о непосредственно военных операциях под его руководством с целью защиты города от врага.

Какие же военные действия были предприняты под его руководством? Уже в феврале 1708 г. Ингерманландский корпус Ф. М. Апраксина находился вблизи Петербурга. В его подчинении находилось порядка 24 500 человек. С этого момента он возглавляет оборону на данном направлении. По мнению одного из исследователей этого периода, выбор пал именно на Ф. М. Апраксина по той причине, что он «уже имел опыт управления Азовской областью и отличался гораздо большей осторожностью, чем А. Д. Меншиков, тоже претендовавший на этот пост»⁸.

Стычки этого корпуса с противником начались в июне 1708 г. Первое серьезное дело началось 29 июня. В ходе захвата неприятельской заставы у реки Семы стало известно о том, что два вражеских полка находятся недалеко от Ракобора. В связи с этим известием было решено начать наступление на неприятеля. В ходе проведенной операции шведский отряд был разбит.

Вскоре последовали другие военные действия. Уже 8 августа 1708 г. войска генерала Г. Любеккера переправились через реку Сестру и подошли непосредственно к реке Неве выше реки Тосны. В то же время невдалеке от Кроншлота показались шведские корабли. В конце августа генерал переправился через Неву для поиска припасов, которые были собраны в Ингерманландии, но они уже были уничтожены русскими солдатами. В итоге у Ф. М. Апраксина не было сил, чтобы напасть на войска Г. Любеккера, а у того не было сил, чтобы взять Петербург. Шведский флот также не обладал достаточной силой, чтобы напасть на укрепления на острове Котлин. Войска под командованием Ф. М. Апраксина занимались тем, что совершали набеги на шведов небольшими группами и причиняли беспокойство противнику. По легенде, в результате одного из таких нападений в руки Г. Любеккера попало письмо Ф. М. Апраксина к начальнику небольшого русского отряда генералу Фризеру, в котором сооб-

щалось, что Ф. М. Апраксин идет к нему на подмогу с большой армией. Уловка удалась, шведы испугались и решили погрузиться на корабли и уплыть. Однако сведений об этом письме в источниках практически нет, и уверенно говорить о его существовании, на наш взгляд, не стоит. Тем не менее шведы действительно начали погрузку на корабли, и когда в конце на берегу оставалась небольшая часть войска, русские напали на остатки шведской армии и перебили около 900 человек⁹.

Рассмотрев как административную, так и военную деятельность Ф. М. Апраксина по подготовке и осуществлению обороны Санкт-Петербурга в годы Северной войны, можно прийти к выводу о том, что он выполнял свои обязанности весьма удачно. Конечно, нельзя говорить о проявлении какой-либо инициативы с его стороны в ходе этой его деятельности, но, на наш взгляд, Ф. М. Апраксин являл собой пример ответственного исполнителя.

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4. С. 324.

² Красавин В.К., Раздолгин А.А. Кронштадт: три века истории. СПб., 2004. С. 32.

³ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 35.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Галерея российского флота: Федор Матвеевич Апраксин // Морской сборник. 1990. № 10. С. 32.

⁶ Греканюк Н., Дмитриев В., Криницын Ф., Чернов Ю. Балтийский флот. М., 1960. С. 24; Дважды краснознаменный Балтийский флот. М., 1990. С. 19.

⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 247. Л. 678.

⁸ Славинитский Н. Р. Сподвижник Петра Великого Федор Матвеевич Апраксин и его роль в обороне Ингрии в 1708 г. // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и новейшего времени. СПб., 2008. С. 82.

⁹ Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949. С. 21–22.

А. А. Лебедев

**ВЫБОРГСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1790 г.
В СВЕТЕ ИЗВЕСТНОГО,
НО «НЕУДОБНОГО» ИСТОЧНИКА**

Едва ли в истории русского парусного флота найдется сражение столь же парадоксальное, как произошедшее в Выборгском заливе 22 июня 1790 г. С одной стороны, это одна из самых крупных побед за всю историю Российского флота, ознаменованная единственным случаем награждения отечественного адмирала орденом Св. Георгия I степени, с другой — сражение упущенное возможностей, в неиспользовании которых подавляющее большинство исследователей¹ единогласно обвиняет... исключительно кавалера указанного ордена В. Я. Чичагова. Обвиняет, старательно избегая целого ряда «неудобных» для себя источников, касающихся проблем состояния русского парусного флота в ходе русско-шведской войны 1788–1790 гг. Причем особенно достается «Запискам» П. В. Чичагова, данные которых не очень-то вписываются в созданную картину единственного виноватого. И это притом, что даже на судебном процессе принято выслушивать не только «сторону обвинения», но и «защиты», какой бы неудобной она ни была (если, конечно, процесс происходит в цивилизованных рамках).

О «неудобных» сведениях означенных «Записок» мы и попытаемся поразмышлять в данной статье, дабы не только создать максимально полную картину столь значимого для России сражения, но и понять причины тех или иных поступков самого В. Я. Чичагова. И начнем со сведений, касающихся состояния Балтийского флота в русско-шведской войне 1788–1790 гг. в целом, ибо только так можно понять обстановку, на фоне которой при-

шлось действовать означеному адмиралу. Тем более что раскладка получается более чем занятная.

Так, размышляя над итогами Гогландского сражения 1788 г., в котором, как известно, далеко не все капитаны поддержали С. К. Грейга даже при простой форме атаки линия против линии, В. Я. Чичагов «сожалел, что Грейг не заставил шведов начать атаку», поскольку, «по его мнению, результаты тогда были бы гораздо существеннее, так как наши капитаны не умеют атаковать на английский манер, неопытны в бою и недостаточно напрактиковались, а шведские командиры страдают теми же недостатками»².

«...27 и 28 мая, — читаем мы уже свидетельства В. Я. Чичагова, относящиеся уже к началу кампании 1789 г., — оба дня я занимался по данным ко мне рапортам от пришедших в Кронштадтской эскадре командиров кораблей, уравниванием на обеих эскадрах старослужащих матросов, тем паче, что большая часть из оных кораблей *наполнены были одними поэти рекрутами, непривычными еще к морю, а, следовательно, и менее надежными для дела с неприятелем* (курсив наш. — А.Л.)...»³. Свидетельства, неприятный характер которых еще более усиливается после нижеследующих комментариев, данных уже по итогам Эландского сражения 1789 г.: «Встреча, произошедшая между двумя флотами, дает возможность судить о разрушительности русских кораблей, сравнительно с кораблями других стран, и, в особенности, английских, подвиги которых особенно известны, и которые в последнее время испытывали необыкновенные удачи. Англичане обыкновенно начинают сражение, зарядив свои пушки тремя ядрами и мешком пуль для первого залпа; остальное время они стреляют двойными ядрами; на русских кораблях разорвало три пушки от заряда одним лишь ядром⁴, что навряд ли могло побудить к отважным, а в особенности, к безрассудным предприятиям»⁵.

Не менее интересны и сведения, касающиеся кампании 1790 г. Вот, например, результаты Красногорского сражения 23–24 мая 1790 г. для русских кораблей, полученные В. Я. Чичаговым от командующего Кронштадтской эскадрой вице-адмирала А. И. фон Круза: «На корабле “Владимир” пробит такелаж, правая сторона судна — в 7 местах, взорвало 2 пушки, убито от разрыва пушек 5, ранено 29, неприятельскими ядрами убито 2, ранено 5. На корабле “Св. Николай” сделаны пробоины в разных местах корпуса, такелаже, пушки дали трещины, повреждены колеса

и станки разбиты, убит 1, ранено 2... На “Всеславе” корпус поврежден в нескольких местах, такелаж перебит, у 4 пушек раскололась дульная часть, убито 1, ранено 3. На “Пантелеимоне” разорвало пушку, две получили трещины, третья сбита, убито при разрыве 2, ранено 10, неприятелем убито 7, ранено 9. На “Не тронь меня” – разорвало пушку, проломило палубу, испортилось 2 пушки, сбита пушка, станки повреждены, пробило корпус корабля, течь сильная, убито 1, ранено 2... На “Сысое Великом” пробоин 2, такелаж и паруса повреждены, разорвало пушку и палубу, разбило станок, ранено 41 человек... На “Эмерике” разорвало 2 пушки, испортило палубу, несколько пробоин, убито 10, ранено 26... На “Константине” 6 пробоин, пробита палуба, 10 пушек треснули, разбило станок, убитых 2, ранено 16...»⁶.

А вот следующие буквально за ними размышления уже о личном составе: «...Если капитаны кораблей и начальники отрядов были столь неопытны в сражениях, что еле могли держаться и управлять судами в открытом море, то настоящее положение флота среди банок и каменьев подвергалось еще большей опасности от их неопытности. Возлагать особые поручения на своих помощников адмирал не мог, так как они делали бы непременно упущения в прямых обязанностях... Из адмиралов один Круз мог бы помочь главнокомандующему в многочисленных заботах, но он разыгрывал роль соперника, не желающего быть под командой и требующего в жалобах себе независимой деятельности»⁷.

Раскладка, как говорилось, получается весьма колоритная, а главное, дающая, думается, вполне наглядное представление о мотивах отказа В. Я. Чичагова от наступательных действий против шведов накануне Выборгского сражения 1790 г.

Правда, неизбежно возникает вопрос: насколько данные о проблемах русского флота соответствовали действительности? Однако он практически сразу снимается, ибо даже поверхностного знакомства с источниками достаточно, чтобы понять отсутствие у В. Я. Чичагова даже минимального искажения ситуации.

Например, об острой нехватке личного состава и большом числе рекрутов на русских кораблях пишут даже такие открытые противники В. Я. Чичагова, как В. Ф. Головачев и Г. А. Гребенщикова. Вот данные последней относительно кампании 1789 г.: «Перед самым выходом в море, 22 мая 1789 г. А. Г. Спиридов направил В. Я. Чичагову рапорт, в котором докладывал, что из 500 человек

матросов на корабле “Дву-на-десять Апостолов” “не находится и третьей доли могущих исправлять матросскую должность”. Канониры, солдаты и большая половина рекрутов “в кратчайшее плавание от Кронштадта при тихих и благополучных ветрах едва исправляется с крайнею нуждою и от малейшего шквала едва исправиться могут”»⁸.

А вот ее же сведения о начале кампании 1790 г.

*Из данных о положении дел с личным составом Балтийского флота.
Нагало апреля 1790 г.⁹*

	По штату положено по числу 48 кораблей	По списку состоит	В комплект потребно	Больных
Адмиралов	3	1	2	1
Вице-адмиралов	4	4	—	—
Контр-адмиралов	5	6	—	—
Капитанов 1 и 2 ранга	50	50	—	1
Капитан-лейтенантов	248	233	15	5
Мичманов	388	88	300	4
Лекарей	81	51	30	2
Штурманов	146	115	31	—
Боцманов	145	122	23	—
Матросов 1 и 2 статьи	18836	14638	4198	2433

О том, как это коснулась эскадры В. Я. Чичагова накануне Выборгского сражения 1790 г., отлично показал В. Ю. Грибовский: «Представление об укомплектованности личным составом российского флота можно составить по данным для арьергардной дивизии вице-адмирала А. В. Мусина-Пушкина в составе блокирующего флота адмирала В. Я. Чичагова... На 5-е июня 1790 г. на этих кораблях состояло 5148 человек, по штату требовалось 6283, следовательно, некомплект составлял 1182 человека... Из 2906 матросов насчитывалось: матросов 1-й статьи — 32,3%, 2-й статьи старых — 35,3%, 2-й статьи рекрут — 32,4%. Из 450 морской артиллерии канониров: 1-й статьи — 15,6%, 2-й статьи старых — 44,4%,

2-й статьи из рекрут — 40%...»¹⁰. Комментарии, что называется, излишни.

Подтверждается информация и о растущем недоверии среди личного состава к возможностям собственной артиллерии, вызванном частыми разрывами собственных орудий. Во всяком случае, вот что писал А. В. Мусин-Пушкин В. Я. Чичагову 4 августа 1789 г.: «Рапортом мне командующий корабля “Св. Петра” господин флота капитан бригадирского ранга и кавалер Денисон объявляя, что из состоящих на его корабле осмифунтового калибра пушек во время сражения прошлого июля 15 числа с неприятельским флотом разорвало одну, а другая дала трещину, почему и все прочие того же калибра пушки на случай следующего впредь сражения с неприятелем кажутся ему весьма сумнительны, к определенным при них для действия служителям наводить будет страх и робость...»¹¹. Впрочем, не менее показательными, представляются, данные о состоянии Ревельской эскадры накануне кампании 1790 г., сообщенные и Г. Кирхгофом. «Английский капитан, — писал, в частности, означенный автор, — покинувший Ревель на своем коммерческом судне в начале апреля, сообщил (шведам. — А. Л.), что в гавани находятся 8 линейных кораблей, из которых 3 трехдечных, и 6 фрегатов... *что офицеры не имеют особенного доверия к своей артиллерию, и считают шведскую легче* (курсив наш. — А. Л.)»¹².

Наконец, немало данных и о проблемах, связанных с командным составом, свидетельством чему как результаты Гогландского сражения 1788 г., когда сразу несколько командиров и командующий арьергардом контр-адмирал М. П. Фондезин не выполнили приказа и по существу не вступили в бой, так и постоянные сettovания даже высшего руководства страны в лице Г. А. Потемкина и А. А. Безбородко на отсутствие личностей¹³.

Наконец, совершенно не зря переживал В. Я. Чичагов и относительно опасности действий в мелководном Выборгском заливе, ибо сам был свидетелем того, как в гораздо более простой ситуации — в конце Ревельского сражения 1790 г. — его сигнал о выходе против шведского корабля, ставшего на мель у острова Вульф, двух фрегатов обернулся почти мгновенной посадкой на мель уже одного из них («Подражислава»), снимать который пришлось более четырех часов!¹⁴

Обратимся теперь к изучению самого сражения. Сразу выделию весьма примечательное свидетельство П. В. Чичагова о том,

что «отряд Повалишина должен был расположиться по более выпуклой дуге, дабы пушки имели лучший обстрел, и стрелять не по бортам, а по мачтам и снастям, чтобы отнять средства к движению». Причем стрелять подобным образом он должен был не «по своему почину», и даже не по логике развития событий, а согласно требованию самого В. Я. Чичагова!¹⁵

Момент крайне важный, ибо сумей контр-адмирал И. А. Повалишин повредить головные шведские корабли, и весь прорыв шведского флота был бы остановлен в самом начале. А возможности для этого у него имелись более чем прекрасные: сравнительно небольшие дистанции (до двух кабельтовых), выгодные для стрельбы по рангоуту, стационарное расположение кораблей, ведущих огонь по проходящим шведам, шанс концентрации огня сразу пяти линейных и одного бомбардирского корабля на одной точке.

В общем, момент-то важнейший, но попавший на страницы трудов лишь двух отечественных авторов А. С. Шишкова и С. А. Скрягина¹⁶. Достоверность приказания не вызывает ни малейших сомнений, свидетельством чему хотя бы следующие строчки из приказа Д. Н. Сенявина по итогам Дарданельского сражения 1807 г.: «...судя по числу выстрелов, сделанных при сражении 10-го числа сего месяца, является, что пальба производилась или напротив данного мне предписания, то есть не стреляли по вооружению (что весьма было приметно, ибо турецкие корабли не токмо которой бы потерял мачту, ниже стеньгу, опричь что перебит был на заднем корабле фор-марса-драйреп и то под исход сражения) или комендоры, сутясь в дыму, палили на авось, или действовали артиллерию несоразмерно на весьма длинном расстоянии...»¹⁷.

Однако вернемся к «Запискам» П. В. Чичагова, поскольку в них есть еще как минимум три весьма занятных эпизода, объединенные в следующем фрагменте: «Несмотря на своевременные приказы адмирала и неоднократно подтверждаемые сигналы, арьергардия, а затем авангардия опоздали к месту боя, всем нашим флотом обуяла какая-то фатальная неподвижность, и гребная флотилия бездействовала, пораженная почему-то неожиданной для них баталией. Только один корабль «Константин» из арьергардии Мусина-Пушкина успел попасть в сражение и, выказав полную неумелость командира, потерпел большой урон. Вот

причины прорыва шведов, и если командиры наши не сумели ответить неприятелю атакой, то возможно ли было решиться на самостоятельный натиск в заливе, переполненном каменьями и банками»¹⁸.

Эпизоды, как видим, действительно занятные, а главное, более чем весомые в случае своего подтверждения. Подтверждения, которое вновь не заставляет себя долго ждать. Так, 74-пушечный линейный корабль «Царь Константин», подойдя к отряду И. А. Повалишина около 8 час. 45 мин., вполне мог, сцепившись с прорывающимися шведскими кораблями, закупорить северный фарватер, но вместо этого, как значится в его шканечном журнале, маневрировал настолько неудачно, что не только не помешал шведам, но еще и сам пострадал от них.

«В $\frac{3}{4}$ 9-го часа, — читаем мы, в частности, в означенном журнале, — подошед к кораблям “Принцу Густаву” и “Не тронь меня” на глубине 10 сажен, и стали на якорь и стало нас дрейфовать. Между тем, выпалено от нас со всех деков по прорвавшимся неприятельским кораблям из пушек, а как продрейфовало нас за корабль “Принц Густав” и от оного близко “Св. Петр” и палить уже из оных нам было не можно, а каната отдано было до 45 сажен, но еще дрейфовало и от неприятельских выстрелов перебило оба шпринга и у якоря канат повредило и остались совсем без действия за своими кораблями и за перебитием шпрингов. Корабля заворотить к неприятелю бортом нечем, а с шведских прорвавшихся 7 кораблей палили по нашему вдоль корпуса с кормы в ближней дистанции, [чем] чинили действительный вред кораблю и находились мы против ветра, а неприятель шел по линии бакштага... В начале 10 часа, предвидя недействия своего корабля против неприятеля, к тому же по причине того, что якоря с борту спустить скоро не могли, да предвидя еще 2 шведских корабля мимо наших прорвались и следовали к нам, и чтоб не последовать между двух огней, отрубили канат и пошли к своей арьергардии и стали отваливаться по прорвавшимся шведским 2 кораблям, а прорвавшиеся неприятельские корабли с прибавлением парусов следовали позади левее, а у нас за повреждением фор-стеньги и пробегающего такелажа, парусов прибавить более не можно и строчили неприятеля с кормовых пушек. В $\frac{1}{4}$ 10-го часа за отдалением неприятельских кораблей прекратили пальбу...»¹⁹.

А вот ситуация по гребной флотилии вице-адмирала Т. Г. Козлянинова, точнее, по неисполнению ею приказа В. Я. Чичагова об ударе по тылам прорывавшихся в море шведов. «Король шведский и принц Зюдерманландский,— читаем, в частности, в записках С. А. Тучкова,— начальствуя обоими своими флотами, находясь со всех сторон в блокаде, решились пробиться сквозь флот адмирала Чичагова, дабы уйти пока в открытое море. Адмирал Чичагов, сведав о их намерении, прислал к командовавшему эскадрой нашей вице-адмиралу Козлянинову повеление, в котором написал ему следующее: когда увидите вы первый маяк, данный мною, снимитесь с якоря и сильно устремитесь на неприятеля, идя даже на абордаж, не дожидайтесь второго маяка; а если при nudите вы меня зажечь третий, тогда строго будете ответствовывать за неисполнение повеления.

Повеление сие известно стало всей эскадре нашей потому, что прибывший с оным морской офицер, заехав на шебеку, рассказал вслух многим. По отъезде его, на другой день поутру часов в пять, услышали мы сильную канонаду шведского и российского флота. Сие побудило многих и даже самого начальника нашего прибыть на главную батарею, находившуюся на острове Транзунде. Мы смотрели спокойно на жестокую пальбу с обеих сторон, продолжавшуюся около трех часов, после чего заметили взрыв большого шведского корабля (т. е. около 10–10 часов 30 минут.— А. Л.), и вслед затем увидели мы маяк, данный Чичаговым. Каждый из нас с поспешностью бросился на свое судно и мы подготовились к снятию якорей. Но тщетно дожидались мы сигнала о сем от нашего адмирала, более трех часов стояли мы без всякого действия, по прошествии которых увидели второй маяк. И сие ни к чему не побудило начальника нашего! В четыре часа пополудни зажжен был третий маяк. Тогда адмирал дал нам знак сняться с якорем и идти по фигуре,— то есть предписанным порядком о расположении судов... Вступив в большой пролив, едва могли мы видеть вдали паруса бегущих неприятельских кораблей и флот Чичагова, оные преследующий...»²⁰.

Наконец, находит свое подтверждение и явное промедление с началом выступления против шведов арьергарда под командованием вице-адмирала А. В. Мусина-Пушкина. «В $\frac{1}{4}$ 9 часа,— значится, например, в шканечном журнале линейного корабля “Двенадцать Апостолов”,— на корабле “Ростислав” сделан сигнал

арьергардии отрубить или выпустить канат и гнать к N-ду и кораблю “Константину” также выпустить канат, который в $\frac{1}{2}9$ часа, оборотясь в положение к N-ду, пошел к нашим 5-ти кораблям, производившим беспрерывную пальбу по неприятелю. Мало спустя... еще повторен сигнал, чтоб арьергардии, перерубя или выпустив канат, гнать к NW-ду... В $\frac{3}{4}9$ часа приехал к нам с корабля “Ростислав” лейтенант Малеев, и объявил приказание адмирала, чтоб немедля отрубить канат и следовать к N-ду фарватеру для атакования неприятеля»²¹. Более того, согласно шканечному журналу линейного корабля «Царь Константин», в 9 часов А. В. Мусин-Пушкин вообще поднял сигнал «арьергардии гнать к ZW»²². И все это в то время, когда шведы на всех парусах прорывались мимо кораблей И. А. Повалишина, когда, по словам А. С. Шишкова, «довольно было трех или четырех залпов, дабы при великом числе несомых ими парусов изорвать их и перебить снасти» и тем самым, лишив «быстроты хода», позволить настичь «идущим позади» главным силам В. Я. Чичагова²³.

Проще говоря, как и отмечает в «Записках» П. В. Чичагов, поведение многих командиров и флагманов в ходе Выборгского сражения 1790 г. действительно оказалось далеко не лучшим. Причем ошибки, допущенные ими, были не менее серьезны, чем те, которые инкриминируются самому В. Я. Чичагову.

Так почему же означенные эпизоды остались уделом внимания лишь нескольких авторов (А. С. Шишкова, С. А. Скрягина и А. В. Лукошкова), а эпизод с флотилией Т. Г. Козлянинова и вовсе оказался обойденным?²⁴ На наш взгляд, ответ более чем прост: назначить одного виновного оказалось гораздо удобнее. Во-первых, при подобном раскладе уходят в тень многочисленные проблемы, наличествовавшие в русском парусном флоте. Во-вторых, к рубежу XIX–XX вв. в исследовательской среде страениями столь известных историков флота, как В. Ф. Головачев и Н. В. Новиков, окончательно победила линия сторонников С. К. Грейга (и одновременно противников В. Я. Чичагова). Она к тому же имела давние и прочные корни в военно-морской и политической среде²⁵. Как следствие, многие последующие авторы, сталкивавшиеся с необходимостью объяснять явно просматривавшиеся в действиях Балтийского флота нерешенные проблемы, предпочитали вместо всестороннего анализа прибегать к использованию позиции «проверенных временем»

авторитетов, тем более что она на первый взгляд кажется более чем убедительной: несмотря на наличие трудностей, С. К. Грейг ведь атаковал в Гогландском сражении, а В. Я. Чичагов только оборонялся.

Во всяком случае, совершенно не случайно Г. А. Гребенщикова, критикуя В. Я. Чичагова, предпочитает поиску собственных аргументов прибегать к подобным цитатам: «Некоторые современные авторы с восторгом рассуждают о грамотной позиционной войне, которую вел тогда этот адмирал. Такой взгляд резко контрастирует с оценками морских историков позапрошлого столетия, которые они дали практически всем действиям В. Я. Чичагова как в этой войне (русско-турецкой 1768–1774 гг. — А. Л.), так и в последующей, со шведами (1788–1790 гг. — А. Л.). Они характеризовали В. Я. Чичагова как опытного царедворца, но безынициативного флотоводца с отсутствием военного таланта, который за всю свою службу не выиграл ни одного сражения»²⁶.

Что следует из сказанного? Во-первых, совершенно точно не оправдание В. Я. Чичагова. Он в любом случае допустил немало ошибок и свою долю ответственности несет, по крайней мере, за то, что не выделил подвижной тактический резерв и слишком поздно снял с якорей главные силы. Во-вторых, это то, что всестороннего исследования действий русского корабельного флота в русско-шведской войне 1788–1790 гг. до сих пор не произведено. Даже рассмотренный нами небольшой сюжет наглядно показал преобладание принципа «охоты на ведьм», нежели стремление разбираться в системе содержания и использования военно-морских сил России, т. е. того, от чего и происходили основные проблемы.

¹ См., например: Головатев В. Ф. Действия русского флота во время войны со Швецией в 1788–1790 гг. Ч. I: Кампании 1788 и 1789 гг. СПб., 1871; Новиков Н. В. Шведская война 1788–1790 гг. // История российского флота. М., 2008; Штенцель А. История войн на море. СПб., 2002. Т. 1–2; Доценко В. Д. История военно-морского искусства: В 4 т. Т. IV: Действия флота против флота. СПб., 2006; Гребенщикова Г. А. 1. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007; 2. Черноморский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2012. Т. 1–2; Махов С. П., Созаев Э. Б. Все переломные сражения парусного флота. От Великой Армады до Трафальгара. М., 2011.

² Чичагов П. В. Записки. М., 2002. С. 199.

³ Там же. С. 249.

⁴ Речь идет об итогах участия линейного корабля «Дерись» в Эландском сражении. Тогда в итоге разрыва названного числа пушек на нем не только пострадала значительная часть экипажа, но и произошли серьезные разрушения, принудившие корабль выйти из линии (*Чигагов П. В. Записки. С. 317.*)

⁵ *Чигагов П. В. Записки. С. 412.*

⁶ Там же. С. 459–460. Иными словами, за одно сражение разорвалось или треснуло более 25 орудий!

⁷ Там же. С. 465.

⁸ *Гребеницкова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 614.*

⁹ Там же. С. 633.

¹⁰ *Грибовский В. Ю. Указ. соч. С. 64.*

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 14. Л. 19.

¹² *Кирхгоф Г. Влияние морской силы в Балтийском море на историю прибалтийских государств в 17 и 18 столетиях. СПб., 1908. С. 503.*

¹³ *Широкорад А. Б. Адмиралы и корсары Екатерины Великой. Звездный час русского флота. М., 2006. С. 255; Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 168.*

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1908. Л. 11.

¹⁵ *Чигагов П. В. Записки. С. 514.*

¹⁶ *Шишков А. С. Военные действия российского флота против шведского в 1788–1790 гг. СПб., 1826. С. 217; Скрягин С. А. Военно-морские действия русского флота сто лет назад в 1790 году. СПб., 1890. С. 23.*

¹⁷ *История военно-морского искусства. М., 1954. Т. 2. С. 52.*

¹⁸ *Чигагов П. В. Записки. С. 515.*

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1899^a. Л. 9 об.

²⁰ *Записки Сергея Александровича Тучкова, 1766–1808 гг. СПб., 1908. С. 56–57.*

²¹ *Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. 14. С. 257.*

²² РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1899^a. Л. 9об.

²³ *Шишков А. С. Военные действия российского флота против шведского в 1788–1790 гг. С. 220.*

²⁴ *Лукошков А. В. Реконструкция Выборгского сражения 1790 года по материалам Российского государственного архива Военно-морского флота // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1998. С. 19.*

²⁵ *Кладо Н. Л. Введение в курс военно-морского искусства. СПб., 1910. С. 385–386; Лебедев А. А. В. Я. Чичагов и его роль в истории русского парусного флота // Гангут. 2011. № 64. С. 31, 36.*

²⁶ *Гребеницкова Г. А. Черноморский флот в правление Екатерины II. Т. 1. С. 266.*

Е. А. Самыловская

**ОФИЦЕРЫ БАЛТИЙСКОГО
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
В СОСТАВЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА**

Балтийский военно-морской флот был любимым детищем Петра Великого. Для его создания Петром I приглашались на службу военно-морские специалисты из разных стран Европы. Прибывая в Россию, они привозили с собой не только свое имущество, опыт, нравы, но и культуру, важной составной частью которой является религия. В основном эти морские офицеры-иностранцы были либо протестантами, либо католиками.

Благодаря провозглашению Петром I свободы вероисповедания в манифесте от 16 апреля 1702 г. «*О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания*» иноверцы получили возможность спокойно отправлять свои обряды, вызывать для этих целей священников и строить церкви, но под бдительным контролем российских властей. Это, конечно, способствовало привлечению военно-морских специалистов в Россию, и в частности в Петербург. Здесь практически с самого основания города начинает формироваться католическая община, членами которой становились и офицеры Балтийского флота.

В основном к католической религии принадлежали офицеры галерного флота. Данное утверждение подтверждает «*Доношение Адмиралтейской коллегии с приложением имянного списка служащих в ведомстве иноземцев римско-католического исповедания*», поданное в Синод в 1723 г. Согласно этому документу из 43 католиков, служивших на этот год в Балтийском флоте, 19 офицеров были в галерном флоте и только 7 в корабельном¹. В основной

массе офицерами галерного флота в 1723 г. были итальянцы, хотя среди них было несколько французов, шотландец и даже один венгр². Важно отметить, что в данном списке католиков были выдающиеся флотоводцы, участники Гангутского сражения: Маттия Змаевич, Лука Дамиани и Ян Дежимон.

К сожалению, нет достаточной информации о первых годах существования католической общины в Петербурге. Известно, что она стала формироваться примерно в 1705–1706 гг. вокруг архитектора Доменико Трезини, который стал ее старостой на многие годы. Именно в его доме стали проводиться первые католические богослужения в городе³.

Первые сведения о количестве католиков получаем из доклада иезуитской миссии, согласно которому на 1709 г. в городе проживало 70 католиков⁴. Далее данные о числе католиков в городе сообщают в своих докладах в Конгрегацию пропаганды веры капуцины и францисканцы, окормлявшие общины. Согласно этим данным: в 1721 г. в городе было 700 католиков, в 1723 г.— 1000, 1724 г.— 1200⁵. К концу 1720-х гг. численность католиков достигла 2000 человек⁶. Конечно, эти реальные цифры, скорее всего, округлялись патерами, однако они все же дают представление о численности католической общины в рассматриваемый период.

В общину входили представители разных профессий: архитекторы, художники, музыканты, различные мастера, дипломаты, строители, булочники, цирюльники, ремесленники, а также армейские и морские офицеры.

Очевидно, что в начале 20-х гг. XVIII в. морские офицеры составляли небольшую часть общины. Этот вывод можно сделать из вышеуказанных нами данных: в 1723 г. на 1000 католиков приходится не более 19 военно-морских офицеров⁷, т. е. не более 1,9% от всей численности католиков. Также косвенным доказательством данного утверждения может послужить информация, полученная из метрической книги о крещениях, согласно которой из 390 крещений, проведенных в городе с 1710 по 1729 г., только 13 приходится на детей морских офицеров (3,3%)⁸. Безусловно, число крещений не может свидетельствовать о точной численности офицеров-католиков, поскольку большинство их приезжали холостыми и семьями не обзаводились. Однако эти данные позволяют обозначить некую тенденцию.

Следует иметь в виду, что в период Северной войны офицеров-католиков могло быть больше (к 1723 г. кто-то мог скончаться, кто-то быть уволенным со службы). Поэтому, скорее всего, на первых порах их численность в процентном соотношении была выше. Если обратиться к данным метрики, то больше всего крещений в семьях морских офицеров было проведено в 1714 г. (4 крещения). Показательно, что в 1712 г. было проведено 2 крещения, в 1713 г. – 1, в 1715 г. – ни одного, в 1716 г. – 2, а следующее лишь в 1721 г.⁹ Далее крещения проводились только в 1723 и 1724 гг. и то в семье одного и того же офицера Николы Палма¹⁰. Возможно, рост крещений в 1714 г. является следствием увеличения численности морских офицеров в городе.

Невзирая на небольшую численность морских офицеров-католиков в городе, неоспоримым является факт, что они были активными участниками католической общины и их слово имело значительный вес в решении тех или иных вопросов.

Морские офицеры принимали непосредственное участие в возведении первой католической церкви в Петербурге. Это подтверждает свидетельство 1711 г., приложенное к делу «О защемлении при Петербургской Латинской церкви патеров капуцинов францисканцами» 1723 г., в котором говорится, что в 1710 г. в Греческой слободе католиками было выкуплено место с деревянным строением за 300 рублей у морского служителя Гаврилы Янсона. На этом месте на средства общины был построен деревянный костел. Документ снабжен списком из имен 8 мирян, которые непосредственно принимали участие в данном эпизоде из жизни общины. Среди них можно найти имена трех морских офицеров, а именно: капитан-командора галерной эскадры Комуануса, капитана Александра Мулина и капитана Стация¹¹. Таким образом, видно, что офицеры сыграли ведущую роль в этом мероприятии и скорее всего, оказались одними из главных его «спонсоров».

Офицеры Балтийского флота продемонстрировали свою значимость в общине в 20-х гг. XVIII в. во время ссоры между капуцинами и францисканцами за право служить при петербургском костеле. Этот конфликт разделил общину на два воюющих лагеря, и в конечном счете в него были вовлечены все члены общины, в том числе и морские офицеры. Среди них выделяются два высокопоставленных, которые оказались в самом центре развернувшихся

событий, а именно: капитан-командор Лука Дамиани и вице-адмирал Маттиа Змаевич.

В разгоревшейся розни Лука Дамиани занял сторону капуцинов. Более того, он являлся одним из лидеров этого лагеря. Именно он ходил отстаивать интересы капуцинов перед Синодом, когда в 1724 г. было принято решение отрешить их от управления церковью. Из документов Канцелярии Святейшего Синода следует, что 6 марта 1724 г. он вместе с полковником Николой фон Гольмом приходил в канцелярию в качестве представителей капуцинов, не явившихся по ее вызову, и пытался всеми способами оправдать действия священников¹².

Маттиа Змаевич обладал наибольшим авторитетом в общине. Вероятно, этот авторитет основывался на следующем. Во-первых, по роду своей деятельности он был близок к верхам российского государственного аппарата, русским вельможам и лично Петру I. Во-вторых, он обладал тесными связями с Ватиканом, так как его родной брат, Вицкун Змаевич, был архиепископом Задарским, а также папским нунцием в Албании, Македонии и Сербии¹³. В-третьих, являясь вице-адмиралом, он получал хорошее жалованье – около 3000 рублей в год¹⁴, что позволяло помогать общине и патерам деньгами.

Вице-адмирал выступал перед русским правительством поручителем за католических духовных особ, являясь их доверенным лицом. Например, при высылке иезуитов из России в 1719 г. вещи и письма иезуита Михаила Энгеля остались на сохранении у М. Змаевича¹⁵. Обер-прокурор Синода Д. А. Толстой, написавший фундаментальный труд «Римский католицизм в России», вообще называл его «наследником Гордона по руководству латынскою пропагандою в России»¹⁶, так как он вел переписку с папой римским, лелея надежду на унию. Д. А. Толстой, конечно, несколько преувеличивал замыслы и возможности М. Змаевича, говоря о его стремлении добиться унии, однако его желание распространить католичество в России несомненно. Так, например, он писал папе в 1714 г.: «Я должен вознаградить этот пример моего брата с продвижением христианского благочестия в этих странах с помощью церкви, и с устроением латинских священников в городе Петербурге, резиденции царского двора, арсенale вооружения и производительном центре всей Московии»¹⁷.

Именно М. Змаевич совместно с архитектором Николой Микетти устроил аудиенцию о. Джакому д'Оледжо и возглавлявшего

до него миссию францисканцев о. Микаланджело да Вестинье с Петром I¹⁸.

В период конфликта М. Змаевич поддерживал францисканцев и пытался влиять на сложившуюся ситуацию с разных сторон: он подписывался под коллективными прошениями русскому правительству в пользу францисканцев; и в то же время писал письма в Конгрегацию пропаганды веры, в которых отстаивал их права и жаловался на действия капуцинов. Так в 1723 г. в Канцелярию Святейшего Синода поступило прошение от мирян петербургской церкви, в котором они просят позволить о. Джакомо Д'Оледживо с его товарищами проводить церемонии. Прошение подписали 15 человек, среди которых, помимо М. Змаевича, были архитекторы Д. Трезини, Гаэтано Кьявери, секретарь А. Д. Меншикова Франц Бюст, купцы Иосиф Мариотти и Петр Салюци, резного дела мастера Никола Пино, Эрхард Эгельграссер, каменного дела мастер Готфрид Шедель и другие прихожане¹⁹.

Кроме того, за это время Змаевичем было отправлено пять писем в Конгрегацию пропаганды веры²⁰, в которых, защищая интересы францисканцев, он описывал сложившуюся ситуацию при петербургском костеле²¹. Более того, Конгрегация считала его и Микетти проводниками своей воли в Петербурге. Например, в 1721 г. она поручала им передать капуцину о. Патрику свои предписания²².

Вдобавок, получая высокое жалованье, М. Змаевич имел возможность оказывать денежную поддержку петербургской католической миссии. Дело в том, что миссия очень плохо финансировалась. Если до 1719 г., когда ей руководили иезуиты, какое-то финансирование извне еще осуществлялось (по просьбе собственного дипломата в России Оттона Плейера император Священной Римской империи выделял средства на содержание католических миссий России)²³, то после этого года ситуация резко изменилась в худшую сторону. К примеру, в период конфликта между капуцинами и францисканцами последние вынуждены были жить и проводить мессы в частных домах католиков. Патеры жаловались на отсутствие средств, вынуждающее их до получения жалованья быть на довольствии у общины. Так в период раздора между патерами о. Микеланджело да Вестинье жил в доме вице-адмирала и фактически был на его содержании²⁴.

Подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на небольшое количество офицеров Балтийского флота в составе католической общины Петербурга в первой трети XVIII в., они играли в ней ключевую роль, а некоторые из них обладали особым авторитетом. Во многом это важное положение офицеров поддерживалось благодаря тому, что по роду своей деятельности они были близки к высокопоставленным россиянам и российскому правительству, а также по причине того, что они получали хорошее жалованье, которое позволяло им финансово помогать общине и священнослужителям.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 244. Л. 2–3.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 244. Л. 2–2 об.; Кротов П.А. Голландцы и фланандцы в Российском флоте в Петровскую эпоху // Голландцы и бельгийцы в России. XVIII–XX вв. СПб., 2004. С. 291–294.

³ Ханковска Р. Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 21; Андреев А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007. С. 63.

⁴ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 191.

⁵ D'Haarlem Zacharie. Les Capucins a Saint-Petersbourg (1720–1725) // Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Institutu Hisotrixi Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Annus XII. 1942. Т. XII. Rome, 1942. Р. 354.

⁶ Фатеев М. М. Участие светской власти в разрешении конфликтов в петербургской католической общине в XVIII веке. Режим доступа: <http://www.catherine.spb.ru/page.phtml?query=mfatheev> (дата обращения: 10.03.2013).

⁷ Здесь в расчет взяты только офицеры галерного флота, так как указанные выше 7 офицеров корабельного флота относились к котлинской и ревельской эскадрам. (См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 244. Л. 2–3.)

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 18–18 об.

⁹ Там же. Л. 3, 3 об., 4, 4 об., 6, 6 об., 13 об.

¹⁰ Там же. Л. 18–18 об., 22.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 20–20 об.

¹² Там же. Л. 35–35 об.

¹³ Андросов С. О. Архитектор Никола Микетти и другие католики в Петербурге (1721–1723 гг.) // Труды государственного Эрмитажа: [Т.] 58: Петровское время в лицах — 2011: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011): материалы научной конференции / Государственный Эрмитаж. СПб., 2011. С. 38.

¹⁴ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 114.

¹⁵ Андреев А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007. С. 61.

¹⁶ Цит. по: Толстой Д. А. Римский католицизм в России. СПб., 1876. Т. 1. С. 138.

¹⁷ Там же. Вполне вероятно, что М. Змаевич вел переписку по делам католиков в России с папским престолом в том числе и через своего брата. Существует послание М. Змаевича «неустановленному лицу», датируемое 3 ноября 1712 года, однако из обращения адресату («Смеренный и преданный слуга и брат Матео Змаевич») под письмом становится ясно, что переписка велась с Вицкю Змаевичем. (См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 421. Л. 11–12.)

¹⁸ Андросов С. О. Архитектор Никола Микетти и другие католики в Петербурге (1721–1723 гг.). С. 38.

¹⁹ РГИА Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 14–14 об.

²⁰ М. Змаевичем было отправлено в Конгрегацию пропаганды веры 4 письма в 1720 г. и одно в 1723 г. (См.: *D'Haarlem Zacharie. Les Capucins a Saint-Petersbourg* (1720–1725). Р. 222, 225.)

²¹ *D'Haarlem Zacharie. Les Capucins a Saint-Petersbourg* (1720–1725). Р. 231–232.

²² Ibid. Р. 323.

²³ Гризингер Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени: В 2 т. М., 1868. С. 208–209.

²⁴ *D'Haarlem Zacharie. Les Capucins a Saint-Petersbourg* (1720–1725) // *Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Histotrici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Annus XII. 1942. T. XII. Rome, 1942.* Р. 356; РГИА Ф. 796. Оп. 1. Д. 286. Л. 13; Д. 553. Л. 1–2 об; Оп. 13. Д. 260. Л. 5 об.

М. А. Партала

**КРЕЙСЕРСКИЕ ОПЕРАЦИИ РУССКОГО ФЛОТА
В ЗАПАДНОЙ БАЛТИКЕ В МАЕ–ИЮНЕ 1916 ГОДА.
К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКАХ¹**

Крейсерские или, как их чаще называют, набеговые операции, проведенные русским Балтийским флотом в мае и в июне 1916 г., занимают важное место в отечественной историографии Первой мировой войны на Балтийском море. Интерес к ним определяется в значительной мере тем, что это были едва ли не единственные за время войны активные операции с участием надводных сил Балтийского флота, предпринятые с решительными целями против надводного противника и завершившиеся боевыми столкновениями с германскими кораблями².

В работах советских военно-морских историков эти операции оценивались в целом удовлетворительно. Критика отдельных тактических моментов, не меняя общего положительного посыла, придавала им определенную поучительность, что обусловило еще в 1940–1950-е гг. включение их в военно-исторические сборники и учебники по истории военно-морского искусства³. Нашли они отражение и в эмигрантской военно-морской исторической литературе⁴.

Основные подходы к описанию, анализу и оценке этих операций в отечественной историографии на долгие годы предопределил изданный в 1964 г. сборник «Флот в Первой мировой войне»⁵. Обе операции рассматривались авторами в контексте усилий русского флота по нарушению морских сообщений Германии на Балтике.

Первая операция (28.05–1.06.1916) была предпринята, как указано в сборнике, на основании данных английской разведки

о выходе из Швеции в Германию 23, 28 и 31 мая 1916 г. крупных караванов судов с железной рудой. Для выполнения операции был сформирован отряд особого назначения (ОтрОН) в составе крейсеров «Рюрик», «Олег», «Богатырь», эскадренных миноносцев «Новик», «Победитель», «Орфей», «Гром», и эсминцев 6-го дивизиона. Командование отрядом было возложено на начальника 1-й бригады крейсеров контр-адмирала П. Л. Трухачева, в подчинение к которому временно поступал начальник минной дивизии контр-адмирал А. В. Колчак с назначенными в операцию эсминцами. Отряду была поставлена задача: «Произвести обследование района Ландсорт – Готланд – северная оконечность острова Эланд с целью уничтожения обычно находящихся в этом районе дозорных и сторожевых судов и конвоиров и захвата или уничтожения неприятельских коммерческих судов, караван которых, в частности, с большим грузом железной руды должен выйти от Ландспорта к югу в 19–20 часов 28 мая»⁶. По плану операции эсминцы типа «Новик» должны были в районе поиска действовать отдельной корабельной группой, самостоятельно осуществляя поиск неприятеля; эсминцы 6-го дивизиона находились при крейсерах, обеспечивая их непосредственное охранение.

Начатая утром 28 мая операция была из-за густого тумана прервана, а затем перенесена штабом флота на 31 мая. Днем 31 мая корабли ОтрОН снова вышли в море. В 23 час 30 мин эсминцы «Новик» (флаг начальника минной дивизии), «Победитель» и «Гром» обнаружили в Норчепингской бухте неприятельский караван (12–14 транспортов), следовавший вдоль кромки шведских территориальных вод в южном направлении. Как указано в упомянутом выше сборнике, в ходе непродолжительного боя был потоплен вспомогательный крейсер «Герман», два эскортных корабля (вооруженных траулера) и от двух до пяти транспортов (в примечании уточнялось, что последняя цифра была взята из шведской прессы)⁷. Остальные транспорты успели укрыться в территориальных водах Швеции.

Оценивая действия ОтрОН, авторы сборника отмечали, что «начальник минной дивизии, позволив кораблям непосредственного прикрытия конвоя отвлечь русские эскадренные миноносцы от германских транспортов, тем самым дал последним возможность избежать уничтожения. Кроме того, в сложившейся обстановке русским кораблям следовало зайти со стороны берега

и, воспользовавшись почти трехкратным преимуществом в скорости, отсечь германские транспорты от шведских территориальных вод. В этом случае, даже если бы эскадренные миноносцы были скованы действиями кораблей непосредственного прикрытия конвоя, находившиеся в 15 милях от места боя, крейсера могли нанести по транспортам уничтожающий удар. ...Не принял никаких мер, чтобы поддержать эскадренные миноносцы, и командир отряда особого назначения, который действовал строго по плану, без учета изменений обстановки»⁸.

Длительное время это описание, включая оценки, являлось почти «каноническим». Правда, в некоторых учебниках по истории военно-морского искусства появлялся в связи с этой операцией еще один сюжет — сообщалось, что в этом бою дивизион русских эсминцев «впервые в истории успешно применил залповый метод торпедной стрельбы по площадям»⁹. Данная информация, однако, не соответствовала действительности.

Вторая набеговая операция состоялась 16–17 июня 1916 г. Для ее выполнения в состав ОтрОН были назначены крейсера «Громобой», «Диана», эскадренные миноносцы «Победитель» (флаг начальника 1-го дивизиона капитана 1 ранга В. С. Вечеслова), «Орфей», «Гром» и пять эсминцев из состава 4-го и 5-го дивизионов. Командование отрядом было возложено на начальника 2-й бригады крейсеров контр-адмирала А. П. Короша. Как указано в сборнике «Флот в Первой мировой войне», уже в море командир ОтрОН получил сообщение, что в ночь на 17.06 германские конвои из Швеции из-за тумана не выйдут, однако принял решение продолжить операцию. Результатом поиска стало короткое боевое столкновение ОтрОН с подвижным дозором противника в составе восьми эсминцев, осуществлявшем патрулирование в районе движения конвоев. Немецкий дозор был обнаружен эсминцами поисковой группы («Победитель», «Орфей», «Гром») и наведен на крейсера А. П. Короша. Обнаружив в условияхочной видимости приближающиеся эсминцы, три из которых, шедшие впереди, заметно отличались по типу от остальной группы и могли оказаться своими, командир ОтрОН произвел запрос по радио о местоположении эсминцев поисковой группы и, только получив от них ответ и убедившись в их безопасности, приказал открыть огонь. Оказавшись практически с первых залпов под накрытием, не-

мецкие эсминцы поспешили произвести торпедный залп, так и не успев выйти в хорошую позицию для торпедной атаки, и затем, используя преимущество в скорости и прикрываясь дымовой завесой, вышли из боя. Ни одной из сторон не удалось добиться попаданий и причинить ущерб своему противнику. В комментариях авторы сборника отметили: «Обращает на себя внимание медлительность действий обеих сторон. Русские крейсеры, обнаружив в условиях пониженной видимости силуэты неизвестных кораблей, начали длительную по тому времени процедуру запроса 1-го дивизиона миноносцев о его месте. Германские миноносцы, которые не могли не видеть силуэты русских крейсеров, медлили с торпедной атакой, несмотря на благоприятную обстановку»¹⁰.

Получившие в конце 1990-х – начале 2000-х гг. распространение попытки критического переосмыслиения и пересмотра устоявшихся взглядов и оценок на многие эпизоды нашей военной истории, а также всплеск интереса к фигуре адмирала А. В. Колчака предопределили появление новых публикаций по данной теме. В основном они представляли собой «новое прочтение» уже известных работ. Так, например, две наиболее часто цитируемые публикации¹¹ практически целиком построены на упомянутом выше сборнике «Флот в Первой мировой войне». Сопоставление текстов не оставляет сомнений относительно «первоисточника». Авторы этих работ, однако, сочли возможным дополнить критический разбор, заимствованный из сборника, собственными трактовками событий, выводами и оценками. Севастопольский историк Г. Н. Рыжонок в статье «Блестящее дело» Колчака», в частности, пишет: «Русские эсминцы, имея троекратное преимущество в скорости, могли легко обойти конвой, отсечь ему путь к шведским территориальным водам, атаковать его со стороны берега и подставить транспорты под удар крейсеров, находившихся мористее. ...Однако самоуверенный Колчак, еще не успевший обмять на плечах погоны с заветными орлами (в контр-адмиральский чин он был произведен 10 апреля 1916 г.), не хотел делить лавры победителя с начальником бригады крейсеров»¹². Здесь же можно прочитать и про уже известный нам «уничтожающий удар», который якобы могли нанести по транспортам крейсера П. Л. Трухачева. По мнению автора статьи, потопление старого коммерческого парохода,

превращенного немцами во вспомогательный крейсер, не могло быть даже слабым утешением взамен ожидавшегося уничтожения дюжины германских транспортов с рудой.

Еще более категоричен в своих оценках А. Г. Больных: «При анализе результатов боя следует отметить безобразные действия русского командования. Трухачев, как это часто бывало с нашими адмиралами, соблюдал строжайший нейтралитет, даже не обозначив свое присутствие. Колчак увлекся перестрелкой с кораблями охранения, забыв, что его главная задача — уничтожение транспортов. Он также должен был отрезать германские суда от берега. В результате русский флот одержал очередную “блестящую победу”»¹³. Вторая набеговая операция, по мнению А. Г. Больных, завершилась еще большим конфузом. Автор пишет, что контр-адмирал А. П. Корош, получив сообщение о невыходе конвоя, решил продолжать операцию, «так как не слишком доверял донесениям разведки»¹⁴. В заключительной части фактически повторяются основные тезисы сборника: «Результаты этого боя не могли устроить ни одну из сторон, так как обе допустили много ошибок. Русский адмирал, обнаружив неизвестные корабли, затеял долгую болтовню по радио, пытаясь выяснить, где находится 1-й дивизион. Немцы же, прекрасно зная, чьи силуэты они видят, не выпускали торпед, пока не попали под обстрел»¹⁵.

Определенным шагом вперед в исследовании этой темы стала статья известных военно-морских историков Д. Ю. Козлова, Е. Ф. Подсобляева и В. Ю. Грибовского в «Военно-историческом журнале», посвященная А. В. Колчаку¹⁶. В указанной статье впервые были использованы немецкие источники¹⁷, что позволило уточнить некоторые обстоятельства боя 31 мая. Данные немецкой стороны подтвердили потерю вооруженного транспорта Hermann (судно-ловушка «Н»). Однако среди кораблей непосредственного эскорта (три вооруженных траулера) потерь не было. Не было потерь, судя по материалам немецкой стороны, и в составе самого транспортного каравана. Комментируя потопление вооруженного четырьмя 105-мм пушками вспомогательного судна, авторы статьи отметили: «Весьма существенно, что русские эсминцы избивали “Германн”, полагая его транспортным судном, и узнали о его военном назначении, лишь подняв из воды девятерых членов экипажа. Поэтому говорить о “бое с германским вспомо-

гательным крейсером”, конечно, не приходится»¹⁸. Основанием для такого вывода стали воспоминания Г. Графа, переизданные в 1997 г. в Санкт-Петербурге и ставшие доступными широкому кругу исследователей¹⁹.

В плане критики тактических решений А. В. Колчака авторы статьи высказали солидарное с авторами сборника «Флот в Первой мировой войне» мнение. При этом внимание читателя особо было обращено на главную (по мнению авторов статьи) задачу операции — «внезапным торпедно-артиллерийским ударом уничтожить основную цель — неприятельские транспорты с грузом ценнего стратегического сырья»²⁰, которую, как считается, и не выполнил А. В. Колчак.

Вполне разделяя и поддерживая взгляды авторов статьи на обязательность использования в военно-исторических исследованиях сведений противостоящей стороны (тем более что они уже опубликованы) и удивление по поводу того, что в отношении рассматриваемого боя этого не было сделано раньше, хотелось бы, однако, отметить следующее обстоятельство.

Постановка задач Балтийскому флоту на кампанию 1916 г. была произведена директивой Ставки Верховного главнокомандующего (ВГК) от 3 марта 1916 г. Как справедливо отмечалось еще в сборнике «Флот в Первую мировую войну», задача нарушения морских сообщений в этой директиве отсутствовала²¹. По мнению авторов сборника, «отсутствие постановки задачи нарушения морских сообщений Германии в оперативной директиве Ставки вынудило штаб Балтийского флота самостоятельно сформулировать ее». Приведя далее короткую цитату из оперативного плана флота, в которой упоминаются неприятельские коммерческие суда, и, отметив неконкретность в постановке данной задачи, отсутствие четких целей и методов ее решения, авторы не стали углубляться в анализ оперативных документов штаба флота, а перешли к описанию и оценке самих операций. При этом их совсем не смущила несколько странная, казалось бы, постановка задачи ОтрОН (воспроизведенная в тексте сборника), когда целями для кораблей отряда в поисковой операции были определены дозорные и сторожевые суда, затем конвоиры и только в конце — неприятельские коммерческие суда. Авторы других публикаций и вовсе не стали касаться этого вопроса, самостоятельно сформулировав и определив для своего читателя

задачи операции и собственноручно «назначив» главные цели для кораблей ОтрОН.

На данный момент одной из наиболее полных и интересных работ по рассматриваемой теме является книга Д. Ю. Козлова «Цель – шведская руда. Действия надводных сил флота Балтийского моря на неприятельских коммуникациях в кампанию 1916 года»²². Автору удалось собрать здесь практически все опубликованные ранее материалы по этим операциям, частично дополнив их и развив некоторые сюжеты. При этом сразу проявились недостатки и внутренние противоречия «канонической» версии, что заставило даже несколько сместить некоторые акценты. Однако общий посыл работы остался прежним. Да и эффектно-брюское название книги – «Цель – шведская руда» – не позволило автору раздвинуть рамки сложившегося уже подхода и выйти на новый уровень исследования темы.

Главным недостатком, на наш взгляд, всех существующих на текущий момент исследований и публикаций по этой теме является их оторванность от реальных документов оперативного планирования Балтийского флота. Оценка эффективности тех или иных управленческих решений и действий командования обязательно предполагает соотнесение их с поставленными задачами. Вместе с тем до настоящего времени не введены в научный оборот в необходимом объеме оперативные документы штаба флота, позволяющие понять и осмыслить эти задачи. Практически все авторы, вместо использования документальных источников, самостоятельно определяют и формулируют цели и задачи обеих набеговых операций, исходя из современных взглядов и представлений о действиях сил флота на морских коммуникациях противника.

Как уже отмечалось выше, директивой Ставки, определившей задачи Балтийскому флоту на кампанию 1916 г., действия по нарушению германской морской торговли в принципе не предусматривались. Составленный на основании этой директивы штабом Балтийского флота и утвержденный командующим «План кампании на 1916 год» включал в себя «План обороны» и «План активных операций»²³. В «Плане активных операций» было указано:

«I. Общая задача: затруднив, насколько то только представляется возможным, постановкою минных заграждений и действиями подводных лодок как выход неприятельских морских сил

из собственных его портов и баз, так и выполнение намеченных им операций, стремиться к уничтожению открытой силой всякой более слабой части неприятельского флота и всех коммерческих его судов каждый раз при выходе их в море. <...>

III. Общий план действий. Развив в самой широкой степени систему заграждений, находящихся у берегов неприятеля и на главнейших его путях, в строгом согласовании с действиями подводных наших лодок, долженствующих как бы закончить эту систему, заставить неприятеля одновременно с сим, нападениями на его торговлю или какими либо другими вспомогательными операциями, усилить деятельность свою в море, и тем самым поставить его под удар, при всех передвижениях его к оstu от Гиедзерского маяка как наших подводных лодок и мин заграждения, так и боевых наших отрядов, придвижнутых к выходам в открытое море и ожидающих только приказания для атаки неприятеля»²⁴.

Согласно этому документу, действия на морских сообщениях противника рассматривались командованием Балтийского флота как вспомогательные операции, имеющие своей целью не нарушение его морской торговли, а усиление активности неприятельских корабельных соединений на театре. Документ определял вспомогательные операции как операции, «выполняемые миноносцами, подводными лодками, гидроаэропланами, тральщиками, сторожевыми судами, а также и отрядами крейсеров с поддержкою, когда нужно, линейных кораблей, и способствующие, так или иначе, обеспечению и успешному завершению главных операций, для которых они, прежде всего, как бы создают почву».

К чисто вспомогательным операциям относились: а) все операции, направленные против неприятельских сторожевых и конвойных судов, дозоров, тральщиков и других вспомогательных судов; ...г) обстрел неприятельского побережья и, в частности, портов его и баз; д) нападения на неприятельскую торговлю²⁵.

Следует признать, таким образом, что командование Балтийского флота рассматривало и планировало в 1916 г. нападения на немецкие торговые суда и караваны как операции прежде всего диверсионного²⁶ или демонстративного характера, которые в случае успеха должны были бы подвигнуть противника на определенные ответные шаги.

В пользу именно такого вывода говорит еще один документ, сохранившийся среди оперативных разработок штаба.

Это «Соображения об осенних активных операциях 1916 года в Балтийском море»²⁷. В документе указывалось: «Основная идея операций. <...> Большую часть времени, как показывает разведка, в море находятся перед нами ничтожные силы противника, то надо заставить его их увеличить, чтобы иметь достойный и заслуживающий внимания объект для действий. Этого можно достигнуть, действуя на торговых путях и главным образом нападением на побережье.

Таким образом, главною идею первого года была внезапная для противника постановка заграждений у его берегов, второго года — достичь свободы действий в северной части Балтийского моря, и, наконец, теперь — действия против торговли и бомбардировка побережья с целью вызвать часть сил противника на бой с нами»²⁸.

Активная задача флота была определена разработчиками этого документа в следующем виде: «Стеснив надлежащею подготовкою театра свободу действий неприятеля, ударами по его побережью и действиями против торговых караванов, пытаться заставить его держать постоянно в море часть сил, чтобы получить возможность принудить ее к бою в выгодных для нас условиях»²⁹.

Заслуживает внимания и еще один документ — донесение командующего Балтийским флотом в Ставку ВГК от 27 июля 1916 г. Командующий, мотивируя свое решение о проведении второй набеговой операции, писал: «После удачного поиска в Норчепингском районе крейсеров и миноносцев 1-го июня, закончившегося потоплением неприятельского вспомогательного крейсера “Херман”, двух вооруженных дозорных судов и, по-видимому, некоторого числа пароходов, судя по имеемым сведениям, противник только усилил бдительность на торговых путях и направил это движение главным образом в территориальные воды Швеции.

Эти данные и стремление возможно стеснить торговлю противника, побудили меня предпринять новый поиск в Норчепингском районе крейсерами и миноносцами, имея целью нападение на конвой.

Я рассчитывал, что повторное появление наших больших судов в Северной части Балтийского моря заставит противника противопоставить им боевые суда таких же типов, и этим даст больше объектов для целесообразного использования наших

подлодок, которые до сего времени встречали в море лишь миноносцы, вспомогательные суда и пароходы, подвергаясь в тоже время большому риску»³⁰.

Командующий флотом и здесь абсолютно четко обозначает диверсионный характер планируемой операции, призванной, в случае удачного результата, заставить противника пойти на усиление состава своих сил, действующих в Балтийском море.

В этой связи более понятным становится приведенное в «Плане операции № 12», а затем — повторенное в «Плане операции № 13» (под такими номерами фигурировали в оперативных документах штаба флота обе набеговые операции) распределение целей для ОтРОН — дозорные и сторожевые суда, конвоиры и лишь на последнем месте — неприятельские коммерческие суда.

Важно подчеркнуть, что разведывательный отдел штаба флота был достаточно хорошо осведомлен об организации дозорной службы и охранения неприятельских караванов. По данным разведки в состав конвоя обычно назначались два вооруженных тральщика (траулера) и один вспомогательный крейсер. Вспомогательный крейсер представлял собой вооруженный транспорт, который очень трудно было отличить от обычного транспортного судна. Тральщики обычно занимали место в голове каравана, а вспомогательный крейсер — сзади³¹.

С учетом всего изложенного выше совершенно иное звучание приобретают соответствующие фрагменты из публиковавшегося уже ранее в военно-исторической литературе донесения начальника минной дивизии контр-адмирала А. В. Колчака, в которых теперь, что называется, все сразу встает на свои места: «...в 23 ч. 30 м. открылся караван судов, шедший вдоль берега на юг. Корабли шли очень растянутым строем, и голова каравана была не видна, почему я немного изменил курс влево, т. к. по курсу были только концевые корабли. Всего было видно от 12 до 14 судов, причем все суда шли с огнями, *не исключая и концевого, который, как я предполагал, на основании сведений, полученных в штабе, должен был быть вооруженным судном* (выделено мной. — М. П.). Через несколько минут между этими судами появились силуэты шедших с оставной стороны тем же курсом нескольких небольших судов, низкобортных, по виду похожих на миноносцы.

Мы быстро шли на сближение и надо было решать открывать ли огонь или нет. Согласно моей инструкции, если мы нагоняли

караван, то в первую очередь следовало атаковать концевой вооруженный пароход, или крейсер (выделено мной. — М. П.), для чего мы должны были разделиться на две группы и стараясь охватить его с двух направлений. Но, видя концевое судно, идущее с огнями, и все суда также несущими огни, я, имея в виду возможность встречи со шведскими судами, которые, как я имел сведения, также ходят караванами под конвоем своих военных судов... решил по-жертвовать выгодой внезапного нападения и вызвать со стороны идущих судов какой-нибудь поступок, который дал бы мне право считать эти суда неприятельскими.

Поэтому, я в 23 часа 33 минуты приказал сделать один выстрел под нос концевому кораблю и т. к. это решительно никакого действия не произвело, через несколько минут приказал сделать второй выстрел.

Вслед за ним на концевом корабле, на небольших судах и где-то в голове каравана появились огни сигналов ракетами Вери, и затем была выпущена красная ракета, за которой последовала яркая белая осветительного типа. В то же время, в 23 часа 38 минут небольшие суда повернули на обратный курс и открыли огонь. В 23 часа 38 мин. я повернул на Норд-Вест, *чтобы не разойтись с ними и не потерять концевого корабля* (выделено мной. — М. П.), и приказал открыть огонь.

Первые же залпы с эскадренного миноносца “Новик” и “Победитель” накрыли два корабля, на которых были видны попадания, после чего обстреливаемое эскадренным миноносцем “Победитель” судно прекратило огонь и стало тонуть, оставив облако дыма и пара. В то же время эскадренный миноносец “Гром” открыл огонь по концевому кораблю, получив попадания со второго или третьего залпа полностью в борт этого корабля; после нескольких залпов на корабле вспыхнул пожар. Эскадренный миноносец “Гром” перенес огонь на следующие корабли. С первых же выстрелов все корабли круто повернули на Зюйд-Вест и Вест и направились к берегу³².

Ограниченный объем статьи не позволяет, к сожалению, воспроизвести все донесение целиком, но даже из этой его части хорошо видно, что А. В. Колчак стремился максимально точно выполнить поставленную задачу, четко следя полученным от штаба флота инструкциям. Первоочередными целями для его эсминцев являлись вспомогательный крейсер и корабли непо-

средственного охранения, против которых и были сосредоточены основные усилия.

Примечательно, что именно так охарактеризовал действия А. В. Колчака и заведующий разведывательным отделением штаба флота старший лейтенант И. И. Ренгартен, который зафиксировал 2 июня 1916 г. в своем служебном дневнике: «Колчак с “Новиком”, “Победителем” и “Громом” между Ландсортом и Гефлинге напал на транспортный караван и атаковал конвоиров»³³ (выделено мной. — М. П.).

Что же касается воспоминаний Г. К. Графа, на основе которых некоторые авторы пытаются сформировать у читателя чувство недоверия к донесению А. В. Колчака (так как по их версии военное предназначение уничтоженного транспортного судна стало известно русскому командованию только после его потопления со слов пленных), то к этим воспоминаниям надо относиться взвешенно и с пониманием. Старший лейтенант Г. К. Граф участвовал в этой операции в качестве старшего офицера эскадренного миноносца «Новик» и по своему служебному положению не мог знать содержания всех оперативных документов и разведывательных сводок, на основе которых принимали решения и действовали его начальники. Поэтому рассматривать его воспоминания как документ, способный поставить под сомнение достоверность приведенных в донесении начальника минной дивизии сведений, по меньшей мере, некорректно.

Еще один момент, требующий специальных комментариев, касается распространенных взглядов на возможность некоего «уничтожающего» удара кораблей ОтрОН по неприятельским коммерческим судам. Здесь необходимо особо подчеркнуть, что в рассматриваемый период действия военных кораблей против коммерческих судов в морской войне осуществлялись в рамках призового права, которое предполагало соблюдение определенных процедур. Военный корабль, согласно признанным тогда международно-правовым нормам, не мог просто так «внезапным торпедно-артиллерийским ударом» уничтожить неприятельское транспортное судно, не говоря уже о том, что само определение принадлежности судна (неприятельское или нейтральное) в условиях ночного боя представляется весьма проблематичным.

И хотя мировая война к 1916 г. все более скатывалась в сторону полного попрания признанных международных норм

и обычаев ведения войны, на момент проведения первой Норчепингской операции еще не было прецедентов такого массового и безжалостного расстрела коммерческих судов, который предлагается авторами критических статей в качестве альтернативного сценария. До трагедии скандинавских (норвежских) конвоев был впереди еще целый военный год³⁴. На наш взгляд, нет никаких оснований полагать, что русские моряки были готовы взять на себя эту отнюдь не почетную миссию — открыть новую страницу в мрачной летописи ужасов войны. Более того, все известные факты говорят как раз об обратном. Той же самой ночью, 1 июня 1916 г., корабли контр-адмирала П.Л. Трухачева, еще до соединения с группой А. В. Колчака, обнаружили четыре неизвестных транспорта (которые вполне могли оказаться частью атакованного эсминцами и рассеявшегося каравана). Исходя из настойчиво навязываемой современными авторами «альтернативной» модели этого боя, следует ожидать, что три русских крейсера тут же нанесли по ним «уничижающий удар». Однако нет. В строгом соответствии с действовавшими на тот момент международными нормами все суда были остановлены, досмотрены и после установления их принадлежности, проверки документов и характера груза отпущены (все суда оказались шведскими, без признаков военной контрабанды)³⁵.

Важно подчеркнуть, что такой подход к строгому соблюдению международных норм инициировался и всемерно поддерживался высшим военно-политическим руководством страны. Осенью 1916 г. новый командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин представил свои предложения, касающиеся первоочередных мер по борьбе с торговым судоходством Германии на Балтийском море. В числе прочего, он считал целесообразным разрешить потопление неприятельских пароходов, находящихся вне территориальных вод Швеции, без предварительного их осмотра. Это предложение встретило решительные возражения со стороны Морского генерального штаба (МГШ), Министерства иностранных дел и Морского штаба ВГК, позицию которых поддержал Верховный главнокомандующий — император Николай II. Информируя командующего Балтийским флотом о Высочайших указаниях по данному вопросу, начальник МГШ адмирал А. И. Русин в своем отношении от 16.10.1916 г. особо отметил: «Что же касается до потопления германских пароходов

вне территориальных вод Швеции без предварительной их остановки и осмотра, то мера эта, согласно заключения Министерства Иностранных Дел является недопустимой»³⁶.

Несколько замечаний хотелось бы также высказать относительно приведенных выше оценок второй набеговой операции. Как уже было отмечено, она состоялась, даже несмотря на поступившее сообщение о невыходе неприятельского конвоя. Однако утверждение А. Г. Больных о том, что командир ОтрОН просто не доверял данным разведки и потому не стал прекращать операцию, взято, что называется, «с потолка».

Более чем поверхностная разработка данной темы в военно-исторической литературе не позволила отечественным историкам «заметить» тот примечательный факт, что в обеих операциях на кораблях ОтрОН участвовала специальная группа радиоразведки, выделенная из состава главного радиоразведывательного центра Балтийского флота — Радиостанции особого назначения (РОН) на мысе Шпитгамн³⁷. В обоих случаях группу РОН возглавлял опытный радиоразведчик лейтенант Б. М. Елаич. Группа осуществляла радиоперехват и оперативную обработку (включая дешифровку) добытых радиоразведывательных материалов прямо на борту флагманского корабля ОтрОН, обеспечивая командира отряда важной разведывательной информацией. Что же касается второго похода, то в нем, помимо группы РОН, на борту флагманского корабля контр-адмирала А. П. Куроша находился еще и главный разведчик флота — старший лейтенант И. И. Ренгартен, выполнявший, по сути, функции начальника разведки походного штаба.

С учетом этого выдуманный сюжет о недоверии командира ОтрОН каким-то абстрактным «данным разведки» выглядит более чем несерьезно. Контр-адмирал А. П. Курош владел всей информацией по обстановке в районе поиска, которой располагал штаб флота, а также — дополнительной, которой его обеспечивал И. И. Ренгартен на основании материалов радиоперехвата и дешифровки, полученных прямо на борту флагманского корабля в реальном масштабе времени. Эта сведения взаимо дополнялись и не противоречили друг другу.

Около 22 час 16 июня группа РОН, находившаяся на крейсере «Громобой», зафиксировала радиообмен немецких дозорных судов в районе поисковой операции, правильно установив

наличие в составе дозора кораблей класса миноносец (дозорные миноносцы были обнаружены также подводной лодкой «Барс»). Об этом сразу было доложено командиру ОтрОН³⁸. Важно, однако, еще раз подчеркнуть, что дозорные суда, а тем более миноносцы, являлись такой же приоритетной целью для ОтрОН, как и не вышедшие в тот день в море конвой. Поэтому А. П. Курош продолжил поиск, рассчитывая в том числе и на возможность боевого столкновения с кораблями дозора. Этот расчет вполне оправдался.

Абсолютно надуманной, на наш взгляд, является и критика действий командиров обоих отрядов — русского и немецкого. Командир немецкого дозора осуществлял грамотное маневрирование с целью выхода в позицию эффективного торпедного залпа. По меньшей мере, странно предъявлять ему претензии, что он не произвел пуск торпед сразу после обнаружения русских крейсеров (не успев даже выйти на дистанцию торпедной стрельбы), а постарался, насколько это было возможно, сблизиться с целью, заняв более выгодную позицию для залпа. Однако даже та дистанция, с которой в итоге был произведен залп, оказалась для части выпущенных торпед предельной. В служебном дневнике И. И. Ренгартиена можно, например, прочитать такое свидетельство, касающееся этого эпизода: «Через несколько минут заметили [самодвижущуюся] мину — она дохолила свое расстояние и, с небольшим всплеском, на траверзе “Дианы”, кабельтов в 6 потонула»³⁹. Стрелять торпедами еще раньше, т. е. с большей дистанции, не было абсолютно никакого смысла.

Нет серьезных оснований и для обвинений в медлительности в адрес русского флагмана. Контр-адмирал А. П. Курош, вполне контролируя ситуацию и дистанцию до противника, произвел запрос по радио о месте своих эсминцев, что позволило исключить возможность попадания их под «дружественный огонь». Это лишь свидетельствует о его хладнокровии в боевой обстановке и доверии к уровню подготовки своих связистов (уверенности в надлежащей работе радиосвязи добавляло ему нахождение рядом И. И. Ренгартиена, который, помимо своих разведывательных обязанностей, являлся также флагманским радиотелеграфным офицером штаба командующего флотом). Оба отряда, наш и неприятельский, шли сходящимися курсами, что вполне позволяло

«держать паузу», подпуская противника на дистанцию более эффективного артиллерийского огня.

По нашему мнению, рассматриваемые крейсерские операции, проведенные Балтийским флотом в мае и в июне 1916 г., содержат в себе немало поучительного. Однако ложный посыл, заложенный авторами еще первых работ по данной теме и предопределивший направленность всех последующих исследований и публикаций, не позволил правильно понять и осмыслить их уроки.

В качестве заключения хотелось бы отметить следующее:

1. Существующие в военно-исторической литературе оценки этих операций произведены без должной опоры на документальные источники и сформированы в значительной мере путем переноса на них более поздних представлений о целях, задачах и способах действий сил флота на морских коммуникациях противника, что является нарушением принципа историзма.

2. Выявленные на данный момент оперативные документы штаба Балтийского флота позволяют говорить о несостоительности существующих оценок указанных операций, а также требуют пересмотра сложившихся в военно-исторической литературе взглядов на их характер.

3. Дальнейшая разработка данной темы требует введения в научный оборот всего комплекса исторических документов, касающихся оперативного планирования и подготовки указанных операций, а также отчетных документов по их проведению. Целесообразно в рамках данной темы дополнительное и более глубокое исследование внешнеполитических аспектов боевой деятельности Балтийского флота в Перову мировую войну, их непосредственного влияния на вопросы использования сил флота против морской торговли на Балтийском морском театре.

¹ Уже после представления доклада на конференции 2012 г., появилась информация о выходе новой монографии, непосредственно затрагивающей данную тему. (Козлов Д.Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2012. 536 с.). В этой связи было принято решение воздержаться от публикации материалов доклада до ознакомления с содержанием указанной монографии. Как оказалось, монография в части, касающейся рассматриваемой темы, практически полностью повторяет положения более ранней работы данного автора (см. прим. 22) и не содержит принципиально новых оценок.

² Другим примером активных действий надводных сил Балтийского флота может служить нападение на германский дозор у Виндавы в ночь с 7 на 8 ноября 1915 г., в результате которого был потоплен сторожевой корабль «Норбург» (СКР № 19).

³ См., например: *Озаровский Н.Ю.* Германские потери на море от действий русского флота в 1914–1917 гг. М., 1941; История военно-морского искусства: В 3 т.: Учеб. пособие для училищ. Т. 3. М., 1953.

⁴ *Граф Г.К. На «Новике»*. Мюнхен, 1922.

⁵ Флот в Первой мировой войне. Т. 1: Действия Русского флота. М., 1964. 648 с.

⁶ Там же. С. 228; Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 13. Л. 1.

⁷ Флот в Первой мировой войне. С. 231.

⁸ Там же.

⁹ История военно-морского искусства. Т. 3: Военно-морское искусство эпохи империализма. М., 1954. С. 170.

¹⁰ Флот в Первой мировой войне. С. 238.

¹¹ *Рыжонок Г. «Блестящее дело» Колчака // Военно-морское историческое обозрение*. 1997. № 3. С. 18–20.; *Больных А.Г. Морские битвы Первой мировой: Трагедия ошибок*. М., 2002. 445 с.

¹² *Рыжонок Г. «Блестящее дело» Колчака*. С. 19.

¹³ *Больных А. Г. Морские битвы Первой мировой*. С. 363.

¹⁴ Там же. С. 364.

¹⁵ Там же. С. 366.

¹⁶ *Козлов Д. Ю., Подсобляев Е. Ф., Грибовский В. Ю.* «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние». К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А. В. Колчаком // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 28–36.

¹⁷ *Gagern E. Der Krieg in der Ostsee. Dritter band. Von Anfang 1916 bis zum kriegsende*. Frankfurt-M., 1964.

¹⁸ *Козлов Д. Ю., Подсобляев Е. Ф., Грибовский В. Ю.* «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние». С. 30.

¹⁹ *Граф Г. К. На «Новике»*. Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 175.

²⁰ *Козлов Д. Ю., Подсобляев Е. Ф., Грибовский В. Ю.* «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние». С. 29.

²¹ Флот в Первой мировой войне. С. 224.

²² *Козлов Д. Ю.* Цель – шведская руда. Действия надводных сил флота Балтийского моря на неприятельских коммуникациях в кампанию 1916 года. М., 2008. 48 с.

²³ РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 57. Л. 1–38.

²⁴ Там же. Л. 27.

²⁵ Там же. Л. 28–29.

²⁶ В традиционном значении этого военного термина под диверсией понималась самостоятельная, отвлекающая внимание и силы противника операция или военный маневр, предпринятый с целью вызвать у него «ложную тревогу» и ввести его в заблуждение относительно истинных намерений военноначальника.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 57. Л. 53–55. (Документ без подписи и даты.)

²⁸ Там же. Л. 54.

²⁹ Там же. Л. 55.

³⁰ Копии донесений командующего флотом адмирала Канина главнокомандующему армиями Северного фронта и Наморштаверху с 3-го января по 7-е сентября 1916 года.— ВМА РККА им. Ворошилова, 1931. С. 31.

³¹ РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 13. Л. 29.; Д. 154. Л. 3 об.

³² Там же. Д. 13. Л. 12–13.

³³ Там же. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 324.

³⁴ В октябре 1917 г. немецкие крейсера совершили нападение на один из так называемых скандинавских конвоев, расстреляв из орудий 9 из 12 входивших в его состав торговых судов (потопленные суда принадлежали нейтральным странам). Командам не было предоставлено времени и возможности спустить шлюпки и покинуть суда до открытия по ним огня.

³⁵ РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 13. Л. 8.

³⁶ Там же. Л. 79.

³⁷ См.: *Партала М. А. Радиостанция особого назначения на мысе Шпиттгамн (1915–1917) и ее место в истории радиоразведки Балтийского флота // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 7-й ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2006. С. 214–222.*

³⁸ РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 331.

³⁹ Там же. Л. 333.

P. V. Кондратенко

К ВОПРОСУ О ПРИОБРЕТЕНИИ РОССИЕЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ НОРДЕНФЕЛЬДА

Сведения о покупке одной подводной лодки Т. Норденфельда, с паровым двигателем, проекта 1887 г. встречаются в отечественной литературе с конца XIX в. Как нам представляется, впервые они появились осенью 1897 г. на страницах журнала «Русское судоходство», напечатавшего обширную компилятивную статью корабельного инженера Г. И. Лизоблюдова (Лидова), писавшего об истории подводного плавания по данным из французских публикаций¹.

Судя по всему, рассказ о приобретении Россией упомянутой субмарины заимствован Г. И. Лизоблюдовым из книги Пеше, увидевшей свет в том же 1897 г., ибо его нет, например, у писавшего ранее Дюссанта, впрочем, как и в несколько более поздней работе Форе и Ноэлхета².

Очевидно, на зарубежную литературу опирался и неустановленный автор, напечатавший в 1903 г. брошюру «О подводных лодках». В этой работе, повествующей только об иностранных опытах подводного плавания, упоминаются и лодки Норденфельда. Однако автор, в отличие от Г. И. Лизоблюдова, указывал, что Россия воздержалась от их приобретения³.

Надо полагать, брошюра не была замечена, так как о планировавшейся покупке подводной лодки Норденфельда, вслед за Г. И. Лизоблюдовым, заговорили и другие отечественные авторы. В частности, об этом писали Д. Голов и К. Дебу, чьи утверждения впоследствии не раз заимствовались последователями⁴.

Политические события 1917 г. на изложении вопроса о покупке Россией субмарин Норденфельда не отразились. Так, Б. М. Дедов, описывавший указанные лодки в публикации 1918 г., утверждал, что позднее одну из них российское правительство пыталось приобрести⁵.

Подобный же рассказ преподносит читателю Л. А. Белецкий, повествующий о том, что российское Морское министерство будто бы предложило Норденфельду доставить в Кронштадт лодку образца 1887 г., но у берегов Дании она в тумане выскочила на камни и погибла⁶.

Примечательно, что В. Дудкин, писавший о субмаринах Норденфельда, в свою очередь, прошел мимо сведений Л. А. Белецкого и утверждал, что лодка, с паровой машиной, двумя самодвижущимися минами и скорострельной пушкой (?!), была построена «около 1890 г.». По его словам, российское морское ведомство купило одну, но она погибла у берегов Дании⁷.

Немногим точнее, и на этот раз, видимо, в соответствии с версией Л. А. Белецкого, повествовал в 1939 г. о согласии российского правительства купить в 1887 г., с условием оплаты по прибытии в Кронштадт, лодку Норденфельда, затем погибшую на переходе у берегов Дании, В. Прокопович⁸.

Учитывая, что к концу 1930-х гг. как будто бы возобладала версия о приобретении субмарины образца 1887 г., трудно объяснить, почему в увидевшем свет в 1950 г. учебном пособии А. И. Молявицкого, вслед за упоминанием, будто российское морское ведомство проявило интерес к лодке образца 1886 г., утверждается, будто одна лодка была куплена, хотя и затонула у берегов Дании⁹. Надо полагать, что автор воспользовался довоенными изданиями, скорее всего книгой Д. Голова, в которой вопрос изложен не вполне ясно.

Наконец, в 1957 г. появилась книга Г. М. Трусова, автор которой, излагая историю о «покупке» лодки Норденфельда, впервые открыто ссыпался на К. Дебу, т. е. фактически говорил о приобретении субмарины образца 1887 г.¹⁰

Однако в вышедшем спустя пять лет посмертном издании книги Г. М. Трусова, возможно, стараниями В. Я. Вересова, доработавшего материалы покойного, уже отмечалось, что не могло быть и речи о таком приобретении. В книге впервые цитировались архивные материалы, показывающие, что руководство морским

ведомством предписало прекратить сношения с Норденфельдом по данному вопросу¹¹.

В первые годы после публикации этой работы учитывали высказанные в ней положения. Так, в частности, поступили Г. Смирнов, печатавший статьи о подводных лодках в журнале «Моделист-конструктор», Л. С. Шапиро. Примечательно, что вопрос о покупке лодки Т. Норденфельда хотя и не без ошибок, но в целом правильно, благодаря опоре на последнюю книгу Г. М. Трусова, освещает А. Е. Тарас¹².

Между тем в последние годы уровень знакомства авторов с предметом, явно отражающийся на подаче материала, оставляет желать лучшего. К примеру, увидевшая свет в 2005 г. статья В. Голубева, местами текстуально повторяющая книгу Трусова, тем не менее может навести читателя на мысль, что России предлагалась лодка, аналогичная купленным Турцией¹³.

К сожалению, не без изъянов излагается вопрос и на страницах выпущенной Институтом истории естествознания и техники в 2005 г. книги В. В. Балабина. Не все положения формулируются достаточно определенно. Так, упоминается, что лодка была «третьего проекта», очевидно, в соответствии с формулировками Д. Голова, по книге которого, как нам представляется, материал изложен, но при этом субмарины, купленные Грецией и Турцией, оказываются построенными по разным проектам¹⁴. Туманно изложен вопрос о комиссии, выехавшей для осмотра лодки: ее пребывание в Англии не датируется, не указан состав, председатель, хотя это отчасти сделано Г. М. Трусовым. Правда, В. В. Балабин все же отмечает, что комиссия лодку забраковала и сделка не состоялась.

Наконец, в опубликованной в 2012 г. работе А. Ю. Следкова «Очерки истории водолазного дела» рассказ хотя и пространнее, но в то же время и неопределеннее. Очевидно, книга Г. М. Трусова при работе над текстом автором не использовалась: А. Ю. Следков пишет, что одну из лодок Норденфельда пытались продать России, но реакцию последней не проясняет должным образом¹⁵.

Примечательно, что в иностранной литературе последних десятилетий также нередки утверждения о покупке Россией лодки Норденфельда. Заметим, что об этом писали и Д. Мейстер в 1957 г., и Н. Полмар и Ж. Нут в 1991 г.¹⁶

Как нам представляется, почва для слухов о покупке Россией субмарины Торстена Норденфельда (Nordenfeldt) была подготовлена его неоднократными контактами с различными российскими учреждениями. Так, еще осенью 1881 г., воспользовавшись услугами «Технического бюро и кабинета по делам привилегий» Ф. Ф. Каупе и Н. Чекалова, инженер Норденфельд ходатайствовал о выдаче ему 10-летней привилегии на ряд «усовершенствований в устройстве подводных лодок». Прошением от 4 сентября Каупе и Чекалов представили в Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов чертежи с описаниями подводной лодки, машина которой после погружения судна некоторое время могла питаться паром от герметически закрывающегося котла¹⁷.

В свою очередь, Департамент 10 сентября препроводил эти бумаги на отзыв в Морское министерство, управлявший которым контр-адмирал А. А. Пещуров передал бумаги в Ученое отделение Морского технического комитета (МТК), которое рассмотрело их на заседаниях 16 и 27 ноября. Среди всех разработок Отделение признало достойной привилегии только конструкцию паровой машины и котла, способных действовать под водой, о чем А. А. Пещуров 28 ноября и уведомил Министерство финансов¹⁸.

Близкий по содержанию отзыв дал 6 апреля 1882 г. механик Совета торговли и мануфактур Е. Р. Зевих. Тем не менее Совет лишь 18 декабря 1882 г. признал возможным выдать Т. Норденфельду привилегию на двигатель. Оформлена же она была 19 сентября 1884 г.¹⁹

Тогда же в российское Морское министерство стали поступать сведения о постройке Норденфельдом подводных лодок и успешном их испытании. В частности, капитан 2-го ранга С.-К. И. Тудер в своей записке о шведском флоте отмечал: «Известный Норденфельд предложил шведскому правительству им изобретенную подводную лодку, и вот два года как на ней неусыпно под страшным секретом производятся тщательные опыты. В лето 1883 года, как слышно было, достигли удачных результатов, и говорили мне, что лодка опускалась и подымалась в воде очень хорошо, равно как имела значительное время поступательное движение со скоростью около 4 и 5 узлов и легко держалась под водою шесть часов времени; причем, во время хода

принимала желанное направление и вообще управлялась очень легко и удобно»²⁰.

Об испытаниях подводной лодки Норденфельда, проводившихся 7–8 (19–20) декабря 1883 г. в Саутгемптоне, сообщалось на страницах январского, а потом и апрельского номеров журнала «Морской сборник» за 1884 год²¹.

В октябрьском и декабрьском номерах «Морского сборника» за 1885 г. описывались испытания субмарины уже «в Зунде близ Ландскроны» 22–25 сентября, за которыми наблюдали представители ряда иностранных флотов, включая капитана 1-го ранга В. П. Верховского и лейтенанта В. В. Колокольцова. Во второй заметке отмечалось, что лодка скрывалась под водой не более чем на 4 мин., проходя за это время до 300 м, но двигалась с низкой скоростью, требовала значительного времени для «подъема паров» в котле (12 ч.), а также для подготовки к погружению (около 20 мин.)²².

Видимо, отчасти поэтому редактор газеты «Кронштадтский вестник» капитан 1-го ранга Н. А. Рыкачев, писавший 8 декабря 1885 г. о предпринимавшихся российским морским ведомством опытах подводного плавания, сравнивая лодки И. Ф. Александровского и С. К. Джевецкого с субмариной Норденфельда, отдавал предпочтение отечественным разработкам²³.

Впрочем, в то время ведомство свои опыты уже прекратило и видимого интереса к лодке шведского инженера не проявляло. Поэтому когда спустя полтора года после испытаний в Ландскроне Норденфельд при письме от 12 марта 1887 г. на имя нового управляющего Морским министерством вице-адмирала И. А. Шестакова прислал две фотографии и заметку из журнала “Engineering”, описывавшую очередную, сконструированную под его руководством подводную лодку, никаких действий со стороны моряков не последовало²⁴. Очевидно, управляющий, внимание которого в тот момент было поглощено подготовкой к инспекционной поездке на Черное море, не придал письму особого значения.

Однако вскоре из разных источников стали поступать сведения об успехах лодок Норденфельда. Рапортом от 9 августа 1887 г. военный агент в Константинополе, подполковник Н. Н. Пешков доносил своему начальству: «...На минувшей неделе состоялся спуск на воду подводной лодки Норденфельда,

построенной в доках Турецкого (Константинопольского.— Авт.) адмиралтейства; главные части этой лодки, равно как и машина и весь механизм воздушного аппарата, получены здесь в разобранном виде из Англии. Всего в настоящее время в турецком флоте имеется, таким образом, на воде три подводных лодки Норденфельда; четвертая оканчивается постройкою в местном же адмиралтействе и будет спущена, как полагают, в непродолжительном времени»²⁵.

В данном случае информаторы Н. Н. Пешкова вдвое завысили число лодок. Позднейшие донесения, в частности, командира станционера в Константинополе, шхуны «Плезуап», свидетельствуют, что турки располагали всего двумя лодками Норденфельда. Однако для того чтобы разобраться в этом вопросе, требовалось время, и на первых порах в Петербурге должны были учитывать возможность противодействия со стороны турецких субмарин при планировании активных действий в водах Босфора.

Вскоре российская печать вновь, и пространнее, чем прежде, заговорила о лодках Норденфельда. «Кронштадтский вестник» 7 февраля 1888 г. поместил статью помощника главного инспектора минного дела, капитана 2-го ранга В. К. Виттефта «Борьба артиллерии с миной», в которой утверждалось, что в своем дальнейшем развитии миноноски трансформируются в подводные, а точнее, в «ныряющие перед атакой» или «водобронные» (т. е. защищенные слоем воды) суда. При этом В. К. Виттефт указывал именно на лодку Норденфельда. Позднее, 5 июня 1888 г., газета опубликовала, без указания автора, отзыв на этот материал отставного вице-адмирала И. Ф. Лихачева, озаглавленный «О «ныряющих» миноносках». И. Ф. Лихачев отчасти поддержал В. К. Виттефта, сославшись на авторитетные заявления в пользу таких судов французского адмирала С. Буржуа и Т. Норденфельда, правда, отставной адмирал считал более перспективными не «водобронные», а именно подводные суда.

К тому времени известия об успешных испытаниях лодки Норденфельда в Константинополе были опубликованы английскими газетами. Обративший на них внимание И. А. Шестаков в начале апреля 1888 г. приказал поручить командиру станционера в турецкой столице собрать возможно более подробные и достоверные данные и выслать их в Главный морской штаб. А вскоре сведения о новейшей лодке шведского инженера поступили из надежного

официального источника: начальник Обуховского завода, контр-адмирал А. А. Колокольцев, 31 мая 1888 г. донес управляющему министерством, что, отправившись по делам в Англию, он осмотрел в Саутгемптоне подводную лодку Норденфельда и считает ее важным изобретением.

По словам адмирала, предполагаемое вооружение лодки состояло из 4 мин Уайтхеда, что представляло собой существенный шаг вперед по сравнению с ранее реализованными проектами. 11 июня 1888 г. замещавший председателя МТК контр-адмирал Н. И. Казнаков сообщил начальнику Главного управления кораблестроения и снабжений (ГУКиС), вице-адмиралу Н. Н. Андрееву, что на доклад генерал-адмиралу письма Норденфельда и докладной записки Колокольцева управляющий отозвался резолюцией: «Прошу Оскара Карловича (Кремера, начальника ГМШ.— М. П.) обратить внимание. Может быть, наступила пора заняться вопросом». К сожалению, уточнить датировку резолюции пока не удалось, между тем как, по словам отъезжавшего за границу И. А. Шестакова, он утром 2 июня «провел с Алексеем (генерал-адмиралом.— М. П.), пожелавшим лично заниматься делами министерства в моем отсутствии», о чем 4 июня последовал соответствующий приказ. Во всяком случае, генерал-адмирал в те же дни приказал немедленно снести с Норденфельдом на предмет приобретения у него лодки²⁶.

Исполняя приказание, ГУКиС 18 июня обратилось письмом к представителю компании «Пушки и амуниция» Норденфельд. АО Лондон — Стокгольм» Р. К. фон Гартману с просьбой, учитывая уже состоявшиеся переговоры о подводной лодке, представить письменные условия ее приобретения. 20 июня Гартман сообщил о начале испытаний лодки в Английском канале, с участием представителей английских, голландских и французских компаний. Фирма Норденфельда готова была принять и российскую комиссию. 8 июля ГУКиС сообщило Р. К. фон Гартману, что генерал-адмирал разрешил заключить контракт. 25 июня МТК уведомил исполняющего должность командира Петербургского порта контр-адмирала А. К. Шефнера о приказании генерал-адмирала командировать в Англию комиссию под председательством исполнявшего должность главного инспектора минного дела контр-адмирала И. М. Дикова. В состав комиссии были включены главный корабельный инженер Петербургского порта, старший

судостроитель Н. А. Субботин и исполнявший должность главного чертежника МТК, помощник старшего инженер-механика Ф. А. Брикс²⁷.

Соглашение с «заведовавшим» ГУКиС после смерти Н. Н. Андреева тайным советником Н. Н. Мамантовым, о приобретении лодки Норденфельда за 26.000 фунтов стерлингов, в случае, если она «по освидетельствовании ее и испытании... окажется удовлетворяющей всем тем о ней сведениям, которые изложены» в прилагавшемся описании, Р. К. фон Гартман подписал 19 июля. В этот же день в Саутгемптоне начались испытания. Лодка «4-й модели, водоизмещением 230 т.», в ходе опытов 19 и 21 июля, 4 и 5 августа безуспешно пыталась погрузиться хотя бы ненадолго. В протоколе от 5/17 августа 1888 г. комиссия И. М. Дикова пришла к заключению, что лодка не способна плавать под водой, и даже кратковременное ее погружение со-пряженено со значительными трудностями, в открытом же море и на ходу оно и вовсе невозможно. Минное вооружение на лодке не было установлено. Комиссия признала ее непригодной к использованию. 16 августа И. М. Диков препроводил этот протокол председателю МТК²⁸.

Между тем в английской прессе стали появляться статьи с утверждениями, будто российское правительство собирается купить лодку Т. Норденфельда. Отвечая на соответствующий запрос военно-морского агента в Англии капитана 1-го ранга П. А. Мордовина от 22 августа 1888 г., ГМШ сообщил, что опубликованная в газете “Times” от 20 августа/1 сентября заметка не соответствует действительности. 1 сентября МТК уведомило ГУКиС, что по докладе генерал-адмиралу протокола комиссии Дикова великий князь приказал сношения с изобретателем прекратить. 7 сентября об этом сообщили Р. К. фон Гартману. Наконец, Мордовин поместил в номере “Times” от 12/24 сентября заметку, опровергающую слухи, распускавшиеся английскими журналистами, быть может, с ведома представителей фирмы Т. Норденфельда²⁹.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении исследователей архивные материалы позволяют утверждать, что Т. Норденфельду удалось лишь получить в России привилегию на конструкцию паровой машины и котла для подводных лодок. Переписка же о приобретении лодки «4-й модели» не увенчалась для фирмы успехом. Тем не менее сведения о предполагаемой сделке проникли

в печать и послужили основанием для формирования легенды, продержавшейся в отечественной историографии до 1960-х гг., а в зарубежной до 1990-х гг. К сожалению, в наши дни если и не происходит реанимации этой легенды, то вопрос о приобретении лодки Норденфельда Россией утрачивает достигнутую ранее определенность.

-
- ¹ Подводное плавание. Перевод с французского Г. Лизоблюдова (Лидова) // Русское судоходство. 1897. № 190. С. 57.
- ² *Pesce G.-L.* La navigation sous-marine. Paris, 1897. P. 91; *Dessaint A.* Navigation sous-marine. Toulon, 1892. P. 8–9; *Forest F., Noalhat H.* Les bateaux sous-marins historique. Paris, 1900. P. 180.
- ³ О подводных лодках. СПб., 1903. С. 5.
- ⁴ *Голов Д.* Подводное судоходство. История развития и современное состояние. СПб., 1905. С. 153; *Дебу К.* Подводное плавание. СПб., 1905. С. 121–122.
- ⁵ *Дедов Б. М.* Развитие подводного плавания в России // Центрофлот. 1917. № 4; Революционный флот. 1918. № 5. С. 15.
- ⁶ *Белецкий Л. А.* Подводная лодка. Л., 1925. С. 23.
- ⁷ *Дудкин В.* 150-летний путь подводной лодки // Красный флот. 1924. Кн. 9. С. 76.
- ⁸ *Прокопович В.* Подводная лодка. Из истории подводного плавания // Краснофлотец. 1939. № 6. С. 13.
- ⁹ *Молявицкий А. И.* Краткая история развития подводных лодок и их живучести. Л., 1950. С. 22.
- ¹⁰ *Трусов Г. М.* Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1957. С. 95.
- ¹¹ *Трусов Г. М.* Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1963. С. 98–100.
- ¹² *Смирнов Г.* «Подводная лодка Александровского» // Моделист-конструктор. 1973. № 11. С. 33; *Шапиро Л. С.* Самые нелегкие пути к Нептуну. Л., 1988. С. 28; *Taras A. E.* История подводных лодок. 1624–1904. М.; Минск, 2002. С. 105–106.
- ¹³ *Голубев В.* Подводные лодки: предыстория (от Александра Македонского до гражданской войны в США 1861–1865 гг.) // Морской журнал. 2005. № 4. С. 51.
- ¹⁴ *Балабин В. В.* Эволюция подводных лодок в России и за рубежом. М., 2005. С. 194–195, 211.
- ¹⁵ *Следков А. Ю.* Очерки истории водолазного дела. СПб., 2012. Кн. 2. Т. 1. С. 290–292.
- ¹⁶ *Meister J.* The Russian submarines. 1857–1957 // The Navy. 1957. № 7. P. 207; *Polmar N., Noot J. S.* Submarines of the Russian and Soviet Navies, 1718–1990. Naval Institute Press, 1991. С. 7.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 24. Оп. 27. Д. 352. Л. 2.
- ¹⁸ РГАВМФ. Ф. 162. Оп. 1. Д. 1917. Л. 1–6.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 24. Оп. 27. Д. 352. Л. 21–21 об, 23, 26.

²⁰ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6181. Л. 7–7 об.

²¹ Морской сборник. 1884. № 4. Морская хроника. С. 24.

²² Морской сборник. 1885. № 10. Морская хроника. С. 38–43; Морской сборник. 1885. № 12. Морская хроника. С. 29–37.

²³ Кронштадтский вестник. 1885. 8 декабря.

²⁴ Трусов Г.М. Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1963. С. 98.

²⁵ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 325. Л. 18.

²⁶ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 8. Л. 10 об; Ф. 417. Оп. 1. Д. 434. Л. 3; Ф. 427. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–1 об; Ф. 421. Оп. 1. Д. 987. Л. 8.

²⁷ Там же. Ф. 427. Оп. 1. Д. 29. Л. 2, 3, 6, 18; Ф. 421. Оп. 1. Д. 987. Л. 35. К сожалению, в книге Г. М. Трусова обстоятельства создания комиссии И. М. Дикова изложены недостаточно полно, с опорой на материалы лишь одного архивного дела, а потому и не вполне точно. См.: Трусов Г. М. Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1963. С. 98–99.

²⁸ РГАВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 29. Л. 6, 23; Ф. 421. Оп. 1. Д. 987. Л. 42–43; Трусов Г. М. Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1963. С. 99.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 29. Л. 20–22, 25.

П. В. Петров

**ФИНСКАЯ БЕРЕГОВАЯ ОБОРОНА
НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ И БОРЬБА С НЕЙ
ЛАДОЖСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ
В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ**

Сюжет, о котором далее пойдет речь, на первый взгляд может показаться малозначительным на общем фоне советско-финляндской войны. Данный театр боевых действий носил второстепенный характер, да и сами боевые действия советской Ладожской флотилии нельзя было назвать особенно активными и успешными. Тем не менее, даже несмотря на свою кажущуюся малозначительность, на примере боевых действий сторон на Ладожском озере можно видеть недостаточность подготовки и невысокую эффективность действий советского ВМФ в войне с Финляндией.

Следует заметить, что финская сторона на Ладожском озере подготовилась к войне куда более основательно, нежели советская. Правда, этому обстоятельству способствовали географические условия театра, которые были наиболее выгодными для финской стороны и, наоборот, неудобными для советской стороны. В результате к началу боевых действий зимой 1939–1940 гг. на Ладоге финнами была создана весьма разветвленная система береговой обороны, которая перекрывала артиллерийским огнем подходы ко всем ключевым пунктам побережья и в первую очередь к левому флангу «линии Маннергейма».

Финские береговые батареи входили в состав 3-го артиллерийского полка береговой обороны (*Rannikkotykistöyksikömentti 3*), которым командовал полковник Э. Ярвинен, начальником штаба был майор Т. Репонен. Артиллерийский полк, входивший в состав Военно-морских сил Ладожского озера (*Laatokan Meripuolustus*),

включал в себя три дивизиона (штабы располагались на островах Коневец, Валаам и в Лахденпохье). Береговая оборона на Ладоге была разделена на шесть укрепленных секторов (Lohko) — Карельского перешейка, Куркийоки, Яаккимаа, Сортавала, Валаам и Салми. Подходы к укрепрайонам с озера были минированы (всего, по советским данным, было выставлено 14 минных заграждений)¹. На озере финны располагали флотилией в составе 10–15 вооруженных пароходов и буксиров, 1 минного заградителя, 2 ледоколов, 35 моторных катеров².

Наиболее представительным по составу был укрепсектор Карельского перешейка (Kannaksen lohko), которым командовал подполковник Й. Рикама. Он включал в себя орудийные позиции в Карнайоки (четыре 152-мм орудия), на острове Коневец (четыре 152-мм, два 75-мм и три 57-мм орудия), в Ярисевя, в р-не Тайпале (одно 120-мм и два 87-мм орудия), на мысе Юлляпяяниеми (одно 120-мм и два 87-мм орудия), на мысе Туллиниеми в заливе Сортанлахти (два 87-мм и три 57-мм орудия), на мысе Полвананиеми (два 87-мм орудия) и на мысе Мустаниеми (два 120-мм орудия). Карельский укрепрайон полностью перекрывал доступ с озера к укреплениям левого фланга «линии Маннергейма» в р-не Тайпале. В случае необходимости финские береговые батареи этого района должны были оказывать огневую поддержку частям III армейского корпуса, оборонявшего участок фронта от Кивиниеми до Тайпале.

Следующим укрепленным сектором был Куркийоки, командиром которого был капитан М. Ванхатало. Этот укрепрайон имел в своем составе артиллерийские батареи на мысе Мурикканиеми (три 75-мм орудия), на мысе Вахтиниеми (два 152-мм орудия), в гавани Кивисалми (одно 75-мм орудие), в Куркийоки и на острове Хейнясинмаа (по два 152-мм орудия). Данный укрепленный район закрывал подходы к Кякисалми и тыловому району «линии Маннергейма».

Укрепленный сектор Яаккимаа (командир — капитан К. Коски) носил тыловой характер и располагал 2-орудийной 120-мм батареей и 2-орудийной 75-мм батареей в Келпяя. Данные орудийные позиции прикрывали северо-западное побережье Ладожского озера и преграждали путь к Лахденпохье.

Сортавальский укрепленный сектор, командиром которого был капитан В. Оянне, прикрывал подходы к одноименному городу

и порту. В состав сектора входили береговые батареи в Хаавусе (два 87-мм орудия), на островах Кельосаари (три 57-мм орудия), Хонкасало (два 57-мм орудия) и Пеллотсаари (два 87-мм и одно 57-мм орудие).

Весьма сильным по орудийному составу был Валаамский укрепсектор (командир — майор К. Циллиакус), прикрывавший северное побережье Ладожского озера. Наиболее сильной береговой обороной здесь отличался остров Валаам, в разных частях которого располагались четыре 152-мм, четыре 87-мм и четыре 57-мм орудия. Огневую поддержку батареям Валаама могли оказать батареи островов Мёкериккё (два 152-мм и два 75-мм орудия) и Ристисаари (два 152-мм орудия).

Наконец, укрепленный сектор Салми, который возглавлял капитан Т. Мякеляйнен, прикрывал северо-восточную часть побережья Ладожского озера и должен был оказывать огневую поддержку частям IV армейского корпуса финнов. На острове Мантсинсаари находилась 2-орудийная 152-мм батарея, на острове Лункулансаари — 2-орудийная 87-мм батарея и в Ууксалонпяя — 2-орудийная 152-мм батарея³.

Артиллерийские системы финнов, находившиеся на вооружении береговых батарей 3-го артполка, были представлены в основном устаревшими образцами. Во-первых, нужно упомянуть бывшие русские 152-мм орудия системы Канэ образца 1891 г. с длиной ствола в 45 калибров (152/45C), а также 120-мм орудия системы Канэ (120/45C) и Армстронга (120/41A) образца 1891–1892 гг., которые были весьма распространенными артиллерийскими системами в финской береговой обороне. Дальность стрельбы 152-мм орудий Канэ составляла 20 км, а 120-мм орудий Армстронга и Канэ — 13 и 18 км. Во-вторых, у финнов имелись русские 87-мм полевые пушки образца 1877 г. на лафете 1895 г. (87/K 95), которые уже совершенно устарели к началу войны и не представляли большой ценности. Что касается 75-мм орудий, то они были представлены модификациями (75/50CR и 75/50MI) известной артсистемы Канэ образца 1891 г., выпущенными на Обуховском и Металлическом заводах в Санкт-Петербурге. Наконец, имелись 57-мм капонирные пушки системы Норденфельда (57/26Cap.) образца 1892 г. Это была устаревшая артиллерийская система, имевшая скорее не боевое, а морально-психологическое значение⁴. Таким обра-

зом, финны были вынуждены обходиться теми артиллерийскими системами, которые достались им в наследство от русской армии и флота в 1918 г.

Устройство финских береговых батарей на Ладожском озере имело свои характерные особенности, которые существенно отличались от устройства береговых батарей в Выборгском заливе. В отличие от батарей Выборгского залива, располагавшихся в глубине лесных массивов, береговые батареи Ладожского озера, будучи открытого типа, располагались на открытых позициях непосредственно у уреза воды. Соответственно, данные батареи хорошо наблюдались не только с воздуха, но также и с озера. Батарейный городок находился в непосредственной близости. Кроме наблюдательного пункта (НП), имевшегося на огневой позиции, некоторые батареи имели железобетонные командные пункты (КП) по типу таковых в Выборгском заливе. Как правило, батареи имели ложную огневую позицию, а иногда и НП. Подобное устройство батарей финнами, вероятно, обосновывалось невозможностью появления в Ладожском озере советских кораблей с крупной артиллерией и хорошим бронированием.

Как правило, все береговые батареи финнов на Ладоге имели по два орудия, которые располагались в железобетонных двориках на расстоянии 40–50 м друг от друга. Между двориками находилось железобетонное сооружение, состоявшее из двух отделений. В одном из них хранился боезапас, а во втором находились помещения для личного состава — кухня, склады продовольствия и прочее. Отделения были разделены поперечным коридором, который при помощи лестницы вел на второй этаж — в НП или пост управляющего огнем (для командира батареи), представляющий из себя стальную эллипсообразную башню. Толщина ее броневых стен, как правило, составляла около 10 см. Для наблюдения за водной поверхностью в башне имелась прорезь, обеспечивающая наблюдение в секторе 180°. Оба отделения железобетонного блока соединялись между собой коридором, имевшим железобетонное перекрытие. Толщина его стен составляла 80 см, а толщина потолка — около 2 метров.

Подача боезапаса из погреба осуществлялась при помощи лотка вручную непосредственно в орудийный дворик. Заряжение производилось вручную. По результатам обстрела расположения советских армейских частей батареей Ярисевянием и обстрела

района Салми батареей с о-ва Мантсинсаари можно было заключить, что финские береговые батареи при соответствующем обеспечении наблюдением могут производить обстрел в секторе до 360° ⁵.

Давая общую оценку устройства финских береговых батарея на Ладожском озере, советские военно-морские специалисты отмечали такие ее недостатки, как открытость позиций с воды и трудность их маскировки. В то же время при подобном устройстве береговых батарея имелись и свои преимущества. В частности, данные батареи могли стрелять прямой наводкой и не имели мертвого пространства перед собой. Батареи сравнительно мало зависели от приборов управления артогнем (ПУАО) и могли действовать даже при их выходе из строя. Однако эти выгоды могли быть сведены на нет применением дымовых завес со стороны озера⁶.

В целом, оценивая финскую береговую оборону на Ладожском озере, следует заметить, что ее удачное расположение обеспечивало в полной мере решение таких боевых задач, как поддержка флагов своей армии, недопущение высадки десантов на островах и побережье, недопущение действий советского флота по береговым объектам на побережье и войскам на флангах «линии Маннергейма», поддержка действий своей флотилии из шхерных районов, обеспечение своих внутренних водных коммуникаций. В то же время финская БО на Ладоге носила характер некоторой избыточности, поскольку она была слишком сильна для противостояния вероятному противнику – советской Ладожской флотилии.

Для эффективной борьбы с финскими береговыми батареями советская сторона могла противопоставить лишь корабли Ладожской военной флотилии, созданной приказом № 00156 наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова от 25 октября 1939 г.⁷ Первоначально планировалось передать в состав ЛВФ Дивизион канонерских лодок в составе четырех кораблей – «Красная горка», «Сестрорецк», «Ораниенбаум» и «Кронштадт». Это были бывшие грунтовозные шаланды Балттехфлота Спецгидростроя НКВД, которые были мобилизованы 7 ноября для нужд КБФ и переоборудованы под канонерские лодки⁸. 21 ноября корабли дивизиона начали свое движение вверх по Неве, но ввиду трудных ледовых условий 25 ноября в Шлиссельбург прибыла лишь одна канонерская

лодка «Ораниенбаум». Оставшиеся три канонерки остановились у Ивановских порогов, поскольку не смогли пробиться сквозь льды, после чего повернули обратно и 27 ноября пришли в Кронштадт⁹. Несмотря на то что приказами № 00144 командующего КБФ от 25 ноября и приказом № 00182 наркома ВМФ от 7 декабря 1939 г. Дивизион канонерских лодок был официально включен в состав Ладожской военной флотилии¹⁰, она так и осталась при одной-единственной канонерке «Ораниенбаум».

Острый недостаток корабельного состава побудил командующего ЛВФ капитана 1-го ранга С. М. Кобыльских попросить у Военного совета КБФ новых подкреплений. По его предварительным расчетам, необходимо было иметь на Ладоге 1 сторожевой корабль типа «Туча» или «в крайнем случае, один базовый тральщик», 6 сторожевых катеров типа «МО-4», 5 сторожевых катеров типа «Рыбинский», 8 тральщиков («Москва», «Видлица» и 6 ТЩ типа «Ижорец») и одну подводную лодку типа «М»¹¹. Некоторое усиление Ладожская военная флотилия получила (хотя и не в полном объеме) и к вечеру 29 ноября она была сосредоточена в Шлиссельбурге. Командованием ЛВФ все силы флотилии были разделены на два отряда. В 1-й отряд, включавший в себя наиболее боеспособные корабли, вошли канонерская лодка «Ораниенбаум», тральщики «Москва», «Видлица», типа «Ижорец» № 31 и 37, сторожевые катера № 211, 213, 413–417. Командование отрядом принял начальник штаба Ладожской флотилии капитан П. А. Трайнин. Перед 1-м отрядом командующий ЛВФ капитан 1-го ранга С. М. Кобыльских поставил задачу — поддержать артиллерийским огнем наступающие вдоль западного побережья Ладожского озера части 7-й Армии. Для выполнения данной задачи отряд вышел в озеро¹².

Несмотря на то что в составе Ладожской военной флотилии числилось 22 боевых корабля и катера, реальная ее боевая сила была весьма невелика. Единственный сильный корабль во всей флотилии — канонерская лодка «Ораниенбаум» располагал двумя 130-мм орудиями, но маневренные качества этого корабля были ограничены малой скоростью хода, не достигавшей и 7 узлов. К тому же из двух орудий на правый борт могло действовать только одно, а на корме вообще был мертвый сектор. Следующими по силе артиллерийского вооружения были тральщики «Москва» и «Видлица», располагавшие

одним 75-мм орудием. Но отрицательным свойством этих кораблей было то, что они очень плохо выдерживали качку. Более устойчивыми судами были тральщики типа «Ижорец», но их вооружение было совсем уж несерьезным (только одно 45-мм орудие). Техническое состояние кораблей также было неудовлетворительным. Механизмы были сильно изношены, из-за чего в котлах часто происходили аварии. Корпуса судов давали течь. Навигационное оборудование было самое примитивное: лаги отсутствовали, а компасы были ненадежными. На канонерке «Ораниенбаум» и тральщиках типа «Ижорец» отсутствовали штурманские рубки¹³.

Личный состав кораблей ЛВФ был подготовлен в целом недостаточно. Лишь на КЛ «Ораниенбаум» и на сторожевых катерах личный состав был целиком кадровым и в целом соответствовал задачам. Однако на тральщиках личный состав был практически полностью набран из запаса. Командиры не были подготовлены к несению сторожевой службы, а сигнальщики и радисты на них были очень неопытными. Кроме того, практики совместного плавания у командиров не имелось. Корабли содержались плохо, боевая подготовка личного состава практически отсутствовала¹⁴.

Первая значительная боевая операция логически вытекала из общего хода боевых действий и соответствовала боевым задачам 1-го отряда Ладожской военной флотилии. Вышедшие 1–2 декабря к реке Тайпалеенйоки части 142-й стрелковой дивизии 7-й Армии уперлись в сильный укрепленный район финнов. Долговременные огневые точки финнов вели сильный огонь по наступавшим советским войскам, не давая им возможности переправиться через реку и закрепиться на другом берегу. В отражении советских атак также принимали участие и береговые батареи противника. Поздно вечером 1 декабря на разведку в Тайпалевский залив вышли два сторожевых катера типа «МО-4», которые подверглись обстрелу финской батареи. При отходе на сторожевом катере «Р-417» возникла течь, после чего он направился в гавань Нижние Никулясы. Второй катер, «Р-413», при входе в гавань выскоцил на камни и затем был разоружен¹⁵.

Чтобы выявить место расположения финской береговой батареи и показать 7-й Армии, что ее фланг с озера прикрывается Ладожской флотилией, 3 декабря командованием ЛВФ была предпринята боевая операция по разведке финской береговой

обороны в районе Тайпале. С целью ее обеспечения, тральщики типа «Ижорец» № 31 и 37 произвели тральную разведку в районе Тайпалевского залива, во время которой были обстреляны финской береговой батареей. После обстрела тральщики присоединились к отряду кораблей флотилии. Мин в этом районе обнаружено не было. В 14 ч. 17 мин. канонерская лодка «Ораниенбаум» снялась с якоря и направилась на выполнение задания в сопровождении сторожевых катеров «МО-211» и «Р-415». Видимость в это время стала ухудшаться, берег неясно просматривался сквозь туман. В 15 часов, подойдя к берегу на 60–65 кабельтовых, канонерка «Ораниенбаум» открыла огонь по району Тайпале, выпустив 5 фугасных снарядов. После первого залпа КЛ финская береговая батарея Яривисиниemi открыла огонь по советскому кораблю. Первый залп финнов лег недолетом, а последующие залпы батареи легли с перелетом в 3–4 кабельтовых. Вспышек от выстрелов финских орудий не было видно, поскольку видимость ухудшилась к этому времени. Считая свою задачу выполненной, командир КЛ «Ораниенбаум» принял решение увеличить дистанцию от берега и возвращаться к отряду в обход банки Тайпалеенлуото. В условиях плохой видимости элементы счисления на КЛ были крайне не точны (лаг отсутствовал, не было таблицы соответствия скорости хода оборотам машины)¹⁶.

В 15 ч. 15 мин. командир «Ораниенбаума» лейтенант Н. П. Стрельцов повернул на курс норд-ост, а затем — на ост, чтобы выйти из зоны обстрела и обогнать банку Тайпалеенлуото с востока. Данная банка не была обозначена вехами, к тому же штурманские способности командира и штурмана канонерки оказались недостаточными. Значительно преувеличив представление о скорости хода канонерской лодки, командир КЛ, полагавший, что опасное место уже пройдено, и не проконтролировав прокладку курса измерением глубин, в 16 ч. 26 мин. преждевременно повернул свой корабль на зюйд. В итоге в 16 ч. 47 мин. канонерская лодка «Ораниенбаум» села на камни банки Тайпалеенлуото, посредине западной гряды камней¹⁷.

Тральщики, которые шли в кильватере за канонеркой, попытались при помощи буксиров сташить ее с камней, но при усилившемся ветре сами попали в тяжелые условия. Тральщик № 31 коснулся каменной гряды и получил течь, а тральщик № 37 был выброшен волной на камни той же банки, после чего через

образовавшиеся пробоины заполнился водой и затонул кормой. Кроме того, сторожевой катер «Р-415» получил пробоину, а катер «МО-211» повредил винты¹⁸.

Таким образом, первая же серьезная операция кораблей ЛВФ по обстрелу финского побережья завершилась полным провалом. Два боевых корабля были потеряны (из них один временно) и два катера — повреждены. Причиной случившегося были слабые навыки командира КЛ в управлении кораблем и вообще плохая морская подготовка командного состава ЛВФ. В дальнейшем до 15 декабря 1939 г. канонерская лодка «Ораниенбаум» продолжала сидеть на камнях, испытав за это время ряд штормов. Тральщик № 37 был частично разоружен: с него сняли 45-мм зенитную пушку и установили на канонерской лодке. Также с тральщика была снята команда. За время своего нахождения на камнях канонерка «Ораниенбаум» несколько раз вела артиллерийский огонь по берегу. Наконец, 12 декабря Балтийская экспедиция ЭПРОН притупила к снятию канонерской лодки с банки. В итоге 15 декабря КЛ «Ораниенбаум» была снята с камней и отбуксирована к берегу в район деревни Полуторно, где была произведена окончательная заделка повреждений. 27 декабря канонерская лодка «Ораниенбаум» вновь вступила в строй¹⁹.

6 декабря командир отряда П. А. Трайнин принял решение выйти в район Тайпалевского залива для поддержки наступления частей 7-й Армии посредством отвлечения огня финских береговых батарей на себя. С этой целью в 14 часов отряд в составе сторожевых кораблей «Разведчик» и «Дозорный», тральщиков типа «Ижорец» № 32 и 34 и сторожевых катеров «Р-422» и «МО-213» вышел в Тайпалевский залив. Командир отряда избрал для боя дистанцию в 75 кабельтовых от берега, чтобы не попасть под огонь финской береговой артиллерии. В 14 ч. 25 мин. корабли открыли огонь по финскому берегу, хотя залпы падали с недолетом. В свою очередь, финская береговая батарея Ярисева открыла ответную стрельбу по советским кораблям, сразу же добившись накрытия. Побыв под огнем финнов в общей сложности 1 ч. 10 мин., корабли ЛВФ повернули в свою базу. В ходе этой операции канонерская лодка «Ораниенбаум», сидевшая на камнях, также вела огонь по противнику, выпустив 5 снарядов²⁰.

Однако финские береговые батареи в районе Тайпале не только оборонялись, но также и сами вели активные действия против

кораблей Ладожской военной флотилии, показывая при этом хорошую организацию артиллерийской разведки. 8 декабря финская береговая батарея из района Тайпале (вероятно, Ярисевя) открыла огонь по советской базе Саунасаари, которую с 5 декабря занимали корабли 1-го отряда ЛВФ. В 12 ч. 10 мин. по советской базе был открыт огонь финской береговой артиллерией. К этому моменту в гавани находились СКР «Разведчик», тральщики «Москва», «Видлица», а также типа «Ижорец» № 30, 32 и 34, буксир «Боевой» и четыре сторожевых катера. Первый залп противника лег к востоку от гавани, а последующие — в гавань, в районе стоянки кораблей. И хотя снаряды финнов не попали непосредственно в советские корабли, 1-й отряд понес существенные потери. А именно сильная волна и плохо изученный вход в гавань стали причинами ряда аварий. В частности, ТЩ «Москва» коснулся камнем и повредил правый винт. Тральщик № 30 получил пробоину в машинном отсеке, через которую стал быстро заполняться водой. Командир ТЩ И. И. Намятов решил выброситься на берег, чтобы избежать затопления корабля, но при выполнении своего маневра случайно таранил сторожевой катер «Р-416», который затонул спустя полчаса. В довершение всех бед, на ТЩ «Видлица» при стрельбе разорвало 75-мм орудие, от чего погибли 4 человека²¹. С началом обстрела командир 1-го отряда П. А. Трайнин отдал приказание командиру КЛ «Оранienбаум» Н. П. Стрельцову открыть огонь по Ярисевя, что и было выполнено. И хотя снаряды канонерки не долетали берега, финская батарея перенесла огонь на КЛ, произведя по ней 12 залпов с недолетом в 25–30 кабельтовых²². Итак, еще два корабля (тральщик и сторожевой катер) выбыли из состава ЛВФ.

После этого боя обстрелы гавани Саунасаари производились финнами достаточно регулярно — 9, 10, 13, 15, 17, 20 и 29 декабря 1939 г., а также 12 января 1940 г. Стрельба велась с финской стороны 152-мм снарядами (скорее всего, береговой батареей Карнайоки) 1907 г. изготовления, причем многие снаряды даже не разрывались. Как правило, многие снаряды имели взрыватели замедленного действия, поэтому они проламывали лед и разрывались уже под водой. Из-за постоянной опасности обстрела после 8 декабря советские корабли заходили в гавань Саунасаари за топливом и снабжением либо ночью, либо днем при плохой видимости. Оставшиеся корабли ЛВФ непосредственно

находились в озере, осуществляя охрану сидевшей на камнях КЛ «Ораниенбаум» и своего побережья. 29 декабря из-за обстрела гавани, корабли Ладожской флотилии последний раз выходили в озеро. С 1 января 1940 г. толщина льда достигла таких размеров, что тральщики уже не могли передвигаться. В результате пришлось, несмотря на частые обстрелы гавани, оставить ТЩ на зимовку в Саунасаари, а личный состав с них снять на берег. Сторожевые корабли «Разведчик» и «Дозорный» также были введены в гавань Саунасаари, где и провели зиму. Что касается канонерской лодки «Ораниенбаум», то она вместе с буксирами «Тюлень» и «Водолаз» провела зимовку вне гавани и вмерзла в лед. Общее состояние кораблей было неудовлетворительным, боевая подготовка личного состава отсутствовала²³.

Поскольку корабли Ладожской военной флотилии, начиная с января 1940 г., ничем не могли помочь войскам 7-й (затем 13-й) и 8-й армий (данная задача была поставлена директивой наркома ВМФ от 21 декабря 1939 г.) в деле борьбы с финскими береговыми батареями, данная задача была поручена морской авиации. Следует заметить, что в декабре 1939 г. 41-я морская ближнеразведывательная авиаэскадрилья совершила в основном разведывательные полеты. Но учитывая изменившийся характер боевых задач, в связи с необходимостью поддержки действий 8-й армии, с января 1940 г. авиация флотилии приступила к периодическим бомбардировкам островов Мантсисаари, Ристисаари, Валаам и Коневец. Этому способствовало то обстоятельство, что 41-я МБРАЭ получила усиление в виде авиаэскадрильи бомбардировщиков «СБ». В первую очередь на этих островах подвергались бомбёжкам береговые батареи, разные постройки и суда в гаванях²⁴.

11 февраля 1940 г. на Карельском перешейке началось генеральное наступление войск Северо-Западного фронта, в связи с чем началось систематическое уничтожение советской артиллерией и авиацией финских укреплений «линии Маннергейма». Начиная с 18 февраля 1940 г. все усилия морской авиации в лице 41-й АЭ (а также и армейской авиации) сосредоточились исключительно на укрепленном районе Тайпале. И в первую очередь мощным авиационным ударам и артиллерийским обстрелам подвергалась береговая батарея Ярисевя, вооруженная двумя 120-мм орудиями. Одна лишь 41-я морская разведывательная

авиаэскадрилья произвела по финской батарее 61 самолето-вылет, в ходе которых сбросила 282 бомбы общим весом 24 тонны.

В результате непрерывных обстрелов и бомбажек хорошо видимая с наблюдательных пунктов 3-го стрелкового корпуса 13-й армии и ЛВФ финская батарея Ярисевя была подавлена. Одно ее 120-мм орудие было уничтожено, второе получило сильные повреждения щитового укрытия и механизмов, но продолжало действовать до последнего дня войны. Бетонные брустверы батареи были разрушены и ремонтировались во время боевых действий путем заделки повреждений мешками с песком. Бронированная башня командира батареи имела множество попаданий снарядами, но разрушена не была. Все постройки в районе батареи и прожектор были уничтожены. В последний день войны, по сведениям финнов, прямым попаданием 203-мм снаряда было взорван склад с боезапасом²⁵. Батарея Ярисевя стала единственной финской береговой батареей на Ладоге, уничтоженной советской армией и флотом. Остальные финские береговые батареи — на островах Коневец, Валаам, Путсало и Мантсинсаари — неоднократно подвергались бомбардировкам 41-й АЭ и ВВС 8-й армии, но серьезных повреждений материальной части не получили²⁶. Таким образом, можно констатировать, что Ладожская военная флотилия так и не сумела уничтожить финскую береговую оборону на Ладожском озере и, соответственно, не смогла выполнить задачу по огневой поддержке войск 7-й и 8-й армий в прибрежных районах.

¹ Talvisodan historia. Os. 4. Porvoo-Helsinki-Jyväskylä, 1979. S. 146; Салагин Я. Т. Оборона морских флангов «линии Маннергейма». Л., 1941. С. 15, 19–21.

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГАВМФ). Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 32.

³ Talvisodan historia. S. 146.

⁴ Enqvist Ove. Itsenäisen Suomen rannikkotykit 1918–1998. Jyväskylä, 1999. S. 82, 98–104, 116–119, 121, 145–148, 150. Paulaharju Jyri. Itsenäisen Suomen kenttätykit 1918–1995. Jyväskylä, 1996. S. 43.

⁵ Салагин Я. Т. Оборона морских флангов «линии Маннергейма». С. 35–36.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 150–151.

⁸ Бережной С. С. Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки: Справочник. М., 1997. С. 166–167.

- ⁹ Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 3. М.; Л., 1946. С. 43.
- ¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 369. Л. 18.
- ¹¹ Там же. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- ¹² Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 4об.–5. Д. 8. Л. 1–1об. Д. 25. Л. 2–3.
- ¹³ Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. С. 43
- ¹⁴ Там же. С. 43.
- ¹⁵ РГАВМФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 8. Л. 2. Д. 25. Л. 4. Ф. Р-92. Оп. 4. Д. 130. Л. 2.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 63. Л. 110. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 25. Л. 6–7.
- ¹⁷ Там же. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 63. Л. 110. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 25. Л. 7. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 3. С. 49.
- ¹⁸ РГАВМФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 25. Л. 7–8. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 3. С. 49–50.
- ¹⁹ РГАВМФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 25. Л. 8. Д. 8. Л. 11 об.
- ²⁰ Там же. Д. 25. Л. 9. Д. 8. Л. 6 об.
- ²¹ Там же. Д. 25. Л. 11–12.
- ²² Там же. Л. 12.
- ²³ Там же. Ф. Р-92. Оп. 4. Д. 130. Л. 1–2. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 25. Л. 13. Ф. Р-92. Оп. 4. Д. 130. Л. 1–2.
- ²⁴ Петров П. В. «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки, 2008. С. 307–309.
- ²⁵ Салагин Я. Т. Оборона морских флангов «линии Маннергейма». С. 67, 80; Якимович К. В. Тайпале. Сто дней кровопролитного сражения советско-финской войны 1939–1940 гг. СПб., 2009. С. 213–214.
- ²⁶ Салагин Я. Т. Оборона морских флангов «линии Маннергейма». С. 68, 81.

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ,
ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

B. E. Возгрин

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ
ХАРАЛЬДА И АННЫ СКАВЕНИУСОВ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГА:
СОБЫТИЯ В РОССИИ 1917 ГОДА
ГЛАЗАМИ ДАТСКОГО ДИПЛОМАТА*

Датский специалист в российской истории Нового времени Бент Йенсен опубликовал в начале 1970-х гг. корреспонденцию королевского посланника в Петрограде в 1917–1918 гг. Харальда Скавениуса¹. Имеется множество исторических исследований, посвященных истории революции в России. Однако каждое свидетельство очевидца этих событий способно если не изменить их общие выводы, то существенно обогатить наши представления о буднях двух революций 1917 г. в Петербурге и о начале Гражданской войны. Другими словами, это эпистолярное собрание чрезвычайно интересно уже потому, что события 1917 г. описываются их свидетелем, не принадлежавшим ни одной из противоборствующих сил, т. е. автором вполне независимым. Но, с другой стороны, Х. Скавениус стоял на позиции представителя достаточно демократичной конституционной монархии и поэтому не мог не осуждать столь характерные для России тех лет акты насилия, нарушения общечеловеческих этических норм, открытого разбоя и погромов. Поэтому его объективность имеет свои границы. Он не был равнодушным наблюдателем, когда на его глазах большевики творили чудовищные злодеяния. Однако Х. Скавениус в своей корреспонденции не предстает перед читателем неким надмирным судией. Он пытается понять

* Статья подготовлена в рамках Мероприятия 2 СПбГУ «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв.» (5.38.275.2014).

и объяснить причины самых несвойственных для нормального человека поступков столичного плебса, солдат и матросов, причастных к самым диким преступлениям.

Но прежде чем перейти к краткому изложению и оценке информации, которую датское министерство иностранных дел получало от своего посланника, стоит ознакомиться с личностью дипломата и историей его миссии в России. Харальд Скавениус (1873–1939) родился в семье крупного помещика и политика Яакоба Скавениуса. Закончив Копенгагенский университет (1900) по курсу испанского и французского языков, он начал свою дипломатическую карьеру в 1904 г. в должности секретаря датского представительства в Санкт-Петербурге. Затем он был переведен в 1909 г. в Париж, а в 1911 г.— в Лондон. В 1912 г. он вернулся в российскую столицу в ранге посланника, где пребывал до 1918 г. включительно. В 1917 и 1918 гг. Х. Скавениус осуществлял руководство масштабной гуманитарной акцией своей страны: Дания в эти годы сменила США в деле оказания всемерной помощи приблизительно 2 млн австро-венгерским военнопленным и гражданским лицам, оказавшимся в лагерях, находившихся в европейской части России и в Сибири. К этому периоду относятся тщетные попытки католика-Скавениуса привлечь к этой акции и Ватикан. После разрыва дипломатических отношений Дании с Россией (декабрь 1918 г.) Скавениус был вынужден вернуться в Копенгаген. Здесь он был уволен с дипломатической службы своим двоюродным братом, министром иностранных дел Эриком Скавениусом. Занимая высокие дипломатические и правительственные должности, Х. Скавениус стоял на позиции жесткой критики тоталитарных идеологий, видя в марксизме угрозу как России, так и Европе. Будучи в 1924–1928 гг. посланником в Риме, он не менее активно предостерегал свое правительство об опасности распространения фашизма на континенте. Собственно, он и покинул Италию главным образом из-за резкого неприятия режима Муссолини².

Итак, в 1912 г. Харальд Скавениус занял пост посланника в России. Его статус, по сравнению с фактическим положением других членов дипломатического корпуса в Петрограде, был несколько необычным. Все-таки Х. Скавениус представлял родину вдовствующей императрицы Марии Федоровны, матери Николая II. И этот статус стал реальностью сразу же по его прибытии в российскую столицу. Как отмечает в своих записках

и письмах на родину супруга датского посланника Анна Софие, они ощутили это по особому отношению к ним императорского двора и петербургского высшего общества. Датчанина явно выделяли, и в этом отношении с его положением мог сравниться лишь статус английского посла Уильяма Бьюкенена, дуайена дипломатического корпуса в России³.

Как будет видно из нижеследующего обзора, датский посланник еще в начале 1917 г. был целиком занят анализом политической эволюции в старой России, добросовестно пытаясь вникнуть в быт, обычай и поступки поначалу малопонятных для него подданных российского царя⁴. Здесь его анализ текущих событий не может не поразить своей глубиной и объективностью. Эту задачу ему, в отличие от других дипломатов, облегчало знание русского языка⁵. Впоследствии его обязанности возрастают настолько лавинообразно, что ему становится явно не до этнопсихологических штудий.

После того как большевики пришли в ноябре 1917 г. к власти, одна страна за другой отзывали своих дипломатических представителей и отказывались признавать революционное правительство. Датское представительство под руководством посланника Харальда Скавениуса осталось на своем посту до декабря 1918 г. При этом по причине многочисленных задач, которые с течением времени были возложены на представительство, его персонал увеличился настолько, что под конец оно стало крупнейшей миссией изо всех, когда-либо ранее представлявших Данию за рубежом.

С апреля 1917 г. Дания взяла на себя функцию патронирования австро-венгерских граждан в России, два миллиона из которых являлись военнопленными. А когда многие английские и французские граждане в течение 1918 г. были арестованы советскими властями, датское представительство приняло на себя еще и их защиту, представляя интересы великих европейских держав. Таким образом, датское представительство стало в России покровителем для граждан более чем 20 больших и малых европейских государств.

Однако датское правительство отнюдь не желало оставаться почти единственным из всех стран мира, сохранившим некую форму дипломатических контактов с властью, которую осуждали практически все. И его представительству в советской России было указано собирать вещи и отправляться домой. Поэтому 15 декабря

Харальд Скавениус с частью своих чиновников пересек на санях советско-финскую границу. Так завершилась едва ли не самая драматическая и насыщенная событиями глава в многовековой истории датской дипломатии.

Сразу после отъезда семьи посланника из Петрограда, в представительство ворвались большевики, как, впрочем, и во все другие дипломатические резиденции и конфисковали все, что там было: мебель, картины, коллекционный фарфор, среди прочего пурпурный сервиз, который был изготовлен к свадьбе отца посланника, бывшего министра культуры Яакоба Скавениуса в 1860-х гг., а также серебро, книги и личные вещи семьи. Впрочем, все эти утраты были достойно возмещены Харальду Скавениусу датским королевством.

Первые депеши Х. Скавениуса, датированные декабрем 1916 (ст. ст.) – январем 1917 гг., посвящены в большей своей части сенсации не только российского, но и европейского масштаба – убийству Распутина⁶. Само убийство, пишет посланник, «свершилось в лучших традициях Ренессанса» – довольно точное определение, учитывая статус действующих лиц и их действия, в том числе и сразу после смерти Распутина⁷. Однако ожидания позитивных перемен после этого акта не оправдались. Все осталось по-прежнему. Ситуация неясна, в то же время напряжение в правительственные кругах возрастает. Однако многие полагают, что «время фантастических проектов со временем канет в прошлое, и его сменит политика реальности, более отвечающая серьезности момента»⁸.

В том же январе месяце 1917 г. Х. Скавениус шлет в Копенгаген потрясающую новость. Убийство Распутина было лишь первым шагом в борьбе с «кликой германских агентов» при русском дворе. Теперь настала очередь императрицы Александры Федоровны. И даже известны киллеры. Ими, «как все считают», станут гвардейские офицеры – «это обычная тема светских бесед»⁹. Между тем названные офицеры в разговорах заявляют, что стрелять в рабочих (как это было в 1905 г., правда, тогда обошлись без гвардейцев) они откажутся. Что же касается личной политики Александры Федоровны – этот вопрос остается для датского дипломата открытым. По крайней мере, в депешах Х. Скавениуса, который, между прочим, утверждает, что Совет министров – орудие не императора, а императрицы. Отсюда следует вывод датского

посланника: «Можно было убить Распутина, но нет сил, которые смогут убить его дух, который по-прежнему веет над Россией»¹⁰. Замечание не совсем ясное, понимать его и современные историки могут по-всякому...

Между тем в Петрограде начался голод. Не стало мяса, муки, сахара и других продуктов, закрылись многие булочные. «В некоторых рабочих кварталах в последние 5 дней было совершенно невозможно достать хлеб»¹¹, — сообщает Х. Скавениус 25 февраля 1917 г. (здесь и далее датировка по ст. стилю, кроме особых оговорок). А забастовочное движение с этого дня становится в российской столице всеобщим. При этом около 6 часов вечера близ Городской думы была перестрелка с участием драгунского отряда; убитых и раненых вносили в это здание.

Затем события приобретают столь большую важность, что начиная с 28 февраля, дня открытия чрезвычайного заседания Городской думы, посланник шлет на родину лишь шифрованные телеграммы, прибегая к открытому тексту в редких случаях. Так, 8 марта он сообщает, что сложивший с себя венец Николай II и Александра Федоровна арестованы и должны отныне находиться неотлучно в своей резиденции Царском Селе. В этой же телеграмме он упоминает о правительственном манифесте, согласно которому полностью возобновляется действие старой (формально не отмененной, но приблизительно с 1899 г. периодически грубо нарушавшейся) конституции Финляндии. В связи с этим на следующий день должна состояться экстраординарная сессия финского ландтага, т. е. четырехсоставного сейма¹².

В письме от 10 марта Х. Скавениус извещает министра иностранных дел Дании графа Вильяма Алефельдта о том, что в революционном Петрограде, которому угрожает немецкая оккупация, искусственно распространяются слухи о германских шпионах, буквально переполнивших город. При этом посланник полагает, что это делается с тем, чтобы пробудить в жителях столицы ненависть к противнику. Власти подстрекают при этом население начать настоящую охоту на вражеских лазутчиков, что не может не беспокоить всех иностранцев, постоянно живущих в Петрограде. Впрочем, продолжает он, правительство, которое не обладает реальной властью, возможно, пытается таким образом увеличить свой авторитет среди народа¹³. Именно с этой целью, полагает он в своем письме от 17 марта, евреи уравнены

в правах с остальным населением, Польше обещана независимость, а на Украине разрешено преподавание на «малороссийском» языке — так правительство привлекает на свою сторону нерусские элементы города и деревни¹⁴. Одновременно было принято решение обнародовать обнаруженные в тайных архивах списки провокаторов, использовавшихся полицией при старом режиме, — оказалось, что среди них немало лиц, играющих заметную роль в большевистском крыле РСДРП, «в том числе бывший редактор “Правды”»¹⁵.

Весьма любопытны выводы, к которым Х. Скавениус пришел, анализируя российскую прессу, прежде всего социалистическую. В письме от 25 марта он пишет, что если ранее корреспонденты ожидали, что Германия последует примеру революционной России, и таким образом закончится война, которую развязали «два дурака», то теперь они все чаще полагают, что Вильгельма не так просто лишить престола, как это случилось с Николаем. С другой стороны народ все менее доверял газетчикам, которые внушали ему, что с такими жертвами достигнутая свобода находится под угрозой в случае, если германская армия и далее будет успешно наступать — кайзер, конечно же, восстановит на престоле своего друга и родственника Николая, который на протяжении войны втайне был заодно с немцами, а «большинство членов царской семьи являлись шпионами»¹⁶. Когда оказалось, что немецкие социалисты вовсе не желают предавать своего императора, российские корреспонденты сменили тактику. Теперь, утверждают они, война идет не между «двух дураков», сражаются два различных мировоззрения, и вместо правительенного лозунга «Война до победного конца» следовало бы принять иной: «Война за свободу». Что, впрочем, не мешает заключить мир, но лишь если немцы сложат оружие, гарантируют свое невмешательство в судьбу бывшего царя и вернут все захваченные территории. А до того следует вести войну за сохранение достигнутых свобод.

В этом же письме посланник подымает проблему свободы для рабочих. Дело было в том, масса рабочих рассматривала ее как собственное право снимать и назначать руководство — от мастеров до директоров предприятий, а также самим определять величину жалованья, иначе они отказывались работать. Таким образом, промышленность была совершенно дезорганизована,

что сказалось на воинских поставках, так как почти все заводы работали на войну. Мало того, на железнодорожных станциях грузчики по той же причине отказывались разгружать вагоны с мукой, а извозчики — доставлять ее в пекарни. Пекари же настаивали на своем праве на 8-часовой рабочий день, что в корне нарушало производственный цикл, требовавший более длительного времени¹⁷. Так возобновился ликвидированный вроде бы голод. Рабочие комитеты вели переговоры с работодателями и рабочими, но безрезультатно¹⁸. Таким образом, достигнутые свободы обернулись своей негативной стороной.

Немалое удивление Х. Скавениуса вызвали массовые демонстрации в последние дни апреля, когда часть митингующих несли плакаты с призывами «Долой Милюкова!», «Долой Временное правительство!», а в кварталах, где жили зажиточные горожане, плакаты с той же бескомпромиссностью призывали поддерживать правительство и его политику. В своем письме от 30 апреля посланник сообщал также, что большевики требуют мир на любых условиях, национализацию банков, в том числе и частных, передачу земли крестьянам без выплаты какого-либо возмещения ее владельцам¹⁹. Эти требования были для датчанина непостижимы по понятной причине: почему одних нужно разорить ради блага других? Собственно, земельные и иные реформы в других странах Балтики проводились с не меньшей решительностью, но при этом бывшие собственники банков, заводов и поместий получали от государства полную компенсацию утраченного (в Эстонии)²⁰ или хотя бы частичную (в Литве и Финляндии).

В том же письме указывается, что повсюду «в провинциях империи правительенная власть сведена к минимуму, а скромные попытки использовать ее крайне энергично пресекаются»²¹. Это не совсем верно. Например, в Крыму Временному правительству еще в феврале присягнули и в дальнейшем оставались верными своей позиции два самых значительных лица Юга, за которыми стояли войска и флот, — генерал-губернатор М. И. Эбелов и командующий флотом А. В. Колчак²². Другое дело столица, где правительство чувствовало себя крайне неуверенно. Недаром, как пишет 6 мая Х. Скавениус, А. Керенский, выступая на митинге перед делегатами, прибывшими с фронта, горько заметил: «Лучше бы меня не стало три месяца тому назад, в таком случае я умер бы с иллюзией, что русский народ созрел для свободы.

Сейчас Россия свободна, как никакая иная страна, но мы видим перед собой не свободных людей, а толпу рабов (*en Hob af Slaver*), которые считают, что все позволено оттого, что над ними больше не свистит плетка»²³. Ему вторил военный и морской министр А. И. Гучков: «Здесь и в других местах у так называемых солдат нет ничего общего с [настоящими] солдатами, кроме формы: это же переодетые крестьяне и рабочие, которым ни на миг даже мысль не приходит о выполнении приказов их офицеров»²⁴.

Понятно, что высшие офицеры к этому моменту оставили всякую надежду на восстановление дисциплины в армии. Поэтому никого не удивило заявление об отставке командующего петроградским военным округом Л. Г. Корнилова, как и командующего Московским округом. Правда, многих это испугало, «прокатилась волна паники, когда через несколько дней заявил о своей отставке А. И. Гучков, а командующие на фронтах собирались поступить так же. Даже Совет рабочих [и солдатских депутатов], который до этого видел все в розовом цвете и не считал нужным выступать против солдатских эксцессов, начал ощущать необходимость какой-то преграды для анархии. В ситуации, сложившейся с уходом Гучкова, [Совет] не мог более сохранять свое удобное положение силового органа без какой-либо ответственности»²⁵.

В письме от 1 июля Х. Скавениус впервые касается положения не в столице, которому он был свидетель, а ситуации на местах, как ее охарактеризовал на закрытом заседании Временного комитета Государственной думы²⁶ один из ее членов: «В деревне, как он выразился, нет абсолютно никакой власти, все решают самозваные комитеты, чьи заседания и совещания проходят в хаотическом беспорядке. В состав этих комитетов часто избирают бывших заключенных, которые не в состоянии определить, что делать можно, а чего нельзя, но избавиться от этих лиц нет никакой возможности. Главная вина за этот разброд, если быть честными, должна быть возложена не столько на имевший место переворот, сколько на отсутствие у правительства способности к действиям. Правительство позволяет идти своим кривым путем все, что популярно среди масс, и поэтому вместо того, чтобы наводить порядок, мы идем ко все большему хаосу. Никто уже не знает, кто несет ответственность, и кто имеет право на наведение порядка, а такое положение станет вскоре нетерпимым. Нужно признать вину правительства за царящую на селе анархию, оно допустило

вмешательство различных заинтересованных группировок во все и этим предало население в руки демагогов. На подготовленной таким образом почве пышно расцветает взаимная ненависть, которая часто ведет к ужаснейшим последствиям. Член думы имел здесь в виду поджоги, убийства и грабежи, которые стали в деревне обычным явлением, но создавшаяся ситуация ведет к актам, еще более опасным для государства. Я говорю о сепаратистских тенденциях, которые становятся все более и более характерны для находящихся в России нерусских народов...»²⁷.

В конце июня датский посланник направляет в Копенгаген шифрованную телеграмму, где сообщает о едва не произошедшем решительном разрыве Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов: «Вчера состоялось заседание Думы, на котором Совет рабочих [и солдатских депутатов] был подвергнут острым нападкам, который был назван собранием душевнобольных фанатиков и изменников, при этом было сделано предложение Думе вмешаться в ситуацию и подготовить декларацию правительства, которое проявляется все более и более бессильным и неавторитетным²⁸. В принципе с этим предложением согласились все члены Думы, но, в конце концов, было признано, что психологический момент для такого вмешательства Думы еще не наступил. Было принято возвзание к народу, в котором подчеркивалось бедственное состояние армии, а в качестве единственного пути к спасению называлось создание сильного и независимого правительства, представляющего все социальные слои населения. Этот шаг Думы имеет огромное значение, показывая, насколько она сдвинулась вправо, и можно с уверенностью сказать, что за ней стоят промышленники, коммерсанты, еврейские организации и мощная сила объединившихся крепких крестьян и малоземельных»²⁹. В заключение Х. Скавениус высказывает предположение, что если Дума осмелится создать действительно коалиционное правительство и разорвать с Советом, то в самом скором будущем дело дойдет до открытой борьбы.

В самом конце июля в политической жизни Петербурга наступает очередной кризис. А. Ф. Керенский оставляет свой пост премьер-министра, за ним уходит министр иностранных дел и еще три министра. Возможно, полагает Скавениус, этот демонстративный акт вызван желанием подтвердить и укрепить его полномочия. После этого последовало обновление

кабинета министров, но, считает посланник, кризис преодолеть не удалось, поскольку не были устраниены его причины, главная из которых — конфронтация между кабинетом и Советом рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, «Керенский не проявил себя как политик, не сумев полностью использовать ситуацию, сложившуюся в связи с его уходом. Время тратилось на праздную болтовню, а между тем фронт продолжал разлагаться, по причине чего [Л. Г.] Корнилов направил в правительство ультиматум, согласно которому он отказывается занять пост главнокомандующего, пока ему не будет предоставлена полная свобода действий, причем в них никто не будет вмешиваться. Таким образом ситуация может сложиться в виде полного господства русского идеализма в тылу и военной диктатуры на фронте. Теперь против Корнилова выступает и Совет, и хотя на данный момент генерала заменить некем, в будущем всегда можно будет с легкостью вызвать противодействие ему в армии. А такие действия уже начались»³⁰. Поэтому Скавениус предрекает обострение политической борьбы в столице и новые поражения на фронте — в чем он был абсолютно прав.

Лето 1917 г. заканчивалось, в столице по-прежнему не хватало продовольствия, заболевания среди низов становились массовыми³¹, а А. Ф. Керенский все еще не мог занять четкую позицию, «лавируя между РСДРП и буржуазными элементами»³². Между тем последние консолидировались, в отличие от правительства, положение которого становилось все более отчаянным — причем исключительно из-за собственной нерешительности и политики проволочек. «Большинство надеется, что сдача Риги³³ подтолкнет Керенского к отставке министров, тесно консолидирующихся с Советом рабочих [и солдатских депутатов] и созданию кабинета, который способен проявить себя не на словах, а на деле». Однако все, на что был способен кабинет Керенского, подвергавшийся критическим нападкам уже и Думы, это прибегнуть к известной тактике старого режима. А именно раскрыть очередной «заговор», арестовав ряд лиц, в том числе великих князей Михаила и Павла Александровичей, «задумавших поднять контрреволюционное движение. Однако следует добавить, что население в целом к версии о такого рода заговоре относится скептически»³⁴. Тем не менее аресты продолжались и в начале сентября, причем они происходили

на фоне панического бегства петроградцев из города – фронт подходил все ближе, возникла реальная опасность бомбардировок городских кварталов.

Причем угроза захвата столицы становилась реальной, как и вызванные ею новые беспорядки и насилия. Х. Скавениус сообщает, что министр иностранных дел обратился к послу Великобритании³⁵ с предложением опросить дипломатических представителей, не желают ли они переехать в Москву или Хельсинки. Однако все решили оставаться на месте с тем, чтобы гарантировать безопасность своих соотечественников, постоянно живущих в Петрограде³⁶. Между тем бездеятельность Временного правительства вызвала решительный шаг главнокомандующего Л. Г. Корнилова, который потребовал передачи ему всей власти, за что и был смешен по приказу Керенского. В ответ генерал снял с фронта преданные ему войска и двинулся к Петрограду «с целью наведения порядка» и смены правительства. Министры объявили его изменником и призвали железнодорожников и войска не подчиняться его приказам, «Корнилов со своей стороны опубликовал обращение к народу и армии, в котором назвал членов правительства германскими агентами и обратился за поддержкой ко всем, кому дорога отчизна. К этому времени его войска подошли к Царскому Селу, а часть правительственные войск, выдвинутых в этом направлении, перешли на сторону генерала»³⁷. Впрочем, как известно, мятеж Корнилова был вскоре подавлен, а сам он арестован³⁸.

Очередной кризис в правительстве, разразившийся начале сентября 1917 г. в связи со слухами о намерении Антанты заключить с Германией сепаратный мир за счет России, вызван предложением папы Бенедикта XV о мире, сделанном 1 августа 1917 г.³⁹ Этот кризис был непродолжительным, так как выяснилась ложность упомянутых слухов⁴⁰. Во всяком случае, он не был связан с назначением третьего коалиционного правительства, имевшим место 18 сентября (ст. ст.). Однако, как сообщает в шифрованной телеграмме от 20 сентября Х. Скавениус, надежды на новый, более активный и жесткий кабинет не оправдались: «В политическом отношении нет никаких улучшений, напротив, процесс всеобщего распада во внутренних областях страны зашел еще дальше, поджоги имений, забастовки, еврейские погромы и т. д. стали обыденностью, а правительство не в состоянии сказать свое слово

ни по какой проблеме, в то время как в армии становятся все более и более слышны голоса протesta против продолжения войны. Вся пресса, за исключением радикальных газет⁴¹, настроена весьма пессимистично, и надежды теперь связываются исключительно с тем, что новый Совет, так называемый Предпарламент⁴², который созывается сегодня, обеспечит кабинету министров авторитет, необходимый для функционирования в качестве правительства»⁴³. Однако, как замечает Х. Скавениус в следующей шифрограмме (25 октября), первые встречи Предпарламента не были отмечены ничем, кроме речей обычного содержания.

Между тем уже в телеграмме от 1 ноября (н. ст.) посланник отмечает идущие в столице приготовления к вооруженному восстанию, начало которого вначале было намечено на 20 октября (ст. ст.). Однако «руководители отложили его, что еще более усилило нервную обстановку среди населения, ожидающего восстания с часу на час» (с. 151)⁴⁴. В следующей телеграмме, датированной 6 ноября, Х. Скавениус никак не реагирует на начавшиеся, по сути, события Октябрьской революции⁴⁵, как и на распуск Думы правительством в связи с началом выборов в Учредительное собрание. Однако он отмечает, что в этот день «почти весь петроградский гарнизон отказался выполнять приказания главнокомандующего⁴⁶, как не утвержденного в должности Военно-революционным комитетом»⁴⁷. На следующий день, 25 октября, посланник уже может изложить актуальные события. А. Ф. Керенский обвинил в начавшемся восстании исключительно большевиков и требовал принять против них какие-то меры. Однако его речь «не оказала желаемого воздействия. Парламент принял повестку дня, в которой выражались осуждение вооруженного восстания, призыв к правительству немедленно решить земельный вопрос и вступить в переговоры с союзниками о мире»⁴⁸. Понятно, что это решение было принято слишком поздно и ничего в судьбе правительства изменить не могло. На следующий день все оно, за исключением бежавшего Керенского, было арестовано. Власть в городе перешла к восставшим.

Любопытные сведения содержит телеграмма Х. Скавениуса от 10 ноября. Он пишет, что хотя «Троцкий назначен министром иностранных дел, весь персонал министерства отказался с ним сотрудничать. То же самое происходит и в других министерствах. Население по-прежнему ждет подхода с фронта войск, которые

смогут освободить Временное правительство. Но те, что уже оказались в столице, сразу же перешли на сторону радикалов»⁴⁹, т. е. большевиков. А в последующие два дня «в городе царила всеобщая анархия. Красная гвардия устроила настоящую охоту на офицерских курсантов, так называемых юнкеров, несколько сотен которых было убито. Войска, находящиеся под влиянием Керенского, еще не подошли. Причину этому, возможно, следует искать в политической ситуации. Становится все ясней и ясней, что казаки захотят помочь ему лишь при условии, что он полностью подчинится им»⁵⁰.

В это время, пишет Х. Скавениус, в игру вступает новая, мощная сила — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза или Викжель⁵¹. Комитет «выступает на первый план, направив враждующим сторонам ультиматум, согласно которому он угрожает прекратить работу и уморить Петроград голодом, если военные действия немедленно не прекратятся, а также если не будет образован кабинет министров из представителей всех социалистических партий и из него не будут выведены буржуазные элементы. Удастся ли сформировать такое правительство — неясно, так как среди умеренных социалистов имеется немало противников сотрудничества с радикалами»⁵², т. е. большевиками. Сегодня, т. е. 13 ноября, продолжает посланник, «переговоры между враждующими сторонами еще не привели ни к какому результату. Попытка достичь перемирия на время переговоров провалилась, а в окрестностях Петрограда продолжается перестрелка между войсками Керенского [с одной стороны] и солдатами и рабочими, посланными из Петрограда. В Москве по-прежнему идут уличные бои, а толпы, захватившие несколько винных складов, совершают повсюду грабежи и убийства. Изо всех городов приходят известия о всеобщей анархии. Вчера город был спокойен, но жители каждый миг ожидают возобновления воскресных убийств»⁵³.

Успех, которого в начале ноября добились калединские казаки в Южной и Центральной России, все ближе подбиравшиеся к Москве, порождал самые невероятные слухи, доходившие до Х. Скавениуса. Так, утверждалось, что «немцы уже заняли Аландские острова и высадились в Финляндии. Это известие встречено здесь с радостью, и огромным было разочарование, когда они не подтвердились. Поведение немцев в Риге избавляет

от страха перед ними, и мирное население ждет их как освободителей от царящей анархии»⁵⁴. Нужно сказать, что такие чувства владели в эти дни и недели значительными слоями петроградцев. Причем это были не какие-то темные народные массы, а в том числе и русская аристократия, интеллигенция, столбовые дворяне вроде Гиппиусов, чьи предки служили еще московским великим князьям XVI в.⁵⁵ Теперь они говорили: «Сейчас у нас всех только одна узкая, самая узкая цель: свалить большевиков... Это единая, первая, праведная: свалить. Все равно чем, все равно как, все равно, чьими руками. <...> Господи! Хоть бы шведы нас взяли! Хоть бы немцы прикончили!»⁵⁶

Между тем все более зыбким становилось при большевистской власти положение иностранцев в Петрограде. Английский посол У. Бьюкенен, против которого велась систематическая пропаганда и который ощущал всеобщую ненависть к себе, временно отбыл домой. А 17 ноября Троцкий передал в британское посольство ноту, в которой требовал возвращения на родину русских, интернированных в Англии, в противном же случае он угрожал репрессировать английских подданных, находящихся в России. «Не получив никакого ответа, он сегодня (т. е. 30 ноября. — В.В.) отдал распоряжение не выдавать ни одному англичанину разрешение на выезд»⁵⁷.

Следующий шаг нового правительства, запрещение партии кадетов и объявление их «врагами народа», никак не улучшил отношения между западными союзниками и большевиками. Кадетов обвинили в том, что «они в своих контрреволюционных устремлениях идут рука об руку с казаками. Это — еще один выпад против Учредительного собрания, которое радикалы (большевики. — В.В.) стремятся превратить в простое орудие собственной политики. Ленин заявил, что он любой ценой добьется своей цели — диктатуры пролетариата, и, судя по его более ранним поступкам, вряд ли стоит сомневаться в том, что подтвердит свои слова делом, отчего следует ожидать актов террора. Конечно, такого рода политика — единственная возможная для правительства, держащегося на штыках, и против которого выступают все без исключения политические партии». В этой же шифrogramме (от 13 декабря) Х. Скавениус отметил начало явлению, которое вскоре станет массовым: «Множество офицеров пытаются пробиться к казакам, отчасти для поддержки их, отчасти чтобы спасти свою жизнь, поскольку готовится генеральный офицерский погром»⁵⁸.

К этому времени относятся первые значительные выступления большевиков против Учредительного собрания, идею которого они ранее одобряли. «Собравшиеся здесь члены Учредительного собрания вчера (13 декабря.— В.В.) попытались устроить заседание в Таврическом дворце, но были выставлены оттуда вооруженной силой. Появился план выехать для устройства заседаний в какой-нибудь другой город. Многие члены [Учредительного собрания] арестованы⁵⁹. Правительство начинает составлять проскрипционные списки на делегатов, которые рассматриваются как враги народа; эти листы будут вывешены на всех углах. Солдатская шваль (Soldaterpøblen) в последнее время занята грабежом винных складов, повсюду встречаются пьяные толпы, ситуация, служащая причиной стрельбы на улицах. Население все более и более обозлено радикалами, но никто не осмеливается выступить против них, опасаясь гарнизона. Однако уже появляются признаки того, что солдаты устали и хотят вернуться в свои деревни, чтобы участвовать в разделе земли. <...> Для того, чтобы помешать этому, правительство вызвало в Петроград несколько латышских полков»⁶⁰.

17 декабря Х. Скавениус сообщает, что борьба большевистского правительства против основного состава Учредительного собрания продолжается, «оно не скрывает, что признает лишь то собрание, которое будет выражать его идеи; но поскольку уже сейчас стало ясно, что оно (правительство.— В.В.) не получит большинства, то будущая судьба Учредительного собрания неясна. Вчера Троцкий высказался в том смысле, что в борьбе с контрреволюционными элементами, то есть с кадетами, будут использованы все средства, вплоть до гильотины»⁶¹. Троцкий как глава правительства серьезно усложнил работу иностранных представителей, лишая дипкурьеров возможности получать въездную и выездную визы до тех пор, пока они не заявят о своей лояльности по отношению к большевистскому правительству, т. е. фактически признают его⁶².

Естественно, такое решение могли принять не дипломаты, а их правительства, пока своего согласия на признание не дававшие, что завело переговоры с Троцким в тупик. «Я опасаюсь,— пишет Скавениус 18 декабря,— что нам, если из этого ничего не выйдет, придется все же подчиниться, так как вряд ли можно усомниться в том, что Троцкий остановится перед запретом и на телеграфную

переписку, от чего дипломатический корпус окажется отрезанным от окружающего мира. Нужно ведь учитывать, что мы имеем дело с абсолютно беспощадным (или бесцеремонным, жестоким — *hensynsløse*. — *B. B.*) правительством, для которого все средства хороши»⁶³.

Между тем основная опора правительства в обеих столицах, гарнизоны, стали к концу декабря проявлять недовольство привилегированным положением красногвардейцев по сравнению с солдатами. «По этой причине в обоих городах объявлено осадное положение; в то же время правительство пытается оправдать этот акт тем, что все уличные бои последних недель были инициированы контрреволюционерами, которые пытаются задушить революцию, спаивая темные массы. Но этот трюк, ранее ни разу не использовавшийся, уже не работает. У всех, кроме имеющих прямые выгоды от режима, накопилась такая ненависть к большевикам, что исчезает даже страх перед контрреволюцией. Во многом это вызвано отношением правительства к Учредительному собранию, заседания которого всеми способами временно откладываются или саботируются»⁶⁴.

Информация, которую получал от Х. Скавениуса датский министр иностранных дел, для российских историков не несет ничего принципиально нового. Однако она ценна по иным причинам. Во-первых, в ней содержится непредвзятая оценка событий 1917–1918 гг., сделанная наблюдателем посторонним и, следует признать, весьма объективным, не примыкавшим ни к одной из противоборствовавших сторон. Во-вторых, лишь ознакомившись со сведениями, которые получало датское правительство из революционной России от своего посла, можно объективно судить о мотивах, которыми руководствовалось внешнеполитическое ведомство датского королевства в его «российской политике» последних лет второго десятилетия XX в.

¹ Harald Scavenius' syn på omvæltningerne i Rusland 1917–1918: Belyst gennem depecher og telegrammer fra den danske gesandt i Petrograd // Danske Magazin. 1973. Række 8. Bd. 4. Hæfte 2. Udgivet og kommenteret af Bent Jensen. Автор статьи, не дававно изданной в Дании (*Kulavig E. Two Danes in Revolutionary Russia // Danish-Russian Cultural Relations 1700–1900*. Frederiksborg: Museum of National History at Frederiksborg, 2011. P. 147–152), игнорировал публикацию Бента Енсена, видимо, по незнанию с ней. В целом же статья Э. Кулавига, уместившаяся на 4 страницах,

дает крайне фрагментарную информацию как о миссии Х. Скавениуса, так и о видении датским посланником ситуации в революционной России, что и вызвало появление данного исследования.

² http://www.denstoredanske.dk/Danmarks_geografi_og_historie/Danmarks_historie/Harald_Scavenius (обращение 28 декабря 2013 г.).

³ *Scavenius A.S. Diplomaftrue ved zarhoffet. København: Martins Forlag, 1960.*
Далее: Scavenius A., 1960.

⁴ Нужно отметить, что датское правительство никак не обеспечивало бытовые нужды своего представителя в России. Скавениус должен был из собственного кармана оплачивать не только съем помещения для миссии и жилья своего и своих сотрудников, но и отопление здания, их питание, услуги повара, уборщиц и дворника, а также иные бытовые и транспортные расходы (содержание собственного выезда, кучера и форейтора). Поэтому супруги Скавениусы разделяли все житейские трудности остальных жителей столицы, оказавшихся в центре революционных событий, в том числе и нехватку продуктов. Со временем эти расходы возрастили, и Анне Скавениус не без горечи отмечала, что позволить себе занять такой пост мог лишь очень обеспеченный человек — каким, впрочем, был ее муж (Scavenius A., 1960. S. 48).

⁵ По свидетельству его супруги, Х. Скавениус, не в первый раз оказавшийся в России, не только понимал своих петроградских собеседников, а и говорил по-русски вполне бегло (Scavenius A., 1960. S. 45).

⁶ Harald Scavenius' syn på omvæltninger i Rusland 1917–1918. S. 89.

⁷ По словам Анны Скавениус, посаженного под домашний арест участника покушения на Распутина великого князя Дмитрия Павловича «все считали национальным героем», а у его резиденции «выстраивалась настоящая очередь» — представители высшего света спешили оставить свою запись в его гостевой книге (Scavenius A., 1960. S. 71).

⁸ Harald Scavenius' syn på omvæltninger i Rusland 1917–1918. S. 90.

⁹ Ibid. S. 91.

¹⁰ Ibid. S. 92.

¹¹ Ibid. S. 95.

¹² Ibid. S. 102. Имелась в виду финская автономия в составе Российской империи. Что же касается полной независимости и суверенитета этого государства, то они были провозглашены ландтагом лишь в декабре 1917 г.

¹³ Ibid. S. 105–106. В то же время, сообщает Анне Скавениус в письме своему отцу, когда рабочим в эти дни запретили появляться в центральной части города, для чего закрыли мосты, то они огромными толпами двинулись по невскому льду. Казаки рубили их шашками — явно по приказу властей. На другой день (4 марта ст. ст.) «чистая» публика на Невском проспекте всячески приветствовала казаков и кричала им «Ура!». «В рабочих кварталах хуже, там грабят магазины и ломают трамваи; трамвайное движение прекратилось» (Scavenius A., 1960. S. 73–74).

¹⁴ Harald Scavenius' syn på omvæltninger i Rusland 1917–1918. S. 107.

¹⁵ Ibid. S. 109. Очевидно, речь идет о Р. В. Малиновском (1876–1918), являвшемся полицейским агентом с 1907 г., в 1912 г. ставшем членом ЦК РСДРП, а с 1913 г. — председателем большевистской фракции в Государственной думе.

¹⁶ Ibid. S. 110.

¹⁷ Петроградский Совет и Общество заводчиков и фабрикантов достигли, под давлением рабочих масс, соглашения об установлении 8-часового рабочего дня еще 10 марта (Биржевые ведомости (утр. вып.) 11 марта 1917 г.).

¹⁸ Harald Scavenius' syn på omvæltningerne i Rusland 1917–1918. S. 112.

¹⁹ Ibid. S. 118.

²⁰ См., например: Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии. Колибри: Таллинн, 2000. С. 177.

²¹ Harald Scavenius' syn på omvæltningerne i Rusland 1917–1918. S. 120.

²² Возгрин В. Е. Февральская революция в Крыму и национальная ситуация в феврале-октябре 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сборник научных статей. Кафедра русской истории РГПУ им. И.И. Герцена. СПб., 2009. С. 66.

²³ Harald Scavenius' syn på omvæltningerne i Rusland 1917–1918. S. 121.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid. S. 122.

²⁶ Временный комитет Государственной Думы (ВКГД) был образован 27 февраля 1917 г. и до марта играл роль центральной верховной власти в стране. 2 марта ВКГД сформировал Временное правительство, кроме того, он начал назначать своих комиссаров во все министерства и иные органы власти, отстранив от должностей царских чиновников. После сформирования Временного правительства в составе ВКГД осталось 7 человек: М. В. Родзянко, В. В. Шульгин, М. А. Кауров, И. И. Дмитрюков, В. А. Ржевский, С. И. Шидловский, Б. А. Энгельгардт. С июля 1917 г. ВКГД был отстранен от непосредственного формирования правительства, но играл важную роль в создании новых местных органов власти. Упразднен 6 октября (ст. ст.) 1917 г. в связи с изданием акта о распуске Государственной Думы.

²⁷ Ibid. S. 128.

²⁸ Скорее всего, Х. Скавениус имеет в виду выступление приглашенного на заседание бывшего члена Думы от партии кадетов А. М. Масленникова.

²⁹ Ibid. S. 136.

³⁰ Ibid. S. 138.

³¹ К началу июля в городе было отмечено 2848 случаев заболевания возвратным тифом, 1162 — дифтерией, 482 — дизентерией (Вестник городского самоуправления, 12 июля 1917 г.).

³² Harald Scavenius' syn på omvæltningerne i Rusland 1917–1918. S. 139.

³³ После прорыва германских войск к Даугаве, 21 августа 1917 г. в ставке главнокомандующего было решено в тот же день оставить Ригу.

³⁴ Ibid. S. 141.

³⁵ Английский посол Джордж Уильям Бьюкенен являлся в 1917 г. дуайеном дипломатического корпуса в России.

³⁶ Ibid. S. 142.

³⁷ Ibid. S. 143.

³⁸ Х. Скавениус называет фиаско корниловского мятежа «комическим», так как его солдаты отказались применять оружие против петроградских войск и «более

митинговали в окружении местного населения и дискутировали с присланными из столицы эмиссарами, чем слушались приказов» (*Ibid.* S. 144).

³⁹ Предложение Бенедикта XV о посредничестве в мирных переговорах не было принято Временным правительством, так как папа даже не поднимал вопроса об освобождении германской армии всех оккупированных территорий бывшей Российской империи (*The Russian Provisional Government 1917. Documents / Edit.* R. P. Browder, A. F. Kerensky. Vol. III. Stanford, 1961. P. 1459).

⁴⁰ Harald Scavenius' syn på omvæltningerne i Rusland 1917–1918. S. 148.

⁴¹ Х. Скавениус здесь и в иных местах своей корреспонденции называет «радикалами» большевиков.

⁴² Временный совет Российской республики, или Предпарламент, являлся совещательным органом при Временном правительстве. Был образован на заседании президиума Демократического совещания 20 сентября (3 октября) 1917 г. Во главе Предпарламента был поставлен правый эсер Н. Д. Авксентьев. Большеевики также решили принять участие в Предпарламенте, но уже в первый день работы покинули его после того, как Троцкий заявил, что все Временное правительство находится под диктатом контрреволюционеров-кадетов и империалистов Антанты. Член Предпарламента Н. Н. Суханов назвал эту выходку «пистолетным выстрелом большевиков».

⁴³ *Ibid.* S. 150.

⁴⁴ *Ibid.* S. 151.

⁴⁵ Ранним утром этого дня правительственные войска и юнкера предприняли попытку ареста руководителей Военно-революционного комитета Петроградского Совета и конфискации большевистских газет. Большеевики перешли в контрнаступление, рота солдат Литовского полка под командованием П. В. Дашкевича освободила большевистские типографии.

⁴⁶ Петроградским военным округом в 1917 г. командовал Г. П. Полковников.

⁴⁷ *Ibid.* S. 152.

⁴⁸ *Ibid.* S. 153.

⁴⁹ *Ibid.* S. 155.

⁵⁰ *Ibid.* S. 156. Имеются в виду казачьи части под командованием генерала А. М. Каледина, который в августе 1917 г. поддерживал Л. Г. Корнилова, а 7 ноября выступил с заявлением, в котором назвал большевистское восстание преступным и начал борьбу за восстановление законной власти.

⁵¹ Викжель — организация, созданная на I учредительном съезде железнодорожников, состоявшемся в Москве с 15 июля по 25 августа 1917 г. (ст. ст.). Вшел в историю как организация, которая в дни Октябрьской революции стала одним из центров противостояния большевистской власти. Практически в начинавшейся Гражданской войне Викжель выступил в качестве самостоятельной, третьей силы. Подробнее о позиции Викжеля в эти дни см. в: *Метельков П. Ф. Железнодорожники в революции: февраль 1917 — июнь 1918.* Л., 1970. С. 259–282).

⁵² Harald Scavenius' syn på omvæltningerne i Rusland 1917–1918. S. 156.

⁵³ *Ibid.* S. 157.

⁵⁴ *Ibid.* S. 158.

⁵⁵ Как сказал современный литературный классик, правда, по поводу других, более «молодых» российских немецких родов: «С тех давних пор они, как водится, обрусили с запасом, продолжая, однако, пребывать в чудаках» (*Искандер Ф. Сандро из Чегема. М., 2010. С. 12.*)

⁵⁶ Гиппиус З. Н. Современная запись, 1914–1919 гг.: Дневник: Извлечения // Д. Мережковский. Больная Россия. Л.: Изд. ЛГУ, 1991. С. 224, 228.

⁵⁷ Harald Scavenius' syn på omvæltningerne i Rusland 1917–1918. S. 164.

⁵⁸ Ibid. S. 168–169.

⁵⁹ Волна арестов, прокатившаяся в Петрограде, была осуществлена в соответствии с правительственным Декретом, принятым 28 ноября и утвержденным ВЦИК только 14 декабря, т. е. репрессии 13 декабря были незаконными даже с большевистской точки зрения. Главный удар при этом был нанесен по кадетам и эсерам. Так, министр внутренних дел в бывшем Временном правительстве, лидер партии эсеров Н. Д. Авксентьев был посажен в Петропавловскую крепость 17 декабря (позже переведен в «Кресты»). Позднее Н. Д. Авксентьев и другие экс-министры Временного правительства были освобождены левыми эсерами.

⁶⁰ Ibid. S. 169. На самом деле 22 ноября в Петроград был переведен лишь 6-й Тукумский полк латышских стрелков (2500 чел.). Несколько дней спустя в столицу была дополнительно отправлена сводная рота латышей, которой поручили вместе с революционными матросами и красногвардейским отрядом охранять Совнарком (Смольный).

⁶¹ Ibid. S. 170.

⁶² Лишение датских дипкурьеров возможности выезда случалось и при Временном правительстве. Судя по письмам супруги посланника, впервые это отмечено уже в марте 1917 г. Однако с того же времени поездки курсеров приобрели и важное значение для житейского быта датской миссии, датского лазарета Красного креста, который находился вблизи Зимнего дворца и т. д. Дело было в том, что курсеры, еженедельно отправлявшиеся в Данию, возвращались с немалым продуктовым багажом, прежде всего мукой — купить хлеб уже было почти невозможно (Scavenius A., 1960. S. 76, 82, 90).

⁶³ Harald Scavenius' syn på omvæltningerne i Rusland 1917–1918. S. 171.

⁶⁴ Ibid. S. 172–173.

Е. Ю. Дубровская
**ОТКЛИК ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛИИ
НА РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ
В ПЕТРОГРАДЕ (ВЕСНА–ЛЕТО) 1917 ГОДА**

До начала российской революции 1917 г. жизнь крестьянского мира приграничных уездов Олонецкой и Архангельской губерний, составлявшего подавляющее большинство населения Русской Карелии, оставалась монотонной и предсказуемой, по-прежнему регулировалась традицией и обычаем. Хотя в первые годы мировой войны, в отличие от ее заключительного периода, территория Олонецкой и Беломорской Карелии не стала театром военных действий противоборствующих сторон, уже в 1914–1916 гг. жители края ощущали потребность увековечить память земляков, павших на полях сражений.

Не зная еще, что Великая война будет названа мировой, что она окажется не последним вооруженным противостоянием такого масштаба и что, выйдя из хаоса новой гражданской войны, победители начнут сводить счеты с захоронениями участников войны «империалистической», северяне принимали решения, подобные тем, что были вынесены сельским сходом Кузоменской волости Александровского уезда Архангельской губернии. Здесь в январе 1917 г. крестьяне обсудили предложение волостного правления «об отводе места под кладбище в память увековечения умерших воинов, прибывших с войны ранеными и болезными» и постановили выбрать такое место «в 60 саженях к югу от приходской колокольни»¹.

Несмотря на то что в этот период и в Карелии предпринимались усилия, чтобы сохранить память о жертвах еще ни с чем

тогда не сравнимого вооруженного конфликта мировых держав, формыувековечения такой памяти оказались затененными последующими колоссальными человеческими потерями гражданской войны и стертymi целенаправленными мерами новой власти, направленными на искоренение памяти о «дооктябрьской» истории страны и ее отдельных регионов.

Если в 1914 г. вступление России в Первую мировую войну повлияло на активизацию памяти жителей Архангельской и Олонецкой губерний об имперском расширении и завоеваниях, изменилось восприятие Карелии как места противостояния Востока и Запада, то в годы российской революции 1917 г., гражданской войны и иностранной интервенции в советскую Россию востребованной становилась память о причастности очевидца событий к протестным действиям против старого мира и исторических личностей, его персонифицировавших.

Заметим, что финское население карельского приграничья в Финляндской Карелии задолго до революции было настроено оппозиционно к самодержавной российской власти. Оно, в частности, с большим неудовольствием относилось к обязанности в «царские дни» поднимать на флагшток государственный флаг империи. Об этом свидетельствуют детские дневниковые записи будущего известного художника Александра Ахола-Вало, который родился в с. Импилахти Выборгской губ. в семье финского писателя и журналиста Петри Ахола и провел детство в Северном Приладожье. «Какой ужас! Сегодня день царя, и нам необходимо поднять флаг на вышку, — записывал он в своем дневнике, — Бедный отец, как бы он не упал с крыши вышки, ведь шнурок флага порвался, когда его поднимали в прошлый раз. По закону сегодня ничего нельзя делать, только царский гимн разрешается распевать. Но я умышленно буду выступать против закона и буду работать сильнее, чем всегда»².

Особое эмоциональное и эстетическое воздействие на население края, только что приобщившееся к политической жизни, оказывали революционные символы, которые в годы Первой мировой войны формировались в контексте российской политической культуры³, а в 1917 г. становились особо узнаваемыми и востребованными благодаря рассказам возвращавшихся на родину демобилизованных уроженцев северного края. Жители Русской Карелии встретили Февральскую революцию 1917 г.

с надеждой на скорое прекращение мировой войны, на проведение назревших преобразований в жизни городов, сел и деревень.

Первые известия о событиях в Петрограде жители города Кемь и поморских сел Кемского уезда Архангельской губернии получили 28 февраля 1917 г. На следующее утро, прия в церковь на службу, кемляне узнали о падении царской власти от солдат расквартированного в городе железнодорожного батальона, которые обратились к ним с соборного крыльца. Выступавшие предложили присоединиться и вместе пройти к зданию вокзала на митинг, устроенный солдатами-железнодорожниками. Охотники нашлись, и колонна кемлян под красным флагом отправилась к вокзалу, «охваченная пьянящим чувством свободы». Горожане, сами желавшие стать активными участниками революции, арестовали уездного исправника, пристава, полицейских и стражников⁴.

Как и повсюду, пытаясь скрыть от населения известия об обстановке в Петрограде, местные власти предопределили многое из того, что впоследствии будут связывать с началом «русской смуты». Современники назовут события весны 1917 г. «эсеровской революцией».

Нельзя не согласиться с исследователем проблем исторической памяти И. В. Нарским, отметившим среди результатов «принудительно-модернизационного опыта 1914–1916 годов» то обстоятельство, что русская армия воспитала множество врагов «устаревшего» сельского образа жизни. Фронтовики, мечтавшие в окопах отомстить тыловым «предателям» и «трусым», уже к началу 1917-го понимали восстановление справедливости как наведение порядка и принуждение «необстрелянных» соотечественников к дисциплине на военный лад. Инициированное ими превращение тыла во фронт вскоре отозвалось беспримерной жестокостью в отношении крестьянства в годы гражданской войны и «военного коммунизма»⁵.

Однако как в 1920–1930-е, так и позже, в 1950–1980-е гг., события, которые предшествовали приходу большевиков к власти, на страницах воспоминаний предстают малозначительными и служат лишь фоном для судьбоносных перемен будущего. По образному выражению М. Хальбвакса, коллективная память «обращается вокруг индивидуальных памятей, и даже если в нее иногда проникают и некоторые индивидуальные воспоминания,

они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности»⁶.

Это можно проиллюстрировать относящимися к 1927 г. фрагментами воспоминаний А. Ф. Кожевникова, в годы Первой российской революции 1905 г. служившего секретарем губернского присутствия, в февральские дни 1917 г. избиравшегося членом президиума петрозаводского комитета общественной безопасности (КОБ), а весной-летом 1917 г. назначенного сначала уездным, а потом и губернским комиссаром Временного правительства⁷. Рассказ о тогдашних событиях в Петрозаводске и в губернии автор, несмотря на свой прежний высокий пост, построил в соответствии с уже сложившейся традицией повествования о дооктябрьском периоде Российской революции. Так, в неизменно пренебрежительном тоне он упоминает о времени «засилья кадетов, меньшевиков и эсеров» в общественных организациях края. Из его воспоминаний явствует, что комитет общественной безопасности «сколотили насконо из представителей разных организаций и учреждений», что «на первых порах он собирался довольно часто и до известной степени действовал», однако «в мае уже трудно было созвать собрание, а потом о нем и совсем забыли»: ведь рядом с ним возникла «революционная организация — Совет солдатских и рабочих депутатов», которая «чрезвычайно быстро развивалась и крепла». По утверждению автора воспоминаний, этот новый орган народовластия действовал под руководством возвращавшихся солдат-фронтовиков и посланцев мятежного Петрограда, которые привозили с собой «организационный опыт и революционный пыл»⁸.

Несмотря на то что отдельные эпизоды из биографии автора, «неудобные» с точки зрения тогдашней официальной трактовки событий революции 1917 г., подвергаются им табуированию, воспоминания все же представляют собой ценный исторический источник. В них сохранились примечательные факты, связанные с исключительной информированностью А. Ф. Кожевникова как лица, облеченного высшей официальной властью в Олонецкой губернии. Из его воспоминаний, в частности, можно узнать, что во время Февральской революции «тюрьмы в губернии пустовали», что в Петрозаводске под арестом находилось лишь 30 чел., а в Олонце — всего трое, поскольку из-за постоянных мобилизаций в действующую армию «поставщик преступного элемента — мужчины — отсутствовали»⁹.

По наблюдениям исследователей, динамика культуры меморизаций, специфика того, что и как запоминается в ту или иную эпоху, сама традиции воспитания памяти — многообещающее и еще слабо освоенное направление исторических разработок¹⁰. В него входит реконструкция типовых мотивов, символических образов, не связанных с личным опытом, но почти всегда присутствующих в рассказах о революции 1917 г. в российской глубинке благодаря образу революции, утвердившемуся в литературе, кино, публицистике, музыкальных и изобразительных источниках. К таким мотивам относятся и неизменные упоминания о прибывших из Петрограда «революционных» матросах или солдатах, до появления которых «никто не знал, что делать дальше».

Когда 25–26 февраля 1917 г. первые сведения о событиях в Петрограде поступили в губернский центр Олонецкого края, в Петрозаводске действовал запрет вице-губернатора Н. Л. Шишкова на публикацию телеграмм и сообщений о революции. Вести о происходившем в столице требовали, чтобы были приняты соответствующие меры во избежание анархии и массовых беспорядков в городе.

2 марта в 15 часов у вице-губернатора состоялось совещание представителей губернских ведомств. Он собрал у себя руководителей губернской администрации, земства и городской думы и огласил телеграммы о стихийных волнениях рабочих и солдат в Петрограде. Чтобы ввести в курс происходившего доверенных лиц из губернских учреждений, он зачитал и полученную из Петрограда телеграмму о событиях конца февраля — начала марта.

На предложение высших чинов губернии ознакомить население с содержанием телеграммы, Н. Л. Шишков отказался это сделать и обратился к жителям Петрозаводска с просьбой «сохранять спокойствие и исполнять свой долг перед родиной содействием успеху доблестной армии в ее упорной борьбе на поле брани». 3 марта в газете местных либералов «Олонецкое утро» были опубликованы первые телеграммы о падении самодержавия. Чрезвычайное собрание петрозаводской городской думы обратилось к населению с призывом поддержать новое правительство России и сохранять спокойствие и порядок¹¹.

Как вспоминал впоследствии губернский комиссар Временного правительства, «весть о падении самодержавия дошла до Петро-

заводска очень скоро, и все этим были очень довольны, но никто не знал, что предпринять». Немногочисленная группа из членов партии кадетов в 1906 г. объединилась вокруг газеты «Олонецкий край». В том же году, по словам входившего в группу А. Ф. Кожевникова, который тогда служил секретарем губернского присутствия, она «была “по щучьему велению” развеяна вся без остатка», и к 1917 г. нового объединяющего партийного центра в городе не возникло. Местная организация социал-демократической партии, как писал А. Ф. Кожевников в конце 1920-х гг., используя политическую фразеологию того времени, «была все же только каплей в море сплошной обывательщины и политического младенчества»¹².

Когда вечером 3 марта 1917 г. из Петрограда прибыла группа солдат и матросов, в час ночи прервавшая концерт петрозаводского благотворительного общества в здании Общественного собрания, перед публикой был оглашен манифест об отречении Николая II. Это известие было встречено восторженно. Оркестр железнодорожного батальона исполнил «Марсельезу». Находившимся здесь же городским полицмейстеру и приставу предложили сдать оружие, что было выполнено беспрекословно¹³. Началось разоружение присутствовавших на концерте других представителей полиции и жандармерии, а на следующее утро матросы и солдаты стали разоружать всех полицейских и жандармских чинов в городе.

Никогда не публиковались полностью написанные в 1950-х гг. воспоминания птиловского рабочего, в прошлом крестьянина Пудожского уезда, И. В. Матвеева, который в 1918 г. стал одним из организаторов красноармейских отрядов в Олонецкой губернии. В той части его воспоминаний, которая не вошла в сборники, приуроченные к юбилейным датам революционных событий, есть упоминание о том, что весной 1917 г. «представители партии большевиков или выбыли из города, или были взяты в армию». В связи с этим в авторском повествовании чувствуется оттенок сожаления: «поэтому Февральская революция прошла в городе Петрозаводске бескровно и под влиянием меньшевиков, эсеров и кадетов», «в 1917 году выступления рабочих проходили под влиянием этих партий»¹⁴.

Приведенные свидетельства очевидцев не позволяют характеризовать обстановку в губернском центре Олонецкого края

в первые дни Февральской революции лишь как период всеобщего ликования, всепрощенчества и митинговой стихии¹⁵. Это же можно сказать и об атмосфере в уездных городах и волостных центрах. Как иронично свидетельствовал А. Ф. Кожевников, с. Ладва Петрозаводского уезда «демонстративнее всех других отпраздновала падение самодержавия, предав всенародному сожжению портрет Николая II и избив, в знак признательности, своего старшину, правившего волостью двадцать лет»¹⁶.

По наблюдению Б. И. Колоницкого, политический переворот 1917 г. повсеместно сопровождался символическим переворотом, и в дни революции портреты царей и членов императорской фамилии намеренно «оскорблялись», снимались и уничтожались. Борьба же с символами «старого режима» (к которым, по-видимому, ладвинцы причислили не только царский портрет, но и «верного слугу самодержавия») могла включать и элементы деревенской магии для решения политических и бытовых проблем сельчан. После переворота эта практика стала безопасной и, соответственно, массовой¹⁷.

Жители села Ухта Кемского уезда (совр. пос. Калевала) узнали о событиях в Петрограде только 7 марта. Как вспоминал очевидец, сюда «ранее доходили кое-какие слухи вроде тех, что в столице бунтуют женщины и пропал царь». По словам архангельского епархиального наблюдателя Н. Д. Козьмина, писавшего о скорых переменах в жизни отдаленной поморской глубинки, провинция «быстро по-своему реагировала на события в государстве»¹⁸.

Участник революционных столкновений в селе Нюхча Кемского уезда В. П. Титов, долгие годы проработавший на лесосплаве у купца Громова, представителя известной лесопромышленной династии, в начале 1930-х гг. вспоминал, что «телеграмму о снятии царизма» он вместе с односельчанами получил лишь 12 марта. По его словам, именно это окончательно определило его общественно-политические симпатии: «Значит, я прошел по другой отрасли в разрез с богатеями, и так-то шел все время в разрез, а тут ишо больше». Воодушевившись телеграммой, сторонники нововведений сразу же внесли перемены в жизнь родного села: «Призвали попов к правлению и приказали исключить [из церковной службы. — Е.Д.] поминание дома Романовых. Потом взяли управление на учет. Предложение сделали эксплуататорам, так

что запас был хлебный в селе маленькой, сделали учет всему». В.П. Титов действовал вместе с сыном — бывшим фронтовиком — и с семьёю другими крестьянами, недавно вернувшимися из окопов Первой мировой¹⁹.

В уездном городе Олонце о событиях Февральской революции в российской столице стало известно в начале марта. На центральной площади города состоялся митинг, во время которого «солдаты местной команды не стояли в строю, а бродили среди толпы, время от времени поднимая на плечи очередного оратора»²⁰. Необычное для горожан «вольное» поведение рядовых, не вязавшееся с представлениями об армейской дисциплине, становилось таким же символом государственного переворота, увенчавшегося победой, как и красные ленточки, подшитые на бортах пальто многих жителей Олонца. В пяти городских церквях духовенство отслужило молебен, провозглашая «многие лета» Временному правительству²¹. Массовые демонстрации, приветствовавшие свержение самодержавия, в начале марта прошли в уездном городе Пудоже и в населенных пунктах Вытегорского уезда.

«Только 8 марта узнали мы из газетных сообщений, что пала старая бюрократическая власть, душившая все живое... что настал наконец и для нас великий светлый день — праздник торжества права и правды», — писали в газету «Олонецкое утро» крестьяне села Шала Пудожского уезда. На следующий день, собравшись в переполненной земской избе, жители села слушали манифест об отречении царя, который зачитал местный учитель М. С. Стратонников. «Раздались крики “ура” — радости и ликование, казалось, конца не будет», — сообщали авторы заметки о восторженном настрое этого многолюдного, насчитывавшего до трехсот человек, собрания²².

Разнородные политические силы, объединившиеся в антицаристский фронт, первое время действовали как единое целое. Едва ли не все слои общества были захвачены общим порывом противостоять угрозе реставрации монархии.

9 марта в Петрозаводске состоялся «Праздник Свободы», ознаменовавший падение самодержавия. Все воинские части города вышли на демонстрацию со знаменами и лозунгами «Да здравствует республика!». У Святодуховского собора был отслужен молебен с водосвятием. Демонстранты выразили готовность

продолжать войну «до победного конца»²³. В тот же день состоялось уездное земское собрание в г. Повенец. Председатель собрания В. В. Соловьев приветствовал совершившийся государственный переворот и подчеркнул, что в основе отрицательного отношения к прежней власти лежит ее «посягательство на чужое имущество и жизнь», объявленное преступлением. Участники собрания направили в Петроград приветственную телеграмму на имя лидера партии октябристов М. В. Родзянко²⁴.

Полгода спустя после победы Февральской революции в воспоминаниях бывших фронтовиков отмечается «отсутствие перемен», которое те обнаруживали в родной карельской глубинке. Оно воспринималось как досадный анахронизм и требовало «исправления». В августе 1917 г. в «Известиях Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих» было опубликовано письмо военнослужащего И. Галкина, командированного в Петрозаводский уезд Олонецкой губернии.

Его заметка о посещении родных мест появилась под говорящим заголовком «Как в добре старое время». Автор пишет о том, как, прибыв на станцию Петрозаводск, он «по старому способу передвижения уселся в кабриолетку, старую, скрипучую всеми своими частями, как старик, потрудившийся за свою долгую жизнь, полную лишений и страданий» и «тихо плелся к родному дому». Эта идиллическая картина оказалась нарушена появлением пронесшейся навстречу тройки, которая везла «сидевшего козырем» офицера — «его благородие» с «кокардой на фуражке», черными усами, «рачими глазами». Мрачный образ высшего чина усилен сообщением о том, что с ним вдобавок ехали «дама и какая-то собачка». «Многое мы пережили, многое изменилось, но как-то характер благородий до конца веков остается прежним», — сетовал автор письма, рассказав о том, как проезжий офицер грозным окриком потребовал уступить ему дорогу. «Важнее всего и необходимо — принять немедленные и действенные меры к организации деревни, чтобы подобным окрикам не было места»²⁵, — заключает И. Галкин.

Представления рядового об уплотненном, ускорившемся социальном времени, основанные на полугодовом опыте революционных преобразований в войсках, пришли в противоречие с реальной ситуацией провинциальной жизни. По наблюдению И. А. Разумовой, обычно провинциальный город избирает се-

бе ориентир и образец в виде столичного или более крупного, иногда иноземного, города. Для российского военного, служившего в автономном Великом княжестве Финляндском, таким «своим-чужим» городом, безусловно, стала столица княжества Гельсингфорс (Хельсинки). Для жителя Петрозаводска подобным ориентиром стал его ровесник и «однолеток» Петербург/Петроград. «Будучи уменьшенным Петербургом, именно в сравнении с последним Петрозаводск обнаруживает все характерные признаки “провинциальности”»²⁶.

В заключение следует отметить, что наряду с социальной составляющей важнейшее место внутри революционного времени занимают его эмоционально-личностные компоненты. Познать революцию вне личностного погружения в ее время невозможно, равно как познание это было бы крайне не полным без эмоционального переживания революции и последовавшей за ней гражданской войны как человеческой драмы²⁷. Документы личного происхождения, свидетельствующие о том, как воспринимались жителями Русской Карелии известия о происходившем в российской столице весной — летом 1917 г., позволяют приблизиться к пониманию истоков этой драмы.

¹ ГАМО (Государственный архив Мурманской области в г. Кировске). Ф. 268. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

² Александр Ахола-Вало // Сердоболь. 2010. № 8. С. 30 (перевод С. Махохей).

³ Терещенков Л. Е. Работа Карельского Истпарта по формированию исторической памяти о революции и гражданской войне в Карело-Мурманском регионе // Ученые записки ПетрГУ. Петрозаводск, 2010. № 7 (112). С. 23–28; Трошина Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века). Архангельск: Поморский университет, 2011. С. 92–95; Филимончик С. Н. Олонец в годы революции и гражданской войны (1917 — нач. 1920-х годов) // Олонец: историко-краеведческие очерки в двух частях. Ч. II. Петрозаводск, 1999. С. 6–28.

⁴ Баркина В. С. Кемь. Петрозаводск: Карелия, 1982. С. 51.

⁵ Нарский И. В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 500.

⁶ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8.

⁷ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 352–353; История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск, 2008.

С. 131–142; Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906–1917 гг.). Документы и материалы. Сост. Н. А. Кораблев, В. Г. Баданов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 163.

8 Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 150. Л. 1.

9 Там же. Л. 2.

10 Безрогов В. Г. Культура памяти: мифологизация и/или историзация пережитого? // Культура исторической памяти: невостребованный опыт. Матер. всеросс. науч. конф. Петрозаводск, 2003. С. 7–13; Кожевин В. Л. Историческая память в контексте политического сознания российского офицерства (первая четверть XX века) // Культура исторической памяти: Матер. науч. конф. Петрозаводск, 2002. С. 66–73; Разумова И. А. Заполярный город на рубеже ХХ–XXI вв.: проблемы изучения культурной памяти // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования. Каргополь, 2006. С. 489–499.

11 Крылов В. К. Первые дни революции в Петрозаводске. Петрозаводск, 1917. С. 1–2; Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С. 359, 552–557; Шумилов М. И. Октябрьская революция. На Севере России. Петрозаводск, 1973. С. 45.

12 Научный архив КарНЦ РАН. (НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 31. Д. 150. Л. 1.

13 Научный архив Национального музея Республики Карелия. Д. 1200. Л. 187.

14 НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 128. Л. 19.

15 Великий Октябрь в Карелии: Хроника. Документы. Воспоминания. Исторический очерк. Петрозаводск: «Карелия», 1987. С. 41–43; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957. С. 14–16.

16 Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 150. Л. 2.

17 Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 132–134.

18 Архангельские епархиальные ведомости. 1917. 1 июня. С. 172.

19 НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 115. Л. 317–318.

20 Филимончик С. Н. Олонец в годы революции... С. 6.

21 Там же.

22 Цит. по: Кораблев Н. А. Пудож: «Карелия», Петрозаводск, 1983. С. 35–36.

23 Великий Октябрь... С. 12; Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1917. № 1–3; Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964. С. 13; Шумилов М. И. Октябрьская революция... С. 46.

24 Олонецкое утро. 1917. 23 марта.

25 Галкин И. Как в добре старое время // Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 8 сент.

26 Разумова И. А. «...Как близко от Петербурга...» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв. // Русская провинция: миф — текст — реальность. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 328; см. также: Лебедев Г. С. Феномен Петербурга в региональном контексте // Феномен Петербурга. СПб., 1999. С. 59–72).

27 Захарченко Г. В. Революционное время и его особенности // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект: Матер. XIV междунар. науч. конф. Ч. 1. СПб., 2003. С. 200–207.

Д. Р. Лобанова

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ФИНЛЯНДИИ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ХИСТОРИАЛЛИНЕН АЙКААУСКИРЬЯ»***

Гражданская война в Финляндии длилась около трех с половиной месяцев, но воспоминания о ней живы до сих пор. В финской историографии достижение и утверждение независимости страны являлось одной из центральных тем исторических исследований. У этой войны существовало большое количество наименований, и они явно находятся в зависимости от принадлежности говорящего к поддержки одной из противоборствующих тогда сторон. Тем не менее на протяжении первых 40 лет после ее окончания в официальной финской историографии война носила исключительно наименование «освободительная» (финн. — *vapaussota*). «Освободительной» она считалась в связи с тем, что в 1918 г. «белые финны» как бы вели борьбу не с «красными», а с большевиками и русскими войсками, находящимися в Финляндии еще с царского периода¹. При этом сам термин «освободительная война» несет в себе очевидное определение некого героизма, отваги, общей борьбы за свое государство. Здесь предельно понятно, почему финны с таким трепетом относятся к этому понятию. Они гордятся тем, что народ сам в ожесточенных боях завоевал право быть независимым.

Тем не менее в данном случае несомненно важно понять, насколько понятие «освободительная война» соответствует

* Статья подготовлена в рамках Мероприятия 2 СПбГУ «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв.» (5.38.275.2014).

собственно той истории, которая происходила в Финляндии в 1918 г. Это важно с точки зрения того, что сейчас многие авторы активно применяют другой термин — «гражданская война»², хотя тем не менее все равно во многих финских исследованиях тема характера войны как таковая не рассматривается, но само наименование остается прежним — «освободительная война»³.

В этом отношении важно учитывать, что еще во время самой этой войны многие финские политические деятели, противореча версии, что боевые действия ведутся за «освобождение Финляндии», подчеркивали все же ее так называемый классовый, социальный характер. Так, в начале марта 1918 г. один из правых депутатов финского парламента заявил, что «победа революции в Финляндии означала бы распространение чумы большевизма на Скандинавские страны и Западную Европу»⁴. «Красным финнам» не было необходимости это скрывать, и они это признавали. «Белые» же, напротив, пыталась скрыть социальный характер существующей в Финляндии вражды и в результате пытались представить эту войну как «освободительную». Таким образом, революционеры становились фактически изменниками родины⁵.

Более нейтральное название событиям 1918 г. стало уже активно внедряться в финскую историографию в 1960-х гг. Стремясь к более объективной оценке и к пониманию мотивов обеих враждующих в Финляндии сторон, а также в связи с утверждением дружественных отношений с СССР, исследователи начали использовать термин гражданская война — гражданская война (финн. — sisällissota)⁶. После изменения отношения к характеру войны появилось огромное количество работ, рассказывающих о событиях войны с другого ракурса. Споры о характере войны длились, однако, уже долгое время. Современным историкам Финляндии приходится считаться с этим. Многие из них не отказались называть войну «освободительной», но признают ее при этом и «гражданской» характер.

В самом крупном историческом журнале Финляндии «Хисториалинен Айкакаускирья» (финн. — “Historiallinen Aikakauskirja”) опубликовано большое количество статей о событиях 1918 г. Причем здесь в наибольшим образом прослеживается общая эволюция взглядов в финской историографии в отношении данной войны. В статьях, изданных в этом журнале за период с 1920–1955 гг., можно заметить, что многие авторы явно при-

держивались в отображении характера войны идеей ее «освободительного» для Финляндии значения, оправдывая таким образом тот кровавый террор, который начался в стране по отношению к части ее населения после победы «белых». Тем не менее даже тогда начали появляться на страницах этого журнала первые статьи, имеющие весьма острые замечание в отношении общего значения итогов этой войны. Так, 1928 г. большое внимание вызвала достаточно критическая статья двух известных шведских офицеров генерал-майора Э. Линдера и полковника Г. М. Тёрнгнера, которые непосредственно принимали участие в событиях 1918 г.⁷ Эта была рецензия на многотомное издание, подготовленное по распоряжению К. Г. Маннергейма, «Финская освободительная война 1918 года»⁸, и одновременно на вышедшую тогда в Финляндии серию воспоминаний «белых» участников этой войны⁹. В статье авторы анализировали эти работы, однако указали на ряд явных ошибок и несоответствий, которые присутствовали в содержании этих книг. По их мнению, в первом крупном исследовательском труде финских военных историков, отражавшем официальную точку зрения руководства страны, хронология многих событий зачастую нарушена, а данные о без вести пропавших и убитых искажены в сторону их занижения. Не менее важным они также считали, что в данном произведении много внимания было уделено деятельности штаба «белых войск», тогда как, по мнению шведских исследователей, было бы важно понять, как собственно складывалась армия белых.

В этом отношении весьма любопытным является то, что у Э. Линдера и Г. М. Тёрнгнера больший интерес вызвала даже не исследовательская работа финских историков, а воспоминания. В частности, явное внимание приковала работа, подготовленная в рамках данной публикации, адъютанта Маннергейма, являвшегося еще до войны известным ученым финно-уговедом К. Доннера. Она была посвящена именно вопросам формирования и дальнейшего развития финской армии. Как они заметили, «эта статья, несомненно, одна из наиболее ценных из всего, что было опубликовано об освободительной войне...»¹⁰.

Однако оценку роли личности К. Г. Э. Маннергейма в опубликованной тогда журнальной статье тоже не обошли стороной. По мнению шведских военных, в рецензируемой ими работе явно просматривалась официальная финская версия этих событий.

Причем, как заметили Э. Линдер и Г. М. Тёрнгнер, здесь, для укрепления общего статуса Маннергейма и даже чтобы показать некое превосходство его над другими руководителями белой армии, в работу было добавлено огромное количество бессмысленных описаний, которые бы характеризовали управлеченческую деятельность Маннергейма. При этом зачастую, как было замечено, описываемые события не имели никакого особого значения. Более того, шведские исследователи еще обратили внимание на неверно указанные в работе даты, которые приводили, по их мнению, к явному искажению истории этой войны.

В целом опубликованная на страницах журнала «Хисториаллинен Айкаакаускирья» рецензия носила, очевидно, критический характер, а ее авторы фактически обвиняли финских исследователей, создателей анализируемой ими работы, «в хвастовстве» и «самодовольстве». Причем, что представляется наиболее важным, Э. Линдер и Г. М. Тёрнгнер указали, что в рассматриваемой ими работе несомненно присутствует чрезмерное внимание к декларируемым «идеям свободы», которые заслонили истинный анализ хода войны, хотя и содержит важную и правдивую информацию, отражая хоть и субъективный, но реальный взгляд на события и принятые решения людей, которые, безусловно, повлияли на исход произошедших в 1918 г. событий¹¹.

Разумеется, в Финляндии не могли оставить такой резкий и мемориалами даже саркастичный отзыв без внимания. Уже в следующем номере «Хисториаллинен Айкаакаускирья» появляется небольшая ответная статья, написанная самим Маннергеймом¹², в которой он в вежливой форме указывает на необъективность авторов и также обращает внимание уже на их крайне субъективное мнение, на которое повлияло огромное количество личных факторов. Конкретно он пишет, что здесь в оценке событий продолжает играть важную роль «темперамент, образование, жизненная позиция и множество других факторов, которые влияют на восприятие этой войны...»¹³. Более того, Маннергейм со своей стороны обращает внимание на то, что в обзоре шведских исследователей явно присутствуют выражения откровенно уничижительного и оскорбительного характера, которые, по его мнению, не несут под собой никаких убедительных доводов. Также, по его мнению, их рецензия вообще ставит под сомнение ценность событий 1918 г., хотя, как заметил будущий финский маршал, Финляндия во время «освободительной

войны» внесла огромный вклад в историю всей Северной Европы и большая часть финнов вспоминают об этом «с уважением и гордостью». Он пафосно тогда подчеркнул, что данная война была даже «насквозь пропитана патриотизмом, самопожертвованием и желанием обрести свободу»¹⁴.

В принципе, изложенная Маннергеймом оценка значения событий 1918 г. в Финляндии была в достаточной степени понятна, и, более того, для победителей в данной войне, конечно, было «очень жаль, когда величие и важность данных событий, достигнутых путем сложных побед будет затем обесцвечено такими отзывами» на ее результаты¹⁵. Поэтому, естественно, начавшаяся тогда дискуссии не закончились. Уже в следующем номере журнала генерал-майор Х. Игнатиус, возглавлявший деятельность комитета, посвященного событиям гражданской войны, также написал свой ответ¹⁶. В нем он развел высказанные Маннергеймом положения, которые были призваны концептуально «защитить» произведение, которое было собственно создано тогда самими победителями белого движения. Он также пафосно заявил, что работа над многотомным изданием потребовала немало сил и отняла огромное количество времени, поэтому, по мнению Игнатиуса, требуется и более «величественный» тон в оценке этой работы. Этот достаточно, по своей сути, сомнительный аргумент, однако, финский генерал подкрепил уже обвинением, брошенным в сторону авторов рецензии, где прямо заявил, что они-де лишь активно подчеркивают «свои собственные заслуги» и «не обращают внимания на работу других». Далее Игнатиус весьма подробно начал разбирать обзор самих авторов рецензии, где уделил особое внимание их хронологическим ошибкам, содержащимся в их обзоре. Причем, что представляется наиболее важным, он отчетливо стремился оправдать концепцию «освободительного» характера войны, согласно которой Финляндия в 1918 г. вынуждена была с оружием в руках отстаивать недавно приобретенную независимость «от попыток России вновь завоевать страну». В статье Игнатиуса также прослеживается еще одна очень важная мысль, которая очень хорошо характеризует ту политическую обстановку, которая тогда сложилась в Финляндии. Автор подчеркивает, что, хотя «белым» в 1918 г. помогала и Германия и Швеция, тем не менее «только доблесть» финнов и их «стремление быть независимыми» сыграли главную роль в победе в этой войне¹⁷.

В результате, анализируя первые, по своей сути, статьи оценочного характера, посвященные событиям 1918 г. в Финляндии и опубликованные в журнале «Хисториалинен Айкакаускирья», можно говорить о том, что уже тогда четко складываются историографические направления, в которых по-разному уже подходят к определению значения данной войны. Причем, как можно заметить, авторы здесь зачастую вступают в полемику друг с другом, используя при этом не лестные, а иногда весьма резкие высказывания в адрес своих оппонентов. Очевидно, что это было во многом следствием того, что оценка гражданской войны в Финляндии пока не приобрела сугубо научный характер и здесь перемешивались как политические представления, так и личностное отношение авторов друг к другу.

Однако после выхода в свет в 1957 г. монографии известного специалиста в области международных отношений Юхани Паасивирта «Финляндия в 1918 году»¹⁸ на страницах журнала вновь разгорелась дискуссия. Тогда там появилась уже статья не менее известного в финских исторических кругах профессора Лаури Пунтила¹⁹. В ней он высказывал ряд своих возражений, касающихся данной работы Паасивирта. Причем одним из наиболее резких критических замечаний был опять вопрос о термине, характеризующем название войны 1918 г. Реакция же на эту критику не заставила себя долго ждать, поскольку уже в следующем номере журнала появляется ответная статья Ю. Паасивирта²⁰.

Тем не менее начавшаяся новая дискуссия проходила на фоне того, что за рубежом уже явно признали социально-классовый характер финской войны 1918 г., тогда как в самой Финляндии к более взвешенной и объективной оценке событий продвигались крайне медленно и этот процесс очевидно стал развиваться только после окончания Второй мировой войны, когда здесь утверждалась так называемая «линия Паасикиви — Кекконена». Именно с учетом этого, вероятно, и следует рассматривать переоценку событий 1917–1918 гг. в работе Ю. Паасивирта. Он тогда на весьма аргументированной основе показал реальный гражданский характер вспыхнувшей тогда в Финляндии войны. В результате господству в финской историографии идеи о неком ее «освободительном» значении приходил конец. Тем не менее сам процесс переосмысливания событий, связанных со становлением

финляндской государственности, все же шел достаточно болезненно, и ярким доказательством этому стало мнение, которое тогда высказал Л. А. Пунтила. Он, как и другие финские исследователи, был вынужден считаться с реальными историческими фактами, но не отказался от определения «освободительного» характера войны, но при этом одновременно признал ее еще и гражданской.

Наиболее интересным моментом в возникшей тогда на страницах журнала дискуссий стали, как представляется, именно споры об определении названий событий 1918 г. Паасивирта как в своей книге, так и в опубликованной затем в «Хисториаллинен Айкакаускирья» статье называет войну уже гражданской, поскольку, как он считает, это более четко отражает суть происходивших тогда в Финляндии событий. Паасивирта весьма аргументированно показывает, что тогда в стране стояла главная задача — урегулировать внутреннюю ситуацию в Финляндии, а не разворачивать борьбу с русскими революционерами. Поэтому, как он считает, в связи с этим сложно говорить об освобождении²¹. Лаури Пунтила эти взгляды, однако, ни кем образом не разделял, что явно указывало на его ярко выраженный консерватизм.

Тем не менее в конце в 1960-х — 1970-е гг. на страницах журнала опять разгорелась активная дискуссия. Теперь она была связана с ролью Германии в становлении в Финляндии независимого государства в 1918 г. и вследствие этого с проблемами егерского движения²². Начало этим спорам положили работы Матти Клинге²³, в которых автор поставил под сомнение идею о том, что егерское движение своей целью ставило создание независимого Финляндского государства. Эту точку зрения, но в более мягкой форме также поддержал и профессор О. Аппунен²⁴. Против данной гипотезы выступил исследователь К. Каллиала, который являлся очевидцем событий и лично был знаком со многими так называемыми «активистами». Он придерживался более традиционного подхода, где основной целью егерского движения являлось, разумеется, обретение Финляндией государственной независимости²⁵. Полемика вокруг указанной проблемы происходила достаточно длительное время, но она так и не привела к окончательному утверждению какой-либо точки зрения.

Далее же, в 1993 г., историк Хейкки Улингас опять поднял вопрос о понятии определения тех событий, которые происходили

в Финляндии в 1918 г. Он решительно выступил в защиту термина «гражданская война»²⁶. По его мнению, данный термин как можно лучше отражает истинный характер военных действий, поскольку они происходили между членами одного государства, а также термин является нейтральным и не отражает в себе политических установок ни одной из сторон. Русские же, по его мнению, несомненно, сыграли важную, но не ключевую роль в событиях 1918 г., и если русское присутствие рассматривается как угроза независимости Финляндии, а «красных финнов» приравнивают к предателям, то он тогда задается справедливым вопросом: как нужно относиться к участию других иностранных сил в этой войне? Действительно, в то время в военных действиях принимали участие около 1000 шведских добровольцев и 15 000 немецких солдат, тогда как русских солдат, принимавших активное участие в боевых действиях непосредственно на стороне финской Красной гвардии, было всего лишь около 7 000–10 000 человек.

При этом явно не выдерживает критики представление о том, что Германия тогда в «освободительной войне» оказывала некую особую «бескорыстную помощь» и немцы пришли на финскую землю лишь для «защиты» и «избавления» финнов от «российского гнета». Большое количество исследований показало, что основными целями Германии в финской кампании было: установить господство в Балтийском регионе, остановить распространение большевизма, воспрепятствовать восстановлению Восточного фронта и присоединить Финляндию к прогерманскому блоку. Подобная обстановка в Финляндии казалась весьма удобной для осуществления поставленных задач. По причине всех вышеизложенных фактов термин «освободительная война» также явно не соответствовал научным представлениям о реальном ходе событий.

Позднее, уже в XXI в., в Финляндии интерес к гражданской войне также не утихал. На страницах «Хисториаллинен Айкаакускирья» продолжали публиковать большое количество статей, в которых авторы, однако, начали относиться к этой войне более критически. Причем исследователи явно стараются активно проанализировать все, что произошло в те годы. Что же касается термина «гражданская война», то он стал, безусловно, преобладающим в финской литературе нашего времени. Идею «освободительного» характера войны уже так явно не обсуждают,

зато внимание уделяется особенностям становления независимости в Финляндии²⁷.

Теперь одним из новых явлений, которое может охарактеризовать историографические особенности рассмотрения событий 1918 г. и наблюдаемых на страницах «Хисториаллинен Айкакаускирья», является критика в отношении деятельности «белого» правительства, а также описание ужасов «белого» и «красного» террора, о котором раньше стремились особо не писать. На первый план сейчас выносятся попытки анализа чувств людей, переживших эти события. Исследователь У. Пелтонен в своей статье «Помнить или забыть? Тяжелая история 1918 года»²⁸, в частности, обращается к психологической проблеме послевоенных событий, к тем ужасам, которые принесла за собой эта война. Она выносит на всеобщее обозрение то, что долгое время многие факты из истории войны были скрыты, особенно количество погибших, которое настолько велико, что даже уже воспринимается весьма абстрактно. По мнению автора, жители Финляндии, разделившиеся на два лагеря в 1918 г., в дальнейшем старались забыть ужасы войны, поскольку брать на себя ответственность за произошедшие события психологически было крайне сложно.

Не менее интересной является статья Элины Мартиайнен²⁹, в ней она рассматривает описание войны 1918 г. в книгах финской писательницы Майла Талвио³⁰. Автор сравнивает описание военных событий в романах Талвио с описаниями не менее известных финских литературных деятелей — Франса Эмиля Силланпяя и Йоела Лехтинена. Романы Талвио наполнены духом независимости, стремлениями обрести свободу, тогда как произведения Силланпяя и Лехтинена³¹, написанные в духе литературной традиции того времени, полны иронии. Тогда, очевидно, это было единственной возможностью бросить вызов «белой диктатуре», и они говорят именно о гражданской войне, а не о поисках свободы. Литературные произведения, конечно, не могут стать историческими источниками, описывающими реалии 1918 г., но они, как справедливо замечено в историческом журнале, помогают создать некий образ гражданской войны. Как считает Элина Мартиайнен, действительно в произведениях рассказывается об отношении обычного народа к этой уже где-то легендарной войне. По мнению автора, об их сомнениях,

неуверенности, конфликтах и нежелании участвовать в этих событиях, создаются достаточно яркие образы.

В этом плане, как представляется, интересным является опубликованный в журнале доклад М. Юнила³², в котором она проводит исследование сочинений школьников и гимназистов о событиях 1918 г. Автор обратилась к весьма интересному сюжету, связанному с финской историей, когда осенью 1918 г., спустя четыре месяца после окончания войны, учащимся предложили написать сочинения, в которых они высказали свою точку зрения на события, свидетелями которых сами они являлись. Как выяснилось, многие дети зачастую не понимали истинного смысла происходивших тогда событий. Их принадлежность к одной из сторон чаще всего определялась мнением родителей или преподавателей в школе. Многие считали действия «красных финнов» недопустимыми, поскольку они нарушили привычный ход вещей, и именно поэтому их нужно было наказать.

Очевидно, что подобное исследование, которое провела М. Юнила, представляет несомненный интерес. Но так же как учащиеся школ и гимназий в 1918 г. тогда не имели одинаковых представлений о произошедшей гражданской войне, так и сейчас финские историки до сих пор не пришли к единой точке зрения. Очевидно, что использование официального термина «освободительная война» долгое время не позволяло финским историкам посмотреть другим взглядом на данную проблему и должно было пройти немало лет, для того чтобы наметился сдвиг в этой сфере, но даже сейчас в Финляндии не могут еще полностью отказаться от представления о некой борьбе за «освобождение» от России. Гражданская война 1918 г. расколола финское общество на два лагеря, и, как это можно заметить через страницы журнала «Хисториаллинен Айкаакускирья», следы этого раскола ощущаются в народном сознании и по сей день. Гражданскую войну, безусловно, нельзя назвать «освободительной», но сама идеология «освободительной» войны до сих пор прочно укоренилась в сознании финского народа.

¹ См.: Suomen vapaussota vuonna 1918. Os. I–VI. Hels., 1921–1925; Suomen vapaussota. Os. I–VII. Hels., 1921–1928.

² Hakalehto I. Suomen sisällissodan tausta // Historiallinen Aikakauskirja. 1966. № 3. S. 220–237 и др.

³ *Manninen O.* Kansan äänen ilmauksia. Mannerheimin syjäyttämisjatus maalis-huhtikuusa 1918 // Historiallinen Aikakauskirja. 1973. № 3. S. 257–286; *Bärlund T.* Punaninen rautatiehallinto 1918 ja sen jälkiselvitykset // Historiallinen Aikakauskirja. 1979. N 1. S. 3–10.

⁴ Цит. по: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 172.

⁵ См.: Там же. С. 172.

⁶ См.: *Юссила О., Хеннистиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. 1809–1995. М., 2000. С. 121.

⁷ *Linder E., Törngren G. M.* Suomen vapaussota. Sitä käsitlevien molempien suurteosten vertailleva tarkastus // Historiallinen Aikakauskirja. 1928. N 4. S. 283–302.

⁸ Suomen vapaussota vuonna 1918. Os. I–VI.

⁹ Suomen vapaussota. Os. I–VII.

¹⁰ *Linder E., Törngren G. M.* Suomen vapaussota. Sitä käsitlevien molempien suurteosten vertailleva tarkastus. S. 287.

¹¹ Ibid. S. 288–290.

¹² *G. Mannerheim.* Vapaussota-teosten tarkastelun johdosta tarkastus // Historiallinen Aikakauskirja. 1929. N 1 S. 56–58.

¹³ Ibid. S. 288.

¹⁴ Ibid. S. 290.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Ignatius H.* Suomen vapaussotaa koskevien teoksienv arvostelu // Historiallinen Aikakauskirja. 1929. N 2 S. 90–97.

¹⁷ Ibid. S. 97.

¹⁸ *Paasivirta J.* Suomi vuonna 1918, Porvoo-Hels., 1957.

¹⁹ *Puntila L. A.* Suomi vuonna 1918 // Historiallinen Aikakauskirja. 1958. N 4. S. 338–345.

²⁰ *Paasivirta J.* Suomi vuonna 1918 // Historiallinen Aikakauskirja. 1959. N 1. S. 14–19.

²¹ См.: Ibid. S. 18.

²² См. об этом: *Lauerma M.* Suomalainen Vapaustaistelija vai preussilainen jääkäri? // Historiallinen Aikakauskirja. 1963. N 2. S. 93–112; *Klinge M.* Itsenäisyys – jääkäriliike-sortokausi // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. N 4. S. 309–319; *Ziliacus P.* Jääkörililkeen synty ja päämäärat // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. N 1. S. 69–70; *Klinge M.* Vielä jääkäriliiken synnystä ja tavoitteista // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. N 4. S. 315–319; *Rautkallio H.* Saksan taloudelliset sodanpäämäärat suomessa // Historiallinen Aikakauskirja. 1976. N 1. S. 19–40.

²³ *Klinge M.* Itsenäisyys – jääkäriliike-sortokausi // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. N 4. S. 309–319.; *Klinge M.* Vielä jääkäriliiken synnystä ja tavoitteista // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. N 4. S. 315–319.

²⁴ *Apunen O.* Lisää debattiin Kalliala vastaan Klinge // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. N 1. S. 57–60.

²⁵ *Kalliala K. I.* Uusaktivismi Ylioppilaskunnan historiassa // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. N 3. S. 239–244; *Kalliala K. I.* Vieläkin uusaaktivismista // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. N 1. S. 60–68.

- ²⁶ Ylingas H. Sisällissota // Historiallinen Aikakauskirja. 1993. N 2.
- ²⁷ Kannisto N. Itsenäisyyden käsite ja tulkinnat sosiaalidemokraatisessa likkeessä vuosina 1918–1924 // Historiallinen Aikakauskirja. 2011. N 2. S. 213–218.
- ²⁸ Peltonen U. Muistaa vai unohtaa? Vuoden 1918 vaikea historia // Historiallinen Aikakauskirja. 2003. N 4.
- ²⁹ Martkaianen E. Maila Talvion kuvaus sota kevästä 1918 // Historiallinen Aikakauskirja. 2008. N 2.
- ³⁰ См. об этом: Talvio M. Kurjet. Porvoo, 1919.
- ³¹ См. об этом: Sillanpää F.E. Hurskas kurjuus. Helsinki, 1919; Lehtinen J. Kuolleet omenapuut. Helsinki, 1918.
- ³² Junila M. “Veljesvihan liekit” — koululaiset muistelevat sisällissotaa syksyllä 1918 // Historiallinen Aikakauskirja. 2011. N 3. S. 298–308.

B.-T. Vasara

**РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В 1920–1930-е гг. В ПРЕДСТАВЛЕНИИ
ФИНСКИХ КРАЙНЕ ПРАВЫХ СИЛ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАВОРАДИКАЛЬНОЙ ПРЕССЫ)**

Развитие советско-германских отношений в межвоенный период представлялось финским крайне правым силам жизненно-важным вопросом. Главным образом в 1920-е гг. правые радикалы уделяли довольно много внимания теориям, касавшимся роли их отечества на международной арене и его будущему в целом. В представлении крайне правых о себе, финны занимали особое положение между Западом и Востоком. По их мнению, именно они должны были стать, с одной стороны, распространителями и хранителями западных традиций и культуры на Севере Европы. При этом крайне правые пытались доказать западное происхождение финского народа и его древние связи с «германской расой»¹. И, с другой стороны, именно финны «могли спасти» Европу от вечной восточной угрозы всем ценностям западного мира. Поэтому будущее молодой республики Финляндии они нередко рассматривали в контексте развития отношений Запада и Востока, которые для крайне правых представляли собой исключительно Россию и Германию. Но если в 1920-е гг. эти размышления оставались более или менее абстрактными, то с начала 1930-х гг. праворадикальные силы все больше внимания начали уделять конкретной проблеме — угрозе со стороны Советского Союза.

Прогерманские настроения у финских крайне правых сложились гораздо раньше 1930-х гг., когда приход гитлеровцев к власти

активизировал этот вопрос. После ноябрьской революции 1918 г. рухнули планы становления монархии в Финляндии во главе с немецким принцем, и, таким образом, германский курс в финской внешней политике явно ослабел. Тем не менее в правых кругах страны германское направление не потеряло своего значения. Нужно заметить, что желание крайне правых кругов сблизиться с Германией во многом было связано с их крайне негативным отношением к Советской России. В Германии видели прежде всего защитницу от большевистской угрозы².

В годы Веймарской республики официальные линии восточной политики Германии и Финляндии стали значительно отличаться. Это заметили и в германофильских кругах Финляндии, которые, в общем, относились к Веймарской республике холоднее, чем к бывшей монархии. Первым разочарованием для «белой» Финляндии стало заключение Рапалльского договора между РСФСР и Германией 16 апреля 1922 г. К весне 1922 г., после неудачной попытки присоединения советской Карелии к Финляндии, «белому» лагерю страны стала очевидна мощь Советской России. Это усиливало его опасения по отношению к дальнейшим планам большевиков. С точки зрения «белых», этот срыв международной изоляции большевистской России, и особенно восстановление в полном объеме дипломатических отношений между РСФСР и Германией, представляется чуть ли не катастрофой³.

Начиная с 1922 г. вопрос о советско-германских отношениях стал весьма популярной темой на страницах крайне правой прессы. Для данной статьи нами выбраны два журнала и одна газета, с помощью которых мы попытаемся рассмотреть, каким в межвоенный период представлялось развитие советско-германских отношений в глазах финских крайне правых сил. Во-первых, это политический еженедельный журнал «Суунта», вокруг которого ядро «белых» активистов организовалось в начале 1920-х гг. Во-вторых, это основанный в 1923 г. печатный орган Академического карельского общества (АКС) «Суомен Хеймо», выпускавшийся до 1944 г. И, в-третьих, главный печатный орган партии Патриотическое народное движение (ИКЛ) — газета «Аян Суунта», издававшаяся с небольшим перерывом с 1932 до 1944 г. Эти печатные органы не только в целом выражали мнение крайне правого лагеря, но они и специализировались и области международных отношений.

Есть некоторые общие черты, касающиеся интересующих нас газетных материалов. Так, развитие советско-германских отношений рассматривалось почти исключительно либо с точки зрения Германии, либо оценивая значение этой ситуации для Финляндии. Например, журнал «Суунта» опубликовал еще в марте 1922 г. большую статью, посвященную русскому вопросу с точки зрения немцев⁴. Кстати говоря, автором данной статьи и значительного количества других, посвященных германской тематике, в том числе советско-германским отношениям, был профессор германской филологии Хельсинкского университета, известный языковед Эмиль Ёхман, который в начале 1920-х гг. находился в Берлине. «Суунта» привлекал в качестве корреспондентов только специалистов, а его экспертами являлись люди с университетским образованием, представители «егерского движения» и т. д.

Несмотря на то что в редакциях праворадикальных печатных органов господствовали, с одной стороны, германофильские, а с другой — ярко антирусские настроения, стоит отметить, что материалы, появлявшиеся на их страницах в первые годы, не отличались резкой субъективностью и грубостью, как это было позднее, когда крайне правые обычно характеризовали своих врагов как «мерзких русаков». Однако, говоря о СССР, они могли уже в первые годы своей деятельности использовать такие выражения, как, например, «подрывная работа большевиков»⁵, «террор русаков в Ингерманландии»⁶ «Мекка всех марксистов»⁷ и «пособники Коминтерна»⁸. В 1930-е гг. стиль становится более резким. При всем том можно сказать, что авторы большинства статей, по крайней мере, стремились к серьезному анализу событий, а не просто к передаче материалов в публицистической манере. Тем не менее им не всегда удавалось сохранить объективность оценок. Никто из авторов тех лет не был свободен от своих антирусских и прогерманских взглядов.

Наглядным примером является проведенный журналом «Суунта» анализ Рапалльского договора. В его редакции очевидно не было никаких сомнений в том, что целью советских дипломатов во главе с Г. В. Чичериным на Генуэзской конференции было прежде всего разорвать союзные отношения между странами Антанты. К тому же в подписании Рапалльского

договора 16 апреля 1922 г. журнал отчасти видел попытку Москвы переключить внимание стран — участников конференции с большевистской России на германский вопрос⁹. Как писали в журнале, такие шаги были типичными для политиков нового Советского государства, сохранивших черты, характерные для России, — стремление увеличить собственные выгоды и мешать недругам. А со стороны Германии подписание Рапалльского договора авторы считали разумным шагом, позволяющим показать Великобритании и Франции, что она всегда может сблизиться со своим недавним противником¹⁰ и, таким образом, усилить свои позиции на международной арене.

Несмотря на стремление серьезно проанализировать развитие событий, иногда оценки крайне правых представляются удивительно наивными. Своебразной является оценка финскими радикалами того факта, что Россия никогда не была естественным врагом Германии, как, например, Франция и Польша. По их мнению, немцы, как и русские, стали врагами, скорее всего, случайно, в результате политики некоторых недальновидных государственных деятелей. Только близкое сотрудничество может вернуть былое величие обеим странам, а развитие советско-германских отношений после 1918 г. показывает, что уроки Первой мировой войны выучили и в Германии, и в СССР¹¹. Также ничем не обоснованным выглядело мнение об ослаблении большевистской власти после Генуэзской конференции. «При взвешивании преимуществ и недостатков германо-советского договора необходимо иметь в виду красную угрозу, хотя ее нельзя и преувеличивать. То, что Германия и Россия теперь не являются прямыми соседями, и то, что в Германии большей частью внутренний порядок восстановлен, а в России коммунизм ослаблен, во многом уменьшает эту угрозу», — писали в «Суунта»¹².

Главным препятствием для развития советско-германских отношений после подписания Рапалльского договора крайне правые считали внутреннее положение Советского государства. «Но если советское правительство откажется от принципов коммунизма, то отношения двух стран могут развиваться с большим успехом», — анализировал «Суунта» в июле 1922 г.¹³ В 1922 г. еще не представлялось возможным оценить влияние Рапалльского договора на внешнюю политику Германии в целом, но к возможной «восточной ориентации» Берлина финские правые радикалы

относились отрицательно, так как считали ее для Германии весьма опасной, особенно если Советской России удастся нарастить свою мощь¹⁴.

Развитие сотрудничества между Советской Россией и Веймарской республикой поставило крайне правых в неудобное положение. В частности, им было недостаточно понятно, каким образом это нежелательное сближение повлияет на позиции Финляндии. И постепенно их все больше начала волновать истинная цель политики СССР. На страницах «Суунта» ситуацию описывали следующим образом: «С 1922 г. между Германией и Россией наблюдается своеобразная дружба, которая выражается в политике, экономике, но о характере и основе этой дружбы окружающий мир обычно не в курсе. <...> Неясными и загадочными эти отношения делает двусмысленное отношение Советской России к Германии <...>¹⁵». Имелось в виду то, что официально Россия сохраняла дружественные связи с руководством Веймарской республики, но за его спиной она поддерживала революционное движение внутри Германии. При этом дружеские настроения в Германии по отношению к Советской России были намного более искренними, тогда как для большевиков характерными являлись «наглость и беззастенчивость»¹⁶. Сомнения в отношении политики Германии крепли и в военных кругах Финляндии. После подписания Берлинского договора 24 апреля 1926 г. о неизменности и нейтралитете между РСФСР и Германией в «белом» лагере Финляндии возникли еще более негативные настроения¹⁷. Тем более что если в первой половине 1920-х гг. финские крайне правые недооценивали силы Советской России, то во второй половине этого десятилетия им было уже совершенно очевидно, что теперь «Россия будет играть значительную роль в международных отношениях»¹⁸.

С точки зрения финских крайне правых, весьма важным шагом стало принятие Германии 10 сентября 1926 г. в состав Лиги Наций. Однако, как отметили в журнале Академического карельского общества «Суомен Хеймо», Лига Наций могла бы действовать в качестве общеевропейского политического барометра только в том случае, если бы в ее состав вошли и Германия, и Советский Союз¹⁹. Крайне правых воодушевляла также мысль о том, что, как им представлялось, это событие могло послужить началом охлаждения советско-германских отношений. По их

оценкам, Советский Союз относился к деятельности Лиги Наций отрицательно, как и, в общем, к стремлению к миру, в частности к конференциям по разоружению. «СССР заинтересован в мире только, когда это способствует собственным интересам советского государства», — констатировали в журнале²⁰. В общем, в праворадикальных кругах были приятно удивлены вхождению Веймарской республики в Лигу Наций, так как всего несколько месяцев назад они пришли к выводу, что Берлинский договор был направлен против этой организации²¹.

В последние годы существования Веймарской республики финские крайне правые стали видеть советско-германское сотрудничество в сугубо отрицательном свете. «Не надо напоминать, какую угрозу для всей Европы будет представлять собой объединение промышленного германского и аграрного красного империализма, особенно сейчас, когда имеет место общий экономический кризис», — подчеркивали они весной 1931 г.²² «Экспансивные стремления» Советского Союза также не остались без внимания. «После 1932 г. СССР стал как в Европе, так и в Азии, “красно-русской империей”, которая во многом напоминает своего царского предшественника», — тревожно отмечали в АКС²³. Естественно, приход Гитлера к власти в Германии 30 января 1933 г. и конец Веймарской республики восприняли в праворадикальных рядах вполне положительно. Многим из них снова стал виден свет в конце туннеля. «Дружба красной России и парламентарной Германии... после прихода к власти Гитлера превратилась в откровенную враждебность», — удовлетворенно констатировали в органе Патриотического народного движения газете «Аян Суунта»²⁴. Теперь, начиная с зимы 1933 г., «Аян Суунта» стала уделять достаточно много внимания успехам нацистов. В частности, в течение марта — апреля четыре передовые статьи газеты были посвящены приходу национал-социалистов к власти²⁵. А выход нацистской Германии из Лиги Наций 14 октября того же года охарактеризовали в «Аян Суунта» как «самое значительное событие после Первой мировой войны и всех ее последствий»²⁶.

Финские крайне правые довольно долго относились к новой гитлеровской власти некритично или, по крайней мере, не информировали читателей о своих сомнениях относительно ее акций. Можно привести пример, как, по мнению «Аян Суунта»,

преследование евреев в Германии было совершенно нормальным явлением, а остальной мир просто преувеличивал масштаб этих репрессий, с одной стороны, «борясь против рейха», а с другой стороны, игнорируя «зверскую жестокость» России²⁷. Однако крайне правым очень было подчеркнуть то, что Финляндия никоим образом не есть и не будет вассальным государством национал-социалистической Германии (об этой угрозе постоянно напоминала советская пропаганда) и, несмотря на идеализацию политики Гитлера, конечной целью ИКЛ было становление Финляндии как сильного, независимого национального государства²⁸.

18 сентября 1934 г. Советский Союз стал членом Лиги Наций. Еще накануне его возможное вхождение в эту организацию финны воспринимали крайне критически, поскольку это сделало бы невозможным рассмотрение «карельского» и «ингерманландского» вопросов на заседаниях Лиги²⁹. А крайне правые силы воспротивились такому расширению Лиги Наций, так как они полагали, что «в любом случае СССР не будет выполнять свои договоры»³⁰. «Аян Суунта» была уверена, кроме того, что Советский Союз аннулирует Тартуский мирный договор 1920 г.³¹ Поэтому от правительства требовали, чтобы Финляндия голосовала против принятия СССР в Лигу³². ИКЛ, особенно после 1934 г., начала активную пропаганду вообще против деятельности Лиги Наций. Эта партия считала, что Лига является неким «прикрытием» деятельности коммунистов. ИКЛ также относилась критически к Франции и Великобритании, которых рассматривала лишь как «слуг Советского Союза».

Представляется, возможно, несколько удивительным, но начиная с середины 1930-х гг. на страницах «Аян Суунта» внешнеполитические сюжеты затрагивались относительно мало, хотя первоначально именно они были в газете хорошо представлены. Кроме того, в среднем «Аян Суунта» посвящала Германии меньше сюжетов, чем это было в других финских партийных газетах. К этому времени стало уже ясным, что во внутриполитической борьбе Финляндии прогитлеровская пропаганда была неуместна, так как финское общество в целом испытывало неприязнь к национал-социалистической идеологии. Поэтому «Аян Суунта» легче было просто не писать на темы, к которым, по всей видимости, финны относились негативно. Таким образом, эти

сюжеты могли бы оказывать пагубное влияние на популярность Патриотического народного движения³³.

Но надо отметить, что, когда газета писала о внешней политике, ее линия была радикальна. Бессспорно, редакция «Аян Суунта» заняла ярко прогерманские позиции, и в связи с этим она резко критиковала Версальскую систему. Кроме СССР крайне серьезной угрозой для европейского мира ее корреспонденты видели во «французском империализме» — тогда как Германия выполняла все условия Версальского мирного договора. И если бы вспыхнула новая война, это стало бы последствием исключительно «версальских нетолерантности, нетерпимости и давления», заявляла газета³⁴.

Начиная с 1936 г. до июля 1939 г. «Аян Суунта» стала все более направленно критиковать Советский Союз и поддерживать Германию³⁵. Газета постоянно обвиняла СССР в угрозе всеобщему миру и спокойствию и считала его «вредителем Европы»³⁶. На страницах главного печатного органа ИКЛ часто сравнивали политику Лиги Наций с «самоубийством нации» и отдавали должное Гитлеру и Муссолини за предотвращение новой мировой войны, так как им удалось остановить Коминтерн, к этому стремившийся³⁷.

В последние предвоенные годы праворадикальная пресса уделяла внимание развитию советско-германских отношений прежде всего из-за многочисленных слухов по этому поводу³⁸. В возможное новое сближение двух стран крайне правые не хотели верить, хотя постоянно этим спекулировали. Если еще в 1936 г. дальнейшее сотрудничество между гитлеровской Германией и СССР они считали невозможным даже теоретически (считалось, что руководство большевиков никогда не сможет простить Германии ее антикоммунистическую активность)³⁹, то в течение следующих двух лет доверие к Берлину крайне правых переросло в неуверенность. «Красная Москва сейчас нервна и раздражена, как никогда раньше, в то время, как ее военные силы колossalно выросли»⁴⁰, — заметили в праворадикальном лагере.

Кроме того, в течение последних довоенных лет произошло множество изменений в советском дипломатическом представительстве, и это также стало поводом для спекуляций финских крайне правых. Им было сложно оценивать действия советского

руководства, так как речь шла «не о Европе или Азии, а о двух десятилетиях коммунизма и 15 годах сталинизма, решения которого кажутся обычному европейскому разуму непостижимыми»⁴¹.

Представлениям финских правых радикалов о Германии жестокую травму нанес 1939 г. До этого они могли объяснить агрессивную внешнюю политику рейха как исправление пороков Версальского мирного договора. Но теперь Германия, по их мнению, не была обязана соблюдать его статьи⁴². Уход М. М. Литвинова с поста наркома иностранных дел 5 мая 1939 г. в свою очередь усилил в праворадикальных кругах подозрения, что это может стать шагом к новому сближению СССР с Третьим рейхом. К тому же, как они отмечали, среди военных чинов обоих государств были сторонники сотрудничества как это было в 1920-е гг. Однако, по мнению «Суомен Хеймо», лидирующая позиция Германии на антикоминтерновском фронте, скорее всего, могла стать причиной советско-германских конфликтов в будущем⁴³.

Поэтому заключение пакта Молотова — Рибентропа 23 августа 1939 г. стало новым идеологическим ударом для крайне правых: теперь самый надежный противник большевизма покинул фронт. «Аян Суунта» старалась не выражать свое разочарование явно, но за кулисами, в частности в представительстве Германии в Хельсинки, разочарованные и испуганные представители правых радикалов стали ежедневными гостями. Однако их просьбы о поддержке не встречали сочувствия⁴⁴. Поэтому легко понять, почему заключение пакта Молотова — Рибентропа осталось в первые дни без бурных комментариев, а в «Аян Суунта» довольствовались всего лишь изложением смысла документа и обзором европейских газет⁴⁵. Однако уже 31 августа «Аян Суунта» снова активизировалась. В газете пытались защищать Германию, подчеркивая, что в свое время похожие переговоры западных стран с Советским Союзом считались вполне «естественными»⁴⁶. Газета посчитала даже пакт выгодным для Финляндии⁴⁷. Последующие события известны.

Нужно сказать, что редким случаем критики крайне правых политики рейха стали события в Прибалтике осенью того же года. «Аян Суунта» даже обвиняла Германию в том, что она представляет собой угрозу цивилизованному миру, ибо нарушает изоляцию Советского Союза европейскими странами⁴⁸. Тем не менее надо

отметить, что уже к лету 1940 г. крайне правые силы преодолели шок, вызванный последствиями пакта Молотова — Рибентропа, и они снова были готовы строить «новую Европу» вкупе с гитлеровской Германией.

-
- 1 Suomen Heimo. 26.4.1930, 15.6.1930.
 - 2 *Ilvessalo J. Suomi ja Weimarin Saksa*. Helsinki, 1959. S. 151–152, 154.
 - 3 Kansallisarkisto (KA) (Национальный архив Финляндии, Хельсинки). Suomen 1920–1940-luvun historian säätiö (Säätiö) 46.
 - 4 Suunta. 11/1922 (18.3.1922), 12/1922 (24.3.1922).
 - 5 Suomen Heimo. 30.11.1926.
 - 6 Ibid. 25.4.1931.
 - 7 Ibid. 1.11.1935.
 - 8 Ibid. 15.9.1936.
 - 9 Suunta. 17/1922 (29.4.1922).
 - 10 Suomen Heimo. 15.9.1926.
 - 11 Ibid. 10.11.1927.
 - 12 Suunta. 18/1922 (6.5.1922).
 - 13 Ibid. 27/1922 (8.7.1922).
 - 14 Ibid. 29/1922 (22.7.1922).
 - 15 Ibid. 20/1924 (17.5.1924).
 - 16 Ibid. 20/1924 (17.5.1924).
 - 17 *Ilvessalo J. Suomi ja Weimarin Saksa*. S. 148–149.
 - 18 Suomen Heimo. 10.11.1927.
 - 19 Ibid. 15.9.1926.
 - 20 Ibid. 30.11.1926.
 - 21 Ibid.
 - 22 Suomen Heimo. 25.4.1931.
 - 23 Ibid. 15.9.1936.
 - 24 Suomen Heimo. 30.3.1936.
 - 25 Ajan Suunta. 1.3.1933, 3.3.1933, 9.3.1933, 10.3.1933, 7.4.1933.
 - 26 Ibid. 16.10.1933.
 - 27 Ibid. 31.1.1933.
 - 28 Suomen Heimo. 1.11.1935.
 - 29 Ajan Suunta. 17.9.1934.
 - 30 Ibid. 12.9.1934.
 - 31 Ibid. 17.9.1934.
 - 32 Ibid. 18.9.1934.
 - 33 *Vares V. Hakaristin kuva. Kansallissosialistinen Saksa Suomen johtavassa puoluelehdistössä sisä- ja ulkopolitiitisenä tekijänä*. Turku, 1986. S. 61.
 - 34 Ibid. S. 25.

³⁵ *Teikari E.* Puolueiden päälehtien ulkopoliittinen suunta vuosina 1933–1944. Tampere, 1973. S. 99.

³⁶ Ajan Suunta. 4.10.1938.

³⁷ *Vares V.* Hakaristin kuva. Kansallissosialistinen Saksa Suomen johtavassa puoluelehdistössä sisä- ja ulkopoliittisena tekijänä. S. 43.

³⁸ *Teikari E.* Puolueiden päälehtien ulkopoliittinen suunta vuosina 1933–1944. S. 102.

³⁹ Suomen Heimo. 30.3.1936.

⁴⁰ Ibid. 20.12.1936.

⁴¹ Suomen Heimo. 30.6.1938.

⁴² *Vares V.* Hakaristin kuva. Kansallissosialistinen Saksa Suomen johtavassa puoluelehdistössä sisä- ja ulkopoliittisena tekijänä. S. 55–56.

⁴³ Suomen Heimo. 15.5.1939.

⁴⁴ *Vares V.* Hakaristin kuva. Kansallissosialistinen Saksa Suomen johtavassa puoluelehdistössä sisä- ja ulkopoliittisena tekijänä. S. 56.

⁴⁵ Ajan Suunta. 21.8.1939, 23.8.1939, 25.8.1939.

⁴⁶ Ibid. 31.8.1939.

⁴⁷ Ibid. 9.9.1939.

⁴⁸ Ibid. 11.11.1939.

О. А. Кривдина

**ОБЗОР ДАТСКИХ НАУЧНЫХ КАТАЛОГОВ
ПО СКУЛЬПТУРЕ (1995–2002 гг.)**

Научная каталогизация произведений искусства — один из важнейших видов музейной деятельности. Активизация подготовки и издания каталогов в крупнейших музеиных собраниях происходит с начала XX в., но в последние двадцать лет эта работа стала насущной потребностью музеиных сообществ, значительно востребована посетителями музеев и приобрела не описательный, а научный характер. Находящиеся в Копенгагене скульптурные собрания отличаются богатством и разнообразием как видов пластики — монументальная, станковая и мемориальная, так и жанров, техник исполнения и скульптурных материалов. Наши интересы направлены на скульптуру XIX в., хранящуюся в музеиных собраниях. В данной статье мы остановимся на двух изданиях, вышедших в свет в 1995 и 2002 гг. в Копенгагене.

Два изучаемых каталога представляют разновидности публикаций о датской скульптуре, одно знакомит с собранием Глиптотеки Карлсберг (Carlsberg Glyptotek), другое посвящено подбору произведений из разных музеев Копенгагена, где представлены наиболее известные и значительные скульпторы Дании. Этот каталог — альбом назван “Afmagt”, что в переводе с датского означает «слабость», «бессилие». В данном контексте этот смысл можно трактовать как определение значения приведенных в каталоге скульптурных произведений, рассматриваемых как работы учеников и продолжателей традиций Бертеля Торвальдсена или мастеров, пришедших в искусство уже после его смерти и нахо-

дившихся как бы в его тени. Выбранный период охватывает время с 1850-х по 1900 г. На эти годы приходится сложный момент перехода в изобразительном искусстве от классицизма к эклектике, увлечение мастеров историзмом и салоном. В начале 1890-х гг. начинает формироваться и выходит на первый план стиль модерн. Однозначной оценки скульптуры этого времени нет и быть не может. Однако существует попытка выявления происходивших в ней изменений и тех процессов, которые в эти годы определили направление развития искусства ваяния.

«Датская скульптура 1694–1889 в Глиптотеке Карлсберг» (Danish Sculpture 1694–1889 ny Carlsberg Glyptotek) — каталог, подготовленный Йенсом Петером Мунком (Jens Peter Munk), издан в Копенгагене в 1995 г. Во вступительной статье автор подчеркивает значение Карла Якобсена (Carl Jacobsen), собравшего коллекцию датской скульптуры и основавшего Глиптотеку Карлсберг. Задачей создателя этого музея являлось стремление к полному показу скульптуры XIX столетия, созданной после Б. Торвальдсена, прежде всего, тремя его главными преемниками: Х. Е. Фройндом (H. E. Freund 1786–1840), Х. В. Биссеном (H. W. Bissen 1798–1868) и И. А. Иерихау (J. A. Jerichau 1816–1883). Автор сообщает, что «богато представленные в музее работы Биссена включены в отдельное издание»¹.

Наибольшее внимание в этом каталоге удалено работам Фройнда и Иерихау, однако включены и произведения Б. Торвальдсена. С их обзора мы и начнем знакомство с текстом каталога Глиптотеки Карлсберг. Обратим внимание, что в данном издании указывается 1768 г. как несомненная дата рождения Торвальдсена, ранее имевшая во многих источниках знак вопроса и вторую дату — 1770 г. В каталоге приведены как скульптурные работы, так и рисунки Торвальдсена, из которых выделим «Танцующих муз» (1798 г.) и выполненные в 1810 г. «Автопортрет» и «Купидон и Бахус», отличающиеся виртуозностью и совершенством исполнения. Особую ценность представляет гипсовая модель «Автопортрета Торвальдсена», которому придана форма гермы, датируется он, как и подписной рисунок Торвальдсена, 1810 г. К ранним работам скульптора, созданным в 1793 г., относятся портреты — медальоны актера и директора Королевского театра М. Росинга и его супруги актрисы И. К. Росинг (оба отлиты из гипса). Утонченная лепка с точной портретной характеристикой

изображенной четы созвучна образам, пронизанным настроениями сентиментализма. В 1805 г. Торвальдсен вылепил и отлил из гипса барельеф «Крещение Христа», высеченный в 1814 г. в двух экземплярах из мрамора и выполненный в 1832 г. из терракоты для Протестантской церкви в Риме.

Для каждого включенного в каталог произведения автор Мунк приводит факты создания и бытования, имеющиеся авторские или поздние повторения, аргументацию датировок. Кроме того, дана и библиографическая информация с указанием изданий, предшествующих данному каталогу.

Первая дата, указанная в названии каталога, — 1694 г. — соответствует году создания скульптурной композиции «Милосердие» К. Г. Киббера, хранящейся в Глиптотеке наряду с двумя статуями «Вера» и «Надежда», выполненными из свинца этим английским скульптором. Скульптурные работы Киббера представляют традиционные изображения «Веры» с книгой в руках, «Надежды», опирающейся на якорь, и «Милосердие», трактованное в образе женщины, кормящей грудью младенца, рядом с которой стоит малыш. Последний год, значащийся в названии этого каталога, — 1889 г. — относится к датировке статуэтки «Спящий Вакх», выполненной из обожженной глины Петером Петерсеном и подписанной самим автором «Спящий Фавн». Мунк отмечает, что для этой статуэтки была использована тема и композиция так называемой статуи «Фавна Барберини», хранящейся в Глиптотеке Мюнхена². Коллекция скульптурных произведений Петерсена была приобретена Карлом Якобсеном в 1893 г. у вдовы скульптора Матильды Петерсен. Из двадцати приведенных в каталоге работ Петерсена отметим портретный медальон и бронзовую медаль с профилем Германа Вильгельма Биссена, выполненные в 1868 г., с указанием 10 марта — дня его смерти. После Биссена Петерсен преподавал в Королевской Академии изящных искусств.

К сожалению, Мунк не дал в этом каталоге биографий авторов опубликованных скульптурных произведений, лишь краткие сведения о Фрайнде и Иерихау приведены во вступительной статье. Например, в биографии Иерихау подчеркнута его близость Торвальдсену, уже при жизни он был признан его выдающимся преемником. Фрайнд также принадлежит к ученикам великого датского скульптора, но он открыл ряд новых тем, работая над скандинавской мифологией и создавая многочисленные образы северных богов.

Для нас каталог Мунка представляет особую ценность в связи с тем, что сведения, опубликованные о Иерихау и его работах, позволили атрибутировать ряд произведений этого скульптора, хранящихся в собрании Государственного Русского музея. Иерихау создал цикл работ, посвященных изображению людей и животных. В их числе указывается «Игра с козой» 1845 г., которая может быть соотнесена с рельефом «Дети с козой» из ГРМ. В композиции этого рельефа представлена не просто жанровая сцена. Принимая во внимание то, что Иерихау постоянно обращался в своем творчестве к мифологическим темам, здесь им мог быть использован сюжет «Воспитание младенца Юпитера». Как известно из античного мифа, Юпитер был рожден на острове Крит, где был спрятан своей матерью Реей от отца Кроноса. Он вскармливается молоком козы Амалфеи. Чтобы заглушить плач младенца, жрецы Реи — Куреты играли на флейтах. Изображенный в рельефе на голове юноши фригийский колпак является атрибутом пастуха. После сравнения опубликованного в каталоге Мунка³ рельефа «Мальчики, играющие с козой» (Копенгаген) нам стало известно, что ему аналогичен гипсовый отлив рельефа «Дети с козой» из ГРМ. В 1846 г. Г.Х. Андерсен сообщал из Рима И. Коллину, что Иерихау выполнил «отличный рельеф в мраморе, где восхитительный ребенок на козле, которого подталкивает другой мальчик»⁴. Рельеф был повторен в мраморе и находится в Государственном музее искусств в Копенгагене.

Другой барельеф, представляющий двух идущих женщин с козой, мог бы быть отнесен к тому же циклу, посвященному «Воспитанию младенца Юпитера», где рядом с Реей идет нимфа Амалфея с покрытой головой и поднесенной к лицу рукой в знак молчания, около ее ног — коза. Однако, как удалось установить, этот рельеф, как и «Кора» и «Юный Вакх», являются вариантами фрагментов из фриза «Брак Александра и Роксаны». Над этим произведением Иерихау работал в Риме с начала 1840-х гг. до 1864 г. Две сцены из этого рельефа «Женщины в жертвенной процессии» и «Пьющие воины» были привезены в 1845 г. в Копенгаген для показа в Шарлоттенборге и утверждены для оформления дворцового кабинета датской королевы Марии Гессен-Кассельской, супруги Фредерика VI. Лишь в 1884 г., уже после смерти Иерихау, работа была завершена скульптором Гаральдом Конрадсеном. Гипсовые отливы этих композиций

в Русский музей поступили из Императорской Академии художеств в 1931 г.⁵

Каталог «Afmagt. Dansk billedhuggerkunst 1850–1900» издан Музеем Торвальдсена (Thorvaldsens Museum) в 2002 г. при участии Фонда Карлсберг (Carlsbergfondet) и десяти датских художественных музеев. Обоснование внимания к исследованию датской скульптуры указанного периода представлено Стиг Мисс (Stig Miss) во вступительной статье. Авторы четырех статей Ernst Jonas Bencard, Luisa Passeggi, Margrethe Floryan, Stig Miss рассматривают историографические и библиографические вопросы, приводят оценки произведений датских скульпторов художественной критикой, рассматривают технологические вопросы переведения в мрамор и изготовления повторений. В каталожной части даны обстоятельный аннотации на работы, сгруппированные по тематическому и жанровому принципам: портреты, мифологические и детские образы, эскизы композиций, этюды памятников и статуи. Включены произведения из всех скульптурных материалов: гипс, терракота, мрамор, бронза, однако большую часть составляют работы из гипса и терракоты. Наряду с Биссеном, Фрайндом, Паульсеном, Петерсоном в этом каталоге представлены мастера следующего поколения — Г. К. Фрайнд (младший, G. C. Freund), В. Биссен (младший, V. Bissen) Т. Штайн (Th. Stein), К. Аарслеф (C. Aarsleff) и другие. Завершает каталог статья Генри Делаборде (Henri Delaborde), посвященная Бертелью Торвальдсену.

В заключение отметим, что рассмотренные каталоги не только дают представление о датских скульпторах и скульптуре 1850–1900-х гг., но и являются примерами двух типов научных каталогов, наиболее точно и четко знакомящих с произведениями и информацией о них.

¹ Munk J. P. Danish Sculpture 1694–1889 ny Carlsberg Glyptotek. KØbenhavn, 1995. S. 7.

² Ibid. S. 196.

³ Ibid. S. 111. N 159.

⁴ Ibid.

⁵ Кривдина О. А. Ваятели и их судьбы. Научная реконструкция творческих биографий российских скульпторов середины и второй половины XIX века. СПб., 2006. С. 353–359.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

М. В. Шкаровский

**ТРИФОНО-ПЕЧЕНГСКИЙ МОНАСТЫРЬ
В 1939–1944 гг.**

Находившийся в 1920–1944 гг. на территории Финляндии Свято-Троицкий Трифоно-Печенгский монастырь был основан в 1533 г. преподобным Трифоном на реке Печенге. Эта обитель имела длительную и сложную историю. Короткий период расцвета в XVI в. завершился его полным уничтожение пришедшим из шведских владений финским военным отрядом 30 ноября 1589 г., убившем 116 монахов и местных русских жителей. После этого монастырь существовал на территории Кольского острога до своего упразднения в 1765 г. Во второй половине XIX в. (1885) он был возобновлен в районе Печенги и вновь стал важным православным центром Русского Севера. Не случайно его называли «Меккой северного края», достаточно сказать, что в 1917 г. в монастыре и на могиле преп. Трифона побывали 3650 паломников¹.

В 1917 г. скончался многолетний настоятель монастыря архимандрит Ионафан. Выбранный монашествующими настоятелем казначей престарелый иеромонах Порфирий уже через полтора года из-за болезни не смог выполнять свои обязанности. Вскоре из Соловецкого монастыря был прислан игумен Иннокентий, но и он недолго управлял монастырем, скончавшись в сентябре 1919 г. Последующие несколько лет братией руководит совет из трех избираемых монахов. К началу 1920-х гг. в обители проживали 28 монахов, 28 послушников и около 40 трудников.

Район Печенги (Петсамо), имевший выход к Баренцеву морю, до 1920 г. был заселен только православными — русскими и саамами, но после передачи его по Юрьевскому (Тартускому, Дерптскому) мирному договору Финляндии на правах отдельной губернии стал активно заселяться финскими колонистами с юга страны. Колонизация Печенги играла значительную роль не только в формировании национального статуса, но и в утверждении мифа о «Великой Финляндии от моря до моря». Тем не менее большинство жителей этого района оставались православными, главным же центром православия здесь по-прежнему был Свято-Троицкий Трифоно-Печенгский монастырь.

В связи с заключением 14 октября 1920 г. Тартуского мирного договора советские власти провели эвакуацию имущества и людей из района Печенги на территорию Кольского полуострова, оставшуюся в составе РСФСР. Была вывезена и значительная часть имущества Трифоно-Печенгского монастыря, объявленная «народным достоянием».

В конце 1920 г. финляндские власти забрали у монастыря здание церкви Рождества Христова в устье Печенги («Нижний монастырь») и передали его под лютеранскую кирху пос. Петсамо (Печенга). Некоторое время другие монастырские здания использовались под казармы финской Белой гвардии. С начала 1920-х гг. богослужебная жизнь обители сосредоточилась в пос. Луостари («Верхний монастырь») в 15 километрах вверх по реке Печенга, где действовала Сретенская церковь. В 1932 г. на место скончавшегося игумена Иннокентия монастырская братия избрала настоятелем иеромонаха Паисия (Рябова). В этот период в обители было 14 человек братии и 5 трудников. В конце 1930-х гг. монастырь посетили около 12 тыс. паломников и туристов.

Когда 30 ноября 1939 г. началась «Зимняя война», советская армия в тот же день заняла район Печенги и далеко не все желающие успели эвакуироваться. Так на полуострове Рыбачий (Калаастаясааренто) остались 400 финских подданных. Не была своевременно эвакуирована и почти вся насчитывавшая тогда 17 человек братия Трифоно-Печенгского монастыря во главе с настоятелем иеромонахом Паисием. Лишь некоторым насельникам обители, в частности монаху Мефодию (в миру Матти Лехмонену), удалось спастись, скрывшись в Финляндии (в ноябре 1944 г. отец Мефодий поступил в созданную коневской братией

монашескую общину Хиека в волости Кейтеле, а в 1949 г. перешел в Ново-Валаамский монастырь)².

Сразу же после прихода советских войск в Трифоно-Печенгском монастыре начались обыски. 9 декабря 1939 г. был арестован настоятель отец Паисий. Его перевезли в московскую тюрьму и после года допросов расстреляли и похоронили на Бутовском полигоне под Москвой 28 декабря 1940 г. Другие монахи и послушники были взяты под стражу и вывезены на территорию СССР, в район пос. Ловозеро Мурманской области, на строительство комбината «Аллуайвстрой». В воспоминаниях одного из очевидцев этих событий говорится: «В начале 1940 года привезли 20 монахов из Печенгского монастыря. Приехали они со всем своим имуществом. Работали на стройке, хотя и просили отправить их обратно в монастырь. По окончании войны поселок Петсамо был возвращен Финляндии, и монахи были отправлены за границу, хотя при этом вдруг выяснилось, что “все они бывшие деникинские офицеры”. При отправке “за границу” все их имущество было конфисковано. Это объяснялось, как ответная мера, поскольку, якобы, “выезжающие из Финляндии тоже терпели притеснения”»³.

13 марта 1940 г., после окончания советско-финской войны, по условиям заключенного днем раньше мирного договора Финляндии был возвращен занятый советскими войсками на три с половиной месяца район Печенги. В связи с этим насельники Трифоно-Печенгского монастыря оказались освобождены, и община продолжила свое существование. Правда, один из членов братии — послушник монастыря с 1913 г. Федор Семенович Абросимов (в 1919 г. служивший рядовым в Белой армии) — отказался возвращаться в Финляндию и, решив остаться на родине, поселился в Ловозерском погосте, работая на лесозаготовках. Уже 2 июня 1940 г. он был арестован как «шпион» и «пособник» настоятеля монастыря иеромонаха Паисия и заключен сначала в тюрьму г. Мончегорска, а затем в мурманскую тюрьму. Органы следствия предполагали более убедительно представить «Трифоно-Печенгский монастырь, как базу для подготовки и переброски финских шпионов в СССР». Согласно «спущенным из Москвы» политическим установкам следователям было необходимо доказать, что «монастырь являлся явочной квартирой для перебежчиков из СССР и обратно. В стенах монастыря про-

ходила подготовку и оттуда забрасывалась на территорию СССР агентура финской охранки»⁴.

Однако добиться признательных показаний от Федора Абросимова следователям не удалось, он категорически отверг все обвинения в шпионаже и антисоветской агитации. 19 августа 1940 г. Ф. С. Абросимова приговорили к 8 годам концлагерей и отправили отбывать срок в Ухто-Ижемский исправительно-трудовой лагерь (Коми АССР) на добычу и переработку радиевой воды, где он скончался 2 августа 1941 г. в Центральном санитарном городке лагерного пункта № 8. Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 30 июля 2003 г. преподобномуученик Феодор Абросимов был причислен к лику святых. В 2011 г., к 70-летию со дня кончины преподобномуученика, жители его родного села Чаваньга Терского берега Мурманской области восстановили разрушенную в советский период местную церковь Архангела Михаила⁵.

Отошедший к СССР район Печенги Финляндия потеряла по результатам Второй мировой войны. При этом вглубь страны 7 сентября 1944 г. были эвакуированы все насельники Трифонопеченгского монастыря и другие православные жители района. Особенно пострадали восточные саамы-скольты — они потеряли свои стада оленей, а многие погибли на путях бегства. Уцелевших православных саамов разместили в Финляндии в двух поселках — Неллим и Севеттиярви, что оказалось не лучшим решением: семьи были расколоты, традиционный промысел нарушен (большая часть саамов-скольтов проживает сейчас в окрестностях Хельсинки, и лишь православные богослужения на праздник преп. Трифона Печенгского собирают их вместе)⁶.

Эвакуированные же с Кольского полуострова монахи Трифонопеченгского монастыря в основном решили поселиться в Новом Валааме. Осенью 1944 г. шестеро бывших насельников этой обители во главе с настоятелем известным старцем и духовником схиигуменом Иоанном (Алексеевым, 1873–1958) присоединились к валаамской братии и в дальнейшем нашли упокойение на кладбище Нового Валаама. Покинутый насельниками Трифонопеченгский монастырь заняли оккупировавшие район Печенги части вермахта, превратившие его в опорный пункт. Немецкие войска были разгромлены в ходе Печенго-Киркинесской операции 1944 г., сопровождавшийся

ожесточенными боями, в ходе которых монастырский комплекс в пос. Луостари («Верхний монастырь») был полностью стерт с лица земли.

При этом погибла построенная на месте погребения преп. Трифона церковь Сретения Господня на реке Печенге, на ее месте была устроена большая братская могила павших в боях с немцами советских воинов. Другой тяжелой утратой стала гибель сгоревшей осенью 1944 г. деревянной Борисо-Глебской церкви на реке Паз, построенной еще в 1565 г. при личном участии преп. Трифона Печенгского в Пазрецком летнем погосте. При этом сохранились: построенный поблизости в 1872–1874 гг. «новый» деревянный храм святых Бориса и Глеба (он действует и в настоящее время), могила убитых шведским военным отрядом в 1589 г. 116 мучеников на месте древнего Трифоно-Печенгского монастыря и здание деревянной Рождественской церкви, построенное в устье реки Печенги в 1910 г.⁷

В 1997 г. Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение о возобновлении деятельности Трифоно-Печенгского монастыря. Однако 1 декабря 2007 г. в обители случился сильный пожар, в результате которого сгорела деревянная церковь Рождества Христова XIX в. После пожара у обители осталось две церкви: Борисо-Глебский храм, расположенный на самой границе с Норвегией и лишь два раза в год доступный для верующих, а также маленький храм в Печенге, построенный после пожара. Вскоре было принято решение о переносе обители из Печенги в соседний поселок Луостари и его возрождении на историческом месте. Сейчас монастырь строят заново на месте Успенской пустоши, где находится могила преп. Трифона. Кроме того, было построено подворье обители в Мурманске.

¹ Митрофан (Баданин), игумен. Преподобный Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию жития. СПб., 2009. С. 103; Поливцев С., священник. Трифоно-Печенгский монастырь. Мурманск, 2007; Калугин В. В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. М., 2009; Элина К. Значение Севера в понимании духовности и святыни // Север и история: Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Четвертые Феодоритовские чтения. Мурманск–СПб., 2012. С. 155–156.

² Всееволод (Филиппьев), инок. Святорусское откровение миру. Избранные статьи. Джорданвилль–М., 2005. С. 239.

³ Жития новомучеников Кольского Севера. В изложении игумена Митрофана (Баданина). СПб.–Мурманск, 2011. С. 36.

⁴ Там же. С. 38; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Мурманской области. Ф. (Архивно-следственные дела). Д. 4550. Л. 27–28.

⁵ Жития новомучеников Кольского Севера. С. 42–44.

⁶ Элина К. Значение Севера в понимании духовности и святости. С. 156–157.

⁷ Шахнович М. М. Древний храм святых Бориса и Глеба на реке Паз // Север и история. С. 184, 186; Мацак В. А. Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2005. С. 494.

Т. Г. Фруменкова

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ ФИННЫ
И СТОЛИЧНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА И СЕРЕДИНА XIX в.)**

Под петербургскими финнами имеются в виду, во-первых, проживавшие в столице уроженцы Великого княжества Финляндского, во-вторых, жители Санкт-Петербургской губернии финно-угорского происхождения и, в-третьих, население ближайших к Санкт-Петербургу районов Великого княжества Финляндского (части Выборгской губернии).

В южной части этой губернии в течение почти 20 лет размещался Финляндский округ Петербургского воспитательного дома, т. е. местные крестьянские семьи брали на вскармливание и воспитание за определенную плату младенцев, принятых в дом¹. В феврале 1857 г. по инициативе Финляндского генерал-губернатора был поднят вопрос о ликвидации округа. В его представлении говорилось, что на территории округа, кроме «разных семейных несогласий, наблюдается и сравнительно большая смертность между жителями», питомнический промысел якобы способствует распространению в этих местах сифилиса. К тому же «незамужние женщины явно предаются непотребству, дабы сделаться кормилицами», а крестьянки... желая сколь можно более пользоваться выгодами этого промысла, преимущественно стараются сберегать их [воспитанников.— Т. Ф.] и пренебрегают собственными детьми, оставляя без всякого призрения»².

Петербургский опекунский совет весьма убедительно опроверг доводы финляндской администрации, заявив, что представленные аргументы «суть больше гадательные, утверждаемые

только на предположениях, а не на действительных статистических фактах»³. Однако, несмотря на скептическое отношение к доводам генерал-губернатора, IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии пошло ему навстречу, и в 1859 г. Финляндский округ был закрыт.

Мариинское ведомство довольно легко отступило. Немалые трудности создавали прежде всего границы: со спецификой этой особенной территории столичным чиновникам от благотворительности связываться вовсе не хотелось. Используя особый статус княжества в составе Российской империи, представители российской администрации несколько лукавили, создавая впечатление, что финские женщины будто бы работали на Россию, воспитывая безродных внебрачных детей, покрывали чужие грехи.

Факты опровергают их красивую легенду. В архивах (РГИА и ЦГИА СПб) удалось обнаружить документы, показывающие связь между финским населением Петербурга и его окрестностей и воспитательным домом. Во-первых, финские женщины были среди тех, кто приносил своих детей в воспитательный дом. Во-вторых, финские крестьянки вместе с русскими служили в воспитательном доме на Мойке полугодовыми и годовыми кормилицами. В-третьих, многие питомцы воспитательного дома воспитывались не только в нескольких приходах Великого княжества Финляндского, но и в финно-угорских деревнях Петербургской губернии.

Прием в воспитательный дом в первой половине XIX в. оставался анонимным. Социальный, а иногда и национальный состав тех, кто приносил туда своих детей, позволяют определить только прошения об их возвращении, а также об открытом приеме. Финляндских уроженок среди женщин, желавших вернуть детей, обнаружено немного. В 1845–1851 гг., к примеру, – 8 из 229 человек (3,5%). Немногим больше их процент среди тех, кто просил о приеме младенца в воспитательный дом (в 1845–1851 гг.: 5 из 66 человек – 7,6%)⁴. Впрочем, эти данные не являются полными. Они учитывают не этнических финнов, а именно финляндских уроженцев. Сюда не вошли финны – российские или, скажем, шведские подданные, зато могли оказаться шведы – жители Финляндии. Российские подданные в документах записывались по сословиям – мещанки, крестьянки и т. д., а финнов из числа иностранных подданных обычно называли

среди других иностранцев. Скорее всего, процент ребятишек, рожденных финскими женщинами, среди питомцев воспитательного дома примерно соответствовал их доле в населении Петербурга и окрестностей.

В чрезвычайных обстоятельствах детей могли принимать открыто. К примеру, в 1822 г. почетный опекун сообщил в опекунский совет, что в 1821 г. умерла финляндская уроженка девица Анна Галени, которая служила «при кухне здешнего дома». После нее остались две дочери Мария и София 4 и 5 лет. Финляндская паспортная экспедиция отказывается принимать девочек, так как место их рождения неизвестно. Опекун просил принять незаконнорожденных сирот в воспитательный дом, что и было сделано⁵. В 1849 г. в воспитательный дом поступило представление из столичной управы благочиния, в котором сообщалось о смерти финляндской уроженки Кристины Эмасовой, после которой осталась малолетняя незаконнорожденная дочь, помещенная в дом. Оставшееся после матери скромное имущество было отправлено в деревню по месту воспитания дочери⁶. При императрице Марии Федоровне, возглавлявшей воспитательные дома с 1797 по 1828 г., существовала традиция так называемого «семилетнего воспитания», согласно которой мать могла взять собственного ребенка, уже принятого в воспитательный дом, к себе и воспитывать его до 7 лет за небольшую плату. Вернуть его окончательно можно было только до достижения им 7 лет, в противном случае питомец возвращался в сиротское учреждение. В одном из дел, посвященных «семилетнему воспитанию», встречаем финские фамилии, да и социальный статус женщин не противоречит их происхождению. Так, в 1806 г. на «семилетнее воспитание» была отдана «воспитанная в воспитательном доме вольною женкою Маргаритою Кокко № 278 питомица Марья Васильева», а в 1808 г. — мать Марья Кукко взяла на 7 лет сына питомца Николая Иванова⁷.

В марте 1845 г. в петербургскую полицию явилась крепостная крестьянка Марфа Мокеева с двухлетним Василием, сыном финляндской уроженки Марии Хирвойн. Ребенок был у нее на воспитании, но мать по бедности перестала платить воспитательнице, а ребенка к себе не забирала. Крестьянка попыталась пристроить малыша в воспитательный дом, но его не взяли, так как по закону в дом, как уже отмечалось, анонимно принимали

детей неизвестных родителей. В подобном случае матери ребенка полагалось подавать прошение на высочайшее имя. Полиции удалось разыскать финскую женщину. Она «отозвалась», что «по бедному состоянию и неимению ни малейших средств» не может принять мальчика к себе. Полицейские чиновники забеспокоились: крестьянка с ребенком застряла в городе и жила в «приемном покое» Васильевской полицейской части. Как сама М. Мокеева, так и проживавший «здесь собственно для нее» муж были «лишены возможности исправлять домашние работы», к тому же крестьянка была беременной и ожидала «скорого разрешения от бремени», а бюрократические препоны не позволяли справиться с ее проблемами, решение которых зависело от императора. Петербургский обер-полицеймейстер переправил в IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии метрическое свидетельство ребенка, и, наконец, 30 мая 1845 г. Николай I повелел принять его в воспитательный дом. К этому времени муж увез неудачливую воспитательницу с приемышем обратно в деревню. Только в середине августа в полиции стало известно, что Василий на четвертый день Троицы, т. е. еще в самом начале лета, попал в сиротское учреждение⁸.

В мае 1850 г. на имя монарха поступило прошение от гельсингфорской уроженки Угрен. Она сообщала, что не в состоянии воспитывать двухлетнего внебрачного сына Петра, и просила принять его в воспитательный дом. Император согласился и потребовал отправить мальчика на воспитание в деревню⁹.

Как и другие матери, финские женщины нередко подавали прошения о возвращении детей. В этом случае объезжий надзиратель дома проводил обследование, выясняя материальное положение и нравственный облик просительницы. Случалось, что беднякам детей не возвращали. Так, 15 февраля 1847 г. прошение о возвращении мальчика, родившегося 30 января того же года, подала девица Вильгельмина Каяндер. Обследование показало, что 18-летняя мать очень бедна, «едва снискивает себе пропитание, а посему почтается неблагонадежной не только к устроению будущей участи... сына, но даже к первоначальному воспитанию». Юная финляндская уроженка собиралась поступить в услужение, и новорожденный ребенок остался бы без присмотра. Чиновник сообщал, что и сама В. Каяндер, «видя свою бедность,

отказывается до удобного случая, лицо, от коего прижито дитя, обязалось помочь, но исполнить не может». Ребенок остался в воспитательном доме¹⁰.

Прочим финским матерям питомцев дома повезло больше. В 1845 г. вернула свою dochь Марью Федорову, родившуюся в 1838 г., уроженка финского города Куописко девица Иоанна Семенова Корхайн. 31-летняя женщина снимала квартиру за 25 руб. асс. в месяц, часть ее сдавала в поднаем за 35 руб., еще 75 руб. зарабатывала содержанием двух «нахлебников», шитьем и стиркой белья, т. е. могла обеспечить dochь. Отец ребенка — уроженец Ревеля, «портных дел подмастерье», обещал заботиться о ее воспитании. Ребенок вернулся к матери¹¹. Кстати, справка о И. Корхайн дает типичный портрет матери, желающей вернуть ребенка — питомца Петербургского дома. Видимо, к таким среднеобеспеченным матерям принадлежала и «бывшая финляндская уроженка», 23-летняя жена унтер-офицера гарнизонного батальона Елена Александрова, которая приняла православие, снимала квартиру вместе с мужем и занималась «портным мастерством». 4-летнюю dochь ей вернули¹². Реже они принадлежали к более обеспеченным слоям столичного населения. Такой была, в частности, 23-летняя София Вестерлунд, dochь «директора музыки бывших финляндских войск». В 1847 г. она подала прошение о возвращении dochери Александры Романовой трех с половиной лет. Она жила на Большой Миллионной улице, в «пышно украшенных комнатах», занималась «повивальным искусством», за что получала «славную плату». Дочку ей возвратили¹³.

«По болезни и недостаточных средств» отдала в воспитательный дом свою dochку Олимпиаду Иванову в июле 1849 г. гельсингфорская уроженка Каролина Вильгельмина Альгрен. В сентябре того же года она попросила о возвращении ребенка. 8 июля 1851 г. «Выборгской губернии г. Фридрихсгама девица Мария Юнтелин» родила dochь Анну, которую 11 июля отдала в воспитательный дом, а уже в конце июля попросила о ее возвращении. Обследование показало, что обе матери «могут воспитывать при себе дочерей своих», и детей им с разрешения Николая I вернули¹⁴. Родители — финляндские уроженцы — люди обычно лютеранского или евангелического исповедания — обязывались воспитывать своих детей в православной вере, в которую крестили в доме всех некрещеных питомцев.

Сохранились разрозненные дела со списками кормилиц, служивших в самом воспитательном доме в Петербурге, где вновь поступившие детишки оставались, как минимум, до возраста 6 недель. Среди названных там имен, естественно, мы видим имена и прозвания, не похожие на русские, которые, скорее всего, можно отнести к финским или финно-угорским. К примеру, в 1843 г. возникло дело об эпидемии неясного происхождения, распространившейся среди кормилиц дома. В первом списке из 16 заболевших кормилиц с полугодовым контрактом, по крайней мере, 4 подобных имени — Пиата Абрамова, Анна Вильман, Лиза Тинус, Марья Юганова (Яганова — от имени Иоганн). Все они были крепостными крестьянками — трое из них проживали в имениях помещиков Петербургской губернии, а одна являлась «крестьянкой, принадлежащей Коневскому монастырю». В деле находятся и списки кормилиц, которые увезли детей с собой. Среди 123 женщин можно выделить по меньшей мере 5 финок, причем 2 из них прибыли из Великого княжества Финляндского — Сарра Кинион из прихода Неонкири и Христина Кури из деревни Хитола Выборгской губернии. Одна женщина — Авдотья Митти — вернулась в деревню Сеплиево Ямбургского уезда Петербургской губернии, а две, как можно понять, остались в столице: Елена Тойволен — в доме финляндской конторы, а Мария Ханук — в одном из домов 3-й Литейной части¹⁵.

Питомцы воспитательного дома находились на воспитании в окружавших Петербург деревнях — не только русских, но и чухонских еще со времен И. И. Бецкого и Екатерины II. В списках этих деревень за 1794 г. отмечено, как содержатся питомцы — «порядочно» или «посредственно», и это определение отнюдь не зависело от национальной принадлежности жителей селений. Невысоко оценивал итоги деревенского вскармливания в 1797 г. и главный врач воспитательного дома известный педиатр Н. Максимович-Амбодик, объясняя, почему среди привезенных из деревень питомцев так много болезней, писал, что все «деревенские дети», когда возвращаются в Петербург, покрыты «чесоткой, различной сыпью, струпьями, шелудями, язвами и другими за кожными болезнями»¹⁶. Причину этих печальных явлений следует искать в общей бедности тогдашней петербургской русской и финской крепостной деревни.

Тем не менее с 1797 г. на постоянное воспитание в деревню стали отправлять всех сверхштатных питомцев Петербургского дома, а с лета 1837 г. — всех питомцев неизвестного происхождения. Защитить питомцев от неприглядных сторон крестьянской жизни должна была система помощи и контроля со стороны воспитательного дома. Для надзора за деревенскими питомцами в 1799 г. была создана специальная деревенская экспедиция (позднее — деревенское управление). Районы размещения детей объединили в 8 округов, охвативших территорию от Ямбурга на западе до Новгорода на юго-востоке, и почти во всех русских деревнях перемежались с финскими, а в округе, расположившемся на правом берегу Невы и Карельском перешейке и, в конце концов, получившем название Заречный, финское население составляло большинство. В 1840 г., как уже отмечалось, появился и Финляндский округ. В начале XIX в. окружные надзоратели из чиновников были заменены профессиональными врачами, а вскоре во всех округах устроили сельские лазареты для питомцев и их воспитательниц. Окружной врач и его помощник были обязаны каждый месяц обезжать свой округ и осматривать всех питомцев, записывая сведения о них в специальную объездную книгу. На основании данных этой книги воспитатели получали ежемесячную плату за содержание питомцев.

Так, в обьездной книге Ропшинского округа за 1817 г. по именам выявлено, по меньшей мере, 27 воспитателей финнов из крепостных крестьян русских помещиков, включая представителей семейства Разумовских, проживавших в чухонских и смешанных деревнях округа (Абель Юганов, Гендрик Гендриков, Томас Андреев, Андрус Ларионов, Евва Степанова и др., которые жили в селениях Алакюля, Сатарязи, Иннолова, Кемпелова, Сеппегейки, Кипени и др.)¹⁷. В документах, посвященных различным сторонам жизни питомцев, финны-воспитатели обнаружены почти во всех округах.

В социально-экономическом отношении каких-либо особенностей жизни питомцев в финских селениях выявить не удалось. Специфика определялась иной языковой и религиозной средой, в которой оказались воспитанники в чухонских деревнях. Как уже отмечалось, почти все они по крещению были православными, и воспитатели обязывались сохранять их православную веру. Впрочем, гроб с телом умершего питомца разрешалось до похорон

поставить в лютеранскую кирху. Иногда происходили конфликты воспитателей-лютеран с православным духовенством из-за платы за погребение умерших питомцев¹⁸. Некоторые воспитанники попадали в дом уже крещеными, среди них встречались и лютеране. В 1844 г. вышло разумное распоряжение помещать детей-лютеран в лютеранские семьи. Вскоре два питомца Воронинского округа 5 и 6 лет были переведены в чухонскую деревню к вдове, которая могла обучить их грамоте и молитвам¹⁹. Все радости, достижения, проблемы и трудности, недостатки и правонарушения воспитатели-финны разделяли с русскими соседями. Как и русские кормилицы, они нередко жаловались, что медики воспитательного дома раздают им заведомо слабых детей, чем и объясняли их скорую смерть²⁰.

Среди них, как и среди русских, были женщины, совершившие настоящий материнский и человеческий подвиг, которые, кроме собственных детей, выкормили своим молоком и вырастили 7 и более питомцев. Так, в 1847 г. чиновник, проверявший лазарет Заречного округа, представил к высшей для кормилиц награде – 30 руб. сер. от воспитательного дома – финскую воспитательницу, выкормившую семерых малышей²¹. Некоторые из них искренне привязывались к своим питомцам. Известны случаи, когда воспитатели-финны соглашались принять обратно подростков или даже взрослых питомцев, отправленных на Александровскую мануфактуру и по состоянию здоровья не способных работать на ней²². Сердечная привязанность или расчет толкал финских крестьян на удочерение повзрослевших девушек-питомиц воспитательного дома. Например, в 1855 г. усыновить взрослых воспитанниц решили пять финских крестьян удельного ведомства, проживавших в Гатчинском и Красносельском округах. Интересно, что все девушки, кроме одной, ранее воспитывались в других семьях²³. Случаев усыновления в дореформенный период пока не обнаружено.

С другой стороны, для финской среды были характерны те же самые проблемы, что и для остальных крестьян, занятых питомническим промыслом. Крестьяне видели в нем прежде всего источник денежных средств, которых в деревне так не хватало. Обычной практикой в крепостной деревне был заклад билетов на питомцев, по которым воспитатели должны были получать ежемесячную плату за свою работу. Самое громкое дело подобного

рода в 1840-х гг. было связано с финскими крестьянами. В 1844 г. оказалось, что в Заречном округе крестьянам деревни Кирьясали (имение помещика полковника П. И. Поля) были отданы питомцы воспитательного дома, но плату за них получали не финские крестьяне, а бывший арендатор имения купец А. Сумонен. Этот купец принимал билеты воспитательного дома в качестве залога за крестьянские долги. Он утверждал, что не закончил расчеты с должниками, а крестьяне «стеснялись в воспитании детей». Выяснилось, что финансовые претензии купца и крестьян были взаимными. С большим трудом усилиями полиции и окружного суда удалось забрать у «упорствующего» ростовщика 30 билетов воспитательного дома, а финансовые проблемы передать на рассмотрение судебных органов²⁴. Подобные истории случались в те же годы и в других деревнях округа²⁵. Крестьянки, нуждавшиеся в деньгах, стремились получить как можно больше детей, для чего не брезговали и преступными средствами. В 1845 г. солдатка и крестьянка, прибывшие в воспитательный дом из 2-го Ямбургского округа, пытались получить детей по фальшивым кормилицым билетам, выписанным на имена финской и русской крестьянок. Выяснилось, что грамотная солдатка похитила несколько бланков билетов в сельском лазарете и приехала получать детей для женщин, у которых не было грудного молока, за что, естественно, должна была получить деньги²⁶. Интересно, что в деле замешаны и русские, и финские женщины.

В финских деревнях, как и в русских, и собственные малолетние дети, и питомцы зачастую оставались без присмотра взрослых, что нередко приводило к несчастным случаям, иногда — со смертельным исходом. Например, в 1834 г. в Кубаницком округе в деревне Кандакюля воспитывавшийся в семье Югана Соломонова в числе трех детей 5-летний Алексей Семенов в то время, когда крестьянин с женой находился в поле, упал в колодец и утонул²⁷. Летом 1841 г. в Пятогорском округе в деревне Корбикюля волк утащил и загрыз 7-летнего питомца Василия Иванова²⁸. Летом 1842 г. в деревне Киупсало Заречного округа во время пожара в избе воспитателя Семена Повилайне погибла годовалая питомица Анна Иванова²⁹. В мае 1844 г. в деревне Пролог 2-го Ямбургского округа в семье Миккея Томасова трехлетний воспитанник удавился на поясе, привязанном к дверной скобе. Оказалось, что оставленные без присмотра крестьянские

дети и питомцы пытались соорудить качели³⁰. Зафиксированы и случаи плохого обращения воспитателей с детьми.

Некоторые особенности имел Заречный округ, в котором финское население преобладало. Во-первых, его географическое положение приводило к тому, что в период весенней распутицы и зимнего ледостава надежная транспортная связь с ним прекращалась, и кормилиц с детьми туда подолгу не отправляли³¹. При сельском лазарете Заречного округа позднее, лишь в 1836 г., по инициативе пастора Лемболовского прихода Сирена появилась и дипломированная повивальная бабка, оказывавшая помощь всем женщинам своего района³².

В округе было значительно меньше грамотных питомцев, чем в других сельских округах воспитательного дома³³. Обучение грамоте проводилось индивидуально, занимались этим, как в древности, учителя из церковнослужителей, отставных солдат, грамотных крестьян, обученных взрослых питомцев и т. д. За каждого выученного они получали определенную плату от воспитательного дома. Обучение проходило под надзором окружных властей, но число грамотных не являлось одним из показателей их работы, и врачи относились к этой дополнительной нагрузке по-разному. Возможно, почти полное отсутствие грамотных питомцев связано отсутствием интереса к обучению со стороны врача округа, но вполне вероятно, что в финских селениях найти учителей русской грамоты было значительно сложнее. К тому же у врача после создания Финляндского округа появились дополнительные обязанности: он должен был осматривать питомцев нового округа и постоянно пересекать границу, а это нередко грозило дополнительными неприятностями³⁴.

В связи с этим питомцы, воспитанные в финских деревнях, реже попадали на места, требовавшие предварительного хотя бы первоначального обучения. Еще труднее приходилось тем, кто не знал и русского языка, поэтому их после вскармливания старались переводить в русские деревни, чем неизбежно наносили дополнительную психологическую травму. Такие питомцы, которых перебрасывали из одной семьи в другую, чаще совершали побеги, сопровождавшиеся кражами денег и имущества. Так, в 1844 г. из воспитательного дома бежала поступившая в служительницы 19-летняя воспитанница Марья Васильева. Сначала она воспитывалась в финской деревне Ваникуля, в 12 лет «для приобучения

русского языка» была переведена в деревню Гражданку, жаловалась на плохое обращение, бежала, была наказана розгами, переведена в Вартемяки. Девушку не удалось обнаружить ни в русской, ни в чухонской деревне. Ее первый воспитатель давно умер³⁵. В 1855 г. из Новгородского округа сбежала 14-летняя воспитанница Лукерья Александрова. Незадолго до этого ее перевели из Заречного округа. В доме новой воспитательницы она похитила портмоне с 10 руб. серебром, брошку, башмаки «и прочие мелочные вещи»³⁶. По отчетам, именно в Новгородском округе было много воспитанников, переведенных из чухонских деревень Заречного округа³⁷.

В общем, в Петербург, даже на Александровскую мануфактуру, обычно требовались «воспитанники из русских деревень, благо-видной наружности, хорошего роста и совершенно здорового телосложения»³⁸. Питомцы из финских деревень, плохо говорившие по-русски, считались людьми второго сорта.

Так или иначе, вероятнее всего, уроженцы Великого княжества Финляндского отдавали своих детей в Петербургский воспитательный дом не реже, чем прочие жители столицы и Северо-Западного региона. Финны Петербурга и его окрестностей внесли немалую лепту в деятельность Петербургского воспитательного дома, а питомнический промысел составлял важную сторону их жизни.

¹ Фруменкова Т. Г. Финляндский округ Петербургского воспитательного дома во второй четверти XIX в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной научной конференции. СПб., 2009. С. 393–403.

² РГИА. Ф. 759. Оп. 31. Д. 1550. Л. 1–2 об.

³ Там же. Л. 5 об.

⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 30.

⁵ Там же. Ф. 758. Оп. 20. Л. 283. Л. 122–123.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 59. Л. 26–30.

⁷ РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 250. Л. 19, 24.

⁸ Там же. Ф. 759. Оп. 30. Д. 198. Л. 1–9 об.

⁹ РГИА. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1594. Л. 1–5.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 67. Л. 30–32.

¹¹ Там же. Д. 41. Л. 120–123.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 67. Л. 179–181.

¹³ Там же. Л. 134–136.

¹⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1355. Л. 4–4 об., 6–6 об., 9; д. 1907. Л. 2–2 об., 6–6 об., 8–8 об.

- ¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 30. Л. 58, 74–76 об.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 139. Л. 2 об.
- ¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 2. Д. 386. Л. 1 об.– 67.
- ¹⁸ Там же. Д. 8. Л. 170–171 об.
- ¹⁹ Там же. Оп. 3. Д. 33. Л. 54–55.
- ²⁰ Там же. Д. 52. Л. 99.
- ²¹ Там же. Л. 26 об.
- ²² Там же. Д. 27. Л. 215.
- ²³ Там же. Д. 122. Л. 133–171.
- ²⁴ Там же. Оп. 3. Д. 33. Л. 81–82, 136–145.
- ²⁵ Там же. Л. 208–209.
- ²⁶ Там же. Л. 276–286.
- ²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 8–8 об.
- ²⁸ Там же. Л. 25–25 об.
- ²⁹ Там же. Л. 333.
- ³⁰ Там же. Л. 378.
- ³¹ Там же. Д. 7. Л. 18, 31.
- ³² Там же. Оп. 3. Д. 33. Л. 1–36.
- ³³ Там же. Оп. 1. Д. 76. Л. 135–136; д. 68. Л. 26.
- ³⁴ Там же. Оп. 3. Д. 33. Л. 114–117.
- ³⁵ Там же. Л. 175–178.
- ³⁶ Там же. Д. 101. Л. 18.
- ³⁷ Там же. Д. 52. Л. 120 об.
- ³⁸ Там же. Д. 129. Л. 5.

А. М. Галинова

**ПЕТЕРБУРГ, ВЫБОРГ, НОВГОРОД НАЧАЛА XIX в.
ГЛАЗАМИ АДЕЛАИДЫ ФОН ХАУСВОЛЬФ**

Интерес к России в начале XIX в. со стороны иностранцев был чрезвычайно велик. Как следствие, исторической науке известно множество появившихся в то время зарубежных источников различных жанров, посвященных различным сферам жизни в России. Однако среди них до сих пор имеются малоизвестные и еще не изученные тексты. К их числу принадлежит и дневник, послуживший материалом для данной статьи, а именно: дневник Аделаиды фон Хаусвольф — шведской девушки девятнадцати лет, пожелавшей разделить с отцом, майором Густавом фон Хаусвольфом, тяготы жизни в российском плену в 1808–1809 гг. Данный источник был полностью опубликован на шведском языке в 2007 г.¹ Рукопись дневника хранится в Королевской библиотеке (*Kungliga biblioteket*) в Стокгольме (Швеция). В настоящее время ведется подготовка к публикации перевода дневника на русский язык. В 2009 г. в «Новгородском архивном вестнике» опубликован перевод так называемой «новгородской» части дневника, т. е. периода с 14 августа 1808 г. по 4 января 1809 г., прожитого А. Хаусвольф и ее отцом в Новгороде².

Не вызывает сомнения тот факт, что дневники — одни из наиболее достоверных источников, как исторических, так и лингвистических. Они относятся к сфере неформального общения (как правило, к автокоммуникации, реже — к межличностной

коммуникации), из чего следует, что содержащиеся в них данные отличаются экспрессией, не характерной для официальных текстов.

Среди достаточно большого количества известных дневников и путевых заметок иностранцев, посвященных России, дневник Аделаиды фон Хаусвольф занимает особое место в силу двух основных причин.

Во-первых, с точки зрения жанровой принадлежности сочинение А. Хаусвольф по сути представляет собой дневник-письмо. Адресатом дневников в их классическом понимании является сам автор, а не иное лицо, как в случае с письмом. В роли одного из адресатов Аделаиды выступает ее подруга Жанетта фон Терне, которой она, отправляясь в Россию с отцом, пообещала записывать происходящие события. Вторым адресатом дневника является сама автор.

Во-вторых, большинство иностранных авторов начала XIX в., перу которых принадлежат сочинения о России, могут быть названы «туристами». Другими словами, их приезд в Россию был, как правило, обусловлен личным интересом к жизни страны. В случае с А. Хаусвольф все обстоит несколько иначе. Будучи крепко привязана к отцу, она не пожелала оставить его в столь сложной ситуации, и, проявив стойкость и твердость характера, настояла на том, чтобы отправиться в путь вместе с ним: «Со слезами на глазах я умоляла его взять меня с собой. Уговорить его было непросто, но после моих настойчивых требований и доводов о том, что я не могу с ним разлучиться, поскольку он уже много лет был очень болезненным (кроме многих других, приведенных мною резонов), он исполнил мое желание». О том, что девушке непросто далось ее решение, свидетельствуют и другие ее слова: «Мне тяжело было покидать моих друзей, которые с сожалением разлучались со мной».

Основное внимание А. Хаусвольф, судя по тексту ее дневника, сосредоточено на трех российских городах, где она провела наиболее длительное время: на Новгороде, Выборге и Петербурге. В Новгороде автор и ее отец прожили, как было отмечено, с 14 августа 1808 г. по 4 января 1809 г., в Выборге — с 27 по 31 июля 1808 г. и с 15 января по 28 марта 1809 г., в Петербурге — с 6 по 12 августа 1808 г. и с 6 по 13 января 1809 г. Кроме трех указанных городов,

девушка нигде не находилась дольше чем в течение ночи или нескольких часов.

Примечательно, что об остальных населенных пунктах, в которых Аделаида останавливалась на ночлег или которые проезжала мимо, она почти ничего не рассказывает. При этом приграничные российские крепости и деревни непременно упомянуты ею с названиями (Кюммене, Хёгфорс, Котка, Фридрихсгам, Питтерлакс, Кюrolя, Валкъясари, Паркала и др.), а исконно русских топонимов в тексте дневника практически нет. Малочисленные исключения составляют Царское Село и Сестрорецк. По всей видимости, этот факт обусловлен сложностью восприятия шведским языковым сознанием А. Хаусвольф русскоязычной топонимики. В связи со сказанным дневник изобилует конструкциями вроде: «Мы остановились в большой деревне», «На ночлег расположились в одной деревне», «Мы позавтракали и согрелись в одной деревне», «Переночевали на ближайшей от Выборга станции», в которых автор, очевидно, сознательно избегает названий.

Сопоставление данных Аделаидой описаний трех указанных городов позволяет получить четкое, правдивое представление о ее впечатлении от каждого из них.

С целью получения более объективных образов Новгорода, Петербурга и Выборга глазами А. Хаусвольф необходимо рассматривать не только содержащийся в дневнике фактический материал, но и лексический компонент, о роли которого в дневнике следует сказать несколько слов отдельно. Очевидно, что эта роль велика, поскольку лексика всегда сознательно отбирается автором текста и ориентирована на адресата, или, как в данном случае, на адресатов. Интересно, что в описаниях мест, людей и событий, вышедших из-под пера шведки, практически отсутствует стилистически нейтральная лексика. На наш взгляд, это далеко не в последнюю очередь обусловлено гендерно-возрастными особенностями автора.

Переходя непосредственно к изображению указанных городов в дневнике Аделаиды, отметим, что для нее целостная картина города складывается не только из описания его внешнего облика, но и «внутреннего», т. е. живущих в нем людей. Именно на этих двух составляющих она наиболее подробно и останавливается, повествуя о Новгороде, Петербурге и Выборге.

По хронологии событий, о которых повествует дневник, первым городом, описанным Аделаидой, является Выборг. Из трех городов, рассматриваемых в данной статье, именно Выборг произвел на Аделаиду наиболее благоприятное впечатление. Не исключено, впрочем, что для этого имелась и субъективная причина. Так, А. Хаусвольф пишет: «Он (Выборг. — А.Г.) представлял для нас интерес, памятуя о том, что он — один из древних шведских следов».

Итак, автор отмечает, что «город довольно хорошо построен», «большинство улиц широкие», «многие каменные дома имеют красивые балконы». Очевидно, что Выборг удостоился самых лестных отзывов А. Хаусвольф, когда она увидела «ухоженный парк», «длинный хорошо построенный мост», «красивейший деревянный дом», «превосходные воспитательные учреждения». Особый восторг девушки вызвал Монрепо, являющийся, по ее словам, «вершиной роскоши и великолепия». В этом «очаровательном месте» взору Аделаиды предстали «живописные холмы», «прекрасная садовая терраса», «великолепная оранжерея» и «превосходный дворец».

Жители Выборга так же, как и сам город, произвели на автора дневника более благоприятное впечатление, чем новгородцы и петербуржцы. Она отмечает: «В Выборге ни у знатных, ни у простолюдинов не увидишь и следов высокомерия».

Впечатления А. Хаусвольф от Выборга не отличаются разнообразием и сводятся в основном к восторгу, поэтому подробнее на них останавливаться нет необходимости.

В Петербурге Аделаиде довелось провести всего две недели — одну на пути в Новгород, другую — на обратном пути в Выборг. Несмотря на столь недолгое пребывание, она успела многое увидеть и получила массу впечатлений, о чем свидетельствует как содержание, так и объем записей в ее дневнике. Заметки, сделанные в Петербурге, — наиболее длинные. Петербург показался Аделаиде «неописуемо большим городом», а почти все его улицы — «очень широкими».

Впечатления А. Хаусвольф от Петербурга можно условно разделить на три группы. Первая и самая многочисленная — впечатления от увиденных достопримечательностей, вторая — впечатления от посещения рынка и магазинов и третья — впечатления об окружающих людях. Остановимся на каждой из трех групп подробнее.

Ввиду изобилия в Петербурге достопримечательностей Аделаида за две недели успела увидеть их не меньше, чем в Новгороде и Выборге за несколько месяцев.

Девушке довелось посмотреть Смольный: «Смольный выглядит большим и просторным, у него построена колоннада». Но больше всего ее поразил не внешний облик Смольного. Она отмечает: «Я достоверно знаю, что бедные не платят ни за прием, ни за одежду — никаких расходов. Они бесплатно учатся всему, что требуется для совершенного воспитания. Учреждение превосходно».

Находясь в Петербурге, невозможно не обратить внимания на дворцы. Не стала исключением из этого правила и Аделаида. Первый из описываемых ею дворцов — Таврический: «Изнутри замок великолепен, хотя снаружи не слишком украшен. Большая гостиная, украшенная большим количеством картин... многочисленные зеркала, великолепная люстра... Все остальные комнаты также роскошны, украшены многими дорогими картинами и другими драгоценностями... Сад большой и красивый».

Удостоился внимания автора и Михайловский замок, который она называет Михайловским дворцом или Павловским замком. Она пишет: «Замок находится на острове, окруженному каналами, по две стороны — два сада, называемых Летними променадами. Отсюда видна красивейшая часть города. Дворец светло-красного цвета, он хорошо построен, с картинами на потолке, небольшой позолоченной башней или шпилем и позолоченным флагштоком. Все прочие здания замка того же цвета. Перед входом в замок стоит бюст царя Петра Первого верхом».

Любимым дворцом девушки стал Мраморный дворец. Она отметила, что он, «несомненно, красивейший в Петербурге».

Главного дворца — Эрмитажа — Аделаиде увидеть не довелось. Причина кроется в визите в Петербург короля Пруссии Фридриха Вильгельма III и его супруги королевы Луизы. Она пишет: «Эрмитаж — великолепный дворец... Королевская чета будет жить в Эрмитаже, что, к нашему большому огорчению, препятствует тому, чтобы мы осмотрели этот великолепный дворец».

Еще один любопытный факт, касающийся петербургских дворцов: «...кое-что типичное для Петербурга: во многих частных дворцах есть окна из цельного куска шлифованного зеркального

стекла. Это очень дорого и красиво. Но я удивлена наблюдала тут и там уродливый контраст, поскольку не все окна дворца были сделаны из подобного стекла».

Помимо дворцов, Аделаида увидела в Петербурге и несколько церквей, наиболее подробного описания удостоился Казанский собор, строительство которого в 1809 г. еще не завершилось: «...церковь... очень большая и многообещающая... внутри... не готова — лишь 50 больших великолепных колонн из шлифованного гранита». Названий прочих церквей А. Хаусвольф не приводит, делая о них краткие заметки: «Церковь... в одном углу дворца (Таврического. — А.Г.) ...пленительно красива», «Церковь была ужасно красивой. Великолепные картины украшали потолок, как и огромная люстра».

В то же время девушка нашла у церквей Петербурга, как и у дворцов, серьезный изъян, о котором она пишет так: «У всех церквей, которые я видела, кроме Казанской (Казанский собор. — А.Г.), я не нашла различий, кроме как в роскоши и богатствах, составляющих главное желание русских». В одной из церквей А. Хаусвольф поразила «...неприятная перегруженность богатствами».

Крайне лестного отзыва автора удостоилась Опера: «Проехав... 7 верст мимо великолепных дворцов, по красивым мостикам... вдоль очень широких улиц, мы прибыли в большой и красивый дом оперы. Театр, делившийся на ложи, напоминает театр в Стокгольме». Текст дневника свидетельствует о том, что Аделаида была патриоткой и все шведское казалось ей лучшим. Именно по этой причине сравнение Оперы с театром Стокгольма может быть расценено как наивысшая похвала. Автору довелось посетить маскарад в Опере, от которого у нее остались приятные впечатления: «Освещение от маленьких настенных светильников было приятным. Музыка была превосходна. Роговая музыка — лучшее, что я слышала в жизни. Она красива, выше всяких похвал».

Еще одна вскользь упомянутая достопримечательность — царская библиотека, о которой А. Хаусвольф отметила лишь то, что она «располагается в великолепном доме».

Вторая группа впечатлений Аделаиды связана с торговлей в Петербурге. Как следует из дневника, торговля велась как в специально отведенных для этого местах, так и вне них.

Главное место торговли — рынок, о котором автор пишет следующее: «Рынок точно занимал 3–4 квартала, я смею утверждать, что это место столь же велико, как целый Хельсинки... Там есть все на свете, и товары с величайшей приветливостью упрямо предлагаются прохожим... Я нахожу устройство рынка большим и великолепным, к тому же, опрятность превосходит всякие ожидания».

Помимо рынка, Аделаида побывала в двух магазинах. Первый — английский, о котором в дневнике написано: «Он по праву именуется магазином — большего запаса великолепных вещей наверняка нет в целом мире. Бесподобны вкус и роскошь, с которыми украшены сами комнаты». Посетила она и «другой магазин, не очень большой, но элегантный и устроенный с величайшим тщанием».

А. Хаусвольф поразило в Петербурге то, что приобрести продукты можно практически в любом месте: «...люди, не сделав ни шагу за дверь, покупают всевозможную еду, фрукты и сладости. На длинных подставках все это мужчины несли на голове. Подставка выглядит как наш ящик для сушки, а под мышкой у них складной стул. Таким образом они ходят целый день и кричат о своих товарах, которые довольно дешевы». Девушка была приятно удивлена и круглогодичным разнообразием предлагаемых продуктов: «Сейчас (январь 1809 г. — А.Г.), как и летом, предлагаются к продаже такие продукты, как свежие овощи, виноград, астраханские и всевозможные фрукты в изобилии».

Интересным показался девушке «ритуал» торга: «Я научилась тому, как нужно торговаться с русскими: когда они называют цену, нужно отвечать — дорого. С этого начинают, потом они в ответ называют другую цену, немного ниже. Так следует продолжать, пока товар не будет продан за половину, а иногда и за четверть затребованной суммы».

Ввиду краткости периода, проведенного Аделаидой в Петербурге, она не успела завести столь же близких знакомств, как в Новгороде и Выборге. Поэтому заметок о петербуржцах в дневнике немного. Так, автор пишет: «Неопрятные люди живут вокруг нас». Положительный отзыв получил лишь незнакомый «учтивый господин», который помог Аделаиде совершить покупки, отправившись с ней на рынок. Ранее уже

говорилось о том, что девушку неприятно поразило стремление русских к роскоши. Эта идея повторяется несколько раз: «Я изумляюсь при мысли о тщеславии, насаждаемом здесь в большом и малом», «Я покинула эти скопления излишества (магазин. — А. Г.), желая, чтобы их стоимость разделили между бедняками этой страны, которые сейчас, несомненно, замерзают и голодают».

В то же время в тексте дневника прослеживается явная симпатия Аделаиды к членам императорской семьи. Повествуя о Смольном, она пишет: «...самое удивительное, что столь почитаемая всеми вдовствующая императрица *сама с величайшей нежностью, по-матерински* (выделено нами. — А. Г.) заботится о воспитанницах и часто собственноручно поощряет их». Удивило девушку и то, что «Император... всегда ездит по просту». При этом она не упустила случая еще раз подчеркнуть стремление русских к роскоши: «Полагаю, что жители страны недовольны этим. Их склонность к внешним эффектам проявляется во всем».

Итак, впечатления автора от Петербурга не столь однозначны, как от Выборга. Тем не менее ключевые слова, используемые ею по отношению к Петербургу — «красивый», «великолепный», «превосходный», «большой», «широкий», свидетельствуют о том, что этот город, несомненно, пришелся Аделаиде по душе.

Новгороду повезло меньше. Первое, что замечает А. Хаусвольф, подъезжая к нему, — то, что «издали... город... казался прекрасным». К сожалению, это единственная позитивная ремарка относительно внешнего облика Новгорода. Еще одной, весьма сдержанной похвалы автора удостоился зимний дворец митрополита. Этот дворец, по ее словам, «единственное приличное здание в городе». Чуть ранее она отметила, что, несмотря на проделанный ею длинный путь по Новгороду, она не увидела «ни одного порядочного дома, ни каменного, ни деревянного».

Ранее уже велась речь о практически полном отсутствии в тексте нейтральных замечаний. К числу таковых о Новгороде относится, например, констатация того факта, что здесь «...огромное количество церквей». Большинство же лексических единиц, используемых А. Хаусвольф для описания Новгорода, имеют негативные коннотации. Свою оценку автор дает, как

правило, при помощи качественных прилагательных в оценочном значении, которыми снабжено большинство существительных. Так, взору девушки предстали «жалкий бревенчатый настил», «старые обветшалые дома», «убогая крепость», из чего она делает вывод, что «город — разорен временем».

Наиболее часто употребляющаяся Аделаидой лексическая единица при описании Новгорода — существительное «грязь» и производные от него. Вот лишь несколько примеров того, что заметила девушка: «грязные улицы», «грязный рынок», «скверные и грязные простолюдины», «бревенчатые настилы и грязь», «грязная вода из ямы, которую мы постоянно вынуждены пить и готовить на ней еду», «я увязла в грязи», «улицы никогда не чистят и на них выбрасывают все», «грязь по ним течет потоками». В оправдание города стоит напомнить о времени года, когда девушка жила в Новгороде. Это была осень, а осенью грязь, учитывая географическое положение города и климатические особенности, неизбежна. Неудивительно, что Новгород произвел на А. Хаусвольф «крайне неприятное впечатление», показавшись ей «дырой, находящейся в упадке».

Если о внешнем облике Новгорода Аделаида судит довольно категорично, то ее мнение о новгородцах весьма противоречиво.

С одной стороны, жители Новгорода столь же неприятны автору дневника, сколь и сам город. Об этом свидетельствуют следующие слова А. Хаусвольф: «почти все тучные, глупые, наглые, любопытные и нахальные», «лень — главный порок горожан», «пьянство, драки, недружелюбие и грязь — ключевые черты повседневной жизни», на похоронах «все притворяются плачущими и стенающими». По мнению юной шведки, притворство присуще весьма многим жителям Новгорода. Кроме упомянутой неискренности на похоронах, она отмечает «нестественную походку мещанок», тот факт, что «здороваются церемонно и изощренно».

Но, с другой стороны, почти все люди, с которыми А. Хаусвольф довелось познакомиться поближе, за редким исключением, удостоились ее похвалы. К ключевым чертам своих новгородских знакомых девушка относит вежливость и доброжелательность, награждая их следующими эпитетами: «приветливая девушка», «добрая старушка», «губернатор учтивый, сдержанный... вежливый, с интеллигентной внешностью», «учтивый господин губернский

предводитель», «вежливая настоятельница», «хозяин приятный и любезный... необычайно добр и вежлив», «старик... от души рад и доброжелателен».

Однако не все знакомые Аделаиды импонируют ей. Она отмечает, в частности, что «квартирмейстер пьянствует и каждый день устраивает скандалы», а хозяйка дома, где она жила, — «резкая и невежливая женщина», которой свойственны «капризы и высокомерие».

Любопытно, что небогатые новгородцы произвели на девушку более благоприятное впечатление, чем состоятельные. Она указывает, например, на «удивительную вежливость и учтивость бедных людей по отношению друг к другу». Богатые же послужили предметом критики А. Хаусвольф: «у богатых людей — грязная, рваная и грубая скатерть, повсюду царил беспорядок».

Известно, что женщины-авторы обращают внимание на вещи, не интересующие мужчин, в силу чего дневник женщины дополняет картину, изображаемую в дневниках мужчин. Так, в рассматриваемом дневнике, в отличие от воспоминаний о Новгороде современников мужчин Аделаиды, подробно описана одежда новгородцев. Автор дневника относится к ней неоднозначно, как, впрочем, и к самому городу и к его жителям.

На первых же страницах дневника, посвященных Новгороду, автор упоминает о «в высшей степени странной манере одеваться», из-за чего «женщины со спинами... не похожи на людей». Наряд женщин, по мнению девушки, «чрезмерно тяжелый и неудобный». Аделаида была поражена, увидев «большие муфты без шуб или другой верхней одежды, только с большими шальми и накидками, из-за чего получается нелепый контраст».

Неприятное впечатление, которое произвел на А. Хаусвольф Новгород, усиливается, если ознакомиться с приведенными выше описаниями Выборга и Петербурга, содержащимися в дневнике.

Контраст между описаниями Новгорода, Выборга и Петербурга, к сожалению, еще раз подчеркивает тот факт, что в начале XIX в. Новгород, должно быть, переживал не лучшие времена. Тем не менее справедливым будет замечание, что Аделаида, по ее собственным словам, «довольно счастливо провела время в Новгороде».

Сведения о российских городах, содержащиеся в дневнике А. Хаусвольф, дополняют и уточняют уже известные данные

других заметок, принадлежащих перу современников девушки (Ж. де Стель, А. де Кюстину, Ф. Гагерну, Ф. Ансело, И. Г. Зейме, Й. Бару и др.). Следует еще раз подчеркнуть, что во многом именно благодаря иностранным нарративным источникам, или текстам повседневности, к числу которых принадлежат дневники и письма, мы имеем возможность взглянуть на нашу страну, русский народ, его нравы и традиции со стороны, тем самым получив объективный и многогранный образ России.

¹ Adelaide fon Hauswolf. *Journal hållen under resor i Ryssland då jag földe min far i hans fångeskap 1808–1809*. Uddevalla, 2007.

² Из дневника Аделаиды Хаусвольф (перевод А. М. Галиновой под ред. Г. М. Коваленко) // Новгородский архивный вестник. 2009. № 8. С. 16–48.

Т. А. Шрадер

ВИЗИТЫ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ-ЭТНОГРАФОВ В ШВЕЦИЮ (НАЧАЛО ХХ ВЕКА)

В XIX в. в Скандинавских странах происходил процесс воссоздания традиционной культуры. В Швеции, Норвегии, Дании активно собирали коллекции предметов народного быта, изучали народный фольклор, возрождали народные танцы, т. е. возрождались исторические корни народов Северных стран. В конце XIX — начале XX в. энтузиасты этих стран создавали музеи крестьянского быта.

Шведский ученый-филолог Артур Хаселиус с 1872 г. начал собирать этнографические экспонаты, и уже в 1873 г. он представил свою коллекцию шведских крестьянских предметов в Стокгольме, на улице Дrottнинггатан, 71 А. С этого времени берет свое начало Северный музей (*Nordisk Museet*). А. Хаселиус впервые представил в музее интерьер крестьянской избы, используя трехстенное строение, которое оживлялось манекенами в шведских национальных костюмах из различных областей страны. Музей привлек внимание как шведов, так и туристов. В 1878 г. на Всемирной выставке в Париже А. Хаселиус впервые широко показал культуру и быт шведского народа. В 1890 г. недалеко от строящегося нового здания Северного музея А. Хаселиус разместил первый шведский музей под открытым небом — «Скансен». Основатель его имел обширные планы. Он мечтал создать музей, представляющий собой Швецию в миниатюре, с зоологическим садом, искусственными озерами и реками. На территорию музея привозили как оригинальные,

так и воссозданные копии деревенских изб с крестьянским убранством из различных районов страны.

Практически в этот же период времени, на рубеже XIX и XX вв. в России возникает интерес к культуре многочисленных народов, проживавших в различных областях страны. При Русском музее императора Александра III в Санкт-Петербурге был создан этнографический отдел, который проводил большую собирательскую работу в разных областях страны. Коллекции экспонатов неуклонно росли, и возникла необходимость расширения отдела. В связи с этим летом 1906 г. хранитель отдела Н. М. Могилянский был командирован в страны Европы, в Швецию в частности, для ознакомления там с постановкой музеиного дела в области этнографии.

В Архиве Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге сохранился отчет Н. М. Могилянского¹, в котором ученый подробным образом представил результаты командировки, которая осуществлялась с 30 июня по 25 ноября 1906 г.

В Швеции Н. М. Могилянский в первую очередь посетил Северный музей. Надо сказать, что основатель этого музея А. Хаселиус в конце XIX в. планировал построить специальное здание для хранения и экспозиции многочисленных экспонатов. Под руководством шведского архитектора Исаака Густава Класона возводилось это монументальное здание. Но А. Хаселиус не дожил до завершения строительства. Он умер в 1901 г. Именно во время визита Н. М. Могилянского Северный музей переезжал из старого задания во вновь построенное, и вещи были еще не разобраны². Директор музея Бернхард Салин ознакомил гостя из России с административной частью Северного музея и, как писал российский ученый, «с неразделимой частью Северного музея», т. е. «Скансеном». Музей располагался на площади 3 кв. км, где под открытым небом размещены избы различных типов, начиная с жилища лопарей на севере Швеции и до крестьянских хуторов и изб южной части страны. Н. М. Могилянский отрицательно отнесся к коммерческой деятельности музея. Он писал, что «смешение науки с коммерческими предприятиями и всеми связанными с этим аксессуарами оставляет неприятное впечатление»³. Но при этом он отметил, что содержать музей дорого и значительная часть расходов покрывалась платой за вход посетителями, рестораном, оплатой посетителями фольклорных представлений. Н. М. Могилянский

подробнейшим образом осветил деятельность Северного музея, его личный состав: Совет, в который входило 7 человек; штат, состоящий из 6 хранителей и 12 женщин, регистрировавших коллекции, и обслуживающего персонала из 12 человек. Интересно отметить, что членами Совета были следующие персоны: ученый, занимающийся историей культуры, юрист, учитель средней школы, инженер, архитектор и директор музея. Совет не вмешивался в административные дела музея. На приобретение новых коллекций музей расходовал 10 000 крон, государство ежегодно выделяло музею 50 000 крон.

В заключение ученый отметил необходимость учитывать опыт шведов в строительстве Северного музея при выполнении задач Русского музея по созданию Музея этнографических коллекций. В 1910 г. от Русского музея в Швецию был направлен сотрудник А. А. Миллер с целью ознакомления с технической стороной деятельности Северного музея. В 1914 г. было закончено строительство Этнографического музея в Петербурге, и при сравнении общего вида интерьера Музея этнографии в Петербурге и Северного музея в Стокгольме можно найти ряд общих черт.

В 1907 г., на следующий год после командировки Н. М. Могилянского по поручению историко-филологического отделения Академии наук, была направлена группа из трех сотрудников Музея антропологии и этнографии Императорской академии наук для ознакомления с работой музеев Европы.

Группа состояла из директора музея академика В. В. Радлова, художника музея С. М. Дудина и прикомандированного к музею Н. И. Воробьева. Командировка длилась с 18 сентября по 21 октября. В план поездки входило посещение музеев Германии, Дании, Финляндии и Швеции. Обязанности были распределены следующим образом: общее руководство поездкой осуществлял академик В. В. Радлов, Н. И. Воробьев вел подробный дневник, С. М. Дудин делал зарисовки во всех музеях. К сожалению, зарисовки С. М. Дудина пока не обнаружены, а дневник Н. И. Воробьева хранится в Архиве Русского географического общества⁴.

В данной статье нет необходимости останавливаться на посещении этой группой Дании, Германии и Финляндии. Однако надо отметить, что в дневнике можно прочитать подробное описание пребывания в различных городах Европы с характеристикой гостиниц, где они останавливались, качеством питания в буфе-

так, стоимости номеров и железнодорожных билетов. Наиболее подробно представлено их знакомство с музеями в Стокгольме: Северным музеем и «Скансеном». Российские ученые познакомились с экспозицией Северного музея, принципом оформления витрин, освещением витрин, приспособлением для чистки экспонатов, в частности пылесосом. Интересовал их метод регистрации, штатный состав музея. Специалистов поразила организованность работы. Так как всего за один год (вспомним, что в 1906 г. Н. М. Могилянский застал музей еще в период переезда) экспозиция была готова к показу. Коллекции, собранные А. Хаселиусом за 30 лет, были выставлены за 8 месяцев благодаря тому, что они были ранее зарегистрированы и описаны, причем к каждому описанию прикладывалась фотография. Администрация была прекрасно знакома с коллекцией⁵.

Не обошли вниманием ученые и «Скансен». Из дневника мы узнаем, что плата за вход составляла 50 ёре (22 коп.), ежегодно посещало музей до 600 тысяч человек. Большая часть дохода от музея шла на содержание музея-парка, остальные деньги шли на покупку новых экспонатов. Коллекции «Скансен» и Северного музея составляли единое целое. «Скансен» представлял собой парк, в котором были расположены жилища народов разных национальностей Швеции с полной обстановкой внутри и людьми в соответствующих костюмах. Животные во дворах. Постройки от XVII в.⁶ Северный музей этнографы посетили несколько раз, и в дневнике в случаях возникновения трудностей описания предметов автор прибегал к зарисовкам чернилами.

По возвращении в Петербург директор МАЭ В. В. Радлов 31 октября 1907 г. выступил с отчетом на заседании историко-филологического отделения Академии наук. Академик, представляя посещение шведских музеев, отметил высокую организованность шведских коллег в деле создания и поддержания экспозиций. В опубликованном отчете о поездке⁷ он писал, что в этих музеях предметы выставлены так, чтобы «при обозрении посетители не только могли извлечь полезные для себя сведения, но и заинтересоваться историей движения культуры, чтобы сами сотрудники музея, учащиеся, художники, ученые находили для себя материал»⁸. Далее он писал, что «национальные музеи, в том числе Северный музей и «Скансен», могут возникнуть только у народов, достигших высокой ступени самодеятельной культуры».

В. В. Радлов, находясь в Стокгольме, собрал обширную коллекцию иллюстративного материала: фотографии и открытки. В фондах МАЭ РАН в настоящее время хранится большое количество фотографий Северного музея: его внешний вид, фотографии многочисленных залов музея, экспозиций, виды музея «Скансен», а также большое количество раскрашенных открыток, отражающих многообразие национальных шведских и норвежских костюмов⁹.

Безусловно, командировки российских ученых-этнографов в шведскую столицу в 1906 и 1907 гг., знакомство с музеями, сохранившими многовековую историю культуры скандинавских народов, знакомство с опытом шведских коллег были плодотворными и способствовали улучшению музейного дела этнографических музеев в Петербурге.

На протяжении всего XX в. было опубликовано большое количество научных изданий, альбомов, путеводителей о шведских этнографических музеях, в частности о Северном музее и «Скансене». Однако те впечатления и материалы, которые были собраны российскими учеными в первое десятилетие работы этих музеев и сохранились в архивах Петербурга, позволяют нашим современникам познакомиться с этими замечательными музеями, которые дарили радость посетителям более века назад.

¹ Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34.

² Там же. Л. 43.

³ Там же. Л. 44.

⁴ Там же. Л. 45.

⁵ Архив Русского географического общества. Раздел 85. Оп. 1. Д. 43. Л. 10 об.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Отчет о командировке для обозрения этнографических музеев. Доложен в заседании историко-филологического отделения 31 октября 1907 г. // Известия Императорской академии наук. СПб., 1907. С. 744–745.

⁸ Там же. С. 745.

⁹ МАЭ РАН. Фонд фотоиллюстративного материала. Колл. № 1166, 1907 г. Дар В. В. Радлова; колл. № 1689, Стокгольм, Северный музей и Скансен, дар В. В. Радлова.

Ю. Д. Балаценко
КАРТИНА И. Е. РЕПИНА
«ФИНСКИЕ ЗНАМЕНИТОСТИ».
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ КУЛЬТУР

«Финские знаменитости» — это одно из последних полотен великого русского живописца Ильи Ефимовича Репина (1844–1930). Картину, созданную мастером в своем имении на Карельском перешейке в 20-е гг. прошлого века, ждала не простая судьба. Написанная на закате жизни, она поражает своими размерами 152 × 281,5 см. На ней в многофигурной композиции запечатлена практически вся творческая элита Финляндии. Картина, в силу разных причин, не была оценена по достоинству современниками. Только сейчас, почти через сто лет после написания, ее художественная и историческая ценность получила заслуженную высокую оценку зрителей и специалистов.

История возникновения картины, описание места, где она была написана, и хотя бы краткие биографические сведения изображенных на ней основных персонажей заслуживают того, чтобы здесь их отразить. Тем более что эти люди, составляя цвет финской культуры первой трети XX в., являлись гордостью молодого независимого государства.

Время после Октябрьской революции 1917 г. стало тяжелым испытанием не только для страны, но и для уже не молодого художника. И. Е. Репин, сам того не желая, живя в своем имении, оказался в эмиграции на территории вновь созданного государства — Финляндской Республики. После того как в 1918 г. Финляндия получила независимость, государственная граница

между ней и Советской Россией прошла по реке Сестре. Таким образом, Куоккала осталась на финской территории в 6 километрах севернее границы.

В марте 1920 г. И. Е. Репин преподнес Финскому художественному обществу (*Suomen Taideyhdistys*) коллекцию русской живописи из своего собрания, включавшую семь полотен, написанных им самим, и двадцать три картины других знаменитых русских художников. Как отметил сотрудник Финской национальной галереи Тимо Хууско в статье, посвященной работам Репина, которые находятся в музее Атенеум в Хельсинки: «Ценность этого дара заключалась и в том, что ранее в собрании Художественного общества было крайне мало произведений русских художников, несмотря на то, что Финляндия входила в состав Российской империи... Коллекция, основанного в 1846 г. Финского художественного общества, позднее положила начало собранию художественного музея Атенеум»¹.

Необходимо отметить, что И. Е. Репин с 1914 г. являлся почетным членом Общества художников Финляндии, а после его щедрого дара члены Финского художественного общества в знак благодарности также избрали знаменитого живописца в марте 1920 г. своим почетным членом. Вице председатель этого Общества Вайно Бломштедт (1871–1947) в своем письме к Репину писал, что «пожертвование свидетельствует о драгоценном для нас чувстве симпатии к нашей стране, где Вы столько лет проживали»². Подарок маститого русского художника был по достоинству оценен общественностью молодого государства. Научный сотрудник Центрального архива изобразительного искусства Финляндии Хелена Хятэнен указала, что произведения, поступившие в 1920 г. в Атенеум, были записаны секретарем Общества Йоханом Якобом Тикканеном (1857–1930) как «пожертвование в собрания Финского художественного общества»³.

В. Бломштедт не ошибался, когда писал, что И. Е. Репин долго жил в Финляндии и был другом страны и ее народа. Финны по праву считают Илью Ефимовича не только русским, но и своим живописцем, так как значительная часть его творческой жизни прошла на территории Финляндии. К началу 20-х гг. XX в., когда художник приступил к написанию картины «Финские знаменитости», исполнилось уже более

двух десятилетий с того момента, как он стал жить на финской земле — сначала Великого княжества Финляндского, а потом независимой Финляндии.

Илья Ефимович Репин в конце XIX в. был широко известным художником. Его работы украшали государственные музеи и частные собрания. Многие картины Репина, такие как «Бурлаки на Волге» (1870–1873), «Крестный ход в Курской губернии» (1881–1883), «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1888–1891), пользовались мировой славой. Вместе с популярностью росло и материальное благосостояние живописца, что в итоге позволило Илье Ефимовичу купить в 1891 г. имение — «Здравнево» на берегу Западной Двины, а в 1899 г. усадьбу на территории Великого княжества Финляндского. Расположенное на Карельском перешейке в деревне Куоккала Кивенаппского прихода, волости Терийоки Выборгской губернии (ныне поселок Репино), имение получило необычное для тех мест название «Пенаты» в честь древнеримских богов — хранителей домашнего очага. Оно было куплено на имя Натальи Борисовны Нордман (1863–1914), которая в те годы стала спутницей Репина. Жизнь Н. Б. Нордман (литературный псевдоним — Северова) также была непосредственно связана с Финляндией. Она родилась в Хельсинки в семье шведского дворянина Выборгской губернии, дослужившегося на русской службе до чина адмирала.

Ее любовь к суровой, но прекрасной северной стране, вероятно, передалась Репину, который и после ее смерти не покинул Финляндию. Хотя надо отдать должное Правительству СССР, предпринимавшему неоднократные попытки пригласить художника на жительство в Советскую Россию. Правда, они так и не увенчались успехом, несмотря на многочисленные посылы должностных лиц Советской России.

Выбор места для покупки усадьбы на территории Великого княжества не был случаен для маститого художника. Илья Ефимович относился с любовью к Финляндии, восхищаясь как красивой ее пейзажей, так и населением. Еще в 1909 г. он писал дочери Вере, откликаясь на разговоры о присоединении Выборгской губернии к Петербургу: «Маленькая бедная Финляндия ни у кого не попрошайничает, никого не грабит и во много раз выше громадной России в культурном отношении»⁴.

Купленная Репиным земля представляла собой кусок заболоченного леса площадью около двух гектаров с небольшим финским домом. За несколько последующих лет болото с чахлым лесом, благодаря фантазии творца и его умелым рукам, превратилось в прекрасный парк с аллеями и прудами. Дом же, перестроенный по рисункам и чертежам самого Репина с использованием народных мотивов, стал больше походить на терем из русских волшебных сказок, чем на обычный загородный дом.

После завершения к 1906 г. основных работ по благоустройству имения Илья Ефимович поселился там постоянно. Пока на территории усадьбы шло строительство, он жил там периодически, присматривая за его ходом. «Пенаты» стали местной достопримечательностью с момента окончательного переселения туда Репина и Нордман. Многочисленные гости из Петербурга, Хельсинки и других городов России и Европы, приезжая в «Пенаты», удивлялись красоте рукотворного пейзажа и оригинальности дома. Последним сооружением усадьбы стала артезианская скважина глубиной 72 метра, вырытая на берегу пруда весной 1914 г. Репин, назвав ее «Посейдон», писал, что «...и зиму и лето он дает 400 ведер в час»⁵.

Бурные события, последовавшие после начала Первой мировой войны и образования независимой Финляндии, внесли свои корректизы в существование «Пенатов». Вынужденно став эмигрантом, Репин, несмотря на преклонный возраст, стал принимать посильное участие в общественной жизни молодого государства.

Весной 1920 г. первый президент Финляндии Каарло Юхо Столберг подписал Указ о награждении И. Е. Репина высшим знаком отличия молодой финской республики орденом «Белой Розы», учрежденным в 1919 г. Большой крест Белой розы имел золотую цепь, на которой девять геральдических роз, символизировавших девять исторических провинций Финляндии, были соединены кольцами и свастиками. При восьмом Президенте Финляндии Урхо Кекконене (1900–1986) дизайн цепи в силу политических причин был изменен, и свастики были заменены крестообразными еловыми лапками⁶.

Высокая награда, отметив заслуги Репина перед страной, в которой он многие годы жил и творил, судя по всему, весьма его порадовала. Илья Ефимович 31 мая 1920 г. поделился со своим

другом и коллегой Василием Филипповичем Леви (1878–1953), что «от финляндского правительства ему пожертвовали орден командора 2-й степени “Белой Розы”». При этом художник с некоторым сарказмом заметил, что «у него до сих пор нет удостоверения личности, и он даже не может проехать в Териоки» (ныне город Зеленогорск Ленинградской области)⁷. В. Ф. Леви в последние годы жизни Репина помогал ему с организацией выставок и реализацией картин. В конце июня того же года Вера Ильинична писала отцу, что Ф. И. Шаляпин, находясь в Москве, передал поздравления Илье Ефимовичу в связи с его награждением орденом «Белой Розы»⁸. Надо отметить, что только 14 апреля 1921 г. Репин получил удостоверение личности с фотографией на финском языке⁹.

Ценя хорошее к себе отношение как со стороны простых финнов, так и высших слоев общества, И. Е. Репин еще в январе 1920 г. писал А. И. Куприну, что «...со мной финны обращаются очень дружески...»¹⁰. Это письмо Ильи Ефимовича было ответом художника на жалобы Александра Ивановича, что в Финляндии писатель чувствует себя очень неуютно¹¹. В мае 1920 г. полотна, подаренные Репиным, были выставлены для всеобщего обозрения в музее Атенеум. Т. П. Бородина в статье, посвященной этим событиям, писала, что «выставка получила широкую рекламу и имела резонанс в прессе. Все центральные финские газеты Хельсинки комментировали акт передачи картин...». В этой же статье она приводит слова корреспондента газеты «Хельсинки Саномат» Эдварда Рихтера, который расценил подарок Репина «как выражение его преданности Финляндии»¹².

Финское художественное общество, решив отметить заслуги своего новоизбранного почетного члена, пригласило в сентябре 1920 г. И. Е. Репина в Хельсинки на ужин, организованный в его честь и приуроченный к открытию выставки картин великого художника. Илья Ефимович, приехав в Хельсинки, пробыл там с 14 по 21 сентября. Находясь в столице Финляндии, Репин 19 сентября всего за один сеанс, работая на одном дыхании, написал блестящий портрет знаменитого финского живописца А. Галлен-Каллела, подарив его музею Атенеум. В 1926 г. Репин, вспоминая работу над этим портретом, писал 18 марта К. И. Чуковскому (1882–1969), что А. Галлен-Каллела «...превосходный художник, серьезен и безукоризнен по отношению

к форме... мы встретились на товарищеском ужине друзьями. Я сейчас же адресовался писать его портрет. Он лицом — запорожец, да и характером. Он позировал, и мы прекрасно проводили время, и я написал портрет в один сеанс»¹³.

Чествование русского художника прошло в «Народном доме» (Seurahuone) финской столицы, где собирались практически все творческие люди Финляндии. По утверждению финского исследователя Тимо Хууско, ссылающегося на Олли Валконена, стол в банкетном зале «был накрыт на 35 человек и в процессе празднества к его участникам присоединился генерал Маннергейм (1867–1951), который в то время был, несомненно, самым уважаемым человеком среди финской интеллигенции»¹⁴. Вице-председатель Художественного общества Вайно Бломштедт и известный скульптор Вилли Валлгрен выступили с приветственными речами. Поэт Эйно Лейно прочитал свое стихотворение, специально написанное к этому торжеству. В нем величие Репина сравнивалось с великой русской рекой Волгой и говорилось, что «Репин — ты наша любовь, как для России — Волга»¹⁵.

В ответном слове к собравшимся Илья Ефимович, отметив перемены, произошедшие в Финляндии с момента получения независимости, призвал деятелей культуры приложить максимум усилий для сохранения памяти для грядущих поколений о том, что происходило в стране на их глазах. Причем Репин, обращаясь вновь через много лет к этому знаменительному для него событию, отмечал, что участники вечера разрешили ему говорить по-русски, что глубоко взволновало великого мастера¹⁶.

Летом 1921 г. Репин, вспоминая события почти годовалой давности, привел в письме к Анатолию Федоровичу Кони (1844–1927) свои слова, обращенные к участникам банкета: «Они наконец — Свободная Республика; и у них так спокойно живется, как и прежде, никого не грабят, не убивают... Далее, обращаясь к друзьям-художникам, я говорил, что на их обязанности лежит увековечить в картинах и портретах их теперешний великий момент национальной жизни»¹⁷. В этой чрезвычайно эмоциональной речи Илья Ефимович отдал дань значительным переменам, произошедшим в стране после окончания гражданской войны.

Изучая дальнейшую творческую жизнь участников торжественного ужина в честь Репина, можно сделать вывод, что они

с должным вниманием и пониманием отнеслись к обращенным к ним словам русского живописца. Доказательством тому служат многочисленные портреты и скульптурные изображения, которые они написали и создали после того незабываемого вечера в «Народном доме».

За столом, как отметил Тимо Хууско, «Репин сидел между известным скульптором Вилли Валлгреном и своим давним другом живописцем и графиком Ээро Ярнефельтом»¹⁸. В русской литературе имя этого известного финского художника обычно пишется Ээро Ярнфельд (1863–1937).

Идея создания большого полотна наподобие «Торжественного заседания Государственного Совета» (1901–1903) родилась у И. Е. Репина в поезде, когда он возвращался в Куоккалу из Хельсинки. В свое время «Торжественное заседание» было создано художником по заказу правительства в ознаменование столетнего юбилея со дня основания Государственного совета. Картина отразила момент заседания 9 мая 1901 г., глядя на которое можно и теперь изучать всех тех, кого так психологически точно с присущим ему мастерством написал Репин. Каждое лицо на полотне узнаваемо, главным из них дана блестящая характеристика. «Выполненное в широкой манере полотно, на котором свыше 80-ти человек, относится к величайшим достижениям русского искусства», — писала об этой картине искусствовед Ирина Шувалова¹⁹. «Это подвиг кисти», — заметил Игорь Грабарь, считая эту работу последним великим созданием Репина²⁰. Теперь же Илья Ефимович по собственной инициативе решил создать картину, которая бы отразила необычное историческое событие и неординарных людей, принимавших в нем участие, каждый из которых представляет собой целую эпоху в культурной и общественной жизни Финляндии. Конечно, масштаб работы был уже не тот, количество фигур на полотне значительно меньше и не все они дописаны до конца. Тем не менее картина, написанная Ильей Ефимовичем на склоне лет в совершенно иной манере, чем «Торжественное заседание», заставляет современного зрителя застыть перед ней в немом почтении, и это несмотря на ее незавершенность.

Вернувшись в «Пенаты», Репин практически сразу же приступил к воплощению своего грандиозного замысла. Так как зарисовок всех присутствовавших на банкете у него не было, то он

обратился с просьбой к своим знакомым, жившим в Хельсинки, прислать фотографии участников торжества.

И уже 18 октября 1920 г. вице-председатель Финского художественного общества Вайно Бломштедт, поблагодарив И. Е. Репина в письме за намерение написать картину «Финские знаменитости», обещал прислать фотографии всех бывших на банкете²¹.

О том, как родилось решение запечатлеть банкет на холсте и о самом мероприятии, Илья Ефимович подробно и немноголи шутливо писал в своих письмах, направленных Анатолию Федоровичу Кони и Корнею Ивановичу Чуковскому. Необходимо отметить, что не только начало создания картины, но и все последующие этапы работы над ней нашли отражение в письмах живописца.

15 (28) апреля 1921 г. И. Е. Репин сообщил А. Ф. Кони: «...я начал писать группу финляндских художников, стараясь скомпоновать что-нибудь вроде бывшего ужина в Гельсингфорсе, где и я сам был и даже какое-то крепкое вино пил, которое мне очень понравилось...»²². В письмах, написанных позже, художник уже гораздо подробнее описывает знаменательное для него событие.

Здесь необходимо обратить внимание, что в разных изданиях писем Репина, изданных в бытые годы в СССР, они зачастую цитируются с купюрами. Наиболее подробный текст письма И. Е. Репина к А. Ф. Кони от 29 июня (12 июля) 1921 г. приведен, как это ни покажется странным, в монографии И. Э. Грабаря, посвященной жизни и творчеству И. Е. Репина, изданной в 1933 г. В этом письме Илья Ефимович с известной долей юмора описал как рождение замысла картины, само торжество, так и некоторых участников банкета: «Возвращаясь в вагоне, я подумал, почему бы мне, как делали умные Олеарий и Герберштейн, посещавшие Русь, не попытаться зафиксировать наше вчерашнее собрание финских художников. Да еще и не одних художников: был поэт Эйно-Лейно (читал посвященные мне стихи), был Сибелиус, музыкант-композитор, был Маннергейм, генерал, герой-предводитель и пр. и пр. И выписав драгоценный холст из Стокгольма и красок на вес золота из Дюссельдорфа, я принялся...»²³. И далее, решив написать всеобъемлющее полотно, маститый художник понял, что «...недостает только Столльберга, чтобы картина стала универсальной (извините за выражение). И тут же наш “лукавый

мужченко” нашелся: он повесил портрет Президента на стене. Если его не было, то он должен быть там»²⁴.

В письме Репин сравнивает себя с европейскими дипломатами-путешественниками, которые в разное время посетили Московское царство. Барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) – австрийский дипломат, оставивший «Записки о Московии» по итогам своего визита ко двору царя Василия III (1479–1533) в 1526 г. Адам Олеарий (1603–1671) был в России при царе Михаиле Федоровиче Романове (1596–1645) в составе Гольштинского посольства в 1633–1634 гг. и оставил описание своего путешествия. В своих заметках оба дипломата дали как подробные характеристики людей, с которыми они встречались, так и тех мест, где они побывали.

Текст письма, адресованного А. Ф. Кони, можно сравнить с тем, что немногим позже 29 сентября 1921 г. Илья Ефимович написал в восторженном письме к К. И. Чуковскому, вспоминая, практически ровно через год после своего триумфа, детали того праздничного вечера в «Народном Доме»: «Финские художники отнеслись ко мне лучше, чем родные братья: в Гельсингфорсе мы так пировали!.. Еще уезжая, уже в вагоне, долго я был обуреваем живой карти[ной] нашего торжества. По приезде я сейчас же, через добрых друзей выписал из Стокгольма большой масл[янный] холст, и полетели мои письма в Гельсинки, а оттуда – 30 000 курьеров – повезли мне фотографии финских художников. Все имена, которые волновали меня еще в 70-х годах – Акс[ель] Гален, Галонен, Ярнфельд и многие другие»²⁵. В этом же письме указано, что картина почти готова.

На большом полотне с множеством фигур запечатлен, вероятно, кульминационный момент вечера, когда поэт Эйно Лейно, стоя, читал свои стихи, посвященные Репину, а сам художник, изображенный со спины, входил в зал, опираясь на трость. Фигура виновника торжества находится в центре картины. Справа от него сидит маршал К. Маннергейм, тогда еще генерал, с восторгом взирающий на живописца. Слева от Репина и спиной к нему сидит в шапке, закуривая трубку, Аксель Галлен-Каллела. Несколько удивляет поза знаменитого финского художника. Елена Сойни предположила, что, изобразив А. Галлен-Каллела на полотне таким странным образом, Репин как бы приносил свои извинения за неприятный эпизод, случившийся в 1891 г. Тогда Репин, нахо-

дясь на выставке в Москве, несправедливо отнесся к творчеству молодого финского художника, обвинив его в декадентстве²⁶. «А потом будучи в Гельсингфорсе, я познакомился с его работами... и... готов был провалиться сквозь землю...»²⁷ — писал позднее Илья Ефимович к К.И. Чуковскому, вспоминая тот давний случай в Москве.

Расположение фигур на полотне подчеркивает исключительную скромность великого мастера. Изобразив себя стоящим спиной к зрителю, И. Е. Репин показал, что он не является главным персонажем картины и не причисляет себя к финской творческой элите.

Всех изображенных на картине можно условно разделить на несколько групп, которые стоят и сидят вокруг праздничного стола, причем 23 персонажа идентифицированы, а 12 нет. Обычно их описывают слева направо: 18 стоящих человек (6 из них не определены), 9 человек сидят за столом на заднем плане (6 из них не определены), 7 человек сидят за столом на переднем плане, сам Репин стоит в центре спиной к зрителю и лицом к столу, опираясь на трость.

На выставках, где картина экспонируется, обычно рядом с ней устанавливают прорисовку с указанием имен всех опознанных лиц. Ведь в этот список вошел весь цвет финской нации — художники, скульпторы, писатели, композиторы, музыканты, поэты и общественные деятели. Зачастую один и тот же человек был одновременно и прекрасным скульптором и художником, знаменитым музыкантом и выдающимся композитором, и все они в той или иной степени участвовали в общественной жизни страны.

Стоят вокруг стола: Виктор Янссон /Viktor Jansson/ (1886–1958)²⁸, Вольдемар Топпелиус /Woldemar Toppelius/ (1858–1933)²⁹, Роберт Каянус /Robert Kajanus/ (1856–1933)³⁰, Йохан Якоб Тикканен /J. J. Tikkainen/ (1859–1930)³¹, Пекка Халлонен (Галонен) /Pekka Halonen/ (1865–1933)³², Ээро (Эрик) Ярнефельт /Eero (Erik) Järnefelt/ (1863–1937)³³, Антти Фавен /Antti Faven/ (1882–1948)³⁴, Феликс Нюлунд /Felix Nylund/ (1878–1940)³⁵, Вилле Валлгрен /Ville Vallgren/ (1855–1940)³⁶, Хильда Флодин-Лайтинен /Hilda Flodin-Laitinen/ (1877–1958)³⁷, Вийви Паармио Валлгрен /Viivi Vallgren/ (1867–1952)³⁸, Торстен Стъерншанц /Tornsten Stjernschantz/ (1882–1953)³⁹.

Сидят за столом: Харальд Галлен /Harald Gallen/ (1880–1931)⁴⁰, Ян (Йоган) Сибелиус /Jean Sibelius/ (1865–1957)⁴¹, барон Эмиль Сёдеркрайтц /Emil Cedercreutz/ (1879–1949)⁴².

Перед столом сидят и стоят слева: Вилхо (Вильгельм) Съестрем /Vilho Sjostrom/ (1873–1944)⁴³, Эйно Лейно /Eino Leino/ (1878–1926)⁴⁴, Элиэль Сааринен /Eliel Saarinen/ (1873–1950)⁴⁵, Аксели Галлен-Каллела /Akseli Gallen-Kallela/ (1865–1931)⁴⁶, барон Карл Густав Маннергейм /C. G. Mannerheim/ (1867–1951)⁴⁷, Виктор Мальмберг /Viktor Malmberg/ (1867–1936)⁴⁸, барон Бертель Грипенберг /Bertel Gripenberg/ (1878–1947)⁴⁹.

Илья Ефимович Репин стоит, опираясь на трость, в центре картины.

На стене висит портрет избранного осенью 1919 г. первого президента Финляндии К. Ю. Столберга⁵⁰ кисти художника В. Топпелиуса, присутствовавшего на ужине.

При внимательном знакомстве с полным списком представленных на картине людей и с их краткими биографиями, становится очевидным то, что многие из них, внеся значительный вклад в художественное и интеллектуальное развитие молодого государства, активно участвовали в становлении общественной жизни страны. Практически все они в той или иной степени принимали участие в гражданской войне в Финляндии, отстаивая ее свободу и независимость и совершившо другие ценности, чем те, которые проповедовались к югу от границы по реке Сестре. Все участники войны подпадают под определение — «белофинны», которым пользовались в литературе, изданной в СССР.

В разные годы почтовое ведомство Финляндии выпускало мемориальные почтовые марки, на которых были воспроизведены как наиболее известные работы некоторых из участников банкета, так и их портреты. Надо заметить, что многие из присутствовавших на чествовании Репина были связаны родственными узами.

«Желание изобразить всех знаменитых финнов, собравшихся на банкете, было одновременно и чувством благодарности Финляндии за доброжелательное отношение к художнику, и стремлением запомнить один из ярких вечеров в его жизни, но, пожалуй, самое главное, он хотел запечатлеть великий миг в истории финского искусства, так называемый “золотой век”, который, художник интуитивно понимал, больше никогда не по-

вторится»⁵¹, — отметила исследователь из Карелии Елена Сойни в своей статье о жизни Репина в Финляндии.

Амбициозный проект знаменитого мастера довольно быстро воплотился в жизнь. И это несмотря на то, что художник был уже далеко не молод, да и болезни давали себя знать. О том, как шла работа, Илья Ефимович написал 29 июня 1921 г. А. Ф. Кони: «...картина настолько продвинута, что частенько и финны заглядывают у меня на своих знаменитых земляков. Особенно им нравиться Сааринен, знаменитый архитектор, премированный в Париже за проект вокзала в Гельсингфорсе. Маннергейм также имеет успех»⁵².

К концу 1922 г. картина «Финские знаменитости» была практически завершена и выставлена в Хельсинки в галерее Херхаммер в ноябре того же года на первой большой выставке-продаже репинских работ. После выставки Илья Ефимович, забрав картину обратно в «Пенаты», неоднократно вновь обращался к ней вплоть до 1927 г., пытаясь довести до совершенства, многое в ней изменив. Как свидетельствуют многочисленные фотографии мастерской И. Е. Репина в «Пенатах», картина находилась там все последние годы жизни художника.

Советский художник Евгений Кацман, посетивший Репина в 1926 г. в составе делегации, видел картину «Финские знаменитости» в мастерской художника. В своих воспоминаниях о днях, проведенных в «Пенатах», он привел слова Репина: «Картина была закончена, выставлял я ее на выставку, теперь переделываю. Я ведь не всегда делаю эскизы, компоную прямо картину и без конца переделываю»⁵³.

19 мая 1927 г. Репин писал П. И. Нерадовскому, что «картина все еще не окончена, и я над ней все еще работаю. Буду очень счастлив, если мне удастся довести картину до желанного конца. Картину можно видеть в моей мастерской *по средам*. Картина не имеет никакой идейной подкладки. Художник желал изобразить этот незабвенный для него вечер, где и он говорил с их разрешения *по-русски*. Он там был и желал только по возможности, изобразить, *как было*. ...Но картина еще далеко не кончена, и над ней еще много работы. Лица в картине: архитектор Сарринен, живописец Аксель Галлен, музыкант Сибелиус, профес. Кайянус, Ярнфельд, профес. — пейзажист Галлонен [...] и еще многие, кого я сейчас не припомню»⁵⁴.

При чтении этого письма необходимо обратить особое внимание на то, что Репин в нем специально подчеркнул, что полотно свободно от какого-либо идеологического смысла. Несмотря на это утверждение мастера, эта необычная работа, правдиво запечатлевшая незаурядных людей Финляндии первой четверти XX в., в СССР не то чтобы совсем замалчивалась, но ей не давалась адекватная оценка. О картине писали вскользь, как о явной неудаче автора, так как некоторые ее персонажи по разным причинам не устраивали советских идеологов. И как об этом упоминалось ранее, достаточно внимательно ознакомиться со списком участников банкета и краткими сведениями о них, как сразу становятся понятны эти причины.

Вероятно, то, что Репину разрешили говорить по-русски, особенно тронуло художника, если судить по сообщению в этом письме. Хотя особо странного в этом ничего не было, надо полагать, что все присутствующие на банкете в той или иной мере знали государственный язык бывшей Империи и во всяком случае наверняка его понимали, тем более что все они относились к самым образованным и просвещенным слоям общества.

Тимо Хууско писал следующее: «В своем завещании, подписанном 20 августа 1927 г., художник отказал картину финскому правительству с условием, что оно позволит похоронить его дома, на территории “Пенатов” в Куоккала. В завещании художник также отмечает незавершенность картины»⁵⁵.

Помогло или нет принесение картины «Финские знаменитости» в дар музею «Атенеум» решению вопроса о захоронении И. Е. Репина на территории «Пенат», с уверенностью сказать трудно. Однако разрешение, которое делало исключение из обычной практики, было дано финскими властями. Великий русский художник был похоронен согласно завещанию в своем имении в том уголке парка, который заблаговременно выбрал сам.

Описывая картину в выставочном каталоге, Тимо Хууско утверждал, что на конечном варианте «Финских знаменитостей», который попал в Атенеум, «не все изображенные на полотне люди присутствовали на торжественном ужине, и в то же время, некоторые художники, присутствовавшие на мероприятии, на полотне отсутствуют. Известно также, что сначала на полотне были представлены люди, которых художник позднее записал»⁵⁶. К сожалению, финский исследователь в своем описании не приводит

никаких имен, как тех, кого Репин записал, так и тех, кто попал на картину, но не был на торжестве.

Как это ни прискорбно, нужно констатировать, что картина «Финские знаменитости» была недооценена современниками. Один из первых исследователей творчества И. Е. Репина И. Э. Грабарь не оценил ее по достоинству. Он писал в своей монографии, вышедшей из печати в 1933 г.: «Картина ввиду ее явной неудачи, не была даже приобретена для Гельсингфоргского музея и осталась до сих пор в “Пенатах”, в качестве свидетеля последнего увядания великого некогда мастера»⁵⁷. С утверждением патриарха советского искусствоведения вполне можно не согласиться особенно в свете последних достижений в изучении наследия Репина.

Это мнение Грабаря преобладало в искусствоведении до недавнего времени. Впрочем, так же к картине отнеслись и финны-искусствоведы той поры, которые, получив полотно в подарок от автора, не поместили его в основную экспозицию музея, а повесили в кафе Атенеума.

Объясняя и в какой-то мере оправдывая финских музейщиков, Е. Сойни дала следующее остроумное тому толкование: «На картине изображен пир, что, вероятно, побудило работников музея повесить ее туда, где пируют»⁵⁸. В настоящее время картина «Финские знаменитости» убрана в запасники музея и экспонируется только на различных выставках как в самой стране, так и за ее пределами.

Надо заметить, что сейчас происходит переоценка всего творчества И. Е. Репина после 1917 г., в том числе и картины «Финские знаменитости». Только в последние годы в специальной литературе появилось адекватное понимание значимости этого удивительного полотна как для живописи, так и для истории. Простые же финны даже к незавершенной работе Репина сразу проявили большой интерес, о чем художник неоднократно сообщал своим корреспондентам. При этом можно сослаться на Е. Сойни, которая писала, что «картина эта уникальна, только Репину пришло в голову написать всю элиту Финляндии за одним столом»⁵⁹.

В заключение необходимо отметить, что картина «Финские знаменитости», хотя и осталась не завершенной, тем не менее, дорога всем знающим и любящим творчество И. Е. Репина как

в России, так и в других странах. Став определенной вехой в творческом наследии художника в последние годы жизни, она лишний раз подчеркивает взаимодействие культур России и Финляндии. В современном мире эта написанная почти сто лет назад картина благодаря своей уникальности служит развитию взаимопонимания и добрососедских отношений между двумя соседними странами.

¹ Хууско Т. Произведения Ильи Репина в художественном музее Атенеум // Каталог выставки «Репин» в Кадриоргском художественном музее. Таллинн, 2013. С. 74–75.

² НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 99. Л. 6.

³ Хятэнен Х. Источники Центрального архива изобразительного искусства о жизни и творчестве Ильи Репина // Каталог выставки «Репин» в Кадриоргском художественном музее. С. 102.

⁴ СР ГРМ. Ф. 119. Оп. 1.

⁵ Репин И. Е. Избранные письма в двух томах. 1867–1930. М., 1969. Т. 2. С. 345.

⁶ Балашов Е. А. Шюцкор. Феномен финского патриотизма. СПб., 2012. С. 138.

⁷ РГАЛИ. Ф. 790. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 21, 21 об.

⁸ НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 423. Л. 4, 5.

⁹ Там же. Ед. хр. 10. Л. 1.

¹⁰ Репин И. Е. Письмо к А. И. Куприну, январь 1920 г. // Новый мир. 1969. № 9. С. 194.

¹¹ Там же. С. 194, 197.

¹² Бородина Т. П. И. Е. Репин в финляндской прессе. 1918–1930 // «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский университет прикладных наук. 2009. С. 86.

¹³ Репин И., Чуковский К. Переписка. 1906–1929 // Новое литературное обозрение. М., 2006. С. 230.

¹⁴ Хууско Т. Произведения Ильи Репина в художественном музее Атенеум. С. 76.

¹⁵ Сойни Е. Илья Репин в Финляндии // «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский университет прикладных наук. С. 127.

¹⁶ Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 268.

¹⁷ Репин И. Е. Избранные письма в 2 томах. 1867–1930. Т. 2. С. 331.

¹⁸ Хууско Т. Произведения Ильи Репина в художественном музее Атенеум. С. 75, 76.

¹⁹ Шувалова И. Произведения И. Е. Репина в собрании Русского музея (Санкт-Петербург) // «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. С. 52.

²⁰ Грабарь И. Э. Репин. М., 1933. С. 222, 224.

²¹ НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 99. Л. 15.

²² Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. С. 224.

²³ Грабарь И. Э. Репин. С. 237.

²⁴ Там же.

²⁵ Репин И., Чуковский К. Переписка. 1906–1929. С. 134.

²⁶ Соими Е. Илья Репин в Финляндии. С. 124–127.

²⁷ Репин И. Е. Избранные письма в 2 томах. 1867–1930. Т. 2. С. 370, 371.

²⁸ Виктор Янссон — скульптор. В 1918 г. пошел добровольцем в Белую армию. Участие в боевых действиях привело его к осознанию того, что жизнь неприкосновенна, несмотря на то что как патриот своей страны он был готов отдать жизнь за родину. Его дочь — всемирно известная писательница Туве Янссон, автор Муми Троллей.

²⁹ Вольдемар Топпелиус — художник. Служил в Российской армии. После 1918 г. майор вооруженных сил Финляндии. Как живописец в основном был маринистом.

³⁰ Роберт Каянус — композитор, капельмейстер и дирижер. Его музыка опиралась на традиции финского национального фольклора. Считается самым крупным композитором Финляндии до Сибелиуса. Автор финского национального гимна «Наша страна» и марша сил самообороны Финляндии. Был другом Сибелиуса и способствовал его карьере.

³¹ Йохан Якоб Тикканен — историк-искусствовед. Изучал историю искусств в Мюнхене в Академии искусства. Стал первым финским историком-искусствоведом, получившим звание профессора. Был секретарем Художественного общества.

³² Пекка Халлонен — художник, пейзажист. Работал в реалистической манере с элементами национального романтизма. Иллюстрировал «Калевалу». Наиболее прославился своими зимними пейзажами. С 1892 г. член Финского художественного общества.

³³ Ээро Ярнефельт — художник и график. Внучатый племянник известного русского скульптора барона П. П. Клодта. Во время учебы в Императорской академии художеств в Петербурге сблизился с И. Е. Репиным, с которым его объединяли общие художественные вкусы. Учился у П. П. Чистякова.

³⁴ Антти Фавен — художник. Прославился как портретист, но писал и пейзажи. Хорошо известен написанный А. Фавеном в 1922 г. портрет поэта Эйно Лейно. В начале XX в., как и большинство лиц, изображенных Репиным на картине, учился в Париже. В 1939 г. во время «Зимней войны» А. Фавен эмигрировал в Швецию. Сотрудничал с газетами и журналами, рисуя для них карикатуры.

³⁵ Феликс Нюлунд — скульптор. Учился сначала в Дании, потом в Париже. Был одним из основателей Союза финских скульпторов. Многие его скульптуры украшают как Хельсинки, так и другие города Финляндии. Наиболее известная его скульптура — «Три кузнеца» в центре Хельсинки.

³⁶ Вилле Валлгрен — всемирно известный скульптор. Многие его работы украшают как города Финляндии, так и других стран. Начинал свою карьеру с учебы на архитектора, но вскоре переквалифицировался. Самая известная его скульптура — «Хавис Аманда» в центре Хельсинки в момент ее установки вызвала неоднозначное к ней отношение со стороны критиков. Считается, что скульптура выходящей из воды обнаженной нимфы олицетворяет Хельсинки.

³⁷ Хильда Флодин-Лайтинен — скульптор, живописец и гравер. В начале XX в. училась в Париже. Работала в начальный период творческой карьеры в скульптуре и в графике. В 1989 г. ее именем были названы площадь и переулок в Хельсинки.

³⁸ Вийви Паармио Валлгрен — скульптор и художник. Училась в Хельсинки и в Париже. Жена Вилле Валлгрена.

³⁹ Торстен Стъерншанц — интендант музея Атенеум. С 1919 по 1952 г. отвечал за художественные коллекции музея Атенеум и одновременно музея Синебрюхова с 1924 по 1952 г. Имел степень доктора искусствоведения.

⁴⁰ Харальд Гален — художник, график и дипломат. Учился в Хельсинки и в Париже. Его дядя — знаменитый финский художник А. Галлен-Каллела. Служил в финском дипломатическом представительстве в Испании. Х. Галлен славился экстравагантностью своих костюмов.

⁴¹ Ян Сибелиус — скрипач, дирижер, самый знаменитый финский композитор. На его творчество оказал влияние композитор Р. Каянус. В творческом наследии Я. Сибелиуса особое положение занимает симфоническая поэма «Финляндия», которую считают шедевром финской национальной культуры. Активная творческая деятельность композитора фактически завершилась к 1926 г. Я. Сибелиус признан великим национальным композитором — символом величия Финляндии. Являясь выдающимся деятелем финского масонства, основал масонскую ложу «Суоми» в Хельсинки, а также был главным организатором Великой ложи Финляндии. Его именем названы улицы и парки во многих городах страны. В 1939 г. Музикальный институт, где композитор начинал учебу, получил название «Академии имени Сибелиуса». Ежегодно проводится музыкальный фестиваль «Неделя Сибелиуса».

⁴² Эмиль Сёдеркрайт — скульптор, живописец и один из самых известных в Европе силуэтистов. Вырезать силуэты из черной бумаги он начал в возрасте 5–6 лет. Сёдеркрайт был первым финским ваятелем, начавшим свое образование в Финляндии на курсах скульпторов при Финской академии художеств. Прославился барон Сёдеркрайт своими бронзовыми скульптурными композициями. Наибольшей известностью пользуется его композиция «Материнская любовь» в центре Хельсинки, изображающая кобылу с жеребенком, и «Сторожевой пес Пекка». В этом памятнике барон в бронзе увековечил своего верного друга. Многие его работы установлены в разных городах страны. Сёдеркрайт одним из первых в Финляндии выступил за соблюдение «прав животных», считая, что, когда они будут соблюдаться, в мире наступит расцвет цивилизации. Барон вошел в число основателей «Финского общества защиты животных».

⁴³ Вилхо Съестрем — художник-пейзажист, учился у А. Галлен-Каллелы и в Париже. Писал в реалистической манере, но иногда работал как импрессионист. Широко известны его портреты бизнесменов, ученых и политиков, в том числе маршала К. Г. Маннергейма.

⁴⁴ Эйно Лейно — поэт, писатель и переводчик. Настоящее имя А. Е. Л. Лоннбум. С детских лет его главными спутниками были книги и собственные фантазии. Поэтическое вдохновение черпал в эпосе «Калевала». С 1906 г. работал в прозе и переводил на финский язык «Божественную комедию» Данте. Его друг поэт Бертель Грипенберг считал Эйно Лейно гением финской литературы.

⁴⁵ Элиэль Сааринен — всемирно известный архитектор и дизайнер. Основоположник «северного модерна» в финской архитектуре. Здания, построенные по его проектам, украшают города Финляндии, Эстонии и США. Наиболее известной его работой является железнодорожный вокзал в Хельсинки. В 1923 г. эмигрировал в США. Возглавил Академию искусств Кранбрук в штате Мичиган. Считается, что творчество Сааринена повлияло на вид американских небоскребов 20-х гг. XX в.

⁴⁶ Аксели Галлен-Каллела — художник, чьи иллюстрации к «Калевале» принесли ему наибольшую известность. Переделал свою шведскую фамилию Галлен на финский лад Каллела и соединил их вместе. Его картины отличаются точным реалистическим изображением финской народной жизни и природы. В 1918 г. принял участие в гражданской войне. Служил адъютантом у генерала К. Г. Маннергейма и получил почетное звание профессора. По просьбе генерала занимался разработкой государственных символов новой Республики — герба, флага и орденов «Белой Розы» и «Креста Свободы». Принял участие в разработке военной униформы.

⁴⁶ Карл Густав Маннергейм — известный военачальник и общественный деятель. В вооруженных силах Российской империи дослужился до звания генерал-лейтенанта. Был награжден практически всеми боевыми наградами Империи. Известен своими научными трудами, где нашли отражение материалы, собранные им во время Азиатских экспедиций 1906–1908 гг. по заданию Генерального штаба империи на Восток в Монголию и Китай. С января 1918 г. главнокомандующий финской армией. Благодаря его решительным действиям во время гражданской войны Финляндия осталась независимой буржуазной республикой. За свои заслуги перед страной получил звание маршала в 1933 г. Победив на выборах 1944 г., стал шестым президентом Финляндии. В связи с ухудшением здоровья сложил с себя полномочия президента в 1946 г. До конца жизни на его рабочем столе стоял фотопортрет императора Николая II с личной подписью государя.

⁴⁸ Виктор Мальмберг — скульптор. Начал свое образование в Хельсинки, продолжив его в Париже и Флоренции. Вернувшись в 1902 г. в Хельсинки, стал преподавать мастерство скульптуры в нескольких учебных заведениях финской столицы.

⁴⁹ Бертель Гриппенберг — поэт. Его первые поэтические сборники вышли в 1903 г. Участвовал в гражданской войне. После войны получил звание старшего лейтенанта. Его патриотические стихи восхваляли «Белое движение». Печатался в газетах и журналах правой ориентации. Во время Второй мировой войны барон Гриппенберг выступал за сближение с Германией и против сепаратного мира. Кроме поэзии, известен как переводчик.

⁵⁰ Каарло Юхо Столберг — Kaarlo Juho Stohlberg (1865–1952), первый президент независимой Финляндии. Юрист. В 1917 г. стал председателем Конституционного совета, который разрабатывал модель будущего устройства Финляндии. Поддерживал идею введения в стране республиканской формы правления. На выборах президента страны в 1919 г. победил К. Г. Маннергейма. Содействовал формированию буржуазной республики. Помиловал большинство участников революционного движения. В 1925 г. отказался от переизбрания на пост президента на второй срок.

⁵¹ Сойни Е. Илья Репин в Финляндии. С. 126.

⁵² Грабарь И. Э. Репин. С. 237.

⁵³ Кацман Е. А. Поездка к Репину в 1926 году // Репин. Художественное наследство. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 312.

⁵⁴ Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. С. 267–268.

⁵⁵ Хууско Т. Произведения Ильи Репина в художественном музее Атенеум. С. 76.

⁵⁶ Там же. С. 158–159.

⁵⁷ Грабарь И. Э. Репин. С. 237.

⁵⁸ Сойни Е. Илья Репин в Финляндии. С. 128.

⁵⁹ Там же. С. 127.

РЕЗЮМЕ / ABSTRACT

УДК 94 (47).066+94 (480)“1791/1792”

Коваленко Г. М. А. В. Суворов в Финляндии в 1791–1792 гг.

В статье рассмотрена деятельность А. В. Суворова в Финляндии в 1791–1792 гг. по реализации плана оборонительных мероприятий на случай войны со Швецией.

За это время под его руководством были усилены укрепления Фридрихсгама, Вильманстранда, Выборга, Нейшлота; сооружены новые форты Лииккала, Утти и Ярвентайпале. На островах при Свенскзунде были построены сильные укрепления. Строительством укреплений «Суворовской линии» была обеспечена безопасность русско-шведской границы.

По инициативе А. В. Суворова на перешейках Сайменского озера были сооружены каналы, которые имели не только военное, но и экономическое значение.

Kovalenko G. A. V. Suvorov in Finland in 1791–1792

The subject of this article is A. V. Suvorov's activity in Finland in 1791–1792, connected with realization of the plan of defense measures in case of a war with Sweden.

During this period the following things were done under his leadership: fortifications of Fredrikshamn, Villmanstrand, Vyborg and Nyslot were reinforced; new fortifications Liikkala, Utti and Järventaipale were built. Strong fortifications were built on the islands near Svensksund. Building of fortifications of “Suvorov's line” secured safety of Russian-Swedish border.

At Suvorov's initiative, channels not only of military, but also of economic importance, were constructed on the Saimen Lake's isthmuses.

Ключевые слова /Keywords:

Суворов, Финляндия, пограничные крепости, каналы, Суворовская линия.
Suvorov, Finland, boundary fortresses, channels, Suvorov's line.

УДК 69

**Ивлева С. Е. Забытый гравер-иллюстратор
Георгий Дерикер (1821/?–1847)**

В статье рассматривается творчество гравера-иллюстратора 1840-х гг. Георгия Дерикера, работы которого оказали значительное влияние на развитие ксилографии (гравюры на дереве) и книжной иллюстрации в России. Георгий Дерикер, ученик известного гравера на дереве Константина Клодта, принимал участие в художественном оформлении самых известных отечественных иллюстрированных книг и журналов 1840-х гг. Дерикер успешно совмещал две художественные специальности, был виртуозным гравером и хорошим рисовальщиком, часто сам выполнял рисунки для книжных гравюр. Георгий Дерикер умер очень молодым, оставив неосуществленными многие творческие замыслы, но его работы стали великолепными образцами русской книжной гравюры на дереве периода ее расцвета (1840-е гг.).

**Ivleva S. E. Engraver-illustrator
George Deriker (1821/?–1847)**

The article considers the creativity of the engraver-illustrator George Deriker (1840s), whose works have greatly influenced the development of wood engraving in Russia. Deriker was a pupil of the famous wood cutter Konstantin Klodt, he took part in the artistic design of the most famous Russian illustrated books and magazines of the 1840s. Deriker successfully combined the two artistic specialties, he was not only a virtuoso engraver, but also a good draughtsman, and he often executed the drawings for the book engravings himself. Deriker died young, leaving unfulfilled many creative ideas, but his works were magnificent examples of Russian book woodcut during its heyday – 1840s.

Ключевые слова/Keywords:

Гравюра на дереве, рисунок, иллюстрация, книга, журнал, книжная графика.

Woodcut, drawing, illustration, book, book graphics.

УДК 930“19”:7

**Балащенко Ю.Д. Барон Эмиль Сёдеркройтц –
«истинный европеец» из финской глубинки**

Имя барона Эмиля Германа Роберта Сёдеркройтца (1879–1949) было широко известно в Финляндии, России и других европейских странах на рубеже XIX–XX вв. Незаурядный скульптор и художник,

обладавший недюжинным талантом, прекрасно и всесторонне образованный аристократ из финской глубинки, он оставил после себя огромное художественное наследство.

Скульптурные шедевры Сёдеркрайтца украшают как финскую столицу город Хельсинки, так и другие города Финляндии. Усадьба барона, находящаяся в окрестностях города Харьявалта на западе страны, была превращена в один из лучших финских музеев. Огромную коллекцию его экспонатов составляют как скульптура и живопись самого Э. Сёдеркрайтца, так и то, что было собрано им за долгую жизнь. Яркий представитель творческой элиты Финляндии, всю свою жизнь выступая за соблюдение прав «братьев наших меньших», был одним из основателей «Финского общества защиты животных». Являясь одним из блестящих представителей творческих людей Финляндии, барон Эмиль Сёдеркрайт по праву стал одним из персонажей картин великого русского художника Ильи Ефимовича Репина «Финские знаменитости» (1920–1922). Полотно находится в музее Атенеум в городе Хельсинки.

Balacenko Y. D. Baron Emil Sederkreutz – a True European from the Finnish Countryside

The name of baron Emil German Robert Sederkreutz (1879–1949) was widely famous in Finland, Russia and other European countries at the turn of the 19th–20th centuries. An outstanding sculptor and artist, who had a fascinating talent, wonderfully educated aristocrat from the Finnish countryside, he left a huge artistic heritage.

His sculptural masterpieces decorate not only the Finnish capital Helsinki, but also other towns of Finland. The baron's mansion in the vicinity of Harjavalta town in the west of the country, was turned into one of the best Finnish museums. A huge collection of the museum includes both sculptures and paintings by E. Sederkreutz, as well as various objects collected by him during his long life. A bright representative of the Finnish artistic elite, through all his life he has been a passionate advocate of the animals' rights. He was one of the founders of the Finnish Society of Animal Protection. Being one of the most outstanding representatives of artistic people of Finland, baron Sederkreutz has justly become one of characters of I. E. Repin's painting "The Great Men of Finland" (1920–1922). The painting is located in the Atheneum Art Museum in Helsinki.

Ключевые слова/Keywords:

История искусств, Э. Г. Р. Сёдеркрайтц, история культуры, российско-финские связи.

History of arts, E. G. R. Sedercreutz, cultural history, the Russian-Finnish relations.

УДК 82.09, 82.343.4

**Жаров Б. С. Людмила Юльевна Брауде – филолог-скандинавист.
К 85-летию со дня рождения**

В декабре 2012 г. исполнилось 85 лет со дня рождения Л. Ю. Брауде – доктора филологических наук, переводчика, исследователя литературы, педагога, замечательного организатора, человека, который внес большой вклад в развитие культурных контактов между Санкт-Петербургом и Скандинавией. Все знавшие ее люди признают, что она отличалась неистощимой энергией и потрясающей работоспособностью, которые позволили ей добиться поразительных успехов. Наибольшее внимание она уделила исследованию творчества Ханса Кристиана Андерсена, Астрид Линдгрен и Туве Янссон. В последние годы жизни она очень серьезно болела, многократно была оперирована, но продолжала преподавать, выступать с докладами, переводить, ездить на конференции, работала, как всю жизнь. Скончалась в 2011 г. Статья рассказывает о ее жизни и деятельности.

**Zharov B. S. Nordist Philologist Liudmila Y. Braude.
To the 85 anniversary**

Liudmila Y. Braude, Dr. of Philology, translator, literature researcher, lecturer, a wonderful organizer, a person who made a great contribution to the cultural contact development between St. Petersburg and Scandinavian, could be celebrating her 85th birthday in December 2012. She was famous for her inexhaustible energy and remarkable capacity for work due to that she managed to succeed. She focused her research on the works of Hans Christian Andersen, Astrid Lindgren and Tove Jansson. In her last years she was seriously ill, was operated on many times but went on working, making reports, translating, attending conferences as she used to do before. She died in 2011. The article covers the main stages of her life and activities.

Ключевые слова / Keywords:

Литература Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии. Переводы со скандинавских языков.

Literature of Denmark, Sweden, Norway, Finland. Translations from Nordic Languages.

УДК 929 (092)

**Мусаев В. И. Первый православный финляндский архиепископ
Антоний (Вадковский): штрихи к биографии**

Антоний (в миру – Александр Васильевич Вадковский) был первым главой самостоятельной Финляндской православной епархии, образованной в 1892 г. До этого он занимал должность ректора Петербургской

Духовной академии и епископа Выборгского, викария Петербургской епархии. Он находился во главе епархии до начала 1899 г., когда был переведен на Петербургскую митрополию. Архиепископ Антоний разработал и стремился претворить в жизнь программу обустройства новой епархии. К ней относились повышение материального и образовательного уровня финляндского православного духовенства, ремонт и строительство церквей, основание новых приходов, развитие сети церковно-приходского образования, урегулирование правового статуса православной церкви в Финляндии. В этом ему удалось достичь определенных результатов, однако в целом внутри и вокруг финляндского православия осталось немало проблем, которые достались в наследство новой епархиальной власти.

Musaev V.I. The First Orthodox Finnish Archbishop Antony (Vadkovsky): Biographical Traits

Antony (secular name – Alexander V. Vadkovsky), formerly – the rector of the St. Petersburg Ecclesiastic Academy and the vicar bishop of Viborg, was appointed archbishop of the new Orthodox diocese of Finland, constituted in October 1892. He had stayed at the head of the Finnish diocese until January 1899, when he was appointed metropolitan of St. Petersburg. As the head of the new diocese archbishop Antony work out and tried to implement a program of improvement of the Orthodox ecclesiastic affairs in Finland, which included betterment of material and educational position of the Orthodox clergy, renovation of old churches and construction of new ones, formation of new parishes, development of a network of parish education. These measures were successful to a considerable extent, though some serious problems persisted and were inherited by the new diocese leadership in the early 1900s.

Ключевые слова/Keywords:

Религия, Финляндская епархия, православные приходы и церкви, школьный вопрос.

Religion, the Finnish diocese, Orthodox parishes and churches, educational problem.

УДК 929 (092)+94 (480)"1960"

Бекман Й. Пронацистская деятельность вдовы Ренхардха Гейдриха в Хельсинки в 1960-х гг.

В середине 1960-х гг. Лина Гейдрих, вдова Ренхардха Гейдриха, вышла замуж за известного финского театрального деятеля Мауно Маннинена и переехала в Хельсинки. По данным биографических изданий, Лина Гейдрих-Маннинен была тогда связана не только с культурной средой

финской общественности, но и оказалась в близких кругах президента Финляндии У. К. Кекконена. Не исключено, что в связи с благоприятным развитием советско-финляндских отношений того времени, которым активно способствовал Кекконен, Лина Гейдрих-Маннинен, возможно, должна была негативным образом оказать воздействие на финского президента и имела специальную задачу повлиять на него. Тем не менее пока это невозможно доказать без архивных документов финской контрразведки, которые, к сожалению, пока закрыты.

Bäckman J. The Activities of Reinhard Heydrich's Widow in Helsinki in the 1960s

Lina Heydrich, the widow of the Nazi leader Reinhard Heydrich, married a Finnish theatre director Mauno Manninen and moved to Helsinki in the mid-1960s. On the basis of memoir literature, the article reveals, that Lina Heydrich-Manninen not only integrated into the cultural circles of the Finnish capital, but also into the closest circle of the president of Finland Urho Kekkonen. It is not excluded, that due to the growing importance of Soviet-Finnish relations and the personal role of President Kekkonen in this connection, Lina Heydrich-Manninen might have had special tasks related to the Finnish president. However, this could be found out only from the archives of the Finnish counterintelligence, which are now closed.

Ключевые слова/Keywords:

История Финляндии, советско-финляндские отношения, история нацизма, президент У. К. Кекконен, историография.

History of Finland, the soviet-finnish relations, the history of Nazism, President U. K. Kekkonen, historiography.

УДК 94 (47).053

Базарова Т. А. Несостоявшийся визит Карла XII в Санкт-Петербург: Проект возвращения короля из Османской империи в Швецию через Российское государство (1711)

Статья посвящена проблеме возвращения шведского короля Карла XII из Османской империи. После поражения под Полтавой (1709) шведский король с остатками армии нашел убежище в Османской империи, где находился почти пять лет. Это осложняло русско-турецкие отношения и привело к началу новой Русско-турецкой войны (1710–1711). В тексте заключенного в турецком лагере на реке Прут мирного договора оговаривалось возвращение Карла XII в Швецию. Один из предполагаемых маршрутов шведского короля пролегал через российские земли, в том числе и через Санкт-Петербург.

Bazarova T. A. Missed visit of Charles XII to St. Petersburg; Draft return of the king from the Ottoman Empire to Sweden through the Russian state (1711)

The article is devoted to the problem of the Swedish King's Charles XII return from the Ottoman Empire. After the Poltava defeat (1709), the Swedish king with the remnants of the army took refuge in the Ottoman Empire, where he remained for nearly five years. This circumstance complicated Russian-Turkish relations and led to the beginning of a new Russian-Turkish war (1710–1711). The text of peace treaty enclosed in the Turkish camp on the Prut River stipulated the return of Charles XII of Sweden. One of the proposed routes of the Swedish King ran through Russian land, including through St. Petersburg.

Ключевые слова/Keywords:

Карл XII, Петр I, П.П. Шафиров, Османская империя, Прутский поход, Петербург, русско-турецкие отношения.

Charles XII, Peter I, Petr Shafirov, the Ottoman Empire, the Prut campaign, St. Petersburg, Russian-Turkish relations.

УДК 94"1941/45"

Белозеров Б. П. Войска охраны тыла фронта в первые полгода войны в Карелии: проблемы и опыт использования

С началом Великой Отечественной войны большую роль в Карелии стали играть войска НКВД. Эти войска стали охранять важные объекты на территории Карелии и организовывать диверсионные операции на территории противника.

Beloserov B. P. NKVD Internal Troops the first months of the war in Karelia: Problems and Experience

Since the beginning of the Great Patriotic War serious role in Karelia had the NKVD troops. These troops began to protect important objects in Karelia and organize sabotage in enemy territory.

Ключевые слова/Keywords:

История Второй мировой войны, войска НКВД, история Карелии, 1941 год.

History of the Second World War, NKVD troops, the history of Karelia, 1941.

УДК 94 “1941/45”

Журавлев Д. А. Судьбы граждан Финляндии в документах медицинской службы Красной армии 1941–1946 гг.

В статье представлены результаты анализа историй болезни граждан Финляндии, которым была оказана медицинская помощь в лечебных учреждениях Красной армии в 1941–1946 гг. Данный источник был использован в историческом исследовании впервые. Изучение историй болезни финских граждан за период 1941–1946 гг. дает возможность делать локальные выводы, позволяющие судить об отдельных особенностях оказания медицинской помощи и пребывании военнослужащих и гражданского населения в лечебных учреждениях Красной армии, выявляя детали повседневной жизни.

Zhuravlev D. A. The fates of Finnish citizens in the documents of medical service of the Red Army of 1941–1945

The article reveals the results of the analysis of the medical histories of the Finnish citizens treated in hospitals of the Red Army in 1941–1946. This historical source has been used for the first time in a research paper. The investigation of the medical histories of the Finnish citizens in the period of 1941–1946 gives the unique possibility to make local conclusions to judge about several peculiarities of medical treatment and the presence of military men and civilians in the hospitals of the Red Army to show the everyday life details.

Ключевые слова/Keywords:

История болезни, медицинское обеспечение, военнопленные, врачи, раненые и больные.

Medical histories, medical backup, prisoners of war, surgeons, casualty.

УДК 94 (480) “1940/1945”

Барышников В. Н. О политическом значении создания финских подразделений СС для германо-финляндского сотрудничества

Проблема создания из граждан Финляндии в 1940 г. частей СС еще до конца не исследована. Однако существующие исторические свидетельства указывают на то, что финские эсэсовские формирования имели ярко выраженную идеологизированную основу, где Германия явно стремилась использовать обученных в СС молодых финнов прежде всего для формирования уже «новой» Финляндии, которая должна была возникнуть после победы гитлеровского блока в войне против СССР. При этом очевидно, что к концу войны моделью для будущего Финляндии мог стать режим, который был установлен нацистами в Норвегии.

Baryshnikov V.N. About the political role of the FINNISH Waffen-SS for the GERMAN-Finnish cooperation

The problem of making of the finnish Waffen-SS in 1940 is not fully understood. However, historical evidence indicates that the Finnish Waffen-SS had clearly ideologized basis. Germany clearly wanted to use the SS trained young Finns to form a “new” Finland. “New” Finland had to appear after the victory in the war against the USSR. It is clear that by the end of the war as a model for the future of Finland could be a regime that was installed by the Nazis in Norway.

Ключевые слова/Keywords:

Вторая мировая война, СС, финско-германские отношения, Финляндия во второй мировой войне.

History of the Second World War, SS, the finnish-german relations, Finland in the Second World War.

УДК 94 (47) 053. Шведская война, 1699–1721 гг.

Шлямина Е. О. Роль Ф. М. Апраксина в организации и проведении обороны Санкт Петербурга в годы Северной войны

В статье говорится о мероприятиях, предпринятых Федором Матвеевичем Апраксиным для организации и проведения обороны Санкт-Петербурга в годы Северной войны. Были рассмотрены как военные, так и административные действия. В заключение автор приходит к выводу, что Ф. М. Апраксин справился со своей обязанностью весьма успешно.

Shliamina E. O. F. M. Apraksin's role in the organization and carrying out defense of St. Petersburg in the years of Northern war

This article is devoted to the actions undertaken by Feodor Matveevich Apraksin for the organization and carrying out defense of St. Petersburg in days of Northern war. Were it is considered both military and administrative actions. At the end the author comes to a conclusion that F. M. Apraksin coped with the duty quite successfully.

Ключевые слова/Keywords:

История России XVIII век; Северная война 1700–1721 гг.; Санкт-Петербург; Ф. М. Апраксин.

History of Russia in the XVIII century; the Northern war 1700–1721; Saint-Petersburg; F. M. Apraksin.

УДК 94 (47).066.5

**Лебедев А. А. Выборгское сражение 1790 г.
в свете известного, но «неудобного» источника**

В статье анализируются «Записки» П. В. Чичагова с точки зрения поиска объяснения мотивов крайне осторожных действий В. Я. Чичагова в Выборгском сражении 22 июня 1790 г., а также их объективность и причины длительного неиспользования большинством исследователей.

***Lebedev A. A. The Vyborg battle 1790,
in the light of Known but the “Inconvenient” source***

The article is devoted to the analysis of the reasons of cautious V. Y. Chichagov's actions in the Vyborg battle, 1790 on the basis of “Notes” P. V. Chichagova.

Ключевые слова/Keywords:

Русско-шведская война 1788–1790 гг., Выборгское сражение 22 июня 1790 г., адмирал В. Я. Чигагов.

Russian-Swedish War (1788–1790), Battle of Vyborg Bay (1790), admiral V. Y. Chichagov.

УДК 980 (470)“17”

Самыловская Е. А. Офицеры Балтийского Военно-морского флота в составе католической общины Санкт-Петербурга в первой трети XVIII века

Статья посвящена офицерам Балтийского Военно-морского флота, которые в первой трети XVIII в. были членами католической общины Санкт-Петербурга. На основе производственной документации Канцелярии Синода и данных метрических книг церкви Св. Екатерины Александрийской автору статьи удалось определить численность военно-морских офицеров-католиков в Петербурге, уровень рождаемости в их семьях и, что особо важно подчеркнуть, роль морских офицеров в жизни общины. Автор приходит к выводу, что, несмотря на небольшое количество офицеров балтийского флота в общине, они играли в ней ключевую роль, а некоторые из них, а именно Матия Змаевич и Лука Дамиани, благодаря своему социальному и финансовому положению обладали особым авторитетом как среди своих единоверцев, так и в российских правительственные кругах.

***Samylovskaya E. A. The Baltic Navy officers as a part
of the catholic community in Saint-Petersburg
in the first third of the eighteenth century***

This article is devoted to the Baltic Navy officers who were the members of the catholic community of Saint-Petersburg in the first third of the eighteenth century. On the basis of the documentation of the Synod Chancellery

and the data of the registers of births of St Catherine Alexandrine's church, the author has managed to determine the number of the Navy Catholic officers, the birth rate in their families and, especially, their role in the life of the community. The author has come to the conclusion that despite the small number of the officers, they played a great part in the community. Such officers as Matia Zmaevich and Luca Damiani due to their social and financial position, had special authority both among their coreligionists and in Russian Government circles.

Ключевые слова/Keywords:

Офицеры Балтийского Военно-морского флота, католическая община Санкт-Петербурга, Матия Змаевич, Лука Дамиани, капуцины, францисканцы.

The Baltic Navy officers, the catholic community of Saint-Petersburg, Matia Zmaevich, Luca Domiani, the Capuchins, the Minorites.

УДК 355.49 (261.24) "1916"

**Партала М. А. Крейсерские операции русского флота
в Западной Балтике в мае-июне 1916 года.**

К вопросу об оценках

Статья посвящена двум крейсерским (набеговым) операциям, которые провел русский Балтийский флот в западной части Балтийского моря на маршрутах движения германских транспортных судов в мае-июне 1916 г. Показано, что существующие оценки этих операций основаны на ложных представлениях об их целях и задачах. Приведены малоизвестные архивные документы, которые позволяют сформировать новый взгляд на эти операции. Сделан вывод о необходимости пересмотра существующих оценок этих операций на основе новых архивных материалов.

**Partala M. A. Cruiser operations of Russian fleet
in the western Baltic in May – June 1916.**

About estimations

The paper is devoted to two cruiser operations (raids) which were carried out with Russian Baltic Fleet in the western part of Baltic Sea on routes of the German merchant steamers in May – June 1916. It is shown, that existing estimations of these operations are based on erroneous representations about the purposes and tasks of these operations. Little-known archival documents which allow to generate a new sight on these operations are given. The conclusion about necessity of revision of existing estimations of these operations is made on the basis of new archival documents.

Ключевые слова/ Keywords:

Первая мировая война, Балтийское море, русский Балтийский флот, крейсерские операции, «Норрингенский конвой», А. В. Колчак.

World War I, Baltic Sea, Russian Baltic Fleet, cruiser operations, “Norrköping convoy”, A. V. Kolchak.

УДК 94 (47).08

Кондратенко Р. В. К вопросу о покупке Россией подводной лодки Норденфельда

В статье рассматривается вопрос о возникшей в 1880-е гг. переписке российского Морского министерства с фирмой «Пушки и амуниция. Норденфельд. АО Лондон — Стокгольм» по поводу приобретения паровой подводной лодки образца 1887 г., от которой российские моряки в итоге отказались, затрагивается освещение данного вопроса в российской и зарубежной историографии XIX–XX вв.

Kondratenko R. V. To a question about purchase by Russia of submarine Nordenfeldt

The report consider the question about the correspondence which has arisen in 1880th years of the Russian Sea ministry with «Guns and ammunition. Nordenfeldt. Company. London — Stockholm» on the acquisition of the steam submarine of a sample of 1887, which the Russian seamen in a result have refused, as well as the consideration of this problem in the Russian and foreign works on the history of the Russian fleet written in XIX–XX centuries.

Ключевые слова/Keywords:

Подводная лодка, Норденфельд, Российский военно-морской флот, Российское морское министерство, испытания, Ландскронна, Саутгемптон, великий князь Алексей, Шестаков, Диков.

Submarine, Nordenfeldt, Russian Navy, Russian Naval Ministry, trial, Landskrona, Southampton, Grand Duke Alexey, Shestakoff, Dikoff.

УДК 94 (47).084“1939/1940”

Петров П. В. Финская береговая оборона на Ладожском озере и борьба с ней Ладожской военной флотилии в период советско-финляндской войны

Финляндия располагала весьма развитой системой береговой обороны на Ладожском озере к началу советско-финляндской войны. Береговые батареи финнов перекрывали своим огнем все подходы

к наиболее важным участкам побережья озера. Советская Ладожская флотилия не имела мощных кораблей для борьбы с финскими батареями. В ходе войны корабли флотилии предприняли несколько операций против финских береговых батарей в районе Тайпале, которые закончились неудачей. Затем эта боевая задача была поручена авиации Ладожской военной флотилии. В феврале 1940 г. совместные действия советской артиллерии и авиации привели к уничтожению береговой батареи Ярисева. Это стало единственным успехом в ходе действий советской Ладожской флотилии против береговой обороны финнов.

Petrov P. V. Finnish coastal defense on Lake Ladoga and struggle of soviet Ladoga flotilla against it during the Soviet-Finnish war

Finland had a very wide system of coastal defense on Lake Ladoga before Soviet-Finnish war. Finnish coastal batteries covered again all approaches to most important parts of lake shore. The soviet Ladoga flotilla didn't have a powerful warships, intended for fighting against finnish coastal batteries. During the war the flotilla ships realized a few combat operations against the finnish batteries near Taipale, which didn't have any success. After that this combat task was entrusted to Ladoga flotilla aviation. The joint operations of soviet artillery and aviation led to destruction of coastal battery Yarisevja in February of 1940th. It was the only success during actions of soviet Ladoga flotilla against finnish coastal defense.

Ключевые слова/Keywords:

Ладожское озеро, военно-морская база, флотилия, береговая батарея, тральщик, минное заграждение, остров, канонерская лодка.

Lake Ladoga, naval base, flotilla, coastal battery, minesweeper, minefield, island, gunboat.

УДК (044) 94 (47).084.3

Возгрин В. Е. Корреспонденция Харальда и Анны Скавениусов как источник по истории Петербурга: События в России 1917 года глазами датского дипломата

Датский специалист в российской истории Нового времени Бент Йенсен опубликовал в начале 1970-х гг. корреспонденцию королевского посланника в Петрограде в 1917–1918 гг. Харальда Скавениуса. До сих пор это эпистолярное собрание историографически не рассмотрено. Между тем оно чрезвычайно интересно по двум причинам. Во-первых, в нем содержится непредвзятая оценка событий 1917–1918 гг., сделанная наблюдателем посторонним и объективным, не прымывавшим ни к одной

из противоборствовавших сторон. Во-вторых, лишь ознакомившись со сведениями, которые получало датское правительство из революционной России от своего посла, можно судить о мотивах, которыми оно руководствовалось в его «российской» политике в 1917 г. и позже.

Vozgrin V.Je. Correspondence of Harald and Anna Scavenius as a Source for Studying the History of Saint Petersburg: Events of 1917 in Russia Witnessed by a Danish Diplomat

Danish expert of Russian modern history Bent Jensen published in the beginning of the 1970's correspondence of Harald Scavenius, the royal envoy of Denmark in Petrograd in 1917–1918. Still this epistolary collection hasn't been studied in historiography. Meanwhile it holds a great interest for two reasons. Firstly, it contains an impartial assessment of the events of 1917–1918 by an incidental and objective observer who wasn't taking any sides between the confronting parties. Secondly, only after studying the information about the revolutionary Russia which the Danish government got from its ambassador it is possible to judge the motives by which the Russian politics of Denmark were guided in 1917 and later.

Ключевые слова/Keywords:

Дания, Россия, Х. Скавениус, революция, Санкт-Петербург.

Denmark, Russia, H. Scavenius, Revolution, Saint Petersburg.

УДК 94 (47) “1917”

Дубровская Е.Ю. Отклик жителей Карелии на революционные события в Петрограде (весна–лето) 1917 года

Статья посвящена вопросу о влиянии петроградских революционных событий 1917 г. на восприятие населением Российской Карелии (западной части Олонецкой и Архангельской губерний) и финляндско-карельского приграничья важнейших перемен в социально-политической жизни страны и края. На локальном источниковом материале отмеченных территорий рассмотрено, как возникали «новые революционные ценности». В статье поднимается вопрос и об изменениях в исторической памяти жителей региона – свидетелей и участников социально-политических потрясений начала XX в. Автор исследует новые аспекты проблемы «революция и человек», используя историко-антропологический подход для выявления взаимосвязи между событиями и различными политическими конфликтами революционного времени в столице и явлениями, характерными для общественно-политической истории северо-западной периферии бывшей Российской империи.

Dubrovskaya E. Ju. Response of the Population of Karelia to the Events of the Russian Revolution in Petrograd (Spring–Summer 1917)

The article deals with the issue of the Russian Revolution 1917 events in Petrograd influence on the perception of major changes in socio-political life of the population of the Russian Karelia (western parts of the Olonets- and Archangelsk provinces) as well as the finnish-karelian borderland. On the local sources material of the territories mentioned the appearance of the “new revolutionary values” are examined. The article also deals with the question of transformation of historical memory of the population of the region – all those who witnessed and took part in socio-political changes at the beginning of the XX century. The author studies new interpretations of “revolution and man” problem, uses historical-anthropological approach thus revealing the interdependence between events and different political conflicts of the revolution time in the capital of the state and phenomena in socio-cultural history in the North-West periphery of the former Russian Empire.

Ключевые слова/Keywords:

Российская Карелия, финляндско-карельское приграничье, нарративные источники, Первая мировая война, российская революция 1917 г.

Russian Karelia, finnish-karelian borderland, Petrograd influence, narrative sources, World War I, Russian Revolution, 1917.

УДК 94 (47) 1918

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Хисториалинен Айкакаускирья»

Целью работы является анализ статей известного финского журнала «Хисториалинен Айкакаускирья», посвященных Гражданской войне в Финляндии 1918 г. Гражданская война длилась недолго, но она оставила яркий след в истории Финляндии. На основе данных материалов автор делает вывод, что к единой точке зрения финские историки до сих пор не пришли.

Lobanova D. R. The civil war in Finland on the pages of the magazine “Historiallinen aikakauaskirja”

The purpose of work is the analysis of articles of famous Finnish magazine “Historiallinen aikakauaskirja”, devoted to the Civil war in Finland in 1918. The civil war lasted long, but left a bright trace in the history of Finland. Based on these materials, the author comes to the conclusion that the common view of Finnish historians still have not received.

Ключевые слова/Keywords:

Гражданская война, освободительная война, *Historiallinen Aikakauskirja*, Финляндия.

Civil war, liberation war, Historiallinen Aikakauskirja, Finland.

УДК (045) 94 (480)“1920/1930”

**Vasara V.-T. Развитие советско-германских отношений в 1920–1930-е гг. в представлении финских крайне правых сил
(по материалам праворадикальной прессы)**

В статье анализируется развитие двухсторонних отношений Советской России с Германией в межвоенный период в представлении финских крайне правых сил. Статья основана на материалах финской праворадикальной прессы данного периода. Развитие советско-германских отношений в межвоенный период представлялось финским крайне правым силам жизненно-важным вопросом. В представлении крайне правых о себе, финны занимали особое положение между Западом и Востоком, и в связи с этим будущее Финляндии они нередко рассматривали в контексте развития отношений Запада и Востока, которые для крайне правых представляли собой исключительно Россию и Германию.

**Vasara V.-T. Development of the Soviet-German Relations in the 1920–1930's in the Representation of the Finnish Extreme Right
(Based on Materials of the Radical Right-wing Press)**

The article analyzes the development of bilateral relations between Soviet Russia and Germany in the interwar period in the representation of the Finnish Extreme Right. The article is based on the Finnish radical right-wing press of that period. Development of Soviet-German relations in the interwar period represented a vital issue for the Finnish extreme right forces. The Finns had a special position between East and West in the conception of the far right forces of themselves, and, in this regard, the future of Finland they were often considering in the context of relations between East and West, which for the Extreme Right meant Russia and Germany.

Ключевые слова/Keywords:

Финские крайне правые силы, праворадикальная пресса, советско-германские отношения, межвоенный период.

Finnish Extreme Right, Radical Right-wing Press, Soviet-German Relations, interwar Period.

УДК 69

Кривдина О. А. Обзор датских научных каталогов по скульптуре (1995–2002 гг.)

Два изучаемых каталога представляют разновидности публикаций о датской скульптуре, один знакомит с собранием Глиптотеки Карлсберг (Carlsberg Glyptotek), другой посвящен подбору произведений из разных музеев Копенгагена, где представлены наиболее известные скульпторы Дании. «Датская скульптура 1694–1889 в Глиптотеке Карлсберг» (Danish Sculpture 1694–1889 ny Carlsberg Glyptotek) — каталог, подготовленный Йенсом Петером Мунком (Jens Peter Munk), издан в Копенгагене в 1995 г. Каталог «Afmagt. Dansk billedhuggerkunst 1850–1900» издан Музеем Торвальдсена (Thorvaldsens Museum) в 2002 г. при участии Фонда Карлсберг (Carlsbergfondet) и десяти датских художественных музеев. Рассмотренные каталоги не только знакомят с датскими скульпторами и скульптурой 1850–1900-х гг., но и являются примерами двух типов научных каталогов, наиболее точно знакомящих с произведениями и информацией о них.

**Krividina O. A. Danish sculpture scientific catalogues review
(1995–2002)**

Two Danish catalogues under consideration may be regarded as a kind of publications in the field of Danish sculpture. One is devoted to Carlsberg Glyptothek collection, the other represents several artifacts from different museums of Copenhagen, where the most significant Danish sculpture is kept. “Danish sculpture of 1694–1889 in Carlsberg Glyptothek” is composed by Jensen Peter Munk and published in Copenhagen in 1995. Catalogue of the period 1850–1900 is issued by Thorvaldsen museum in 2002, with the participation of Carlsberg Foundation and 10 Danish museums of the Fine Arts. These catalogues gives the unique opportunity to become acquainted not only with Danish sculptures and sculpture, but with two manners of creating the scientific catalogue, giving the most deliberate knowledge of the artifacts and the information concerning them.

Ключевые слова / Keywords:

Датская скульптура, Глиптотека Карлсберг, каталоги.

Danish sculpture, Carlsberg Glyptotek, catalogues.

УДК 281.93

**Шкаровский М. В. Трифоно-Печенгский монастырь
в 1939–1944 гг.**

Статья посвящена истории находившегося на территории Финляндии православного русского Трифоно-Печенгского монастыря. В годы Второй мировой войны он пережил тяжелые испытания. В 1939 г. советские

власти подвергли всех монахов репрессиям, когда же территория монастыря вновь отошла к Финляндии, они вернулись в обитель. В 1944 г. ввиду приближения советских войск монахам пришлось эвакуироваться вглубь Финляндии, а монастырь прекратил существование на 60 лет.

Shkarovskii M. V. Trifono-Pechengsky monastery in 1939–1944's

The Article is devoted to the history located on the territory of Finland to the Russian orthodox Trifono-Pechengsky monastery. In the years of the Second world war he survived the ordeal. In 1939 the Soviet authorities subjected all the monks repression, when the territory of the monastery once again went to Finland, they returned to the monastery. In 1944, due to the proximity of the Soviet troops, the monks had to be evacuated deep into Finland, and the monastery ceased to exist 60 years.

Ключевые слова/Keywords:

Финляндия, Русская Церковь, Трифоно-Пегенгский монастырь, Вторая мировая война.

Finland, the Russian Church, Triphono-Pechengsky monastery, the Second world war.

УДК 930.2. 303.424.64

Фруменкова Т.Г. Петербургские финны и столичный воспитательный дом (первая половина XIX в.)

Статья основана на использовании документальных письменных источников, обнаруженных автором в архивах Санкт-Петербурга (РГИА и ЦГИА СПб) и впервые вводимых в научный оборот. В статье проанализированы различные формы контактов финского населения Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также уроженцев Великого княжества Финляндского с Петербургским воспитательным домом. Как и русские матери, финские женщины отдавали детей в Петербургский воспитательный дом и служили в доме кормилицами. Семьи финских крестьян, наряду с русскими, брали детей на воспитание за определенную плату. Существование Финляндского округа Петербургского воспитательного дома в южных районах Великого княжества Финляндского было вполне естественным.

Frumenrova T. G. St. Petersburg Finns and the capital foundling house (the first part of XIX century)

The article is based on the using of documentary written sources detected by the author in the archives of St. Petersburg (The Russian state historical archive and The Central state historical archive of St. Petersburg) and for the first time introduced into scientific circulation. The article analyzes the various forms of contacts of the Finnish population of St. Petersburg and its environs, as well as

natives of the Grand Duchy of Finland with the St. Petersburg foundling house. As the Russian mothers, Finnish women placed their children in Petersburg foundling house, served of wet nurses in the house. Finnish peasant families, along with the Russians took the children as caregivers for a fee. The existence of the Finnish district of St. Petersburg orphanage in southern areas of the Grand Duchy of Finland was quite natural.

Ключевые слова/Keywords:

Петербургские финны, Великое княжество Финляндское, Петербургский воспитательный дом, дети, кормилицы, деревенские воспитатели.

St. Petersburg Finns, the Grand Duchy of Finland, Petersburg foundling house, children, wet nurses, rural caregivers.

УДК 94 (47).072

**Галинова А. М. Санкт-Петербург, Выборг, Новгород
начала XIX в. глазами Аделаиды фон Хаусвольф**

Статья посвящена малоизвестному нарративному источнику по истории русско-шведских отношений начала XIX в. – дневнику девятнадцатилетней шведки Аделаиды фон Хаусвольф, прожившей с отцом в российском плену более года. Сведения о Санкт-Петербурге, Выборге и Новгороде, содержащиеся в дневнике, дополняют данные других иностранных нарративных источников той же эпохи. Рассматривается не только фактический материал, но и лексический компонент, традиционно играющий важную роль в текстах дневников.

**Galinova A. M. Saint-Petersburg, Vyborg, Novgorod
at the beginning od the 19th century through the eyes
of Adelaide von Hausvolf**

The article is devoted to a little-known narrative source about the history of Russian-Swedish relations at the beginning of the 19th century, namely to the diary of Adelaide von Hausvolf, a nineteen-year-old Swedish girl who spent over a year in Russian captivity together with her father. Data about Saint-Petersburg, Vyborg and Novgorod, contained in the diary, supplement the information from other foreign narrative sources of the same period. Not only the facts are investigated, but the lexical component as well, as the latter traditionally plays the important role in the texts of diaries.

Ключевые слова/Keywords:

Дневник, Хаусвольф, Санкт-Петербург, Новгород, Выборг, XIX век, шведский, исторический источник, лексический компонент.

Diary, Hausvolf, Saint-Petersburg, Novgorod, Vyborg, 19th century, Swedish, historical source, lexical component.

УДК 980 (48)

Шрадер Т. А. Визиты российских ученых-этнографов в Швецию (начало XX века)

В 1906 и 1907 гг. состоялись командировки российских ученых из Русского музея императора Александра III (этнографического отделения) и Музея антропологии и этнографии Императорской академии наук в европейские страны для ознакомления с постановкой музеиного дела в области этнографии. Посещение шведских этнографических музеев в Стокгольме было одной из центральных задач этнографов из Петербурга. При посещении Северного музея и музея под открытым небом «Скансен» специалисты подробно ознакомились с деятельностью коллег в этих музеях. Отчеты об этих командировках хранятся в Архиве РЭМ и Архиве РГО.

Schrader T. A. Visiting Russian ethnographers Sweden (beginning of XX century)

In 1906 and 1907 Russian scientists from the Russian Museum (ethnographic department) and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Imperial Academy of Sciences visited different European countries to study the ethnographic museums. The main task of ethnographers from St. Petersburg could see ethnographic museums in Stockholm. When they were in the "North Museum" and the museum "Skansen", experts familiarized in details with the work in these museums. Now reports of these missions are placed in the Archive of the Russian Museum of Ethnography and the Archives of the Russian Geographic Union.

Ключевые слова/Keywords:

Северный музей в Стокгольме, музей «Скансен», Русский музей (этнографическое отделение), Музей антропологии и этнографии Императорской академии наук.

The North Museum in Stockholm, the "Skansen", the Russian Museum (ethnographic department), the Museum of Anthropology and Ethnography of the Imperial Academy of Sciences.

УДК "19":75 (47)

Балаценко Ю. Д. Картина И. Е. Репина «Финские знаменитости». Взаимодействие двух культур

Картина И. Е. Репина «Финские знаменитости» стала одной из последних больших работ великого русского художника. Написанная мастером на закате жизни в 20-е гг. XX в., она поражает своими размерами — 152 × 281,5 см. На полотне запечатлена практически вся творческая элита Финляндии того времени.

После отделения Финляндии от России в 1918 г., И. Е. Репин, оставаясь жить в своем имении «Пенаты», оказался в эмиграции. Новое независимое государство высоко оценило вклад маститого живописца в свою культуру. Илья Ефимович был награжден высшим знаком отличия молодой республики «орденом “Белой Розы”». В сентябре 1920 г. в столице государства — городе Хельсинки состоялось чествование великого художника. На банкете присутствовали люди, оставившие глубокий след в культурной и общественной жизни страны.

Идея отразить живописными средствами такое необычное собрание выдающихся людей родилась у художника в поезде, когда он возвращался домой из Хельсинки. Впервые картина была выставлена в ноябре 1922 г. в галерее Херхаммер. Позже она была возвращена в «Пенаты», и И. Е. Репин вновь обращался к ней вплоть до 1927 г., пытаясь довести ее до совершенства. Тем не менее полотно осталось незавершенным.

Картина в силу разных причин не была оценена по достоинству современниками. И только сейчас, почти через сто лет после написания, ее художественная и историческая ценность получила заслуженную высокую оценку зрителей и специалистов. Став определенной вехой в творческом наследии художника в последние годы жизни, она лишний раз подчеркивает взаимодействие культур России и Финляндии.

В современном мире это полотно благодаря своей уникальности не только дорого всем знающим и любящим творчество И. Е. Репина как в России, так и в Финляндии, но и служит развитию взаимопонимания и добрососедских отношений между двумя соседними странами.

Balacenko Yu. D. I. E. Repin's painting "The Great Men of Finland". Interaction of two cultures

I. E. Repin's painting "The Great Man of Finland" became one of the latest and biggest artworks of the great Russian artist. Painted by the master at the end of his life in the 20's of the 20th century, it impresses by its dimensions of 152×281.5 cm. All the artistic elite of Finland of that time is depicted in this canvas.

After Finland separated from Russia in 1918, I. E. Repin stayed to live in his estate "Penates" and thus found himself in exile. The new independent state highly appreciated the contribution of the famous painter to their culture. Ilya Efimovich was awarded the highest mark of distinction of the new Republic — the "Order of the White Rose of Finland". In September 1920, a celebration was held in honor of the great painter in Helsinki. The banquet was attended by people, who left a deep mark in cultural and social life of the country.

An idea of painting such an unusual assembly of outstanding people has struck the painter when he was returning home from Helsinki by train. For the first time, the painting was put on display at the Herhammar Gallery.

Later it was returned to “Penates” and I. E. Repin kept working on it up to 1927 trying to bring it to perfection. Nevertheless, the canvas stayed incomplete.

Due to various reasons, the painting was not appreciated by his contemporaries. Only now, almost 100 years later, its artistic and historical value received a well-deserved high esteem from professionals and public. A milestone in the painter’s artistic legacy in his late years, this painting emphasizes the cultural interaction between Russia and Finland.

In the contemporary world, this unique canvas is not only valued by all those who know and love I. E. Repin’s art both in Russia and in Finland, but it also serves for the development of mutual understanding and good neighborly relations between two countries.

Ключевые слова/Keywords:

История искусства, И. Е. Репин, история культуры, российско-финские связи.

History of arts, I. E. Repin, cultural history, the Russian-Finnish relations.

**СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СБОРНИКАХ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ»
(2010–2014 гг.)**

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Александрова Л. Б. Архитектор Теодор Хёйер (1843–1910). (2013).

Базарова Т. А. Первый российский вице-канцлер П. П. Шафиров в доносениях и записках западноевропейских дипломатов. (2011).

Базарова Т. А. Резиденция вице-канцлера П. П. Шафирова на Городском острове в Петербурге: 1710–1720-е гг. (2010).

Балащенко Ю. Д. Барон Эмиль Сёдеркрайтц – «истинный европеец» из финской глубинки. (2014).

Барышников В. Н. Кесарь Филиппович Ордин – первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений. (2013).

Бекман Й. Пронацистская деятельность вдовы Ренхардха Гейдриха в Хельсинки в 1960-х гг. (2014).

Белозеров Б. П., Моляров В. Н. Доктор исторических наук, профессор Николай Иванович Барышников. (2012).

Бородина Т. П. И. Е. Репин в финский период 1918–1930-х гг. (2010).

Бородина Т. П. Надзор съскной полиции Финляндии за И. Е. Репиным и его семьей (По материалам Национального архива Финляндии). (2011).

Вавулинская Л. И. Иностранные военнопленные в Карелии во второй половине 1940-х гг. (По материалам Пудожского района). (2011).

Васара В.-Т. Похищение президента Финляндии К. Ю. Столберга активистами лапусского движения в октябре 1930 г.: причины и последствия. (2013).

Вассоевич А. Л. Научное завещание профессора Н. И. Барышникова. (2012).

Геуст К.-Ф. Советские военнопленные в финской армии в 1939–1940 гг. (2011).

Жаров Б. С. Людмила Юльевна Брауде — филолог-скандинавист. К 85-летию со дня рождения. (2014).

Жаров Б. С. Телеграфист-переводчик-литератор-общественный деятель: П. Г. Ганзен в Санкт-Петербурге. (2010).

Ивлева С.Е. Забытый гравер-илюстратор Георгий Дерикер (1821/?–1847). (2014).

Кент Н. Впечатления англичанина Джозефа Ачерби о Лапландии в конце XVIII в. (2011).

Коваленко Г. М. А. В. Суворов в Финляндии в 1791–1792 гг. (2014).

Коваленко Г. М. Война 1812 г. глазами финляндского студента. (2013).

Кривошеев Ю.В. Профессор-скандинавист Н. И. Барышников — ученик и человек. (2012).

Моляров В. Н., Белозеров Б. П. Доктор исторических наук, профессор Николай Иванович Барышников. (2012).

Мусаев В.И. Первый православный финляндский архиепископ Антоний (Вадковский): штрихи к биографии. (2014).

Мусаев В.И. Проблема депатриации финляндских граждан из России после 1917 г. (2010).

Софронова З. Н. Настроения в финской армии по допросам военнопленных, взятых в плен на территории Карелии партизанскими отрядами (за период 1942–1944 гг.). (2011).

Фокин В.И. Основатель научной школы новейшей истории российско-финляндских отношений. (2012).

Шрадер Т. А. Семья финляндских ювелиров Тилландер в Санкт-Петербурге (XIX – начало XX в.). (2010).

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Баданов В. Г., Кораблев Н. А. Проблема восприятия олонецким земством финляндского аграрного опыта при проведении реформы П. А. Столыпина. (2011).

Базарова Т.А. Визиты иностранных посольств в Ингерманландию в 1703–1704 гг. (2013).

Барышников В. Н. Возникновение и крах в Финляндии в 1940 г. «Общества мира и дружбы с СССР». (2010).

Барышников В. Н. К вопросу о бомбардировке района Ленинграда с территории Финляндии 22–23 июня 1941 г. (2011).

Барышников В. Н. О политическом значении создания финских подразделений СС для германо-финляндского сотрудничества (2014).

Барышников В. Н. Оценка в финской армии советского наступления на Карельском перешейке 10–20 июня 1944 г. (2012).

Белозеров Б. П. Войска охраны тыла фронта впервые полгода войны в Карелии: проблемы и опыт использования. (2014).

Белозеров Б. П. Советско-финляндская граница в межвоенный период (12.03.1940–22.06.1941 гг.): проблемы становления и обеспечения безопасности. (2013).

Васара В.-Т. «Новый» активизм в Финляндии в годы Первой мировой войны. (2012).

Васара В.-Т. Отношение финской общественности к русским накануне «зимней войны». (2011).

Васара В.-Т. Религиозный аспект идеологии партии ИКЛ. (2010).

Веригин С. Г. Финские разведывательные школы на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг. (2013).

Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Финское население Карелии в начальный период Великой Отечественной войны. (2012).

Возгрин В. Е. Исчезнувшие острова (скандинавская Вест-Индия). (2012).

Дубинко-Гуща Е. О. Вклад в решение глобальных проблем человечества как приоритетное направление внешней политики Дании во второй половине XX – начале XXI в. (2013).

Дубинко-Гуща Е. О. Трансформация доктринальных основ внешней политики Дании во второй половине XX – начале XXI в. (2012).

Дубровская Е. Ю. Национальные вооруженные формирования в Карелии в годы Гражданской войны: опыт 1918 г. (2010).

Жуков А. Ю. Карелия в русско-шведских отношениях XIV–XVI вв. (2010).

Журавлев Д. А. Лечебные учреждения Ленинграда после окончания советско-финляндской войны: уроки и просчеты. (2012).

Журавлев Д. А. Организация социальной помощи инвалидам советско-финляндской войны в 1940–1941 гг. (2010).

Журавлев Д. А. Судьбы граждан Финляндии в документах медицинской службы Красной Армии 1941–1946 гг. (2014).

Катцова М. А. «Экономический скандинавизм» стран Северной Европы в 1920–1930-х гг. и группа Осло (2010).

Катцова М. А. СССР в Лиге Наций: желанный гость или скрытая угроза? (К проблеме выработки позиции Скандинавских стран и Финляндии). (2013).

Кент Н. «Эра свобод» и российско-шведские отношения. (2012).

Кент Н. Крах абсолютизма и начало «эры свобод» в Швеции XVIII в. (2013).

Кобзарева Е. И., Коваленко Г. М. Дипломатический этикет и диалог в условиях подготовки к войне и разрыва дипломатических отношений: шведское посольство в Москве в 1655–1656 гг. (2013).

Коваленко Г. М., Кобзарева Е. И. Дипломатический этикет и диалог в условиях подготовки к войне и разрыва дипломатических отношений: шведское посольство в Москве в 1655–1656 гг. (2013).

Кораблев Н. А., Баданов В. Г. Проблема восприятия олонецким земством финляндского аграрного опыта при проведении реформы П. А. Столыпина. (2011).

Кривошеев Ю. В. Восстановление промышленного потенциала Карельского перешейка в 1940-х гг. и человеческий фактор. (2011).

Кротов П. А. Ретраншмент Петра I на поле Полтавской битвы. (2012).

Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финское население Карелии в начальный период Великой Отечественной войны. (2012).

Макуров В. Г. Карелия в войне: 1944 г. – освобождение. (2010).

Макуров В. Г. Карелия на завершающем этапе Великой Отечественной войны 1944–1945 гг. (2011).

Макуров В. Г. Этнодемографическая ситуация на оккупированной финнами территории Карелии в 1941–1944 гг. (2013).

Мельнов А. В. Шведские гарнизоны Выборгской и Кексгольмских крепостей в 1710 г. (2013).

Мусаев В. И. Петроград как центр «красной» финской эмиграции (1918–1920). (2012).

Мусаев В. И. Роль Карельского укрепленного района в обеспечении безопасности Ленинграда в 1930-е гг. (2012).

Фокин В. И. Антифашистское движение и страны Северной Европы накануне Второй мировой войны. (2011).

Фокин В. И. Норвежско-российские общественные связи (середина ХХ – начало XXI в.). (2013).

Фокин В. И. Северная Европа и новый мировой порядок. (2012).

Шкваров А. Г. Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914–1918): проблемы взаимоотношений. (2012).

Шкваров А. Г. Российское казачество в Финляндии в период автономии 1809–1917 гг. (2010).

Шкваров А. Г. Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: проблемы взаимоотношений с местным населением. (2011).

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Бландов А. А. Служба духовенства на Балтийском флоте в годы Северной войны. (2013).

Геуст К.-Ф. Мины – на Кронштадт, бомбы – на Турку. (2012).

Геуст К.-Ф. Советская военно-морская база Порккала-Ууд в Финляндии (1944–1956 гг.). (2010).

Горелов В. В. Взгляды морских офицеров на проблему укрепления дисциплины на русском флоте в 1907–1914 гг. (2013).

Катцова М. А. «Коллективная небезопасность» Северной Европы: кризис сотрудничества Скандинавских стран и Финляндии осенью 1939 г. (2011).

Кондратенко Р. В. К вопросу о приобретении Россией подводной лодки Норденфельда. (2014).

Костюк А. В. Медицинское обеспечение российского флота при Петре Великом. (2010).

Лебедев А. А. «А как военное время наступило, то и... матросы... обучение получают»: проблемы боевой подготовки русского парусного флота на Балтике. (2012).

Лебедев А. А. Балтийский парусный флот в русско-шведских войнах XVIII – начала XIX в.: достижения и проблемы. (2013).

Лебедев А. А. Выборгское сражение 1790 г. в свете известного, но «недобного» источника. (2014).

Лебедев А. А. Петровский линейный корабль «Ингерманланд» в судьбах российского флота. (2011).

Лебедев А. А. Трофей Гангутского сражения прам «Элефант» – прототип «новоизобретенных» кораблей Черноморского флота. (2010).

Партала М. А. Деятельность русского командования по организации разведки на Балтийском морском театре в июле 1914 г. с привлечением судов частных пароходных компаний. (2012).

Партала М. А. Крейсерские операции русского флота в Западной Балтике в мае–июне 1916 года. К вопросу об оценках. (2014).

Петров П. В. Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935–1941 гг. (2011).

Петров П. В. Состояние командных кадров на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935 – начале 1941 г. (2013).

Петров П. В. Финская береговая оборона на Ладожском озере и борьба с ней Ладожской военной флотилии в период советско-финляндской войны. (2014).

Самыловская Е. А. Офицеры Балтийского Военно-морского флота в составе католической общины Санкт-Петербурга в первой трети XVIII в. (2014).

Славнитский Н. Р. Военное управление Кронштадта в первой половине XVIII в. (2013).

Славнитский Н. Р. Укрепления Кронштадта и их подготовка к обороне от шведского и английского флотов в 1720 г. (2012).

- Уйтто А.* Полуостров Ханко как роковой вопрос в 1939–1941 гг. (2012).
- Шлямина Е. О.* Роль Ф. М. Апраксина в организации и проведении обороны Санкт-Петербурга в годы Северной войны. (2014).
- Шрадер Т.А.* Балтийский поход фрегата «Архипелаг» в 1800 г. (по письмам гардемарина Дмитрия Михайловича Головнина). (2013).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

Базарова Т.А. Письма В.Л. Долгорукого из Копенгагена вице-канцлеру П. П. Шафирову в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. (2012).

Балашов Е. А. Роль Сергея-Йохана Фабрициуса в создании «линии Маннергейма». (2012).

Балашова К. С. Влияние договора о Дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. на становление советско-финляндских отношений в области культуры. (2011).

Балашова К. С. Становление финляндско-советского культурного сотрудничества в условиях формирования «Линии Паасикиви-Кекконена» (конец 1940-х – 1950-е гг.). (2010).

Барышников В. Н. Аншлюс Австрии и проблема советско-финляндских отношений накануне начала Второй мировой войны. (2011).

Барышников В. Н. Переписка Генштаба Красной Армии с командованием Ленинградского военного округа как источник по истории подготовки СССР осенью 1939 г. войны с Финляндией. (2012).

Барышников Н. И. Десять лет борьбы вокруг советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1948–1958 гг.). (2010).

Барышников Н. И. Из истории появления в Финляндии газеты «Кансан Утиссет». (2011).

Бекман Й. К проблеме существующих искажений в отражении истории «зимней войны» в финской историографии. (2011).

Бекман Й. Фальсификация истории Второй мировой войны в Финляндии. (2013).

Бородина Т.П. И. Е. Репин в финляндской прессе (1918–1930). (2011).

Бурков В. Г. Фалеристические памятники Северной войны. (2010).

Васара В.-Т. Развитие советско-германских отношений в 1920–1930-е гг. в представлениях финских крайне правых сил (по материалам право-радикальной прессы). (2014).

Веригин С. Г. Рейды партизан Карельского фронта на территорию Финляндии в 1942–1944 гг.: два взгляда на одну проблему. (2012).

Возгрин В. Е. Балтийский мир – результаты и перспективы научных исследований. (2013).

Возгрин В. Е. Датские историки XVII–XVIII вв.: начало пути к национальной позитивистской историографии. (2011).

Возгрин В. Е. Датский путь к деколонизации Гренландии: вызов современной колониальной идеологии и практике. (2010).

Возгрин В. Е. Корреспонденция Харальда и Анны Скавениусов как источник по истории Петербурга: События в России 1917 года глазами датского дипломата. (2014).

Дубровская Е. Ю. Отклик жителей Карелии на революционные события в Петрограде (весна – лето) 1917 года. (2014).

Дубровская Е. Ю. «Военное лихолетье» в Карелии: время в представлениях авторов православных изданий периода Первой мировой войны. (2013).

Дубровская Е. Ю. «Суровое прошлое» и «героические» образы времени: представления жителей Карелии о событиях Гражданской войны и иностранной интервенции. (2012).

Дубровская Е. Ю. Подготовка Ухтинского съезда представителей северокарельских волостей в 1920 г.: образы времени в документах карельского национального движения. (2011).

Жуков А. Ю. «Уезд» на Северо-Западе России в источниках XV–XVII вв. (2011).

Журавлев Д. А. События и образы советско-финляндской войны в фондах Военно-медицинского музея. (2013).

Журавлев Д. А. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. в воспоминаниях медиков. (2011).

Ивлева С. Е. Иллюстрированные издания о странах Северной Европы в собрании Евграфа Евграфовича Рейтерна. (2011).

Ивлева С. Е. Иллюстрированные издания о Финляндии в собрании петербургского коллекционера Е. Н. Тевяшова. (2010).

Кобленкова Д. В. В поисках героя: Карл XII в шведской художественной литературе (А. Стриндберг, В. фон Хейденстам, А. Энгстрём). (2011).

Кривдина О. А. Обзор датских научных каталогов по скульптуре (1995, 2002 гг.). (2014).

Кривдина О. А. Русско-шведские военные мотивы в скульптуре XVIII в. (2010).

Кривдина О. А. Русско-шведский аспект «Записок о войне с Наполеоном в 1807 г.» Л. Л. Беннигсена. (2012).

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Хисториалинен Айкаакусирья». (2014).

Малануха Д. В. Фонды Ленинградского областного государственного архива в Выборге как источники по истории таможенной службы Великого княжества Финляндского. (2013).

Орфинская Л. В. Тюремное строительство как составная часть реализации пенитенциарной реформы в Великом княжестве Финляндском. (2010).

Славинитский Н. Р. Воинские праздники и церемонии в Санкт-Петербурге, связанные с Полтавской битвой. (2010).

Уитто А. «Линия Маннергейма» — легенда «зимней войны» 1939–1940 гг. (2011).

Уитто А. Финская литература в СССР в 1918–1944 гг. (2010).

Шкваров А. Г. Метрические книги православных церквей Финляндии как источник по истории русских гарнизонов Великого княжества 1809–1917. (По материалам Национального архива Финляндии). (2013).

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Александрова Л. Б. Ампир в архитектуре Финляндии. (2010).

Александрова Л. Б. Классицизм в архитектуре Финляндии второй половины XVIII века. Густавианский период (1775–1809). (2011).

Балаценко Ю. Д. История старейшего советского музея на бывшей территории Финляндии. (2013).

Балаценко Ю. Д. Картина И. Е. Репина «Финские знаменитости». Взаимодействие двух культур. (2014).

Белкина Н. В. К вопросу о финской антропонимике. (2010).

Бурков В. Г. Герб Карелии в государственных символах Финляндии. (2013).

Бурков В. Г. Изображение льва в государственной символике Финляндии. (2012).

Бурков В. Г. Солярный символ в государственных знаках Финляндии. (2011).

Васильева М. Н. Анималистическая скульптура в творчестве керамиста М. Шилкина. (2010).

Векшин А. П. Исторический вид города Ниена и крепости Ниеншанц. (2012).

Галинова А. М. Петербург, Выборг, Новгород начала XIX в. глазами Аделаиды фон Хаусвольф. (2014).

Жаров Б. С. Норвежский роман об истории Северо-Запада Руси IX века. (2013).

Жаров Б. С. Скандинавская составляющая петербургского балета. (2011).

Ивлева С. Е. Иллюстрированные издания о странах Северной Европы в книжном собрании принца Петра Георгиевича Ольденбургского. (2012).

Кириленко И.В., Пааскари Т.В. Историческая оценка дизайна Скандинавских стран и Финляндии. (2010).

Кривдина О.А. Из истории создания Музея античности в Королевском дворце Стокгольма. (2011).

Макуров В.Г. О религиозной ситуации на оккупированной финнами территории Карелии. 1941–1944 гг. (2012).

Мусаев В.И. Коневский монастырь — православный центр в финляндской Карелии. (2013).

Пааскари Т.В., Кириленко И.В. Историческая оценка дизайна Скандинавских стран и Финляндии. (2010).

Суворова Л.В. Батальные сюжеты в живописи Г. Бакмансона (1860–1953). (2013).

Суворова Л.В., Уланов В.П. О работе над бюстом финского графика и монументалиста Тапио Тапиохаары (1908–1982). (2010).

Уланов В.П., Суворова Л.В. О работе над бюстом финского графика и монументалиста Тапио Тапиохаары (1908–1982). (2010).

Фруменкова Т.Г. Петербургские финны и столичный воспитательный дом (первая половина XIX в.). (2014).

Фруменкова Т.Г. Русско-скандинавские контакты в истории воспитательных домов (вторая половина XVIII – начало XX в.). (2010).

Цоффка В. В. А. С. Пушкин как «маймист». (2010).

Шкарковский М. В. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь в 1940-е годы. (2013).

Шкарковский М. В. Трифоново-Печенгский монастырь в 1939–1944 гг. (2014).

Шкарковский М. В. Финляндская православная церковь в годы Второй мировой войны. (2012).

Шрадер Т. А. Визиты российских ученых-этнографов в Швецию (начало XX века). (2014).

Шрадер Т. А. Все на лыжи, как скандинавы (лыжный спорт в России, конец XIX – начала XX в.). (2011).

**ARTICLES PUBLISHED
IN VI–X VOLUMES “SAINT PETERSBURG
AND NORTHERN EUROPEAN COUNTRIES” (2010–2014)**

PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY

- Aleksandrova L.B.* Theodore Hoyer – the architect (1843–1910). (2013).
- Bäckman J.* The Activities of Reinhard Heydrich’s Widow in Helsinki in the 1960s. (2014).
- Balacenko Y.D.* Baron Emil Sederkreutz – a True European from the Finnish Countryside. (2014).
- Baryshnikov V.N.* Caesar Filippovich Ordin – the first native investigator of Russian-Finnish relations. (2013).
- Bazarova T.A.* The first Russian Vice-Chancellor P.P. Shafirov in reports and correspondence notes of the west European diplomats. (2011).
- Bazarova T.A.* The Vice-Chancellor P.P. Shafirov’s residence on Gorodskoy Island in Petersburg: 1710–1720. (2010).
- Beloserov B.P., Molyarov V.N.* PhD in History, Professor Nikolai Ivanovich Baryshnikov. (2012).
- Borodina T.P.* I.E. Repin during his Finnish period 1918–1930. (2010).
- Borodina T.P.* The Finnish Detective police supervision for I.E. Repin and his family (based on the materials of the Finnish National Archives). (2011).
- Fokin V.I.* The founder of scientific school of the new history in Russian-Finnish relations. (2012).
- Geust K.F.* Soviet prisoners of war in Finnish Army in 1939–1940s. (2011).
- Ivleva S.E.* Engraver-illustrator George Deriker (1821 /?/ – 1847). (2014).
- Kent N.* The Englishman Josef Acherbi impressions on Lapland in the end of XVIII century. (2011).
- Kovalenko G.M.* The war of 1812 through the eyes of the Finnish student. (2013).

- Kovalenko G.* Suvorov in Finland in 1791–1792. (2014).
- Krivosheev Ju. V.* Professor N. I. Baryshnikov, Scandinavian countries researcher — the scientist and the man. (2012).
- Molyarov V.N., Beloserov B.P.* PhD in History, Professor Nikolai Ivanovich Baryshnikov. (2012).
- Musaev V.I.* The case of repatriation of Finnish citizens from Russia after 1917. (2010).
- Musaev V.I.* The First Orthodox Finnish Archbishop Antony (Vadkovsky): Biographical Traits. (2014).
- Shrader T.A.* Tillanders family of Finnish jewellers in Saint-Petersburg (XIX — the beginning of XX century). (2010).
- Sofronova Z.N.* Attitudes and spirits in Finnish army on interrogations of prisoners of war captured on the territory of Karelia by guerillas groups (during the period of 1942–1944). (2011).
- Vasara V.-T.* The President of Finland K. Yu. Stolberg abduction by lapuaskoye movement activists in October 1930: causes and consequences. (2013).
- Vassoevitch A.L.* Scientific will of Professor N.I. Baryshnikov. (2012).
- Vavulinskaya L.V.* Foreign prisoners of war in Karelia in the second half of 1940th (on the materials of Pudozhskiy region). (2011).
- Zharov B.S.* A telegraphist — a translator — a writer — a public figure: P. G. Ganzen in Saint-Petersburg. (2010).
- Zharov B.S.* Nordist Philologist Liudmila Y. Braude. To the 85 anniversary. (2014).

ECONOMICS, WAR AND POLITICS

- Badanov V.G., Koralev N.A.* The problem of accepting the Finnish agricultural experience by olonezkiy zemstvo (country council) while performing the reforms of P. A. Stolypin. (2011).
- Baryshnikov V.N.* About the political role of the finnis Waffen-SS for the German-Finnish cooperation. (2014).
- Baryshnikov V.N.* Assessment of Soviet attack on Karelian Isthmus 10–20 June 1944 in Finnish army. (2012).
- Baryshnikov V.N.* Formation and collapse of “The Society of peace and friendship with the USSR” in Finland in 1940. (2010).
- Baryshnikov V.N.* On the question of bombing the Leningrad’s district from Finnish territory 22–23 of June 194. (2011).
- Bazarova T.A.* Visits of foreign embassies to Ingbermanland in 1703–1704. (2013).
- Beloserov B.P.* NKVD Internal Troops the first months of the war in Karelia: Problems and Experience. (2014).

Beloserov B.P. Soviet-Finnish frontier in midwar period (12.03.1940–22.06.1941): problems of formation and enhancing security. (2013).

Dubinko-Guschya E. O. Transformation of doctrinal basis of Danish foreign policy in the second half of the XX – in the beginning of XXI centuries. (2012).

Dubinko-Guschya E. O. Contribution to mankind global problems solving as the priority orientations of Denmark foreign policy in the second half of XX – beginning of XXI centuries. (2013).

Dubrovskaya E. Yu. National armed groups in Karelia during the Civil War: the experience of 1918. (2010).

Fokin V. I. Anti-fascist movement and North European countries on the eve of the World war II. (2011).

Fokin V. I. Northern Europe and new global order. (2012).

Fokin V. I. Norwegian-Russian intercourse (middle of XX – beginning of XXI centuries). (2013).

Katzova M. A. “Economic scandinavism” of the North Europe in 1920–1930s and Oslo group. (2010).

Katzova M. A. The USSR in League of Nations: welcome guest or implicit threat? (On issue of formulation case and standing by Scandinavian countries and Finland). (2013).

Kent N. “The era of freedom” and Russian-Swedish relations. (2012).

Kent N. Collapse of absolutism and the beginning of “the era of freedom” in Sweden in XVIII century. (2013).

Kobzareva E. I., Kovalenko G. V. Diplomatic etiquette, issue on dignity, and dialogue in preparing to war conditions and break of diplomatic relations: Sweden embassy in Moscow in 1655–1656. (2013).

Korablev N. A., Badanov V. G. The problem of accepting the Finnish agricultural experience by olonezkiy zemstvo (country council) while performing the reforms of P. A. Stolypin. (2011).

Kovalenko G. V., Kobzareva E. I. Diplomatic etiquette, issue on dignity, and dialogue in preparing to war conditions and break of diplomatic relations: Sweden embassy in Moscow in 1655–1656. (2013).

Krivosheev Ju. V. Reconstruction of industrial potential of Karelian Isthmus in 1940th and human factor. (2011).

Krotov P. A. Peter the First retrenchment in the Poltava Battle field. (2012).

Laidinen E. P., Verigin S. G. Finnish population in Karelia in the beginning of the Great Patriotic War. (2012).

Makurov V. G. Ethnodemographic situation on Karelian territory occupied by Finns 1941–1944. (2013).

Makurov V. G. Karelia in war: 1944 – liberation. (2010).

- Makurov V. G.* Karelia on the final stage of the Great Patriotic war 1944–1945. (2011).
- Mel'nov A. V.* Vyborg and Keksgolm fortresses Swedish guard in 1710. (2013).
- Musaev V.I.* Petrograd as the centre of “red” Finnish emigration (1918–1920). (2012).
- Musaev V.I.* The role of Karelian fortified region providing safety for Lenin-grad in 1930s. (2012).
- Shkvarov A. G.* Population of Finland and Russian military reservations during the First World War (1914–1918): the problems of cooperation. (2012).
- Shkvarov A. G.* Russian Cossacks in Finland during the autonomy period of 1809–1917. (2010).
- Shkvarov A. G.* Russian Garrisons in Grand Duchy of Finland: the problems in relationship with local population. (2011).
- Vasara V.-T.* “New” activism in Finland in the years of the First World War. (2012).
- Vasara V.-T.* Attitude of Finnish public to Russians on the eve of “the winter war”. (2011).
- Vasara V.-T.* The religious aspect of the National-Patriotic movement’s ideas (IKL party). (2010).
- Verigin S. G.* Finnish security schools on Karelian occupied territory in 1941–1944. (2013).
- Verigin S. G., Laidinen E. P.* Finnish population in Karelia in the beginning of the Great Patriotic War. (2012).
- Vozgrin V. E.* Disappeared islands (Scandinavian West-India). (2012).
- Zhukov A. Yu.* Karelia in Russian-Finnish relations and contacts in XIV–XVI centuries. (2010).
- Zhuravlev D. A.* Leningrad’s Medical institutions after finishing the Soviet-Finnish war: advantages and disadvantages. (2012).
- Zhuravlev D. A.* Organizing social aid for disabled veterans of Soviet-Finnish war of 1940–1941. (2010).
- Zhuravlev D. A.* The fates of Finnish citizens in the documents of medical service of the Red Army of 1941–1945. (2014).

THE BALTIC SEA: COOPERATION AND CONFRONTATION

- Blandov A. A.* Clergy service at Baltic Navy during the Northern war. (2013).
- Geust K.-F.* Mines on Kronstadt, bombs on Turku. (2012).
- Geust K.-F.* Soviet Naval base Porkkala-Uud in Finland (1944–1956). (2010).

Gorelov V. V. Naval officers' view on the problem of strengthening discipline at Russian Navy in 1907–1914. (2013).

Katzova M. A. “Collective insecurity” of Northern Europe: the crisis of cooperation between Scandinavian countries and Finland in autumn of 1939. (2011).

Kondratenko R. V. To a question about purchase by Russia of submarine Nordenfeldt. (2014).

Kostyuk A. V. Medical treatment support of the Russian Nave in times of Peter the Great. (2010).

Lebedev A. A. “As war time comes... then sailors get lessons...”: the problems of battle training of the Russian sailing fleet in the Baltic Sea. (2012).

Lebedev A. A. Baltic sailing fleet in Russain-Swedish wars in XVIII – beginning of XIX centuries: problems and achievements. (2013).

Lebedev A. A. Gangut's battle trophy: pram (artillery ship) “Elephant” – prototype of “newly invented” ships of the Black sea Navy. (2010).

Lebedev A. A. Peter's battleship “Ingermanland” in the fate of Russian Navy. (2011).

Lebedev A. A. The Vyborg battle 1790, in the light of Known but the “Inconvenient” source. (2014).

Partala M. A. Russian command activity on organizing intelligence on the Baltic theatre of naval operations in June 1914 attracting water crafts of private shipping companies. (2012).

Partala M. A. Cruiser operations of Russian fleet in the western Baltic in May – June 1916. About estimations. (2014).

Petrov P. V. Finnish coastal defense on Lake Ladoga and struggle of soviet Ladoga flotilla against it during the Soviet-Finnish war. (2014).

Petrov P. V. Operative planning on decorated with the order of Red Banner Baltic Navy in 1935–1941. (2011).

Petrov P. V. Situation with Commanding at the decorated with the Order of the Red Banner Baltic Navy in 1935 – beginning of 1941. (2013).

Samylovskaia E. A. The Baltic Navy officers as a part of the catholic community in Saint-Petersburg in the first third of the eighteenth century. (2014).

Shliamina E. O. F. M. Apraksin's role in the organization and carrying out defense of St. Petersburg in the years of Northern war. (2014).

Shrader T. A. Baltic crusade of destroyer leader “Archipelago” in 1800 (based on the letters of naval-cadet Dmitry Mihaylovich Golovnin). (2013).

Slavniitskiy N. R. Fortified region in Kronshtadt and preparation for defense from Swedish and English navy in 1720. (2012).

Slavniitskiy N. R. Military and Naval administration of Kronshtadt in the first half of XVIII century. (2013).

Uitto A. Peninsula Hanko as fatal issue in 1939–1941. (2012).

HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS

Bäckman J. On the question of existing misrepresentation reflecting the history of “winter war” in Finnish historiography. (2011).

Bäckman J. Perversion of history of the Second World War in Finland. (2013).

Balashov E. A. Sergei Johan Fabricius’ role in forming “Mannerheim line”. (2012).

Balashova K. S. Establishing Finnish-Soviet cultural cooperation in conditions of forming “Paasikivi–Kekkonen line” (the end of 1940th–1950^s). (2010).

Balashova K. S. The impact of the Treaty on Friendship, cooperation and mutual aid of 1948 for establishing Finnish-Soviet cooperation in cultural sphere. (2011).

Baryshnikov N. I. Glimpses of history of appearance in Finland the newspaper “Kansan Uutiset”. (2011).

Baryshnikov N. I. Ten years debates and fighting over Soviet-Finnish treaty on friendship, cooperation and mutual help (1948–1958). (2010).

Baryshnikov V. N. Anchluss of Austria and Russian-Finnish relations problem on the eve of the World War II. (2011).

Baryshnikov V. N. Correspondence between General Headquarters of the Red army and Leningrad military command as a source on the issue of preparation of the USSR in autumn of 1939 to the war with Finland. (2012).

Bazarova T. A. Letters by V. L. Dolgorukiy from Copenhagen to vice-chancellor P. P. Shafirov in Scientific-Historical Archives of Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science. (2012).

Borodina T. P. I. E. Repin in Finnish press, periodicals 1918–1930. (2011).

Burkov V. G. Faleristic artefacts and commemoratives of the Northern war. (2010).

Dubrovskaya E. Ju. Preparing for Uhninskiy congress of representatives of North Karelian volost (district) in 1920: the time period images in documents of Karelian national movement. (2011).

Dubrovskaya E. Ju. Response of the Population of Karelia to the Events of the Russian Revolution in Petrograd (Spring – Summer 1917). (2014).

Dubrovskaya E. Y. «Severe past» and «heroic» images of time: ideas of Karelian citizens about the events of the Patriotic war and foreign intervention. (2012).

Dubrovskaya E. Yu. «Military iron age» in Karelia: this age in views of authors of Orthodox publishing in the First World War period. (2013).

Ivleva S. E. Illustrated editions about Finland in Petersburg collector E. N. Tevyashov's assemblage. (2010).

Ivleva S. E. Illustrated editions about North European countries in Evgraf Evgrafovitch Reitren's assemblage. (2011).

Koblenkova D. V. Searching for the hero: Carl XII in Swedish fiction literature (A. Strindberg, V. von Heidenstam, A. Engstrom). (2011).

Krividina O. A. Danish sculpture scientific catalogs review (1995, 2002). (2014).

Krividina O. A. Russian-Swedish aspect in "Notes on Napoleon war in 1807" by L. L. Benningsen. (2012).

Krividina O. A. Russian-Swedish military motifs in sculpture in the XVIII century. (2010).

Lobanova D. R. The civil war in Finland on the pages of the magazine «Historiallinen aikakauskirja». (2014).

Malanukha D. V. Leningrad's region state Achieves funds in Vyborg as sources on history of customs service of Finnish Grand principedom. (2013).

Orfinskaya L. V. Prison facilities construction as component of realization of penal reform in Grand principedom of Finland. (2010).

Shkvarov A. G. Metric Orthodox churches books of Finland as a source on history of Russian permanent posts of Grand principedom. 1809–1917. (Based on materials of the National Archives of Finland) (2013).

Schrader T. A. Visiting Russian ethnographers Sweden (beginning of XX century) (2014)

Slavnitskiy N. R. Military holidays and ceremonies devoted and connected with Poltavskaya battle in Saint-Petersburg. (2010).

Uitto A. "Mannerheim line" – the legend of "the winter war" 1939–1940. (2011).

Uitto A. Finnish literature in the USSR in 1918–1944. (2010).

Verigin S. G. Guerillas raids of the Karelian front to Finnish territory in 1942–1944: two points of view to the same question. (2012).

Vozgrin V. E. Baltic world – results and prospects of scientific research. (2013).

Vozgrin V. E. Danish historians of XVII–XVIII centuries: the first steps to national positivist historiography. (2011).

Vozgrin V. E. Danish way to decolonization of Greenland: challenge to modern colonial ideology and practice. (2010).

Zhukov A. Ju. "Parish" in the Northwest of Russia in sources of XV–XVII centuries. (2011).

Zhuravlev D. A. Events and images of Soviet-Finnish war in Military-medicine museum's funds. (2013).

Zhuravlev D. A. Soviet-Finnish war 1939–1940 in medical's memories. (2011).

SCIENCE, CULTURE AND RELIGION

- Aleksandrova L. B.* Classic style in Finnish architecture in the second half of the XVIII century. Gustavian period (1775–1809). (2011).
- Aleksandrova L. B.* Empire style in Finnish architecture. (2010).
- Balacenko Yu. D. I. E.* Repin's painting "The Great Men of Finland". Interaction of two cultures. (2014).
- Balazenko Yu. D.* History of the oldest soviet museum on former territory of Finland. (2013).
- Belkina N. V.* Revisited Finnish antroponomics. (2010).
- Burkov V. G.* Depicting of lion in state symbols of Finland. (2012).
- Burkov V. G.* Karelian emblem in state symbols of Finland. (2013).
- Burkov V. G.* Solar symbol in state signs of Finland. (2011).
- Frumenkova T. G.* Russian-Scandinavian contacts in history of foster homes (second half of XVIII – the beginning of XX centuries). (2010).
- Frumenrova T. G.* St. Petersburg Finns and the capital foundling house (the first part of XIX century). (2014).
- Galinova A. M.* Saint-Petersburg, Vyborg, Novgorod at the beginning od the 19-th century through the eyes of Adelaide fon Hausvolf. (2014).
- Ivleva S. E.* Illustrated edition about North European countries in bibliotheca of Prince Petr Georgievitch Oldenburgskiy. (2012).
- Kirilenko I. V., Paaskari T. V.* Historical conceptualization of design in Scandinavian countries and Finland. (2010).
- Krivdina O. A.* From the history of establishing the antiquity museum in Royal Palace in Stockholm. (2011).
- Makurov V. G.* On religious situation on the Karelian territory occupied by Finns 1941–1944. (2012).
- Musaev V. I.* Konevskiy monastery – Orthodox center in Finnish Karelia. (2013).
- Paaskari T. V., Kirilenko I. V.* Historical conceptualization of design in Scandinavian countries and Finland. (2010).
- Shkarovskii M. V.* Trifono-Pechengsky monastery in 1939–1944's. (2014).
- Shkarovskiy M. V.* Finnish orthodox church during the Second World War. (2012).
- Shkarovskiy M. V.* Savior-Preobrazhensky Valaam monastery in 1940^s. (2013).
- Shrader T. A.* Everybody start skiing as Scandinavians (skiing sport in Russia in the end of XIX – the beginning of XX centuries). (2011).
- Suvorova L. V.* Battle scenes in painting of G. Bakmanson (1860–1953). (2013).

Suvorova L. V., Ulanov V. P. On work over bust of Finnish graphic and monumental painter Tapio Tapiovaare (1908–1982). (2010).

Ulanov V. P., Suvorova L. V. On work over bust of Finnish graphic and monumental painter Tapio Tapiovaare (1908–1982). (2010).

Vasilieva M. N. Animalistic sculpture in ceramist M. Shilkin creative work. (2010).

Vekshin A. P. Historical view of Nien and Fortress Nienshanz. (2012).

Zharov B. S. Norwegian novel about history of North-East of Russia of IX century. (2013).

Zharov B. S. Scandinavian component of Petersburg ballet. (2011).

Zoffka V. V. A. S. Pushkin as “maimist” (Petersburg nickname for Finns). (2010).

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базарова Татьяна Анатольевна, к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Балащенко Юрий Дмитриевич, Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты»

Барышников Владимир Николаевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Бекман Йохан, д. н., доцент Хельсинкского университета

Белозеров Борис Петрович, д. и. н., к. ю. н., профессор Санкт-Петербургской Академии управления и экономики

Васара Виена-Тули, Русская христианская гуманитарная академия

Возгрин Валерий Евгеньевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Галинова Анастасия Михайловна, к. филол. н., Государственный архив Новгородской области

Дубровская Елена Юрьевна, к. и. н., Карельский научный центр РАН

Жаров Борис Сергеевич, к. филол. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Журавлёв Дмитрий Александрович, к. и. н., Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга

Ивлева Светлана Евгеньевна, Государственный Русский музей

Коваленко Геннадий Михайлович, к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Кондратенко Роберт Владимирович, к. и. н., издательство «Гангут»

Кривдина Ольга Алексеевна, к. иск., профессор кафедры Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина РАХ

Лебедев Алексей Анатольевич, к. и. н., Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Лобанова Дарья Ростиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет

Мусаев Вадим Ибрагимович, д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Партала Михаил Анатольевич, к. т. н., доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета

Петров Павел Владимирович, к. и. н., Государственный музей-заповедник «Петергоф»

Самыловская Екатерина Анатольевна, Санкт-Петербургский государственный университет

Фруменкова Татьяна Георгиевна, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Шкаровский Михаил Викторович, д. и. н., Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Шлямина Екатерина Олеговна, Санкт-Петербургский государственный университет

Шрадер Татьяна Алексеевна, к. и. н., Музей антропологии и этнографии РАН

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bazarova Tatiana Anatol'evna, candidate of historical science, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science

Balaenko Yury Dmitriyevich, I. E. Repin memorial estate “Penaty”

Baryshnikov Vladimi Nikolayevich, PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Bekman Johan, PhD in History, assistant professor of Helsinki University

Belozerov Boris Petrovich, PhD in History, Saint-Petersburg Academy of management and economics

Vasara Viena-Tuli, Saint-Petersburg State University

Vozgrin Valeriy Evgeniyevich, PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Galinova Anastasia Mihailovna, PhD in Philology, the State Archives of Novgorod's region

Dubrovskaya Elena Yurievna, candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science

Zharov Boris Sergeevich, professor of Saint-Petersburg State University

Zhuravlyov Dmitry Aleksandrovich, candidate of historical science, Saint-Petersburg Military-Medical museum

Ivleva Svetlana Evgenievna, the State Russian museum

Kovalenko Gennadiy Mikhailovich, candidate of historical science, assistant professor of Novgorod University named after Yaroslav I the Wise

Kondratenko Robert Vladimirovitch, candidate of historical science, “Gangut” publishing house

Krividina Olga Alekseevna, candidate of arts, professor of Repin's academy of arts
Lebedev Aleksey Anatoliyevich, candidate of historical science, Saint-Petersburg State University of cinema and television
Lobanova Daria Rostislavovna, Saint-Petersburg State University
Musaev Vadim Ibragimovich, PhD in History, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science
Partala Michail Anatolievitch, candidate of technical science, Saint-Petersburg State Electrotechnic University
Petrov Pavel Vladimirovich, candidate of historical science, State Reserve museum "Peterhof"
Samiylovskaya Ekaterina Anatolievna, Saint-Petersburg State University
Frumenkova Tatiana Georgievna, candidate of historical science, Russian state pedagogical university named after A.I. Gerzen
Shkarovskiy Mikhail Viktorovich, PhD in History, Saint-Petersburg Central State Archives
Shlyamina Ekaterina Olegovna, Saint-Petersburg State University
Shrader Tatiana Alekseevna, candidate of historical science, Museum of anthropology and ethnography of Russian Academy of Science

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Preface	9
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ	
СВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ	11
Г. М. Коваленко	
А. В. Суворов в Финляндии в 1791–1792 гг.	12
С. Е. Ивлева	
Забытый гравер-иллюстратор	
Георгий Дерикер (1821/?–1847)	21
Ю. Д. Балащенко	
Барон Эмиль Сёдеркрайтц –	
«истинный европеец» из финской глубинки	27
Б. С. Жаров	
Людмила Юльевна Брауде – филолог-скандинавист.	
К 85-летию со дня рождения	38
В. И. Мусаев	
Первый православный финляндский архиепископ	
Антоний (Вадковский): штрихи к биографии	44
Й. Бекман	
Пронацистская деятельность вдовы Ренхардха Гейдриха	
в Хельсинки в 1960-х гг.	56
ЭКОНОМИКА, ВОЙНА	
И ПОЛИТИКА	65
Т. А. Базарова	
Несостоявшийся визит Карла XII в Санкт-Петербург:	
Проект возвращения короля из Османской империи	
в Швецию через Российское государство (1711)....	66

<i>Б. П. Белозеров</i>		
Войска охраны тыла фронта в первые полгода войны в Карелии: проблемы и опыт использования	78	
<i>Д. А. Журавлев</i>		
Судьбы граждан Финляндии в документах медицинской службы Красной армии 1941–1946 гг.	84	
<i>В. Н. Барышников</i>		
О политическом значении создания финских подразделений СС для германо-финляндского сотрудничества	91	
 БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:		
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ		101
<i>Е. О. Шлямина</i>		
Роль Ф. М. Апраксина в организации и проведении обороны Санкт-Петербурга в годы Северной войны	102	
<i>А. А. Лебедев</i>		
Выборгское сражение 1790 г. в свете известного, но «неудобного» источника	106	
<i>Е. А. Самыловская</i>		
Офицеры Балтийского Военно-морского флота в составе католической общины Санкт-Петербурга в первой трети XVIII века.....	117	
<i>М. А. Партала</i>		
Крейсерские операции русского флота в Западной Балтике в мае–июне 1916 года. К вопросу об оценках	124	
<i>Р. В. Кондратенко</i>		
К вопросу о приобретении Россией подводной лодки Норденфельда	142	
<i>П. В. Петров</i>		
Финская береговая оборона на Ладожском озере и борьба с ней Ладожской военной флотилии в период советско-финляндской войны.....	152	
 ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ,		
ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ.....		165
<i>В. Е. Возгрин</i>		
Корреспонденция Харальда и Анны Скавениусов как источник по истории Петербурга: События в России 1917 года глазами датского дипломата	166	

<i>E. Ю. Дубровская</i>	
Отклик жителей Карелии на революционные события в Петрограде (весна–лето) 1917 года.....	186
<i>Д. Р. Лобанова</i>	
Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Хисториалинен Айкаакаускиръя».....	197
<i>B.-T. Bacara</i>	
Развитие советско-германских отношений в 1920–1930-е гг. в представлении финских крайне правых сил (по материалам праворадикальной прессы)	209
<i>О. А. Криевина</i>	
Обзор датских научных каталогов по скульптуре (1995–2002 гг.)	220
НАУКА, КУЛЬТУРА	
И РЕЛИГИЯ.....	225
<i>M. В. Шкаровский</i>	
Трифоно-Печенгский монастырь в 1939–1944 гг.....	226
<i>T. Г. Фруменкова</i>	
Петербургские финны и столичный воспитательный дом (первая половина и середина XIX в.)	232
<i>A. М. Галинова</i>	
Петербург, Выборг, Новгород начала XIX в. глазами Аделаиды фон Хаусвольф	244
<i>T. A. Шрадер</i>	
Визиты российских ученых-этнографов в Швецию (начало XX века)	255
<i>Ю. Д. Балащенко</i>	
Картина И. Е. Репина «Финские знаменитости». Взаимодействие двух культур.....	260
Резюме / Abstract	278
Статьи, опубликованные в сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (2010–2014 гг.)	300
Articles published in VI–X volumes “Saint Petersburg and Northern European Countries” (2010–2014)...	309
Краткие сведения об авторах	318
Information about authors.....	320

CONTENTS

Preface	9
PEOPLE AND EVENTS	
THROUGH THE PRISM OF HISTORY	11
<i>G. M. Kovalenko</i>	
A. V. Suvorov in Finland in 1791–1792	12
<i>S. E. Ivleva</i>	
Forgotten printmaker-illustrator	
Georgiy Deriker (1821/? – 1847)	21
<i>Yu. D. Balazenko</i>	
Baron Emil Syoderkroyz –	
“genuine European” from Finnish province.....	27
<i>B. S. Zharov</i>	
Lyudmila Yulievna Braude — philologist. Scandinavianist.	
To 85 th anniversary of her birthday	38
<i>V. I. Musaev</i>	
The first Orthodox Finnish archbishop Antoniy (Vadkovskiy):	
keys to biography	44
<i>Yi. Bekman</i>	
Pro-Nazi activities by widow of Renhard Geidrich	
in Helsinki in 1960s	56
ECONOMICS,	
WAR AND POLITICS	65
<i>T. A. Bazarova</i>	
Karl XII failed visit to Saint-Petersburg:	
The plan of king’s return from Ottoman empire	
through the Russian state territory (1711)	66
	325

<i>B. P. Beloserov</i>		
Rear area defense forces in half of the first year during Karelian war: problems and usage experience	78	
<i>D. A. Zhuravlev</i>		
Finnish citizens fates in documents of the Red Army medical corps 1941–1946.....	84	
<i>V. N. Baryshnikov</i>		
On political importance of forming Finnish SS subunits for German-Finnish cooperation	91	
 THE BALTIC SEA:		
COOPERATION AND CONFRONTATION.....		101
<i>E. O. Shlyamina</i>		
The role of F. M. Apraksin in organization and realization of Saint-Petersburg defense during the Northern war	102	
<i>A. A. Lebedev</i>		
Vyborgskoe combat 1790 within the meaning of well-known but “uneasy” source.....	106	
<i>E. A. Samylovskaia</i>		
Baltic Navy officers as part of Saint-Petersburg Catholic community in the first quarter of XVIII century	117	
<i>M. A. Partala</i>		
Cruisers operations of the Russian navy i n Western Baltic in May-June 1916. On the question of review	124	
<i>R. V. Kondratenko</i>		
On the question of taking possession of submarine Nordenfeld by Russia	142	
<i>P. V. Petrov</i>		
Finnish coastal defense on Ladoga Lake and Ladozhskiy fleet battle with it in Soviet-Finnish war period	152	
 HISTORICAL SOURCES,		
OPINIONS AND ESTIMATIONS.....		165
<i>V. E. Vozgrin</i>		
Harald and Anna Skavenius correspondence as a source on Petersburg's history: Events in Russia 1917 through diplomat's eyes.....	166	
<i>E. Yu. Dubrovskaya</i>		
Karelian residents response to revolution events in Petrograd (spring-summer) 1917	186	

<i>D. R. Lobanova</i>	
The Civil war in Finland on journal “Historiallinen Aykakauskiriya” pages.....	197
<i>V.-T. Vasara</i>	
The development of Soviet-German relations in 1920–30s in Finnish extreme right-wing’s impressions (based on materials of extreme right press)	209
<i>O. A. Kriydina</i>	
Review of Danish scientific catalogues on sculpture (1995–2002)	220
SCIENCE, CULTURE AND RELIGION.....	
	225
<i>M. V. Shkarovskiy</i>	
Trifono-Pechengskiy monastery in 1939–1944	226
<i>T. G. Frumenkova</i>	
Petersburg Finns and capital foster home (the first half and middle of the XIX century).....	232
<i>A. M. Galinova</i>	
Petersburg, Vyborg, Novgorod in the beginning of XIX century through Adelaida fon Hausvolf eyes.....	244
<i>T. A. Shrader</i>	
Russian scientists – ethnographies’ visits to Sweden (the beginning of XX century)	255
<i>Yu. D. Balazenko</i>	
Repin’s picture “Finnish famous people”. Interaction of two cultures.....	260
Resumes / Abstract	278
Articles published in VI–X volumes “Saint Petersburg and Northern European Countries” (2010–2014)	309
Information about authors.....	320

Научное издание

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
и
СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ**

Материалы Пятнадцатой ежегодной
международной научной конференции

Художник *О.Д. Курта*
Верстка *Т.О. Прокофьевой*
Корректор *Н.Э. Тимофеева*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 18.02.2014.

Формат 60 × 84 1/16. Бум. офсетная. Гарнитура Octava.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5.

Тираж 1000 экз. Заказ №109

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,
Издательство Русской христианской гуманитарной академии.
Тел.: (812) 310-79-29; факс: (812) 571-30-75
E-mail: rhpublisher@gmail.com. URL: <http://rhga.ru>

Отпечатано в типографии «Литография»
191119, С.-Петербург, Днепропетровская ул., д. 8